

ЗВЕЗДА МАРИИ

Роман-сказка

- ГЛАВА ПЕРВАЯ.** Как и с чего всё началось.
ГЛАВА ВТОРАЯ. О пользе учения.
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Выходя, будь готов, что не сможешь вернуться.
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. Первые шаги в Подземьи.
ГЛАВА ПЯТАЯ. Пограничные царства.
ГЛАВА ШЕСТАЯ. В глубинах Нави.
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Бой в долине вулкана.
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Сквозь живой лабиринт.
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Блаженный Ир.
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Мировое Древо, Анадырь и Великий суд.
ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ. В Стране рударей.
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. Под двумя лунами.
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. Всенародное самовластие в действии.
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. Зайти не знамо куда, и взять не вемо что.
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. Конец Колоруда.
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. Ягийское царство.
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ. На летающем корабле.
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. Великая владычица и её прорицательницы.
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. Ночь, в которую никто не спал.
ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ. Рука провидения.
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ. Обычная история.
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ. Беловодная земля.
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ. Севернее Севера и южнее Юга.
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. Колодец горной крепости.
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ. Звезда Марии.
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ. Как и чем всё кончилось.
Эпилог.
Книга Словеней памяти.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Как и с чего всё началось.

Когда родители отправляют ребёнка на каникулы к бабушке, они просто умучивают его наставлениями. Пока складываются вещи, мама и папа не замолкают. Чего только не наговорят, о чём не напомнят! И про умывание, и про тёплые носки, и про то, с кем там дружить, а от чего отказываться категорически.

Маша вначале поддакивала, потом немного разозлилась, даже чуть-чуть поспорила. Однако, в конце концов, смирилась. Пусть поучают, если они по-другому не могут! Только с чего так волноваться? Она же не маленькая – в марте тринадцать лет исполнилось. И уже два раза Маша проводила летние каникулы в лагерях. Без родителей. И ничего страшного не приключалось. А тем более – в деревню к бабушке. Это ж не одной среди чужих.

И ладно бы, одна мама нервничала, а с чего и папа-то суетился? Ведь бабушка Параскева Ильинична – его тётка. Старшая сестра его мамы. Папа сам в детстве почти каждое лето у неё гостил. И рассказывал, какая «баба Паря» чудесная. Весёлая, заботливая. И мудрая: много-много сказок, былин и пословиц знает. И даже травами умеет лечить. Именно поэтому Машу к ней и отправляют – после перенесённого тяжёлого гриппа с осложнением здоровье подправить.

Наконец сумка и рюкзак наполнились, умялись, закрылись и улеглись в багажнике. Мама отдала последнее наставление – чистить зубы только с кипячёной водой, обняла, чмокнула и осталась у подъезда, махая рукой на прощанье: в университете её уже ожидали дипломники. А папа, продолжая бормотать что-то полезное, осторожно повёл машину в направлении автовокзала. У междугородного автобуса он опять заволновался, быстро перезнакомился с пассажирами, почти всех попросил приглядывать за дочкой, пока ту не встретят по прибытию. Маше даже стыдно стало от всеобщего внимания. Она быстренько подставила ему лоб для поцелуя и отвернулась к окну. Так и жалась бочком полпути, пока мурашки по отсиженной ноге не забегали.

За стеклом проползли заводские окраины города, помелькали частные домики, и, наконец, раздольно растянулись холмистые поля с молодой пшеницей. Иногда виднелись дальние деревни, кое-где темнели леса. Автобус лихо пересекал развилки и проскакивал мостики через мелкие речки. И опять до горизонта стелились бесконечные поля. Высаженные вдоль дороги молодые тополя и берёзы не закрывали от солнца, поэтому скоро стало жарковато. Маша слишком быстро выпила бутылочку лимонада и захотела спать. Боролась, боролась с дремотой, но всё же глаза как-то сами собой закрылись.

И приснился ей странный лес. Высокие-высокие деревья сплетались ветвями так, что сверху получалась непроглядная крыша. Тонкие чёрные стволы их обвивали бледно светящиеся голубые и жёлтые лианы – как слабые новогодние гирлянды, только не мигающие. Под ногами ковром лежал изумрудный мох. Маша стояла на небольшой полянке и, вроде как, кого-то ждала. Этому «кому-то» она должна была передать очень важную весть. Она ждала, ждала и вдруг почувствовала страх. Оглянулась – сзади от дерева к дереву метнулась мутная тень. Ещё одна тень шевельнулась слева. Третья мелькнула справа. Маша не выдержала и бросилась бежать. Бежать было нелегко: ноги тонули во мху и двигались медленно-медленно. Она не оглядывалась, но знала, чувствовала, что тени приближаются. Вот они уже совсем рядом – спине стало холодно – ещё немного, и её настигнут! Маша, зажимая вырывающийся вскрик, изо всех сил оттолкнулась ногой и ... взлетела. Покачавшись и выровнявшись, она полетела невысоко, ниже сплетённых ветвей, но всё равно, гораздо быстрее, чем бежала. Теперь страшные тени её не могли нагнать. А, главное, впереди сквозь ветви ей замигала звёздочка. Путеводная звёздочка, к которой и нужно было лететь.

- Всё, девочка, просыпайся. Приехали! – Толстая соседка ласково потрясла Машу за плечо. – Вон смотри, это, наверное, твоя бабушка тебя встречает.

Возле дверей автобуса, из которых уже выходили пассажиры, стояла маленькая старушка. В тёплой, не по лету, зелёной кофте, в длинной до земли чёрной юбке, с белым платочком на голове. Такая вся маленькая и сухонькая. Совсем на папину маму, свою сестру, не похожая. Вдруг это и не «баба Паря»? Но когда Маша выпрыгнула, а потом потащила за собой на асфальт сумку, старушка радостно шагнула навстречу:

- Мария! Машенька! Здравствуй! Наконец-то я тебя увидела. – Не смотря на маленький рост и худобу, бабушка говорила неспешно, красивым низким голосом.

- Здравствуйте, Параскева Ильинична. – Маша выпрямилась, потянулась-покрутилась, выправляя рюкзачные лямки.

- А чего ты как не родная? – Бабушка положила ей на плечи неожиданно тяжёлые ладошки, заглянула в лицо ярко голубыми добрыми глазами.

- Что «как не родная»?

- На «вы» обращаешься и по имени-отчеству. Зови меня «баба Паря» – по-нашенски, по-деревенски. Как-никак, а ты мне внучатой племянницей приходишься.

Подставляя щеки для троекратного целования, Маша не сразу сообразила, почему так называется их родство. Но согласно закивала:

- Хорошо, больше не буду. Куда пойдём, баба ... Паря? В зал ожижания? Но только как нам с тобой такую тяжеленную сумку дотащить?

Действительно – как? Внучка и бабушка оказались одного роста, а вещей на лето родители набили столько, что сами едва замок затянули. Наверное, больше десяти килограммов набралось.

- Не надобно ничего никуда тащить. Сейчас за нами Фрол Лаврентьевич подъедет. На лошадке. И напрямиком до калитки доставит. Он сосед, ему не в тягость.

Пассажиры и встречающие разошлись, автобус отъехал. Маша и баба Паря остались на площади перед пустым районным автовокзалом одни. Над головами синело небо, в ближнем палисаднике весело чирикали воробьи. После большого города было непривычно тихо. И если бы не желание чего-нибудь попить, то можно было бы расслабиться и объявить: «Всё. Каникулы начались!» Но вокзальчик оказался без буфета.

Наконец послышалось цоканье подков по асфальту. И из-за ближнего забора вывернула лошадь, запряжённая в телегу с резиновыми, как у автомобиля, колёсами. Вожжи держал старик с длинной белой бородой. Широкополая соломенная шляпа, клетчатая рубашка, голубые джинсы – если б не борода, дедушка выглядел бы как заправский ковбой из фильма.

- Заждались?

- Нет, Фролушка. Автобус только-только прибыл. Знакомься: это моя внучка.

- Здравствуйте, я – Маша.

- Здравствуй, девица, здравствуй, милая. Наслышан о тебе многоча, а теперича вот и заживо повидались. Красавица! Ну, лады, сударыни-барыни, карета подана, взбирайтесь. – Дедушка не по возрасту лихо спрыгнул, мигом закинул в телегу сумку и рюкзак. Потом посадил бабушку и внучку. На дне лежало несколько мешков с чем-то мягким. На них они и присели.

Процокав по райцентру, лошадь вывезла телегу на бесшумную полевую дорогу. Путь лежал вдоль сосновой лесополосы. Из неё лёгкий ветерок наносил запах разогретой смолы и молодого папоротника. За другой обочиной до самого горизонта опять расстилались поля с подрастающей пшеницей. Над полями щебетали ласточки.

- Гляди, как высоко мечутся. Значит, дождя не предвидится. – Фрол Лаврентьевич указал на едва заметных в синеве птичек. – Природа, она ж как книга. В ней всё увязано, всё обо всём говорит. Всмотрись, вслушайся. И никогда не пропадёшь.

Перевалив через округлый холм, они въехали в негустой лес. Перемешанные берёзы и сосны ласково переговаривались шуршанием листьев и посвистом хвои. Здесь было хорошо, не жарко. Но, всё равно, пить хотелось нестерпимо. Маша напонила:

- Баба Паря, а ты обещала, что мы будем родничок проезжать.

- Будем, будем, внученька. Ещё с пяток минуток потерпи, и напьёшься.

Фрол Лаврентьевич обернулся, улыбнулся, широко раздвинул усы:

- Да, настоящей живой водицы. Про какую ты только в сказках читала. Потерпи чуток. Или вот что, возьми-ка посудину и побеги наперёд. Увидишь там колодезь по правую руку. А мы тебя потихоньку нагоним.

- Беги, беги. Мы-то по-стариковски медленно тропим. Чего тебе с нами терпеть-мучиться? – Бабушка слегка прихлопнула внучку по спине. – Только не забудь родничок опосля питья поблагодарить. Это важно.

Маша взяла протянутую дедом зелёную эмалированную кружку, спрыгнула в пыльную траву. Немного прошлась рядом с лошадьёю, а потом, осмелев, обогнала и, не оглядываясь, всё быстрее и быстрее побежала вприпрыжку. Дорога вильнула в одну сторону, потом в другую. Хотя телега пропала за поворотами, лес был такой светлый и радостный, что не только бояться, но даже тревожиться в голову не приходило. Накатами шумела листва, где-то швейной машинкой простукивал больные деревья дятел. Над синими медуницами важно жужжали шмели. Муравьи цепочкой ползли по черёмуховому стволу к пастбищам своих «коров» – выделяющим сладкий сок тлям. Белая и красная бабочки наперегонки обирали нектар с придорожных колокольчиков.

Действительно, через несколько минут Маша заметила справа, возле доцветающей мелкими белыми цветками рябины, невысокий сруб из тонких чёрных брёвен. С трудом откинув тяжеленную, обросшую мхом крышку, она заглянула в ледяную темноту колодца. И увидела себя. Засмеявшись, Маша показала язык. Но в ответ подрагивающее мелким волнением отражение укоризненно покачало головой. Что?! Не может быть! Наверное, показалось. Маша опять осторожно нагнулась, зачерпнула кружкой. Мелкими глоточками медленно выпила холодную, какую-то удивительно сладко-вкусную воду. Мало. Она опять зачерпнула и, выпрямляясь, подмигнула своему качающемуся отражению: «Спасибо!» В колодце серебристо сверкнули несколько поднявшихся из глубины пузырьков, и тихо, но ясно раздался нежный, звонкий голосок: «На здоровье»!

Фу! Это было уже слишком. Даже допивать расхотелось. Но и не выливать же после такого воду. Аккуратно проглотив всё до последней капли, Маша поскорей захлопнула крышку. И оглянулась: где же бабушка? и Фрол Лаврентьевич? Поскорее бы они её нагнали. А то начудится тут всякого. Как назло в лесу наступила полная тишина. Только шмели продолжали жужжать. Да где же они так долго? Ага, вот и послышались какие-то постукивания. Однако вместо лошади с телегой из-за поворота вышел ... единорог. Белый конь с длинным острым рогом благородно высоко держал голову, медленно перешагивая тонкими ногами, на которых звякали сверкающие самоцветными камнями золотые браслеты. Маша так и замерла с открытым ртом. Поравнявшись с ней, единорог повернулся и слегка кивнул. Маша от испугу присела в книксен: «Здрасьте». Сказочный зверь величаво прошествовал мимо и неспешно скрылся за следующим поворотом.

Так. Каникулы начались.

- Бабушка! Баба Паря! – На её крик ответно простучал дятел, а за ним и ветер зашелестел кронами закачавшихся берёз. Лес опять стал добрым и светло беззаботным. И полетели бабочки, и муравьи цепочкой поползли по стволу к пастбищам выделяющих сладкий сок тлей.

А, может быть, ей это только показалось? Может, это олень был? Какой-нибудь местный. Ну, очень местный...

- Фрол э... Лаврентьевич! Ау! Да где же вы застряли? Где?

Как она обрадовалась возможности запрыгнуть в телегу и отвалиться на мешки. Нет, теперь её никто ни за какие пряники отсюда не выманит. Надо же: она только недавно познакомилась с бабой Парей и Фрол Лаврентьевичем, а какими они ей теперь казались родными и надёжно близкими. Действительно, начались каникулы. Ох, начались.

Вот и добрались. Выехав из леса, они гулко прокатились по деревянному мосту через очень даже приличную по ширине речку с непонятым названием «Раква». Тёмно-синяя неторопливая река поросла по заводям камышом и жёлтыми кувшинками. С противоположного берега на глубину выходили деревянные мостки для стирки и рыбалки, а на середине плавали, громко переключаясь, несколько семейств домашних гусей. Маше река понравилась – будет, где покататься и позагорать.

Деревня оказалась крохотной, в одну, да и то недлинную улицу. И название тоже миленькое: «Берендеевка». Бабушкин дом от края стоял третьим.

- Тпру! Кажись, приехали. – Дедушка-ковбой так же лихо сдёрнул вещи и высадил Параскеву Ильиничну. Маша спрыгнула сама. – Всё, барыни-сударыни, бывайте, не забывайте. Я до себя, пока лошадь распрягу, пока то да сё. Повечеру свидимся.

И укатил.

Возле приоткрытой калитки, за которой, словно выглядывая из-под разросшейся черёмухи, приветливо голубел ставнями милый белёный домик под высокой крышей с мезонином, их ждали. Девочка, тоже, как Маша, лет тринадцати, и мальчик не старше десяти.

- Знакомьтесь. Это – Аня. А это Николка. – Баба Паря улыбалась и морщилась, растирая поясницу. – Я им давно тебя обещала. Других-то детей, кроме как из их семьи, в деревне не осталось. Вот они и скучают. Я думаю, вы обязательно подружитесь.

- Привет. Я – Маша.

- Привет. Я – Аня. А брат – Николка.

Маша и Аня внимательно порассматривали друг дружку. Маша чуть ниже ростом, но покрепче, поплотнее. Аня повыше и очень худая. Волосы у обеих русые, одинаково стриженные до плеч, но у Ани они светлее. А вот глаза, наоборот, темней. Что ж, для первого впечатления всё очень даже неплохо.

Вдвоём они затащили в приятно прохладный дом сумку, а пухленький крепышёк Николка, сопя, внёс рюкзак. В притемнённой заоконной черёмухой комнате сладко пахло компотом. Мебель была самодельная, грубая. Пол покрывали плетённые цветные дорожки. На стене, между рам со множеством разнообразных фотографий, размеренно постукивали и помахивали маятником старые часы с кукушкой. Маше здесь всё понравилось. Уютно: много цветов, салфеточек. На скамье под окном упорно спал огромный чёрный кот.

- Так, Анюта, мы пока что с дороги умоемся, перекусим чуток, вещи поразберём. Вы же ступайте до поры к себе, через час заглянете. – Баба Паря выдала Ане и Николке по привезённой Машей конфете и подтолкнула к дверям. – Ступайте, милые. Солнце выше ели, а мы еще не ели.

Через час Маша с Аней и Николкой шли по высокому берегу Раквы. Девочки собирали цветы для венков, а Николка, чуть отставая, прутиком рубил репейник. Анна рассказывала:

- Наша семья, действительно, последняя в Берендеевке детная. Так-то здесь почти только старухи вековуют. Да один дед – Фрол Лаврентьевич. Все, кто помоложе, в райцентр съехали. Мы с Николкой тоже там в интернате живём, когда в школе учимся. Но я здесь всё люблю. Очень там скучаю. Мне здесь легко, свободно. Я и дружу тут со всеми – с коровами, собаками, гусями. Честно! Они со мной всегда здороваются. Даже с лисом подружилась. Вон из того бора. И уговорила его за нашими курами не охотиться. Не веришь?

- Недавно бы не поверила. – Маша остановилась, оглянулась. – А у вас тут олени водятся?

- Олени? Нет. – Аня тоже оглянулась.

- А чудеса какие-нибудь приключаются?

Аня опять посмотрела за спину, в сторону деревни:

- Какие чудеса? С кем?

И вдруг, хлопнув ладошками, громко закричала:

- Николка! Ты что?! Ну-ка назад!

Оказывается, Николка, заигравшись в воющего против супостатов богатыря, очутился над самым обрывом. Аня подбежала к брату, рывком оттащила за рукав от высоко нависающей над рекой кромки берега. И потом несколько раз шлёпнула его ладонью по задку:

- Ещё раз подойдёшь к краю, не так отделаю. Что, хочешь, как Ваньша? Хочешь инвалидом стать?

Николка, наклонив вихрастую голову, терпел, даже не защищался. Аня, отпустив брата, подняла упавший веночек и вернулась к Маше. И объяснила:

- У нас ещё один брат есть. Старший – ему пятнадцать. Зовут Ваней, Ваньшей по-нашему. Он – инвалид, ходить не может. Понимаешь, Ваньша первый класс закончил, и летом здесь же недалеко решил гнёзда стрижей разорить. Стрижи – они очень на ласточек похожие, только нет красной грудки, и хвост не разделяется на вилку. А гнёзда стрижи копают норками в обрыве. Вот Ваньша начал их зорить – и упал. А потом...

Что Маша узнала из рассказа Ани.

Ваню возили в районную больницу, затем в городскую. Много врачей осмотрели его, много перепробовали способов лечения, но ничего не помогало. Мальчик так и не смог ходить: сломанный позвоночник пережал нервы, и ноги не слушались.

Прошло семь лет. Все смирились с тем, что Ваньша останется инвалидом. Мальчик учился дома, выезжая в районную школу только на контрольные. Успеваемость была хорошей – больше половины предметов он сдавал на «отлично». Кроме учебников, Ваньша много читал книг и журналов. Ему специально Фрол Лаврентьевич привозил из библиотеки и от знакомых всё, что только можно было достать. Про историю и про животных, по географии и о космосе. Особенно Ваньше нравилось читать о приключениях с необыкновенными явлениями. Не фантастику, а правду с загадочными элементами. Пока ещё наукой не объяснёнными.

А прошлым летом в Берендеевке появился странный человек. Весьма странный.

Пришёл он пешком. Очень высокий и очень худой. Рыжая редкая борода узким клином тянулась почти до пояса, смуглое лицо затеняла широкополая шляпа. Не смотря на июньскую жару, он был в длинном белом плаще и кожаных сапогах. На ремне через плечо тяжелилась здоровенная брезентовая сумка.

Опираясь на гладко оструганную сучковатую палку, человек прошествовал через всю деревню, и собаки почему-то на него не лаяли. А куры просто разбегались, тревожно квохча и загоняя цыплят в подворотни. Человек остановился у калитки бабы Пари и громко постучал по ней палкой. «Бабчатая тётка» или же «тётчатая бабка» отворила. Приподняв над лысеющей макушкой шляпу, незнакомец представился:

- Меня зовут Волохов. Имя и отчество мои вам покажутся странными и не запоминаемыми, поэтому обращайтесь ко мне просто по фамилии. Я – врач, но не обычный: я собираю старинные рецепты и древние способы лечения. А вы – Параскева Ильинична. Мне рассказывали, что вы знаете, какая трава от какой болезни помогает. Я хочу у вас пожить и записать всё, что вы пожелаете мне рассказать.

Так он остался у бабы Параскевы. Только жил не в самом доме, а в стоящей на конце огорода баньке. Банька была просторной, высокой. На полке ему постелили матрас, выдали подушку и одеяло. А из предбанника получился кабинет: со столом, полочками под бумаги и натянутыми под потолком верёвочками, на которых сушились череда, кровохлёб, пижма, календула и другие лекарственные растения. Каждый день Волохов вместе с бабой Парей ходили в лес, в поле или на болото. Вечерами, разбирая собранные травки, корешки и цветочки, он долго сидел при свете керосиновой лампы, что-то записывая в различные тетради. Кроме трав Волохов интересовался местными лягушками, ящерицами и летучими мышами. Но в этом ему баба Паря не помогала.

А ещё он страстно любил молоко. Каждое утро и вечер выпивал по два литра, покупая его у Аниных родителей. Однажды Волохов, придя за очередной порцией, увидел Ваньшу, который что-то читал, сидя в инвалидном кресле-каталке. Волохов резко подошёл, развернул мальчика к себе лицом:

- Ты почему сидишь? Таким родился или после заболел?

- Я с обрыва упал. – Ваньша неохотно закрыл журнал «Вокруг света». Ему этот странный человек что-то не очень нравился. Но Волохов вдруг опустился на колени и стал ощупывать Ванины ноги. Пожал колени, пощипал икры, через вязаные носки подавил пальцы. И всё заглядывал в глаза:

- Так больно? А здесь не щекотно? А тут?

Ваньша отрицательно качал головой:

- Нет. Нет. Нет.

Волохов неожиданно наклонил мальчика вперёд и прощупал спину:

- А здесь?

- Здесь больно. – Сознался Ваньша.

- Это хорошо! – Вдруг обрадовался Волохов. – Это просто замечательно! Что врачи говорили? Мол, «нельзя вылечить»? Дураки! Все они дураки.

- Меня разные профессора смотрели. – Ваньша даже обиделся за специалистов, которые в райцентре и городе им больше года занимались. – И все одинаково решили, что я так и останусь инвалидом. Навсегда.

- Все они дураки! Это я – Волохов! – заявляю. И обещаю на следующий год тебя вылечить. На ноги поставить, в самом прямом смысле этих слов.

Всем всегда хочется верить в то, что если человек обещает тебе помочь, то он это сделает. Но в данном случае пришлось бы поверить в чудо. А чудес, как учат в школе, на свете не бывает. Поэтому Ваньша постарался отмахнуться:

- Спасибо на добром слове. Но я вам не верю.

- Ты мне не веришь?! – Волохов аж подпрыгнул. И, вытянувшись во весь свой немалый рост, грозно навис над сидящим в кресле-каталке мальчиком. – Да как ты смеешь мне не верить? Что, я, по-твоему, какой-нибудь бродяга-болтун? Я, Волохов, умею лечить неизлечимое и творить невозможное. Я познал самые тайные секреты и самые забытые премудрости медицины Востока и Запада, Юга и Севера. Я изучил лекарства Египта и Гипербореи, Вавилона и Тибета. Да со мной по вопросам диеты советовались все волхвы и маги подлунного мира. Моими знаниями гомеопатии пользовались цари и президенты, звёзды эстрады и политики. А ты, ... ты, мальчишка, ... посмел ... не поверить...

Пока Волохов уже не кричал, а хрипел, тряся длинной бородой и размахивая руками, Ваньша жмурился и зажимал уши ладонями. Но в какой-то момент он приподнял глаза, и ему вдруг показалось, что, действительно, перед ним не зашедший за молоком чудаковатый собиратель трав и рецептов, а некий хозяин своих обещаний. От которого, если не остановить, то мало ли что может случиться. Поэтому Ваньша прокричал в ответ:

- Стоп! Остановитесь! Послушайте! Вы меня неправильно поняли. Я же хотел сказать совсем-совсем другое.

Волохов на мгновение замер с распахнутыми руками. И Ваньша поспешил:

- Я просто подумал, что вы скоро уедете из нашей Берендеевки и забудете про обещание. Забудете про какого-то там деревенского мальчишку, опять занявшись своими королями и звёздами. Я слишком никто, что бы вы обо мне помнили.

Волохов закрыл рот, потом опустил руки и даже как-то весь обмяк:

- Почему это я про тебя забуду?

- А что, разве такого не было? – Теперь Ваньша почувствовал свою удачу. – Что, никогда не случилось исполнять обещанного?

Волохов ещё больше сник, сгорбился, опустив глаза в пол:

- Ну, не могу врать. Бывало. Но... но с тобой этого не произойдёт. Клянусь!

Он вдруг громко хлопнул в ладоши, чему-то рассмеялся и, схватив шляпу, широкими шагами выбежал за ворота. Вернулся минут через пять, держа в руках свёрток.

В шерстяном клетчатом платке оказалась огромная книга. Старинная, в толстых кожаных корочках, по углам оббитых медными бляшками. Волохов осторожно опустил книгу на колени Ваньши:

- Смотри. Это – самая редкая и бесценная вещь, которую ты когда-либо будешь держать в руках. Это скопированные монахами двенадцатого века очень-очень древние знаки-руны племени северных словен, которые повествуют о

В этот момент из стайки с полным подойником вышла Ваньшина мама. Волохов, почуяв запах парного молока, дёрнул кадыком и замолчал. Ваньша с удивлением смотрел, как взрослый дяденька вытягивается и дрожит от алчности, словно какой-нибудь котёнок.

Когда Волохов, прижимая к груди налитую мамой двухлитровую банку, уходил, он уже от калитки вдруг вернулся и, склонившись к самому уху, быстро прошептал Ване:

- Книгу-то береги! Пуще всего береги. Это мой залог. Прочитать ты её, всё равно, не сумеешь, так что никакой беды ни тебе, ни ближним не сотворишь. А я за ней вернусь и тебя вылечу. Жди – я тебя на следующее лето вылечу.

Волохов покинул деревню перед рассветом. Ушёл тихонько, незаметно, даже с Параскевой Ильиничной не попрощался. Она, было, оскорбилась. Но приключилось в ту же ночь такое, что стало не до обид.

Когда окончательно стемнело, и жители Берендеевки улеглись по своим кроватям и лавкам смотреть сны, с дороги, идущей из райцентра, послышался нарастающий рёв. Собаки вначале разлаялись, но уже через несколько минут догадливо забились по своим будкам. Громогласно газуя, через мост в деревню ворвалось тринадцать мотоциклистов. Все в одинаковых

чёрных шлёмах и чёрных кожаных куртках. Слепя фарами сидящих на заборах кошек, они пронесли по пустынной улице до конца, и, развернувшись у заброшенного клуба, подкатили обратно к дому бабы Пари. Не глуша моторы, спешили. Первый ударом ноги выбил калитку. Чёрные мотоциклисты развёрнутой цепью, хрустя стоптанными овощами, прошли через огород к бане. С четверть часа оттуда слышались звуки переворачиваемых и ломаемых полок, разбрасываемых ведер и тазов. Что или кого они там искали, непонятно. Но явно не нашли, и над затаившемся в страхе селом разлился страшный, похожий на волчий, пронзительный многоголосый вой. Оседлав мотоциклы, чёрные налётчики ревущим роем покинули Берендеевку.

Тут ребята поравнялись с воротами Ани и Николки, из-за которых раздавался сердитые голоса родителей, перепиравшиеся в том, кто разрешил гулять детям, которые не полили огород и не накормили кроликов. Аня быстро отдала Маше свой веночек:

- Ну, пока! Нам пора, а то влетит под горячую руку.

И они с братом юркнули во двор.

ГЛАВА ВТОРАЯ. О пользе учения.

Как хорошо летом в деревне, ты чувствуешь, просыпаясь под восторженный щебет птиц и нежный шорох листьев. Как вольно в деревне, ты понимаешь, когда идёшь куда хочешь, и вокруг нет никаких светофоров и подземных переходов. Как здесь чудесно, до тебя доходит, когда глаза привыкают к огромному небу, не загороженному соседними многоэтажками. Свет, просторы, звуки жизни – тут всё, всё прекрасно!

За два дня и три ночи, проведённых в деревне, Маша всё больше и больше очаровывалась своей бабой Парей. Кажется, бабушка умела и знала всё: и как необычайной вкусности оладьи испечь, и как на ранку подуть, чтоб она тотчас зажила. Всё у неё легко, всё с улыбкой получалось: выйдет в огород – сорняки сами вянут, присядет вязать – чулок за полчаса готов. И погоду-то она предсказывала, и самому крохотному цветочку название помнила. То из папиного детства пресмешнейшую байку расскажет, а то про житие Ильи Муромца с Добрыней Никитичем такие подробности поведает – словно сама тому свидетельница. И на любой вопрос ответит со вниманием:

- Баб, а у вас кто-нибудь единорогов видел?

- Индриков-то? На нынешнем веку даже забывать про них стали. А вот баили, что до наполеоновского нашествия жил один. В нашенском лесу.

- А «Индрик», он, что, и есть единорог?

- Ну, а как же? Вроде как белый конь, только с рогом во лбу. Однако давненько это чудо не встречали.

И стояла вокруг бабушки некая постоянная радость. Вроде ничего особого, а вот просто пройдёшь мимо, и сердце теплом заливается. Так что на третий день Маша уже и не представляла – как же это она без своей бабы Пари смогла до тринадцати лет дожить?

А сколько же у бабушки всегда под руками пословиц – ну, на всякого Егорку была поговорка. По крайней мере, каждому дню определение: в понедельник – на брательник, во вторник – на кокорник, в среду – на переду, в четверг – по берег, в пятницу – на мельницу, в субботу – на работу, в воскресенье – на веселье. Ну, и семь четвергов – все в пятницу.

А ещё бабушка умела так разговаривать с животными, что они её слушались. И козы, и кролики, и собака Вахтёр. Даже куры, и те, строго по её указу выходили погулять за околицу, и дружно возвращались на призыв обедать или ночевать. Один только старый кот игнорировал всех и спал, кажется, уже несколько лет без просыпу.

На следующий день Маша с утра помогла бабушке, перестелив на кроватях покрывала, протерев пол на кухне и подметя крыльцо. И пошла погулять. Куда? А, конечно же, в гости к Ане.

Отворив вделанную в высокие ворота дверь, Маша вошла в затенённый большим тополем двор. Двор был весь застелен досками, между которыми пробивалась курчавая травка. Позади

большого бревенчатого дома с застеклённой верандой виднелись хозяйственные постройки: стайка для коровы и овец, сарай для лопат, кос, граблей и тяпок, за ними – сеновал и дровяник. Но нигде не было ни души.

- Аня. – Робко позвала она. Прислушалась и повторила громче. – Аня! Николка!

Никто не откликнулся. Маша, поднявшись на низенькое крыльцо, постучала в дверь. Подождав и не дождавшись ответа, потянула ручку и бочком втиснулась в веранду.

Через широкие окна помещение заливал качаемый ветками тополя жёлтый солнечный свет. Отражаемые жёлтым же полом, солнечные зайчики весело прыгали по выставленным на столе стеклянным банкам, по блестящим оцинкованным вёдрам, по висящим на стене столярным инструментам. И Маша не сразу разглядела у дальней стены инвалидное кресло-каталку с сидящим в нём худеньким подростком. Сгорбившись, тот сосредоточенно читал какую-то книгу.

- Здравствуй. Ты – Ваньша? Извини, я хотела сказать – Ваня.

Подросток, оторвавшись от чтения, несколько секунд смотрел на вошедшую девочку поразительно большими светло-серыми глазами, потом чуть улыбнулся и кивнул:

- Здравствуй. А ты – Маша. Ты из города приехала. Мне Аня про тебя рассказала.

- А где Аня? Я не хотела тебе помешать.

- Сестра и брат с родителями на полянах. Скошенное сено переворачивают и сгребают в копны. Вернутся только к вечеру. Но подожди, не уходи! Ты мне нисколько не мешаешь. Даже наоборот, мне ведь тоже интересно с новым человеком познакомиться. Если тебе некуда спешить, садись в тенёк, поговорим. Может, молока хочешь? – Ваня отложил книжку и, крутя колёса руками, выехал навстречу Маше.

- Нет, спасибо. Я уже попила утром.

- Садись. Ты к нам надолго?

- Точно не скажу. – Маша присела на застеленную домотканой дорожкой лавку. – Не меньше месяца, не больше двух. Мы в августе с родителями хотели попутешествовать по берегу Ильменского озера. Это на Севере.

- Я знаю. Читал.

И они неловко замолчали, не зная, какую бы тему поднять. Зря она про Ильмень вспомнила, ведь рассказывать инвалиду о прелестях путешествий – всё равно, что дразниться. Но о чём тогда? Не про погоду же. И вдруг Маша решила:

- Ваня, а что, Волохов пока не приезжал?

Может, солнце просто зашло за облако, но на веранде резко потемнело. Ваня рывком крутанул колёса и откатился в глубину, туда, где читал книгу. И опять на Машу уставились поразительно большие светло-серые глаза. Но вот солнце вновь залило всё жёлтым светом, и весёлые зайчики запрыгали по блестящим предметам.

- Это тебе сестра про Волохова успела рассказать? – Ваня тихонько подкатывался к Маше, не переставая внимательно смотреть на неё. – А что именно она наболтала?

- Ну, про то, что он обещал тебя ... тебе помочь со здоровьем.

- И всё? – Он приблизился вплотную, и Маша, не выдерживая его немигающего взгляда, потупилась:

- Ну, и про книгу. И ... про ночных мотоциклистов.

Ваня наконец-то отвернулся, будто за окном что-то интересное увидел. И Маша заметила, как у него дрожат пальцы.

- Ваня, ты на Аню не обижайся! Это я её спровоцировала. Я тут в вашем лесу у родника с чем-то странным столкнулась. С необъяснимым. Вот и спросила: не бывало ли в деревне каких чудес? Так что это я первая начала.

- Ладно. Если что-то заплелось, оно не может не продолжиться. Не надо бы тебе впутываться в эту историю, но теперь уже ничего не попишешь. – Ваня, всё так же глядя в окно, зажал дрожащие ладони под мышками. – Никто не знает будущего, но, возможно, твоё участие было predetermined. Слушай теперь внимательно.

Продолжение про Волохова.

На следующее лето Волохов вернулся, войдя в Берендеевку на красном закате первого июньского вечера. Мимо домика бабы Пари сразу прошагал к Ваниному двору. Рывком отворив и быстро захлопнув за собой дверь в воротах, придавил её спиной. Ни с кем не здороваясь, тяжело, с хрипом дыша, он долго прислушивался к уличным звукам. За зиму он стал ещё худее, борода заметно поседела. Наконец, отдышавшись, приподнял шляпу и молча поклонился сидевшим на крыльце Ваниным родителям, и, так же ничего не объясняя, схватил и покотил Ванино инвалидное кресло подальше во двор, к дровянику. Родители, помня чудаковатый характер гостя, решили не вмешиваться и попозже расспросить обо всём сына.

Оставив Ваню возле поленницы, Волохов обежал сарай. Смешно приседая и подпрыгивая, он заглядывал во все щели, будто искал вражеского лазутчика. Убедившись, что кроме кузнечиков и комариков поблизости никого нет, хрипло прошипел Ване в самое ухо:

- Книга цела?

- Да, конечно.

- А где она?

- Спрятана.

- Где? Надёжно?! – Волохов спрашивал совсем без звука, одними губами.

- Да здесь она, в сарае. В старом шкафу, на верхней полке платком замотана. Что вы так волнуетесь? Ничего с ней не произошло. И не могло произойти. Я очень аккуратно с ней обращался. – Всё это Ваня говорил неизвестно кому, так как Волохов с первых слов ворвался в сарай, с грохотом запинаясь о грабли и роняя лопаты, добрался до шкафа и, едва не оторвав заклинившие дверки, выдернул свёрток. Прижимая его к груди обеими руками, с тем же грохотом вышел. И опять стал приседать и подпрыгивать, выглядывая враждебных наблюдателей:

- Кто, кроме тебя, знает про книгу?

- А что такого? Сестра знает, и братик. И родители тоже. Но ведь мы с вами не договаривались держать её в секрете. – Ваня теперь самостоятельно катился вдогонку широко шагающему к выходу со двора Волохову. – Вы просто сказали, что она очень ценная.

- А что ещё я тебе говорил? – Волохов спросил не оборачиваясь, уже открывая воротную дверь на улицу.

- Ещё вы сказали, что я всё равно её не прочитаю и поэтому ни себе, ни другим беды не наделаю.

- Это совершенно верно! – Гость хотел, было, вышагнуть за порог, но в этот момент его с крыльца окликнула Ванина мама:

- Как это так, доктор Волохов, вы даже молока не попьёте?

Нет, не попить молока он не мог. И зашёл в дом.

Двухлитровую банку Волохов опустошил за две минуты. И его глаза сразу подобрели, с лица спало напряжение:

- Ты, Ваньша, не сомневайся, я тебя этим летом на ноги поставлю. Обязательно. Я же ничего не забываю из обещанного. Просто возникли некоторые проблемы, а отчего и почему – не могу пока сообразить.

Волохову страстно не терпелось взглянуть на свою книгу, и он потихоньку, незаметно для самого себя, начал разворачивать укутывающий её платок. Вот обнажилась тёмной кожи обложка, неярко блеснул медный уголок. И забывая обо всём, гость раскрыл первую страницу жёлто-серого пергамента, покрытого загадочными чёрными и красными значками. Медленно-медленно перевернул. Потом чуть смелее перелистнул ещё раз. И ещё... Вдруг замер.

Между страницами лежал засушенный кленовый лист.

Волохов распрямылся. Лицо его ужасно побледнело, губы вместе с обвислыми усами крупно задрожали:

- Это что?... Это откуда?

Его страх передался Ване, и голос мальчика сошёл на шёпот:

- Это закладка.

- Закладка?! Ты что, всё же читал?

- Да.

- А как? Как ты сумел?

- Меня баба Паря научила.

Волохов захлопнул книгу, начал наскоро заворачивать в платок:

- Ну, тогда мне всё становится ясным. Всё. – Он наклонился к окну, но на дворе уже наступила ночь, и ничего, кроме своего отражения, разглядеть было невозможно. – Всё, история началась. Теперь не остановить. Ничего никому уже не остановить: «Они» знают, что мы тоже знаем. Слушай, глупый и слишком любознательный мальчишка! Слушай Волохова и запоминай! Ты запустил историю. Теперь тебе никогда тихо-мирно уже не просидеть свою жизнь за чтением. Теперь ты участник. И страшно подумать, кого ты потянешь за собой. Береги и люби их, потому что это ты вовлекаешь других в неизбежные события. Я сейчас побегу, так как стригои совсем близко. О, если бы судьба была на моей стороне, то я бы, сделав петлю в пространстве и времени, вернулся б прошедшей весной, чтобы вылечить тебя, как обещал. А теперь как ты будешь бороться? Ладно, запомни, если мне не повезёт... Нет, об этом лучше не думать!

В темноте со стороны моста через речку Раква послышался быстро нарастающий рёв множества мотоциклетных моторов. Прижимая книгу к груди, Волохов в два прыжка выскочил во двор, толкнул плечом ворота на улицу. И его белый плащ ярко засветился в наезжающих лучах. В окно было видно, как отчаянно Волохов мечется в кольце смыкающихся фар...

Когда через несколько минут Ванин папа с лопатой и Фрол Лаврентьевич со стареньким ружьём выбежали на помощь, чёрные мотоциклисты уже пересекали мост, увозя с собой Волохова. Фрол Лаврентьевич выстрелил им вслед, но вряд ли мелкая дробь кого-то смогла бы поразить с такого расстояния.

Рано утром, едва рассвет осветил макушки деревьев, Аня и Николка уже осматривали дорогу и мост, надеясь найти что-нибудь такое, что помогло бы подсказать, что случилось с Волоковым и кто были его похитители.

И нашли!

Первую вырванную из книги страничку они заметили на поворотном выезде из деревни. Второй смятый листок забился в щель деревянного моста. Третий зацепился за репейник уже на том берегу, почти у самого леса.

- Это произошло за день до твоего приезда. Ну, вот. Ты теперь всё знаешь. – Ваня на протяжении всего своего рассказа внимательно смотрел в лицо Маши. Но она, заслушавшись, уже перестала стесняться его светлых пронзительных глаз.

- Нет, не всё. Ты умолчал, как научился читать книгу.

У Вани опять задрожали руки:

- Это пусть тебе твоя баба Параскева объяснит.

- А как?

- Я дам тебе эти листки.

Маша осторожно взяла вынутую Ваней откуда-то из-под стола тонкую стопку серо-желтой бумаги. Листы явно вначале смяли, а потом расправили. С обеих сторон они были исписаны странным крупными значками – и не буквами, и не иероглифами. Какие-то штриховые узелки без всяких знаков препинания.

- Ну, и как это читать?

- У своей бабушки узнаешь. Я думаю, что тебе обязательно нужно научиться. Это подстраховка. Мало ли что со мной случится, а раз история началась, то кто-то её должен обязательно закончить.

- Какая история?

- Теперь уже наша.

На веранде опять потемнело. Ваня посмотрел в окно:

- Ты бы поспешила домой, а то, кажется, дождь на подходе.

Наверное, это было вежливое выпроваживание. Чтобы Маша чего ещё не выпытала. Она согласно кивнула и пошла на выход. И уже из дверей спросила:

- А на той стороне вы по дороге не искали?

- Нет.

- Почему?

- Потому что наступила ясная погода, а кто ж в сенокос работников отпустит такой ерундой заниматься?

- Ничего себе «ерунда»!

- Так родители думают. Вот если дождь до завтра задержится, то можно будет попробовать подальше пройтись.

Дома Маша едва дождалась, пока бабушка закончит начинять пирог капустой с грибами и засунет противень в прокалённую духовку. За окнами неровными накатами стучал и шуршал дождь. Мокрая черёмуха стала прозрачной, но открывшийся вид улицы не радовал – в деревне в дождь пусто и скучно.

- Ну вот, сделал дело – празднуй смело. Так чего ж ты, внученька, хотела от меня узнать? – Баба Паря вытерла со стола муку, стряхнула тряпочку в ведро с кормом для кур и опустилась на табурет около печи. – Сядем рядком, да поговорим ладком. Чего тебе? Выспрашивай.

- Баб, а откуда твой, то есть, наш род идёт? С Севера?

- А почто тебе интересно так?

- Мы же с папой и мамой решили в августе по берегу Ильменского озера попутешествовать. Папа обещал показать, откуда наши корни проросли. Чтоб я живую связь с землёй почувствовала.

- Хорошее дело. Корешки свои человеку обязательно надобно чувствовать. Иначе любым ветерком его по сторонам катать будет. Без корня и полынй не растёт, а шатун и сирота – сам себе маята. Только ты ведь не за этим ко мне пристаёшь? Другой интерес имеешь.

Маша взглянула в хитро прищуренные бабушкины глаза и тоже улыбнулась:

- Вот, посмотри, что мне Ваня дал.

Маша протянула бабушке лист из книги Волохова, но та вдруг спрятала руки под фартук:

- Видала я это. – Бабушка уже не улыбалась. – Знать, и тебя Ваньша впутал.

- Куда впутал?

- Теперь сама увидишь. Побьют Фому за Еремину вину. Ладно, чему быть, того не миновать. Ты же хочешь, что б я тебя читать дедовы словенские знаменья научила? Нет ничего проще. Ты же нашенская кровинка, твоё умение внутри, в жилках течёт, его только отворить нужно. Пойдём к столу.

Баба Паря и Маша присели рядышком, склонились над листком.

- Смотри и впитывай. Указующим пальцем чуток касаешься знака и как бы трёшь его навстречу солнцу. И приговариваешь: «Память предков, просыпайся! Память предков, выходи! Память предков, откликайся! Память предков, помоги!» – и как только услышишь некие звуки, сразу замолкай. Передвинь палец на другое знаменье, покрути уже молча, затем на третье. Внутри тебя голос сам читать будет, ты только внимай.

Баба Паря вернулась к печи, присела перед приоткрытой духовкой, из которой вырывался вкуснейший запах запекаемого теста. Маша посмотрела на согнутую бабушкину спину, и в который раз жалостливо вздохнула: ну какая же та маленькая. Как ей, наверное, трудно в деревне прожилось, ведь здесь столько физических сил нужно – и дрова колоть, и воду носить, и хозяйством заниматься.

Чтобы дух пирога не отвлекал, Маша по крутой лестнице в сенях поднялась на чердак. Там было зябко, пахло травами, развешенными пучками на верёвочках под балкой. Дождь постепенно стихал, шурша обмельчавшими капельками по плотной дощатой крыше. Возле чердачного оконца Машин папа, когда ещё был маленьким, из ящика и чурбака соорудил стол и стул. Тут-то она и присела, как черепашка, по самые кончики ушей спрятавшись в воротник толстого свитера. И, коснувшись первого знака, начала поглаживать его вкруговую:

- Память предков, просыпайся... Память предков, выходи... Память предков, откликайся...

Ничего, кроме шороха дождя и постукивания в окошко черёмуховой ветки не слышалось.

- Память предков, память предков, просыпайся! Память предков, выходи!

А-а-а! Надо же против солнца – против часовой стрелки пальцем крутить!

- Память предков, откликайся! Память предков, помоги!

И вдруг внутри зазвучало. Что? А нечто-то непонятное, вроде: «аааууоооммуу». Так укал и мурчал их старый-престарый, ещё кассетный магнитофон «Романтик», когда зажёвывал плёнку. Но, всё равно, что-то у неё уже получалось! Маша начала покручивать пальцем у второго знака, потом у третьего... Звуки то замедлялись, то ускорялись – никак не получалось водить пальцем равномерно. Однако постепенно они всё больше становились похожими на человеческую речь. Только как будто некто говорил, набрав полный рот горячей картошки. Пока вдруг совершенно ясно не послышалось: «они разделили народ и повели».

Передохнув, Маша начала всё сначала:

- Память предков, просыпайся! Память предков, выходи! Память предков, откликайся!
Память предков, помоги!

И услышала такую историю.

Из книги Волохова.

Когда Бегучая звезда указала спасение Миру, народ Рода покинул свои дома на Вислень-реке. Он уходил от нахлынувших с Полуденных краёв сынов Волчицы и братьев Кабана, которые не просто шли воевать или торговать, а оскорбляли священные места кровавыми жертвоприношениями своим многочисленным богам. С пришельцами можно было ссориться или дружить, но осквернённая земля переставала плодить. Посевы не всходили, звери вымирали, рыба плыла вверх брюхом. Деды сели на Круг. Долго зывали они к покровителю Роду. И вот их духи были впущены к Родову трону для вразумления. Великий Род повелел своему народу искать новых чистых земель. На Закате плотно стояли волохи, на Севере множились германы. И лишь на Восток был проход свободен. Тогда между двумя вождями, равными по силе, уму и красоте – Словеном и Деляной – произошёл спор. В результате они разделили народ, и повели каждый свою половину туда, куда звали их сердца.

Люди Словена двинулись севернее, и нашли суровую, но прекрасную в своей чистоте пустошь возле Ильмы-моря.

Люди Деляны взяли южнее, и поздней осенью вышли на высокий берег Око-реки.

Люди Словена познали робких и малолюдных соседей – Чудь. Поэтому, вольно поставив на пустошах городища и веси, они нетрудно отбили нападки приплывавших по Ильму-мору круглолицых скандов, и триста лет прожили в заветной старинке. Они охотничали и рыбарили, вели огороды и сеяли жито. Над могилами вождей они насыпали курганы и приносили на них жертвы Роду. И хранил Род словен от переменностей Рока.

А люди Деляны решили ждать зимы, чтобы перейти Око-реку по льду. Но они остановились на уже крепко занятой земле, и вскоре против них вышли многочисленные воины. Деляна сказал вождю Хозяев речных берегов: «Мы пройдем мимо, дайте нам время». Но вождь ответил: «Там впереди только болота, за которыми Каменный пояс. Вы всё равно вернетесь. Так что лучше воевать сейчас». Деляна сказал: «Мы были в долгом пути и устали. Я не хочу гибели своих мужей. Давай сойдемся один на один, а остальные подчинятся суду богов – Судьбе». Они стали биться на топорах, но Деляна ослабел за путь и скоро пал смертью. Тогда победитель объявил: «Впереди жилой земли нет. Оставайтесь здесь, но забудьте ваше имя и имя вашего бога. Отныне вы, как и мы – Мерь, и Кугу-Юмо – вам бог»!

Триста лет словене не слышали ни слова о покинутой прародине на Вислень-реке. Но вот солнце пропало, и земля начала остывать – это в горах Эладимов разверстое подземье обожгло кожу неба серой. Семьдесят лет беспросветное небо смурело пеплом, ледяные дожди сменялись колючими снегами, мёрзлые реки останавливались и густели болотами. Тогда-то и явились вестники с праотчины. Они вещали о страшных морах, бесконечном голоде и упырях, что шли по пятам за ними. И ещё они несли пророчества и сновидения, от которых тоска захватывала даже самых беспечных. Ибо из небытия Нави на землю детей человеческих стали возвращаться нечистые пращуры.

Деды сели на Круг...

На этом повествование обрывалось.

Маша несколько раз прокрутила пальцем по последним знамениям, но ничего нового не услышала.

- Машенька, внученька! Ужинать! – Раздался снизу призыв на пирог. – Дожили до вечера, будем есть печево!

- Лечу!

Маша спускалась по лестнице и думала о том, что явится продолжением книги. Действительно, что же со словенами случилось дальше?

Внучка с бабушкой сидели за столом около маленького электрического самовара и неспешно пили чай со смородиновым вареньем. Настенные ходики отстукивали последние минуты до девяти часов, кот привычно спал, и лампа за оранжевым абажуром окрашивала всё вокруг в уютные тона. Это там, за окнами, сыро и промозгло, а здесь так хорошо. И пирог оказался необычайно вкусным. Правда, для двоих совершенно ненужных размеров.

- Ты, внученька, ешь, пока рот свеж.

- Баба, а пирог не засохнет?

- Не успеет. Вы его завтра с собой возьмёте.

- Куда возьмём?

- Туда, куда вы собрались. Дальняя дорожка подберёт и крошки.

Маша и баба Паря разом заглянули друг другу в глаза. И бабушка вдруг хитренько подмигнула:

- Говоришь, дождик на завтра нужен? Ладно. Будет вам мелконький, не сомневайся.

А разве Маша что-то ей говорила?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Выходя, будь готов, что не сможешь вернуться.

Аня привычно ловко катила по дороге слегка вихляющую кресло-каталку. Ваня, одетый в чёрное пальто и чёрную вязаную шапку, молча придерживал у груди рюкзак с продуктами. Зато Николка не замолкал. Он то боком бежал возле сестры, то скакал вокруг Маши. И болтал, болтал. Про соседского задиру петуха и про саму глухую соседку, про позавчерашний окунёвый клёв и про бригадный трактор. Выйти у них пораньше не получилось: из-за низких серых тучек, то и дело моросивших противно мелкими каплями, долго не светало. Поэтому они теперь спешили. Расквашенная дорога жирно блестела среди матовых от тумана трав, и резиновые сапоги, в которые все были обуты, неимоверно скользили. Единственное из хорошего было то, что ветерок дул попутный.

Через мост они прокатились легко, а вот потом на подъём кресло пришлось толкать всем. Зато в лесу дорога оказалось совершенно сухой, здесь влагу быстро выпивали деревья. Но бедному Ване теперь доставалось от переезжаемых корневищ. Маша прямо на себе ощущала болезненность толчков, словно это у неё, а не у Вани на кочках моталась голова. Вдруг Ваня поднял руку:

- Стоп! Отсюда не спешим. Внимательно смотрите по сторонам.

Маша изо всех сил старалась заглянуть под каждый куст, под каждый пучок травы. Как будто грибы собирала. Аня тоже, насколько позволяло толкание коляски, вертела головой. Только Николка, посвистывая, не переставал скакать кузнечиком то по одной, то по другой обочине. Наконец Аня не выдержала:

- Да хватит тебе стрекозить! Не слышал, что ли? Ваньша всем сказал быть внимательными!

Николка замер, обиженно повёл по сторонам глазами. И вдруг, вскинувшись, ткнул в сторону указательным пальцем:

- Так вон же листок!

Действительно, на осинке, на уровне человеческого роста в развилке меж веток качался мокрый комок знакомой жёлто-серой бумаги. Надо же, а ведь если бы все смотрели только на землю, то и прошли бы мимо. Теперь уже Аня обиделась:

- Везёт некоторым. Вот уж прав Ершов: «только дурням клад даётся».

И все рассмеялись. Маша осторожно сняла мокрый комок, не разворачивая, поднесла Ване. Некоторые значки и так уже чуть-чуть размазались. Ваня принял в ладони, тонкими пальцами стал понемногу разгибать от краёв:

- Не страшно, не страшно. Почти ничего не утрачено. Интересно, а как это теперь будет звучать? Картаво или заикаясь?

Теперь засмеялись только Ваня и Маша, а Аня и Николка лишь недоумённо переглянулись.

- Ну, что, не утомились? Ещё пройдем?

- Пройдем! – За всех бодренько ответил Николка и опять бочком попрыгал вперед.

- И когда он устанет? Неугомонный. – Проворчала Аня, трудно сталкивая кресло-каталку с места. Они вновь пошли споро, так как не думали, что Волохов незаметно смог бы выбросить две страницы подряд. Низкие облака цепляли макушки высоченных сосен и обливали более мелкие берёзы и ели не дождём даже, а какой-то водяной пылью. Ветер налетал и затихал, проталкивая сквозь заросли клочья тумана. Всё живое попряталось, пережидая в норках и гнёздах непогоду. Но ребятам было весело и от этого почти жарко. По крайней мере, один лист есть, – они и так уже вернутся не с пустыми руками. Ваня наконец-то развернул влажный комок и, обложив страницу с обеих сторон промокательной бумагой, спрятал в черную пластиковую папку. Маша два раза предлагала Ане сменить её в толкании коляски, но та отказывалась, отговариваясь привычкой. А Николка всё дальше забегал вперед, пока вообще не скрылся за поворотом. Маша осторожно поинтересовалась:

- А вы за него не боитесь? Один по лесу...

- Так чего бояться? – Искренне не поняла Аня. – Мы же с ним тут каждый уголок знаем. И за грибами, и за земляникой ходим. Да и просто, когда настроение есть.

- А про колодец над источником?

- Конечно, знаем. А что такого?

- Да так. – Маша поймала на себе очень внимательный взгляд Вани и расхотела рассказывать о привидевшемся.

Николка мчал им навстречу с такой скоростью, что почти не касался ногами земли. И молчал, хотя рот был разинут, как в крике. Приближаясь, он замахал рукой на сторону, словно хотел смести их с дороги. Наконец у него прорезался голос:

- Сворачивайте! Сворачивайте! Мотоциклисты...

Аня рывком повернула кресло и поперёк колеи изо всех стала толкать его к ближним кустам калины. Маша и Николка помогали крутить колёса.

Они едва успели завернуть за заросли, как по дороге мимо них один за другим помчались странные существа. Да, вроде бы это были мотоциклисты – двигатели ревели, выбрасывая из никелированных труб дым, колёса фонтанировали мокрым песком, блестели чёрные кожаные куртки, отделанные по швам серым мехом.... Но что-то в них показалось не так. Может виной этому были странные шлёмы – снизу остро вытянутые вперед, как волчьи морды. И ещё ярко горящие даже днём жёлтые очки-глаза. Так что, когда проезжавший в колонне последним на секунду взглянул в сторону присевших в редкой траве ребят, им показалось, что вот их и обнаружили. Но пронесло.

- Кто это? Что это? – Николка никак не хотел вставать с четверенок.

- Это... это те... самые. – У Ани колени тоже никак не разгибались до конца.

- Вы говорили: Волохов называл их «стригой».

- Стригой – это по северославянски волки-оборотни. – Ваня опять внимательно посмотрел Маше в глаза и тихо, но строго спросил:

- Маша, у тебя были видения? Знаешь: вдруг услышишь голос, или увидишь невероятное?

- Да.

- Ты им веришь?

- Да.

- Хорошо. Это очень хорошо. Значит, я в тебе не ошибся.

- Эй, ладно болтать! – Николка, наконец, встал и засуетился. – Они же, как всегда, в деревню ненадолго. Скоро возвратятся. Надо бы куда подальше спрятаться.

- Правда! – Подхватила его суету Аня. – Вдруг они вообще за нами? Вдруг именно нас ищут? Тогда на обратном пути станут здесь всё очень внимательно осматривать. Давайте, потолкали Ваньшу подальше! Но старайтесь траву зря не мять, чтоб следов поменьше оставалось.

Закатив коляску в низинку, густо заросшую мелкими осинами, ребята, присев, затаились, жадно ловя звуки. Понятно, что со страху немного перестарались – дорога отсюда была далеко, но под ветром чудилось всякое. То чьи-то шаги, то разговоры. Ваня молча развязал рюкзак, достал и роздал каждому по куску пирога. Того самого, который вчера Маша с таким аппетитом уплетала в тёплом уюте бабушкиного дома. А сегодня надкусила пару раз, и всё, больше не хотелось.

- Тсс! – Аня сделала большие и страшные глаза, хотя они и так молчали. И прошептала:

- Едут.

Колонна возвращалась. Но теперь моторы работали тихо, мотоциклисты явно не спешили. А вот, кажется, и вовсе остановились. Что?! Обнаружили место перетаскивания коляски через обочину?.. И теперь разве сложно стригоям пройти по следу?..

Но тут, на счастье детей, в долинку откуда-то повалил густой туман. Такой густой, что буквально через минуту всё стало невидимо. Может, кто-то и ходил вокруг, наступая на щёлкающие ветки, может, кто-то сопел, вынюхивая следы, а, может, им это только казалось. Мелькали чьи-то тени – но в тумане ничего точно не определишь.

Вдали опять вдалеке завелись моторы, и колонна продолжила свой путь.

Тут как раз и ветерок подул, снося парную завесу. Туманный комок приподнялся над землёй, отцепился от вершин деревьев и свободно влился в ближайшую тучку. Спасибо тебе, туман, спасибо.

Ох, и досталось же Ане, Маше и Николке, когда они стали выкатывать Ваню из осиновой низинки наверх! По мокрому-то и скользкому косогору.

По дороге домой они почти не разговаривали. Даже Николка притих, честно помогая сестре катить братово кресло. Дождь прекратился совершенно, из влажных трав поднимался обильный пар. Деревья стряхивали с листьев блёсткие капельки и распрямлялись. Но что-то в природе было не так. Как-то странно рано за вечерело. Небо из серого переключилось в чёрное. И пахло какой-то гарью.

Лес поредел и отступил. Выбравшись на открытое место, ребята поняли, от чего потемнело небо. И отчего пахло дымом. Потому что увидели, как догорает мост.

Он рухнул двумя пролётами прямо посередине реки, не оставляя ни малейшего шанса вернуться в Берендеевку.

- И как нам теперь перебраться? – Маша растерянно смотрела на чёрно дымящее завалившееся перекрытие, на ярко горящие, словно торчащие из воды свечи, просмолённые стояки-опоры, на такие милые и такие теперь недоступные домики на противоположной стороне.

- Это эти самые, стригои, подожгли. Кому ещё? – Аня сняла платок, растёрла по лбу выступивший пот.

- А подожгли для того, чтобы нас вот тут на берегу схватить. – Подтвердил всеобщее страшное предположение Ваня.

- Давайте спрячемся! – Маша встала рядом с Аней, чтобы покатить кресло. – Вон там, в камышах.

Но Ваня поднял руку:

- Стоп! Как бы мы не спрятались – это всё ненадолго. Нужно перебираться на тот берег. Здесь нам не спастись.

- Ох, какой ты, Ваньша, умный! – Вдруг взорвалась Аня. – Ну, так, если умный, подскажи: как и на чём? Подскажи!

Маша положила ей руку на плечо. Понятно, что ругалась Аня и от усталости, и страха. Ей самой в животе стало холодно – вот-вот заревут моторы... и всё.

- Не трогай меня! – Аня дёрнула плечом, скидывая Машину руку, и начала наново подвязывать платок.

- Не ссорьтесь вы. Не ссорьтесь! – Николка вдруг хлопнул себя ладошками по надутым щекам. И стал приплясывать. – Я знаю! Знаю, знаю! Я знаю, знаю всё!

- Так говори. Говори скорей!

- Вон там, влево, ниже по течению, под старой ивой Фрол Лаврентьевич лодку прячет. По крайней мере, в прошлое лето она там была. Я с неё здорового окуня вытащил. Вот такого! А глаза... во! А хвост...

Но никто даже не посмотрел – какого почти метрового окуня Николка выловил прошлым летом, так как Маша и Аня уже катили Ванино кресло к далекой иве. Немного обиженный Николка помчался их догонять.

И в самом деле, под опускающимися в воду длинными ивовыми ветвями стояла большая деревянная лодка. Вернее, она лежала на мелком дне, почти до краёв наполненная водой. Пришлось разуваться, лезть в удивительно тёплую после дождя реку. Раскачав, они слили большую часть воды, и лодка всплыла. Подведя её бортом к берегу, опять наклонили, наподобие ковша бульдозера. Николка держал лодку, а девочки по одному колесу затолкали в неё кресло. Осторожно выровняли. Всё получилось удачно: Ваня оказался точно посередине, лицом вперёд. Аня и Маша радостно уселись на заднем сиденье и начали обуваться. Николка же, стоя в воде, придерживал нос и оглядывался, ища что-нибудь похожее на весло.

И тут из леса послышался знакомый рокот. Николка как мог сильно толкнул лодку на глубину, налегши грудью, с трудом перевалился за борт. И озаботился:

- А чем грести-то?

Они медленно выплывали на середину, когда к догорающему мосту подъехали мотоциклисты. Отсюда они казались такими маленькими-маленькими и совершенно безобидными. По крайней мере, неопасными. И Николка не выдержал. Вскочив на нос, он выпрямился во весь рост и пронзительно засвистел. А потом ещё замахал руками и закричал:

- Эй! Эй, вы! Натек-ка, выкусите!

- Перестань. Сейчас же сядь! – Ваня попытался со своего кресла дотянуться до брата, но тот не унимался:

- Что?! Съели? Обманули дурака на четыре кулака!

- А на пятый кулак вышел Колька дурак. – Закончил присказку Ваня.

Увы, правда. Возле моста взревели двигатели, испустив общее сизое облако выхлопного газа. И вдоль берега к ним помчалась чёрная стая.

Они гребли ладошками изо всех сил, но тяжёлая посудина только медленно кружилась, не желая приставать к такому нужному им правому берендеевскому берегу. Лодку несло ровно посередине не особо широкой и не очень быстрой реки. А на левом берегу теперь то и дело появлялись едущие рядом мотоциклисты. Хорошо, что с их стороны спуск к воде был топким, илистым, густо поросшим камышом и осокой, и преследователям приходилось делать большие петли, отъезжая от реки. Но там, где это оказывалось возможным, они выкатывали к самой воде и, перегазовывая, внимательно следили за проплывавшими мимо детьми.

- Николка, если всё кончится благополучно, ох, я тебе зад нашлапаю. – Аня так сверкала глазами на младшего брата, что было понятно: если бы не разделявший их Ваня, она исполнила бы угрозу, не дожидаясь счастливого конца приключений. Вдвойне напуганный Николка ответно ныл:

- А чего? Зато я листок нашёл.... И лодку.... И этих первый вовремя увидел...

Но Аня не отступалась:

- Да. Но потом всё смазал.

- Я не нарочно. Так получилось. – Продолжал канючить Николка.

- Перестаньте! – Ваня нетерпеливо отмахнул рукой. – Хватит! Давайте лучше посоображаем. Если мы так и будем плыть посередине, ни за что не цепляясь, то через час окажемся в водохранилище. Там нас уже понесёт не течение, а ветер. Откуда он и куда дует?

Все одновременно послюнили указательные пальцы и подняли вверх. Ветер дул в спину.

- То есть, нас может вынести на плотину. Или же в створы электростанции. Да, неутешительно.

- Почему? – Тихонько поинтересовалась Маша.

- Потому что на плотине нас перехватят стригои. А в створах лодку разобьёт на сливах.

- И что же делать?

- Для начала не паниковать. У нас есть ещё час. К этому времени ветер может перемениться.

- Ага. – Николка не мог утихомириться. – Начнёт дуть справа, и подгонит прямо к этим в руки. Или лапы.

- Типун тебе на язык! – Аня показала ему кулак.

- Кстати, ветер нас скоро не просто понесёт, а погонит. – Ваня показал за спину. Там низкие серые облака расступились, как трусливые мелкие хищники перед выходом царя зверей. В распахнувшихся просторах прямо на глазах разрасталось огромное облако. Сверху белое, пузыристо-пенное, а снизу фиолетово-чёрное, явно грозное. Облако росло и близилось, окончательно отгоняя серую мелочь к горизонтам. И в предчувствии грядущей бури никого не радовали ни давно уже не виданное голубое небо, ни неяркое, клонящееся к западу солнышко. Всё вокруг замерло ожиданием. Ветер стих, и даже река замедлила своё течение. Так что лодка почти стояла на месте.

- А где эти? – Маша, прищурясь, оглядывала берег.

- Вон они, там, наверху! – Николка показал на макушку косогора, откуда их преследователи наблюдали за возможным движением лодки. – Ждут, куда нас понесёт. Заодно, наверное, бензин экономят.

Река расширялась, постепенно раздвигая берега, и, продолжая вращаться, они неспешно выплыли на широкий водный простор водохранилища. Здесь даже без ветра волна была заметно сильнее. А что будет, когда их догонит гроза?

Тяжеленная многоярусная облачная громада придавила небо до самой земли. Последний лучик закатного солнца отчаянно взметнулся и угас, оставляя мир в навалившейся темноте. Первый порыв ветра ударил с высоты такой силой, что на несколько секунд буквально как утюгом выгладил все волны водохранилища. Но через секунду волны вздулись вдвое выше и с двойной злобой начали раскачивать и мотать беззащитную лодку. И ветер помогал им, толкая и крутя её с нарастающим напором. Ужас был в том, что лодку понесло влево. Туда, где их и ждали преследователи. Аня и Маша, сев на днище прямо в воду, изо всех сил держали раскачивающееся Ванино кресло. Дождя пока не было, но вдалеке уже несколько раз рокотнул гром. Болтанка всё усиливалась. Николка тоже прижался к брату и что-то ему быстро и невнятно говорил. Вероятно, чтобы отвлечься от страха.

Первые капли были редкими и тёплыми. Почти ласковыми. Но тут же всё осветилось пронзительным бело-фиолетовым светом, и раздался ужасающей силы треск, словно кто-то разорвал небо. И в этот разрыв рухнул ливень.

Молнии били совсем рядом и так часто, что гром не прерывался, перекатываясь то справа налево, то спереди назад. Лодку быстро заливало, и хоть девочки по очереди вычерпывали воду полиэтиленовым пакетиком, она всё прибывала и прибывала. А, главное, в электрических вспышках они уже ясно видели приближающийся берег. В этом месте он был обрывистым, глиняной стеной нависая на несколько метров. Мутные волны яростно били под стену, качая упавшие деревья и иной мусор. Подмываемая стена осыпалась пластами, отступая к лесу, но это только раззадоривало волны, и они с новой силой бросались на штурм.

Когда до обрыва оставалось не более двадцати метров, на нём неярко засветились засекаемые косым дождём жёлтые фары. Тринадцать мотоциклистов редкой цепочкой растянулись вдоль края, поджидая свою добычу.

Пятнадцать метров до берега.

Десять.

Страшный разряд ударил в стоящую на самой кромке обрыва сосну, обнажёнными корнями топырившуюся над водой. Сосна вспыхнула и двинулась навстречу волнам – это целый утёс глины откололся от материка. Покачавшись, гора с горящей сосной не обрушилась, а застыла наклонённым островом. Лодка как раз оказалась под ней, и дети в ужасе сжались в единый комок, ожидая, что вот-вот их раздавит. Но, вместо этого, лодку сильно потянуло вправо, а, затем, так же резко влево – они обогнули новоявленный остров и оказались в щели между отколом и материком.

И увидели пещеру.

Пламя сверху освещало чёрный полукруглый зев, в который вливался бурный мутный поток. Развернув кормой вперёд, лодку потащило прямо в пещеру.

- Мама!!! – Хором прокричали Аня и Маша, Николка и Ваня.

Но в низком глинистом коридоре даже эха не было.

- Мама!!

Грязный пенистый ток, словно мелкую щепку, тащил тяжёлую лодку, на скорости ударяя о невидимые подводные преграды, шаркая то правым, то левым бортом о мягкие, мохнатыщиеся свисающими корнями стены.

- Мама!

Кресло-каталка моталось, вырываясь из рук, больно ударяя девочек по коленям. Сам Ваня едва удерживался за поручи.

- Мама.

Их почти по прямой всё дальше и дальше уносило от входа. Вот вдали последний раз мелькнуло слабое пятнышко света, и наступила полная темнота.

- Мама...

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. Первые шаги в Подземьи.

Лодка остановилась и накренилась. Бурный поток, тащивший их по подземному тоннелю, стих, начал резко мелеть, ужиматься, а вскоре и вовсе исчез.

- Что? Что случилось? – В полной темноте Маша и Аня щупали за бортом жидкую смесь песка и глины.

- Ну, что там? – Переспросил Ваня.

- Воды нет. Почти уже сухо.

- И так быстро. Не могло же за полчаса всё водохранилище сюда втечь.

- Значит, – было слышно, как Ваня озабоченно рылся в рюкзаке, – вход опять завалило.

- Мама! – Пискнул Николка.

- Тихо! Не паниковать.

- Так страшно же!

- Не одному тебе. Всем страшно. Но, всё равно, обойдёмся без истерик. Вот, нашёл. – В руке Вани вспыхнул фонарик. Маленький, синенький – на пяти светодиодах.

- Ура! Ура! Ура!

- Мне этот брелок весной подарили. Я, было, забыл про него за ненужностью. А теперь вспомнил.

- Так это я и подарила! Из райцентра привезла. – Аня пыталась оглядеться, но крохотный фонарик давал слишком узкий лучик, оставляя потолок и стены в непроглядности. – Он на таблеточных батарейках, может больше трёх суток гореть.

- Ну, что, будем возвращаться? – Николка уже забыл про страхи и опять почти подпрыгивал.

- Не будем!

- Как? Как это? Почему? – Все удивлённо или даже возмущённо повернулись к Ване.

- А зачем? Попробуем откопать выход – хлынет вода. В лучшем случае, принесёт опять сюда. В худшем... ну, сами понимаете. Более того, боюсь, как бы нас уже стригои выкапывать не начали.

- И куда мы теперь?

- Вперёд. Раз существует вход, где-то должен быть и выход.

Хорошо, когда в компании есть человек, принимающий на себя ответственность за принципиальные решения. Раскачав, девочки завалили лодку набок и вытолкали кресло с Ваней. Дно иссякнувшего потока образовало плотную и плоскую песчаную дорожку, лёгким наклоном уходившую вглубь земли. Кресло по ней покатило легко, и Аня периодически доверяла Маше сменять себя. Николка, семенивший чуть впереди, подсвечивал под ноги.

Так они прошли больше двух часов. Тоннель никуда не сворачивал. Из всех изменений – с потолка и стен перестали свисать корни. Значит, они спустились уже на такую глубину, куда даже большие деревья не дотягивались. Было влажно и тепло, пришлось расстегнуться. Так как ничего не приключалось, то понемногу напряжение спадало, словно бы они шли по знакомой дороге в хорошо известном направлении.

- Маша, а ты кроме гимназии куда ходишь? В какой-нибудь клуб или секцию? – Аня опять передала ей ручки кресла. – Или в музыкальную школу?

- В музыкальную. И на дзюдо.
- Ого! – Николка мгновенно оказался рядом. – В самом деле? А мне приёмчики покажешь?
- Ты свети, давай, как следует! – Аня слегка хлопнула братца по затылку. – Бить дурака – жаль кулака.

- Ну-ну. Маленьких легко обижать. – Николка к своим обязанностям вернулся, но молчать не мог. – А вот Маша меня научит, я тогда тебе покажу. Ты у меня попросишь прощения. А я ещё подумаю: прощать или нет...

- Тихо! – Ваня знакомо вскинул руку в предупреждении. – Смотрите.

Далеко впереди что-то засветилось.

Не яркой звёздочкой, а рассеянно бледным пятнышком.

- Давайте не будем предполагать, что нас обязательно встретят друзья. – Ваня за рукав удержал чуть, было, не рванувшего вперёд брата. – Наши последние приключения на такое не особо настраивают.

- Как скажешь. Только у меня уже ноги от усталости подгибаются. – Аня тяжело облокотилась на Ванино кресло. – И если там не избушка бабы-Яги и не замок Людоода, то остальное уже не пугает.

- Я к тому, что мы туда всё равно пойдём, но осторожно.

И они пошли на свет. Бледное пятно близилось, разрасталось. Слоёная глина потолка и стен, плотный песок дороги подхватывали встречную голубоватую серость, и Николка вскоре выключил фонарик.

Тоннель вывел к воротам, из-за которых и выливался свет. Грубо отёсанные коричневые камни образовывали узкую, но высокую арку, в которую смог бы въехать всадник. Оббитые поржавевшим металлом створы ворот были чуть приоткрыты и, как сугробами, привалены песком, видимо, нанесённым недавним потоком.

Они переминались перед аркой в полной нерешительности: входить или подождать? А чего ждать? Или кого? Вдруг Маша услышала, как её позвали. Она оглянулась на Аню и Ваню, на Николку. Но явно те ничего не слышали.

- Мария... – Повторилось из-за створ. Потом настойчивее:

- Мария!

И она шагнула в ворота.

- Ты куда? – Попыталась перехватить её Аня. Но Ваня остановил сестру:

- Стой! Не мешай. Маша знает, что делает.

Она бочком проскользнула в щель и оказалась в величественной пещере. Белые меловые стены сплошь покрывали колонии больших и малых кристаллов. Бесцветно-прозрачные, чуть голубоватые и нежно розовые, желтоватые и слабо зеленые – кристаллы искрились как снег в морозную лунную ночь, и от этого казалось, что стены пещеры колышутся. Высокий потолок состоял из сотен или тысяч природных куполов, разновеликими сотами уходящих в затемнённую даль. Пол пещеры устилал белый же песок, из которого редко росли странные цветы. Цветы без листьев – только высокие, в Машин рост, стебли и бутоны. Над бутонами, напоминающими огромные орхидеи, неспешно роились желтоватые светляки.

Свет, заполнявший пещеру, исходил со дна небольшого озера.

Там, в неопределяемой глубине плавал огромный шар, истекающий этим бледно-голубым светом. Вокруг шара играли серебристые рыбки. Наклонившись, Маша увидела своё отражение. Ей непреодолимо захотелось окунуть в воду руки.

- Здравствуй, Мария. – Заворожённая открывшимся великолепием, она даже не заметила, что за спиной у неё, около воротных створ стоял очень высокий широкоплечий юноша в белых русской рубашке и широких штанах. И в мягких белых же сапожках. Светло-пепельные, чуть вьющиеся волосы, расчёсанные на прямой пробор, скобкой окормляли необычайно правильное лицо. Юноша был красив. Очень красив. Только вот большие глаза его пугали какой-то внутренней пустотой. Словно стеклянные.

- Я поджидаю вас. То есть, я здесь для встречи с тобой.

- Со мной? А кто ты? Как тебя звать?

- Всё равно. Сейчас я Яр. Но могу быть Соковней. Могу – собакой, овцой, кроликом или карпом. Всё равно.

- А почему ты ждёшь меня? Откуда ты меня, вообще, знаешь?

- Знаю. Все эти дни я спал котом твоей бабушки. А здесь я потому, что встретить вас приказал он.

- Кто «он»?

- Вы зовёте его «Волохов». Он приказал мне провести вас через лабиринт Нави.

- Куда?

- В блаженный Ир.

В этот момент в ворота протиснулись Аня и Николка. Запрокинув лица, с открытыми ртами они немо озирали пещеру, и Маша оценила, как долго Яр не мешал ей точно так же млеть от этой красоты. Первым в себя пришёл Николка. Он дёрнул сестру за руку:

- Вот она. Да очнись же!

Аня с трудом опустила глаза, с трудом вспомнила кто перед ней:

- Маша. Мы тебя ждали-ждали.

- Да я точно так же тут про всё забыла. Такая краса! Давайте закатим сюда Ваню.

- Ага. – Согласилась Аня и опять раскрыла рот на фантастические цветы и на роящихся над ними светляков.

Маша с Николкой вышли в тоннель и попытались протолкнуть кресло-каталку в щель между створами ворот. Кресло не проходило. Они пробовали и вдоль, и поперёк, и наискось – ничего не получалось. Ваня, сжав подлокотники побелевшими пальцами, терпел. Даже улыбался, хотя лоб покрылся испариной. Он явно стеснялся перед Машей своей беспомощности. Наконец они сдались, и Николка предложил:

- Надо Ваньшу отдельно занести. Кресло-то складывается, и мы его потом протолкнём.

В этот момент с той стороны появился Яр:

- Мне нельзя выходить за врата в человеческом облике. Вы приподнимите его, придвиньте ближе, а я тут приму на руки.

Маша тут же взяла Ваню под локоть, но он вырвал руку:

- Кто это?

- Это Яр. Его послал нам в проводники Волохов.

- А почему мы должны ему верить? Мало ли кто чего наговорит.

Маша испугалась, что Яр обидится, но тот, не меняя отстранённого выражения лица, протянул Ване лист:

- Это пятая страница книги Волохова. По пути мы обретём другие. Я с вами пройду до девятой. Далее ничего не знаю.

Ваня схватил листок, жадно осмотрел. Даже по первым знаменьям пальцем покрутил. И примирительно улыбнулся:

- Прости, пожалуйста. Сегодня мы такого натерпелись.

И сам помог Маше и Николке приподнять своё непослушное тело.

Когда Николка попытался проташить в пещеру кресло-коляску, Яр, легко державший Ваню на одной руке, остановил его:

- Брось. Кресло больше не потребуется.

- А как же?..

- Я пронесу его через лабиринт.

- Но, а потом? Вдруг чего...

- Потом суп с котом. Не спорь со мной, просто исполняй.

В этот момент с берега светящегося озера раздался отчаянный визг. Это Аня, извиваясь червяком, пыталась выдернуть из воды опущенные в неё ладони.

Николка, запнувшись о коляску, застрял в воротах. Поэтому первой на помощь примчалась Маша. Она увидела в воде Анино отражение, которое пыталось утянуть Аню к себе. Маша подхватила подругу за талию и дёрнула. Ещё раз. Ещё. Бесполезно: Анины руки уже по локоть погрузились в глубину.

И тут раздался бесстрастный голос Яра:

- Не смотри на неё. Отвернись.

Аня оглянулась на Яра, в тот же миг её руки вырвались из подводного захвата. И девочки покатались кубарем.

- Это Берегиня Малого подземного озера. Она немного вредная, оттого, что сюда кто-либо заходит не чаще, чем раз в триста лет. Скучает. Но ты тоже запомни на будущее: никогда не заглядывай в глаза незнакомым существам. Всё равно – зверям или духам.

Наконец подоспел Николка. Он замахнулся на озеро еловой палкой.

- Даже не вздумай. – Яр говорил как бы сам себе, мерно, не повышая голоса. – Оскорбивший воду, превращается в камень.

- Так она... мою сестру!

- Превращается в камень.

- Спасибо. – Буркнул Николка.

- Спасибо. – Тихонько добавила Аня. Она наконец-то рассмотрела Яра и теперь густо покраснела.

- Какие будут пожелания? – Яр стеклянным взглядом скользнул по лицам детей.

- Спать. – Созналась Маша.

- Да. Спать и есть. – Уточнил Николка.

- Просто спать. – Прошептала Аня.

А Ваня уже честно дремал на плече Яра.

- Пройдёмте, там за озером я поставил для вас шатёр. В нём и закуски найдёте.

Шатёр из светлого полотна был на несколько слоёв застелен толстыми мягкими коврами. Посредине на большом круглом блюде в навалку лежали яблоки, виноград, печенье, конфеты и подкопченные куриные окорочка. Разнообразные соки в маленьких пакетах рассыпались по всему шатру.

- Я исполнил ваши желания. – Яр аккуратно положил заснувшего Ваню ближе к стенке. – Закусывайте и отдыхайте. Через восемь часов мы выходим.

Николка сразу впился в курятину. Даже заурчал. А Маша и Аня переглянулись: неужели это всё, чего бы им хотелось? Да, небогатое воображение.

Сон протекал тяжело, прерывисто. Маша то и дело просыпалась, садилась, очумело смотря, как рядом мечутся, постанывают и пытаются говорить Аня и Николка. Только Ваня, как его положил Яр, так и лежал. Откинувшись, она падала в какую-то пропасть, где вместо снов в голову врывались рваные картинки из пережитого за прошедший день. Только ближе к подъёму пришло успокоение. И только-только она расслабилась... как над головой раздался бесстрастно-приказной голос:

- Время нас не ждёт! Пора в путь.

Наскоро умывшись из вытекающего прямо из пещерной стены крохотного водопадика, они едва успели по первому разу набить рты, как шатёр со всем своим наполнением пропал. Раз – и ничего не стало! Аня, Маша и Николка оказались сидящими прямо на песке. Яр, держа на руке Ваню, молча кивнул и пошагал в глубину пещеры. Спасибо, хоть то, что успели откусить, изо рта не исчезло.

По мере удаления от озера, темнело. Со стен всё реже сверкали кристаллы, цветов больше не встречалось. Зато с потолка то там, то здесь свисали длинные и тонкие меловые и гипсовые сосульки – сталактиты. Яр шагал широко, легко, несколько оторвавшись от детей. Иногда он что-то отвечал на Ванины вопросы, но что, разобрать было невозможно. Поотстав, девочки шли рядом, рука в руку. А отчего-то загрустивший Николка замыкал шествие.

- Яр – он кто? – Аня ни о чём, точнее, ни о ком другом говорить со вчерашнего дня не могла.

- Весенний пастух. Соковня – по-белорусски «мартовик».

- А почему он такой ... холодный?

- Разве? Он просто бесстрастный.

- Я «Снегурочку» читала. Там Яр вечно в кого-то влюблённым был.

- Так то писатели напридумывали. А здесь он такой, какой на самом деле.

- Жалко.

- Что «жалко»?

- Ладно, проехали.

Впереди в неразличимости сумрака послышалось множественное топотание, какое-то шуршание и попискивание. Дети прибавили шаг, и, как можно ближе, пристроились к Яру.

Навстречу им вышел караван мышей. Огромные, не меньше средней овцы, мыши семенили колонной, каждая была привязана подобием узды к хвосту впередиидущей. На спинах у них бугрились пухлые мешки из цветных тканей. Чёрные круглые глазки, розовые ушки, бархатные щёчки – если бы не размер, можно было бы сказать, что они милые. Вёл караван очень бледный толстяк в голубом мундире полковника австрийских егерей донаполеновских времён. Из-под отделанной мелкими перьями треуголки до пояса ниспадали иссиня-чёрные с поблескивающей проседью пряди прямых волос. Толстяк как-то заранее радостно улыбался Яру:

- Приветствую тебя, Весенний пастух Яр-Соковня, вокулак Славии!

- Здравствуй, Карл-Йозеф-Густав Меровинг, Чёрный принц Силезии.

Мыши продолжали свой путь, а улыбочивый длинноволосый толстяк и Яр неспешно пожимали друг другу руки за запястье.

- Тебе велено передать от него. – Толстяк протянул Яру жёлто-серый лист. Яр тут же отдал его Ване: «Шестой».

- О, в какой ты милой компании! Чудесные создания! Позволь поднести твоим дамам по маленькому подарку? – Человек, названный принцем, вынул из кармана плоскую золотую коробочку, подцепив край длинным ногтем, приоткрыл, и на свет явились два крохотных золотых же букетика по три лилии каждый с бриллиантовой крупкой на лепестках. – Примите в знак моего восхищения вашей юной красотой.

Девочки, было, растерялись, но Маша догадалась и присела в книксене. Аня, как сумела, повторила за ней.

- Милые, какие милые! – Толстяк положил каждой в ладонку брошь и поцеловал кончики пальцев. – Однако я спешу, друзья мои. Послезавтра совет Проклятых королей в Киото, а по дороге в Японию мне ещё предстоит нанести визит Далай-ламе в Тибете, походатайствовать о монгольских Бон-По. Прощайте! И ещё, Яр, не попадись на глаза Додоле. Она тебя растерзает!

Они тоже двинулись. Николка, наконец-то, очнулся и привычно запрыгал, забегая вперёд:

- Яр, а сабля у него настоящая?

- Настоящая. Ножны и рукоять тысяча семьсот семидесятого года, работы мастера Альфонсо Шверцари. А клинок очень древний. Очень. Когда крестоносцы вывезли его из Аравии, этой сталью было уже оборвано более тысячи человеческих и оборотнических жизней. Этим клинком ещё Сасаниды в Тегеране защищали учение Заратустры от воинов Ислама. А после падения Христианского Иерусалима, он служил в Испании шейху Идрису. Потом принадлежал рыцарю Роджеру де Монтагю. Принцу Карлу-Йозефу-Густаву клинок достался от отца, Силезского короля Густава-Иосифа-Карла, по матери внучатого племянника графа Дракулы.

Маша-то теперь знала, кто такой «внучатый племянник». А Аня, неотрывно любовавшаяся брошью, вдруг прыснула:

- Родственник Дракулы? Этот добрый, хороший человек – родня вампиру?

- Во-первых, не человек. – Заметил Яр, на секунду скосив глаза на девочек. – Во-вторых, здесь в Подземьи нет ни хороших, ни добрых. Здесь нет дружбы и преданности. В Подземьи существуют необходимые сговоры и взаимокорыстные союзы. И полученные подарки вам ещё могут дорого обойтись.

- А почему ты назвал его «чёрным принцем»? Из-за волос? – Вклинился Николка. – И кто такие «проклятые короли»?

- Проклятые короли – это короли, князья, цари и султаны, которые не только правят своими народами, но, одновременно, являются и верховными жрецами. Когда-то давным-давно такое было повсюду, ибо вожди первоарийских племён Кавии не разделяли жречество и политику. Но слишком часто такие властители смешивали свою волю с волей богов. Некоторые даже пытались сами стать богами. – Яр ровно шагал во всё сгущающуюся мглу, размеренно говоря в такт своему движению. – Поэтому произошло отделение власти небесной от власти земной. Однако некоторые из королей и князей не послушались высшей воли. Они тайно продолжили своё жречество, только теперь они приносили жертвы не прежним богам-покровителям родов, а злу, помогавшему им лично. Меровинги – одни из таких.

Что ребята узнали о Проклятых королях.

Обычно невежи зовут «Меровингами» лишь Длинноволосых королей, правивших с пятого по восьмые века на землях будущей Франции, Германии и Бельгии. И хотя сами Меровинги свою родословную выводят от еврейского патриарха Вениамина и троянского царя Приама, исторически основателем династии считается Фарамонд, сын Маркомира, внук вождя германского племени сикамбров Меровея. Этот Меровея родился сразу от двух отцов – от короля Хлодио и морского чудовища. Смешение человеческой и змеиной кровей и определило судьбу всех его потомков, которые стали королями-колдунами, властителями-волшебниками, подобно фараонам Древнего Египта. На сердце или между лопатками каждого Меровинга имелось родимое пятно – в виде красной буквы «Т», а под волосами таились ритуальные надрезы, подобные надрезам священников Тибета. Они лечили и убивали касанием рук, разговаривали с животными и предвидели будущее. Подданные верили, что магическая сила их королей заключена в чрезвычайно длинных волосах. Поэтому отсечение волос означало потерю права на корону.

Второй внук Меровея, Хлодвиг – знаменитый поэт и воин, покорил множество народов и утвердил столицу в Париже. Крестивший Хлодвига святой Ремигий предсказал, что господство его потомков продлится до Конца Света. И пророчество сбылось. Пусть в 751 году последний из Меровингов король Хильдерик III был низвергнут, коротко острижен и заточён в монастырь, пусть троны по всей Европе заняли династии Каролингов и Капетингов, восстановителей Священной Римской империи, но власть королей-магов из явной лишь стала тайной. И дело не в том, что через направленное замужество принцесс кровь Меровингов втекла в жилы английских Стюартов и испанских Бурбонов, славянских Рюриковичей и германских Габсбургов, нет – просто наступило время, когда власть их меча сменилась властью их кошелька.

А, главное, никуда не исчез дух Меровингов: с их помощью древние колдовство и магия продолжали войну против наступающего христианства. Именно за постоянное покровительство врагам церкви – арианам, альбигойцам, катарам, гуситам, тамплиерам – Меровинги были прозваны Проклятыми королями.

Антицерковные учения тайных обществ чрезвычайно досаждали Римскому папе. Но по настоящему эти общества оказались опасны для светских правителей Европы. Ибо, вывезя из Палестины запрещённое у греков и римлян, галлов и кельтов, германцев и славян ростовщичество, Меровинги и их слуги – ссужая деньги под проценты, очень скоро собрали несметные богатства. Золото всегда привлекало малодушных и развратных, алчных и трусливых, но, прежде всего, охота новоявленными банкирами повелась за теми влатителями, от воли которых зависели судьбы многих простолудинов. Ловушка для жертв были проста – потакание порокам. Как пишется: «кустипи соблазну». И вот ленивые монархи и безалаберные принцы, нравственно нестойкие кардиналы, жадные судьи и вороватые торговцы оказались сплошь должниками изобретателей чеков. А, следовательно, все войны и примирения Европы, поставления на трон и революции, торговые сговоры и экономические блокады – от Португалии до Польши и от Ирландии до Сардинии происходили не без решений, казалось бы, давно сверженной династии.

Шли века, но древняя сила лишь меняла внешность. За тамплиерами судьбы народов вершили мальтийцы, за госпитальерами – франкмасоны, за розенкрейцерами – политические партии и клубы... ООН и транснациональные компании. Дух тайной власти расплылся по миру, везде опираясь на местных правителей-колдунов – в Аравии и Мексике, в Индии и Океании, Тибете и Японии...

Николка почесал затылок:

- Яр, а сегодня Меровинги есть?

-Ты только что познакомился с одним из них.

- Нет, я хотел узнать: существуют ли Проклятые короли у нас, на поверхности?

- В Подземьи нет ничего, чего нет в вашем Среднем мире. Например, все президенты Соединённых штатов Америки обязательно несут в себе кровь Меровингов.

- Ничего себе! – Николка аж запнулся. – А откуда ты это знаешь?

- От верблюда. Или ты думаешь, что племянницу президента Кеннеди отдали замуж за Шварценеггера только потому, что он такой красивый?

- И Арнольд?!

- Яр, да ты, вообще, про Шварценеггера знать-то не должен! – Вмешался Ваня.

Кажется, у Яра впервые промелькнула эмоция, и он чуть обиженно проворчал:

- Что ж, по-вашему, я телевизор не смотрю.

«Ну, да», – подумала Маша, – «лежит себе кот на табурете, вроде спит. А сам за «Зенит» в полглаза болеет».

Наступила тишина. Скорее всего, Яр не обиделся. Просто ребята, переваривая услышанное, больше не докучали вопросами. Молча прошли несколько минут. Пещера всё темнела, и Николка уже пару раз зажигал фонарик.

Яр поиграл пальцами, как бы кроша невидимый хлеб, и перед ним засветился рой желтоватых светляков. Жестом послав рой вперёд, он обернулся к девочкам:

- Идите за светом. Там вам постелены ковры и выставлено угощение. Немного передохните – приятное пешешествие кончилось. Впереди нас ждут трудности.

ГЛАВА ПЯТАЯ. Пограничные царства.

После отдыха, который оборвался так же бесцеремонно, как и завтрак, они пошли цепочкой. Впереди летел рой светляков, за ними шагал Яр с Ваней на руках, далее Николка, Аня и замыкающая Маша. Дело в том, что идти теперь приходилось меж торчащих острых отрошков-сталагмитов и хаотично наваленных разноразмерных глыб мрамора и известняка. Потолок снизился, и нужно было следить, чтобы не стукнуться головой о нависающие сосульки-сталактиты. От напряжённого взглядывания в почти полную темноту глаза уставали и слезились. К тому же стало очень сыро и пахло плесенью. Иногда под ногами хлюпали мелкие лужицы.

А ещё отовсюду теперь слышались звуки. Что-то чмокало, где-то урчало. Шуршание осыпей переходило в шипение и посвист. У одной из глыб Яр остановился. Провёл ладонью по выбитой зигзагами «молнии-змейке» грубого орнамента:

- Мы вступаем в страну Щура. С самим владыкой у меня договор на прохождение его земель без препятствий. Но его подданные глупы и алчны. И жаловаться на них бесполезно, точнее, некому – Щур ценит свой сон и активен только несколько дней в конце осени. Поэтому держитесь плотнее, и не теряйте друг друга из вида. В случае нападения уместны все способы самозащиты.

- А кто нападать будет? – Аня и Николка спросили одновременно.

- Как кто? Жабы. Тритоны. И полозы. Ведь владыка Щур – телом ящер.

Такие наставления два раза повторять не требуется. Они взялись за руки, и идущий впереди Николка теперь то и дело наступал Яру на пятки.

Первую жабу они увидели через полчаса. Студенисто-пупырчатая серая масса величиной с подушку сидела на камне. Выпучив окаймленные золотыми кольцами глаза, жаба внимательно смотрела на проходящих, глубоко дыша светло-розовым горлом. Николка показал ей кулак, но она не среагировала.

Лужи становились всё шире и глубже. Отовсюду исходил затхлый запах плесени и гнили. Ребята с брезгливостью обходили покрытые слизью камни, стараясь ничего не задевать одеждой. Озабоченные эстетическими проблемами, они не заметили вторую жабу. А она была куда крупнее первой! Никак не меньше легкового автомобиля. Хорошо, что земноводное заинтересовали не люди, а рой светляков. Мелькнул выброшенный двухметровый липкий язык, и мгновенно наступила темнота. Два или три оставшихся насекомых слабыми искрами разлетелись в разные стороны.

- Жабы за сотни лет дорастают до совершенно непредставимых размеров. Так что не включай фонарь. – Предупредил Яр Николку. – Иначе следующим слижут тебя.

- Как особо крупного светляка. – Включился Ваня.

- Ты же у нас такой сдобненький. – Добавила Аня.

Отшучиваться у Николки желания не нашлось.

Яр опять потёр пальцами, и новый рой осветил дорогу.

- Потерпите, скоро будет суше. Мы приближаемся ко дворцу владыки Щура.

Действительно, и лужи исчезли, и дышать стало легче. Начался пологий подъём, более-менее расчищенная дорожка извилистой змейкой возводила на невысокий, но раскидистый холм, вершину которого венчало что-то пирамидальное, вроде гигантского чёрного чума. Очередной поворот, и впереди засветились зеленоватые арочные окна, опоясывающие нижнюю часть круглой каменной пирамиды. Они подходили к вынесенным наперёд воротам. По обочинам дорожки торчали чёрные заточенные столбы, у подножий которых что-то шевелилось.

- Это василиски – сторожащие полозы. Они достаточно ленивы, и если не делать резких движений, то и не тронут.

- Они не ядовитые?

- Нет. Но кусаются больно, как собаки.

Полозы, безногие ящерицы, похожие на коротких толстых змей, чуть приподнимали головы, иногда шипели, но мест своих не покидали.

Ворота из литых чугуновых плит на стук отозвались глухим стоном. Через несколько секунд откинулся вертикальный лючок, и в щель высунулась маленькая цветная головка тритона. Длинная плоская шея покачала голову, и тусклые глаза уставились прямо в Ваню. Тритон что-то просипел. Яр ответил ему тем же. Голова опять поболталась, подслеповато оглядывая округу, и втянулась в люк. Ворота неспешно отворились.

Они пошли длинным коридором под высоким арочным потолком. По стенам из тёсанного серого камня горели вмурованные факелы. Их ровное, без колебаний пламя светило бледно-зеленоватым оттенком. «Метан, болотный газ», – догадалась Маша. Ещё в стенах были небольшие, но глубокие ниши, из темноты которых холодно поблескивали чьи-то глаза. Тоже сторожа-василиски?

В конце коридора они остановились у высоких, такого же чугунового литья, дверей. По бокам на каменных тумбах-подставках дремали два, на вид очень древних тритона. Похожие на не особо больших дракончиков, водяные твари откровенно спали. Подождав несколько секунд, Яр сам толкнул дверь в Зал приёмов.

Неоглядное помещение со сходящимися в высоту в одну точку наклонными стенами освещали огни нескольких висящих на цепях светильников, выкованных в виде моделей древних парусников. Трон владыки, стоявший на ступенчатой горке прямо напротив входа, был пуст. Щур появлялся здесь раз в год на несколько дней, когда начинали замерзать реки и озёра. А в остальное время от его имени все дела вёл Совет жрецов. Правда, и дел-то обычно никаких не заводилось. Совет так же, как и все остальные подданные, большую часть времени посменно дремал, в очередь поддерживая непрерывность жертвоприношений и славословий великому Щуру. И сейчас в зале дежурила только два совершенно седых старца-финна, одетых в широкие и длинные льняные балахоны светло-оливкового цвета. Едва оторвавшись от своего кресла, тем не менее, с очень важным видом один из них, постукивая посохом, направился навстречу вошедшим. Желтоватый отлив седины, иссохшее в мелкую сетку морщин серое лицо, руки-кости, обтянутые пятнистой кожей – старец сам чем-то напоминал тритона. Приблизившись вплотную и взглядевшись из-под кустистых бровей, он с трудом, но узнал Яра. Облегчённо улыбнулся, раздвинув обвислые усы:

- Это ты, друг Яр. Приветствую. А я-то думал, кого к нам нелёгкая занесла?

- Приветствую тебя, Велс, Брат Совета.

- Что за люди с тобой? Чего им надобно?

- Никакого беспокойства для вас. Они под опёкой моего господина. Я должен провести их через Навь. А здесь мне нужен Боян.

- Ох, хлопотное твоё дело. Вы присядьте пока на скамье гостей. Скоро на смену времени выйдет Боян и отдаст распоряжения на ваш счёт. Присядьте. – Узнав, что никаких проблем от гостей не предвидится, старец, уже по-домашнему небрежно волоча посох, пошаркал на своё место.

Гостевая лавка располагалась справа у входа. Судя по её длине, гостей тут накапливали месяцами. Яр сел посередине, справа посадил Ваню, возле которого примостился Николка. Девочки сели слева.

- Яр, где мы? – Шёпотом поинтересовалась Аня.

- Владыка Щур – древнейший хозяин Севера. Когда-то он, как и многие нынешние подземные владыки, властвовал в Среднем мире. Ему подчинялись Соловейская земля и

Свенское море, Бьярмия и Лада-озеро. На Востоке ему кланялась пермь, на Западе – прусь. В Ладе стоял его подводный дворец, и Щур любил, чтобы каждый год старейшины приводили к нему самую красивую девушку. Он был молод, силен и смело выходил весной и осенью на поединки с Громобогом-Свентовитом, плавучий дворец которого высился над Ильмом. Они бились на порогах волховской реки. Весной побеждали огонь и тепло, осенью – вода и холод. С весны до осени жрецы служили небу и молнии и дули в горны, с осени до весны – подземью и льду, играя на гусях. Мир держался в равновесии. Но время шло, на Север прибыли новые люди, с новыми богами. Новые алтари заполнили земли, стесняя былого владыку. Лишаемый жертв, Щур быстро терял силы. И тогда гусяры, возревновав к пришельцам, чёрной магией вызвали на помощь Зло и Смуту из Нави. Произошла битва. Люди против людей, боги против богов. Мы победили.

- Вы?!

- Я пришёл со словенами. Низвергнутое Зло и Смута вернулись в Подземье. Но увели с собой и Щура с предавшимися им жрецами.

- И как вы теперь... общаетесь? К тебе здесь даже как-то неплохо относятся.

- Повторю: в Подземьи нет дружбы. Здесь существуют необходимые сговоры и взаимокорыстные союзы. Наша война давно кончена. А я не несу хлопот, не смущаю их дрёму. Но могу передавать вести и послания в любые миры. Я им полезен.

- А кто этот Боян, которого мы ждём? Не тот ли, который «вещий»?

- Тот самый. Боян был любимцем Свентовита. Он лучше всех воспевал героям Славу, и этим возводил души павших воинов к пирам Вырии. Но он не посмел выступить против Совета жрецов, так же, как они, приняв Зло. И вместе со всеми низвергся сюда, в царство жаб и тритонов. Однако он великий и хитроумный колдун, так что несколько раз возвращался в ваш мир, где прислуживал новым богам и князьям.

Из бокового проёма в Зал приёмов вошло семь длинноволосых и длиннорылых старцев. Благообразные лица, седые волосы, зеленовато-серые одежды, тонкие жезлы – кто бы подумал, что они могли вызывать на землю Зло и Смуту? Впереди шествовал самый высокий и самый пышнобородый. От всех его отличал длинный, загнутый назад, тёмно-красный колпак с меховой оторочкой. Вещий Боян?

Старцы расселись по своим местам, а гости встали. Яр, а за ним остальные подошли к Совету. Придерживая Ваню, Яр поклонился в пояс:

- Приветствую тебя, Правый друг владыки Щура, глава Совета гусярей, Боян сладкогласный!

Девочки и Николка тоже кланялись. Боян ответно качнул колпаком:

- Рад видеть тебя, Весенний пастух Яр-Соковня, вокулак Славии. Какие красивые с тобой девушки. – Маше и Ане вдруг стало неловко под пронзительно острым взглядом Баяна.

- Они очень молоды. Им ещё только предстоит взрослеть.

- А разве я промолвил о том, что Владыка Щур ждёт от кого-то человеческой жертвы? Те времена, увы, давно минули. И место здесь печально, ибо такие красавицы у нас давным-давно не появляются.

- Повторяю: они совсем ещё девочки.

- Да, да, конечно. Но что привело тебя и твоих друзей в наши владения?

Пока до Ани и Маши дошло, о чём и о ком говорят Яр и Боян, те жёстко упирались взглядами, едва не соприкасаясь лбами. В это время остальные старцы достали из-за спинок кресел гусли, украшенные посеребрёнными головками ящеров. Расположив гусли поудобнее на коленях, они стали тихонько наигрывать. Звон перебираемых струн рвал мысли, не давал ни на чём сосредоточиться. А хотелось рассмотреть и сам зал – со свисающими с потолка светильниками-кораблями, со сложно завитыми змеистыми узорами стенных росписей. И сплошь жемчужный, переливающийся голубым и розовым перламутром трон. Да ещё не упустить бы ни слова из разговора Яра и Баяна.

- Я исполняю волю своего повелителя и веду этих людей в Ир.

- Тогда послушай моего совета: не входите в землю царя Кошца.

- Рад всегда внимать твоей мудрости, Боян сладкогласный, но объясни – почему?

- Эти люди несут золото, и вряд ли им удастся пройти через Врата стражей. Алчность твоего друга вошла в былинны.

- Ты видишь всё и вся, от тебя нет тайн ни под небом, ни под землёй.

Боян самодовольно улыбнулся. На взмах его руки из-за кресла выполз здоровенный чёрный полоз, держащий во рту жёлто-серый лист.

- Возьми. Это от владыки Щура. И ещё. Над землёй сегодня взошла полная луна, три ночи Навь празднует и кипит. Есть ли у вас оружие?

- Благодарю за заботу, Боян сладкогласный, мы готовы к искусам и испытаниям.

Яр взял листок, передал его Ване и поклонился Совету:

- Нет ли просьб или поручений?

- Нет, Яр-Соковня, ступай с миром. – Боян приложил ладонь к своему красному колпаку. – Берегите себя.

Длинным коридором они вернулись к воротам, вышли в темноту. Миновав столбы с дремлющими полозами, быстро спустились с холма. Яр сотворил светляков и повёл ребят в обход дворца Щура с правой стороны.

Хлюпали лужи, кто-то где-то шипел, что-то чмокало и урчало. Небольшая, размером с курицу, жаба попыталась опять слизнуть светляков, но Яр вдруг с такой силой поддал ей ногой, что бедное земноводное, кувыркаясь, отлетело футбольным мячом в непроглядное небытие. Всё-таки есть у него эмоции. Маша обогнала Аню и Николку, пошла рядом с Яром:

- У вас с Бояном не всё гладко. Ты не отвечай, если не хочешь. Но что он имеет против Кощея? Аж вздрагивал, когда произносил его имя.

Яр шагал ровно, не спуская глаз со светляков:

- Мы пришли на Север с Кошеем. И бились рядом. Я свидетельствую: он великий воин, только Сварог был равен ему во владении оружием. И по победе Кошеем достался трон Щура. А Сварог сместил Громобога. В отличие от Щура, Кощей не принимал человеческих жертв, но он возлюбил богатства. Золото и серебро, жемчуг и самоцветы стали его болезнью. Ради их блеска и звона Кощей начал пренебрегать законом и покровительствовать недостойным.

- А как он выглядит? Как скелет в короне? – Николка попытался пристроиться с другой стороны.

- Насмотрелся сказочек. – Яр прибавил шаг и опять оказался впереди. – Нет, Николка, второе имя Кощея – Морозко. Ты каждый Новый год танцуешь с ним под ёлочкой. И получаешь подарки из большого красного мешка. Ибо раз в новолетие он должен отдавать всё приобретённое за год.

- Что-то никогда мне бриллиантов под ёлочку не клали.

- Не тебе одному. Отсюда и наши беды.

- А что приключилось дальше? – Маша всё же старалась не отстать.

- Да, Яр, почему вы тоже оказались здесь, под землёй? – Ваня, столько времени молчавший Ваня, опередил Машин вопрос.

- Эпоха сменяет эпоху – это закон всебытия. Молодой Перун возжелал трон стареющего Сварога, а юный Велес – ослабшего Кощея.

- И?

- История ничему не учит. Хранитель потока времён Родомысл многих не смог убедить, и вот наши жрецы, точь-в-точь, как когда-то гусяры, не пожелали смириться с велением перемен. Для борьбы за свою власть они опять же обратились за помощью ко Злу. Поэтому и мы теперь здесь. В соседстве с теми, кого победили в свой час. Мы здесь потому, что хотя бы один раз призванное Зло никогда уже тебя не покидает. А дальше... в вашем мире загорелась Бегучая звезда и указала спасение людям. Через тысячу лет на Север пришла новая вера.

- А разве тут, в Подземье, оказались все? Все ваши? – Ваня спрашивал громко, что бы остальные слышали. Он, видимо, знал ответ. Предугадывал.

- Нет. В вашем мире продолжают жить Пятница и Коляда, Купала и Кострома.

- Но ты тоже выходишь на землю.

- Только в виде домашних животных. Я – воулак, оборотень. В Среднем мире я не имею человеческого обличья.

- Оборотень? Воулак.... А кто ж тогда вурдалаки?

Есть, есть у Яра эмоции. Он резко оглянулся на Аню, царапнув прозрачным льдом светлых глаз:

- Не произноси вслух имена тех, кого ты не жаждешь увидеть!

Впереди справа замигали многочисленные звёздочки. По мере приближения они разрастались тёмно-красными факелами, горящими на разновысоких каменных столбах. В окружении их коптящих мерцаний багрянилась квадратная каменная башня под острой шатровой крышей. Под ногами захрустели льдинки.

- Так живёт владыка холода Кощей. Здесь пролегает граница подземных царств, в которых поддерживается законность. Далее начинаются внеправное Зло и беспорядочная Смута. Лабиринты Нави преисполнены бессмысленного коварства и беспричинной лютой.

За очередной гранитной глыбой стоял знакомый шатёр.

- Я уготовил вам обед. Перекусывайте и отдыхайте. – Яр, пригнувшись, первым вошёл внутрь, осторожно посадил Ваню на роскошный золотисто-бежевый ковёр. – Ничего не пугайтесь – ни звуков, ни видений. Но не пытайтесь выходить. Кто бы или что бы вас ни попросило откинуть полог – не вздумайте. Я иду во дворец царя Кощей за оружием. Без него лабиринты нам не пройти.

- Всё же интересно было б поглядеть, как там внутри башни всё обустроено. – Николка глубоко вздохнул, потёр ладони и приступил к пиршеству.

- А я не расстраиваюсь, что из-за подарка Чёрного принца мы не попали в гости к Кощей. Как-то не очень хотелось. – Аня опять полюбовалась золотой брошью на ладони. – Хотя всё странно. И самое странное, что мы уже начали привыкать к этим странностям. Вот ещё позавчера, если бы кто-то мне попытался рассказать об увиденном за эти два дня, я бы ни за что не поверила. Толи бред, толи фэнтези. Сказка, одним словом. Но теперь мы в ней участники.

- Ты не отвлекайся, ешь! – Николка набивал рот обеими руками. – Вдруг опять всё пропадёт.

- А я что-то немного подраскис. – Признался Ваня. – Видимо, из-за нервного перенапряжения всё время в сон клонит. Дремлю бесстыдно.

- Это тебя Яр забивает. Он принимает все принципиальные решения сам, и ты, получается, не у дел. – Маша с удовольствием доскребала ложечкой «Данисимо». В этот раз они нафантазировали стол поразнообразней.

Николка дососал клюквенный сок и откинулся на ковры:

- Хорошо. И посуду мыть не требуется. Вот только... это... мне бы...

- Чего? – Аня тоже решила на творожок, только не выбрала – персиковый или земляничный.

- Ну, это. В туалет бы выйти.

- Так иди. Стоило ли об этом всем объявлять?

- Нет, постой! – Ваня опять стал прежним, с жёсткими нотками в тихом голосе. – Ты забыл, что Яр запретил даже открывать полог? А не то, чтобы выходить наружу.

- И чего делать-то? Если не вмоготу. Да, ладно, я быстренько!

И Николка выскочил в темноту.

Через минуту он уже шуршал снаружи шатровой тканью, не находя входа. Аня демонстративно громко вздохнула, встала и приоткинула завесу. В шатёр на четвереньках заползли два Николки. Совершенно одинаковые. Не разгибаясь, они пробрались до своего места, сели и облечено вздохнули. Аня, Маша и Ваня молча разинули рты. В это время в шатёр забрался ещё один Николка.

- Закрывай! – Первым сообразил Ваня. – Иначе они тут всё заполнят.

Но, прежде чем Аня успела опустить завесу, успел проскочить четвёртый.

Все Николки набросились на еду, как будто до того и не ели. При этом все они совершенно не обращали внимания друг на друга. Словно не видели. Девочки медленно-медленно пересели поближе к Ване, напротив двойников, и молча переводили глаза с одного на другого. Наконец Аня чуть слышно прошептала:

- Чего делать будем?

- С кем? – Не поняла Маша.

- С лишними.

- А кто из них лишний?

- Сейчас сообразим. – Ваня потянулся за яблоками. Выбрав два помельче, начал жонглировать одной рукой:

- Из них никто не настоящий.

- Почему?

- Это наша старая с братом игра: в ответ он тоже должен начать жонглировать. А потом мы предметами перекидываемся. Они не знают этого.

- Ой, мамочки! А где же наш? – Аня бросилась к двери, откинула полог и закричала в темноту:

- Николка! Николка!!

Под ногами у неё шаром в шатёр прометнулся ещё один Николка, за ним следующий.

- Да закрывай ты! Мы скоро здесь не уместимся! – Ваня, резко повернувшись к сестре, упал на спину. Маша хотела помочь ему подняться, но он отдёргнулся. – Спасибо, сам. Лучше эту дуру останови.

Аня уже сама всё поняла. Она сидела у задёрнутого входа и рыдала, закрыв лицо ладонями. А новенькие Николки жадно подьедали оставшиеся продукты.

Завеса отдёргнулась, и, низко склонившись, в шатёр вошёл Яр. Через плечо на ременных перевязях у него висело два меча, за спиной погромыхивала стопка щитов. А за руку он тащил Николку. Седьмого. Но, кажется, настоящего – тот был весь в слезах.

- Почему вы его выпустили? – Яр почти швырнул мальчишку к брату, через голову свалил щиты, стал снимать мечи.... И увидел двойников.

- Так. Понятно.

Резким движением Яр выдернул из ножен меч и в один мах разрубил двоих самозванцев. Третьего проткнул. Остальные с визгом заметались по шатру, с удивительным проворством бегая даже по стенам и под потолком. Яр подсёк ещё двоих, а последнего выпустила Аня, на секунду раскрыв ему вход. Попавшие под меч николки-двойники мгновенно сдувались, сморщивались, как пустые воздушные шары. Вскоре от них оставались только тончайшие серые шкурки. И кучки мелко пережёванной пищи.

- Я же предупреждал, что здесь проходит граница законности. И сюда уже делает вылазки всякая дрянь. Я предупреждал, что не стоит открывать шатёр, а уж тем более покидать его. Ваня, я очень недоволен тобой, очень. Почему ты, старший, не проследил за младшими? Ладно, что к вам ворвались приколичи. Это мелкие упыри, вроде ваших бомжей. По одному или в небольших компаниях они не опасны. Но если б сюда их набилось с полсотни, то мне сейчас не привелось бы никого распекать.

- А что мы должны были с ними делать?

- Убивать.

- Но это... даже трудно представить.

- Вы – жители Срединного мира. И, в конце концов, для вас это только видения. Блазни. Вы убиваете собственные страхи. Не более того. Но и не менее.

Ребята сидели потупившись, придавленные и произошедшим, и предстоящим.

- Разбирайте оружие. – Яр поднял принесённые щиты – два поменьше круглых и два побольше – миндалевидных. Круглые он подал Ане и Николке, один большой всучил Маше, а второй Ване:

- Я буду держать тебя на руке, а ты постарайся защищать нас обоих.

Кроме мечей у него оказались припасены две цепочные палицы: чугунные шары с шипами, короткими цепями прикреплённые к деревянным рукоятям.

- Думаю, это для девочек.

Щиты были сделаны из наборных дубовых дощечек, обтянутых снаружи толстой бычьей кожей и оббитых медными бляшками, изображающими различных птиц и животных. Мечи – прямые, широкие, с тяжёлыми, литого олова рукоятями. И в тоже деревянных, с кожаной обтяжкой, ножнах. Ваня, которому собственно оружия не предполагалось, с нескрываемой завистью смотрел на Николку, в упоении крутящего над головой небольшим синеватым клинком.

Шатёр со всем наполнением исчез опять мгновенно. Остались только шкурки приколичей.

- За мной идёт Маша. За ней – Николка, Аня замыкает. И прошу запомнить, – Яр оглядел своё маленькое войско, – Блаженный Ир – середина и суть мироздания. Там растёт Древо Мира, там истекают Реки Времени четырёх сторон света, там лежит камень пророчеств Анадырь. Но вокруг Ира – кольцо Нави, сосредоточенье всего Зла и Смуты. Далее по окраинам – забытые царства тех, кто хоть и сошёл со злом, но не во всём подчинился ему. Вы видели два из них. А далее справа – владычество Сета, слева – Хроноса. И так по кругу – царства божеств Вавилона и Нила, земли владык Одина и Кветцалькоатля. Всех тех, кто не желал согласиться с неизбежностью смены эпох. Но не о них речь. Теперь нам предстоит пройти через лабиринты вневластия, преисполненные бессмысленного коварства и беспричинной лютости. Вы должны понять главное: там не работают ваши людские представления о справедливости и подлости, доверии и бесчестье. Все существа, встреченные нами, будут смотреть на вас только как на пищу. Нападут ли они в открытую или вступят в философские игры – вы там для всех только пища. Поэтому вы не должны думать о возможно совершаемом убийстве, вы должны думать о зачистке пути. Готовы? Вперёд!

ГЛАВА ШЕСТАЯ. В глубинах Нави.

Через час пути Николка уже не воображал себя бесстрашным и могучим воином. По мере нарастания усталости он уже не вытаскивал каждую минуту всё тяжелеющий меч, и даже начал прихрамывать, так как набил ножами синяк на бедре. А оттянувший ему левую руку щит то и дело царапался краем о землю. Шедшая перед Николкой Маша, не оглядываясь, просто старалась ступать след в след за Яром, а вот замыкающей Ане приходилось всё время вертеть головой.

В какой-то момент ей показалось за спиной чьё-то шуршащее шевеление, она обернулась, угрожающе подняв палицу. Всмотрелась, вслушалась, но нет – позади никого и ничего. Повернувшись опять на ход движения, Аня вдруг не увидела ни ребят, ни Яра. Скорее всего, они успели завернуть за угол огромной каменной глыбы. Перебарывая тревогу, Аня прибавила шаг, чтобы догнать спутников. Но за углом их тоже не было. Только далеко справа мелькнул отблеск улетающего за очередной поворот роя светляков. Ничего себе, как быстро они успели оторваться! И она побежала, рискуя в почти полной темноте расшибиться. Но тут же краем глаза заметила, что светлое пятнышко мелькнуло теперь уже слева. Резко повернув на свет, Аня запнулась. Упала она вполне удачно, боком и на щит. Даже не поцарапалась. Вскочила, и тут-то испугалась по настоящему: справа и слева, по бокам и впереди – то тут, то там мелькали пятна роящихся светляков. Они появлялись и исчезали меж камнями со всё нарастающей скоростью. Прижавшись спиной к плите и закрываясь щитом, Маша закричала:

- Яр! Яр! Ваня! Маша! Николка!

Всё быстрее мелькающие пятна превратились в непрерывные световые дорожки, опоясывавшие глыбы, пересекающиеся и свивающиеся в цепи.

- Яр! Ваня! Маша!

Звук голоса ударялся о камни и со всех сторон множился перекликающимся эхом, сливаясь в сплошное неразборчивое «я-а-а-а».

- Яр! Ваня! Маша!

- Чего тебе? – Неожиданно над ней завис Яр. – Прекрати кричать, и так через минуту здесь от упырей не продохнёшь. Уходим отсюда поскорее.

- Я только огляделась. Мне показалось, что за нами кто-то крадётся.

- Конечно, крадётся. Давно, и не один. Но, если ты что и заметила, то должна была предупредить впереди идущих. Хорошо, что Николка спохватился, и мы вернулись.

Аня с благодарностью взглянула на братика. Тот ответно улыбнулся:

- Я точно так же, когда в туалет вышел, то стал шатры в разных местах видеть. И тоже заплутал.

Теперь замыкающей поставили Машу. Упираясь взглядом в спину Николки, она вначале слышала впереди частое пощёлкивание, быстро слившееся в единый шорох, словно где-то пересыпали множество мелких бусин. А потом вдруг стало светло. Стены и потолок разошлись, и перед путниками развернулась огромная, почти круглая пещера, размером с хороший стадион.

Свет исходил из серого марева, колышущегося далеко вверх. Из него же доносилось и щёлкающее шуршание.

- Сейчас мы побежим туда. – Яр мечом указал направление. – Нам нужно попасть в те норы. И очень быстро – они нас уже заметили. Поднимите щиты над головой. Вперёд!

Серое марево возбуждённо заколыхалось, стянулось и приспустилось, выпуская вниз из своей середины туманный шупалец. Дети бежали за Яром, держа щиты над головами, и не видели, как шупалец, раскачиваясь, тянется прямо к ним. Но они услышали нарастающий шуршаще-щёлкающий шум. Это был звук множества жёстких крыльев: миллионы летающих муравьёв, словно единое существо с единой волей и разумом, сохраняя строй, устремились за увиденной добычей.

- Не опускать щиты! Они брызгают ядом!

Действительно, земля под ногами покрылась как бы испариной, и резко пахло муравьиной кислотой. Чёрные блестящие насекомые с большими прозрачными крыльями почти касались поднятых щитов, угрожающе широко раскрывая челюсти. Слив ядовитую кислоту, передовые насекомые поднимались вверх, уступая места новоподлетающим отрядам. Но при этом муравьи не нападали напрямую, не кусались, а только брызгались. Наверное, насекомые ждали, когда те, кого они считали своей добычей, обожженные кислотой потеряют возможность видеть, слышать и передвигаться, чтобы безнаказанно начать пиршество. Но ребята, прикрытые щитами, продолжали бежать. Спотыкались, припадали, но не останавливались. Хотя сил почти уже не оставалось.

- Вперёд! Осталось немного.

Вот и вход в узкий тёмный коридор. Яр, затолкнув совсем уже обессиленного Николку, вошёл последним. Насекомые зло шуршали снаружи, клубясь по самой границе.

- Вперёд! Не останавливайтесь. Нам нужно пройти как можно дальше, чтобы продышаться другим воздухом. Иначе испарения разъедят ваши лёгкие.

Но в ответ они только жарко кашляли, привалясь кто куда. Как, оказывается, хорошо иногда оказаться в темноте и в тесноте.

- Я прошу, не останавливайтесь. Или вы желаете умереть здесь?

Конечно, этого никто не хотел. С трудом оторвавшись от земли, продолжая кашлять, качаясь, они потащились за неумолимым Яром. Узкий тоннель разделялся на рукава, петлял, то поднимаясь вверх, то опускаясь. Но Яр шагал в тот или иной проход, даже не задумываясь. Неужели он тут всё настолько хорошо выучил? Шагает и шагает, даже не оглядывается.

- А когда привал будет? – Николка просто ненавидел свои щит и меч. Они такие тяжёлые. И ладно бы щит – он только что очень даже пригодился, а вот что можно было сделать мечом против кучи мелких насекомых? Бесполезная железка.

- Да, я сейчас и без всяких ковров полежала бы. – Аня впервые за эти дни оказалась заодно с братиком. – Просто бы на песочке растянулась.

Яр не отвечал. Немного поныв, стих и Николка. Молча они прошагали с полчаса, когда впереди опять что-то мутно засветило. Что? Ещё раз придётся бежать? Так они не успели набраться сил. Они не смогут, просто сразу попадают, не поднимая щитов.

- Похоже, что нам сегодня не до привалов. Девочки, вы должны стать между нами, чтобы впереди и сзади были мечи. Николка, ты идёшь последним, но не вздумай отстать.

- Нет, пусть он идёт в середине, а я возьму его меч. – Аня протянула брату руку с палицей. – Давай меняться. Только скажи, Яр, чего нам ждать теперь?

- Там лес. Живой лес. Точнее, это лешаки прикидываются деревьями, и нужно быть очень внимательными: когда какая-нибудь ветка или корень шевельнутся, их нужно отрубать немедленно. Иначе обовьют и задушат.

Все переглянулись и опять закашлялись.

Лес подземелья совершенно не походил на тот, что люди привыкли видеть в своём мире. Деревья здесь скорее напоминали вывороченные корневища: растопыренные голые ветви и сучья – ни листочка, ни хвоинки. Зато всё было плотно оплетено сухой старой паутиной. Невысокий, но густой лес цеплял одежду, подставлял подножки, больно колот и царапал. А паутина налеплялась на лица, впутывалась в волосы. Вначале Аня махала мечом направо и налево, так как в каждой

ветке ей чудился затаившийся лешак. Но вскоре она устала, и, продираясь сквозь заросли, только тяжело вздыхала. Николка всё время оглядывался на сестру, но от замечаний воздерживался. Яр впереди, работая равномерно, как робот, прорубал дорогу. Неизвестно, сколько они так прошли, как вдруг Маша как-то особенно крепко зацепилась носком за торчавший из земли корень. Попробовала выдернуть ногу – не тут-то было! Корневище, хитро изогнувшись, только крепче зажало стопу. Маша дёрнулась сильнее, ещё раз, ещё... И почувствовала, что вторая нога тоже прижата.

- Аня, посмотри. – Жалобно прошептала она подошедшей подруге. – Кажется, меня схватили.

Аня присела, пытаясь лезвием подцепить корневище, но земля вокруг Маши зашевелилась, и девочка прямо на глазах у Ани и Николки начала погружаться в песок. Бросив оружие, они схватили Машу за руки, но удержать не могли.

- Яр! Яр! Помоги! – Буквально через три секунды Машу засосало до бёдер. Брат и сестра, как могли, тянули её обратно, но невидимая сила одолевала. Появившийся на зов Яр, отсадив Ваню, оттолкнул ребят, и, припав на колени, своим длинным мечом стал пробивать землю вокруг Маши. Он бил и бил шевелящийся песок, глубоко вгоняя лезвие, пока не попал во что-то твёрдое. Раздался треск, и Маша перестала погружаться.

- Теперь тяните! – По приказу Яра Аня и Николка опять вцепились в Машу и потихоньку стали вытаскивать из-под земли, а Яр уже рубил толстые ветви, живыми верёвками окружившие оставленного без защиты Ваню. Хорошо, что Ваня успел поднять руки и закрыть горло, а так бы лешак вполне успел бы его задушить.

- Ты чего молчал? Надо было сразу звать на помощь. – Яр откинул подальше от Вани ещё шевелящиеся обрубки и погрозил кому-то в темноту мечом.

- Если б я тебя позвал, то тогда ты не освободил бы Машу.

- Это верно.

Они сидели спиной к спине, тяжело переводя дух. На этот раз Яр никого не торопил, давая восстановить силы:

- Потерпите ещё немного, лес скоро кончится. За ним река. На берегу вы отдохнёте, как следует. Пообедаете, пока я срублю и свяжу плот.

- А скажи, кто здесь, кроме нас бывает? На кого обычно эти муравьи и лешаки, жабы и приколичи тут охотятся? – Маша разулась, осмотрела ногу – на лодыжке вздулась свежая ссадина.

- Да, на кого? Или они тысячи лет тут нас поджидали? – Поддержал вопрос растирающий шею Ваня.

- Почему вас? Тут постоянно шаманы бывают. И йоги. Йогов в последние годы особенно много развелось. Сейчас же по всей земле мода расползлась на астральные, как они считают, путешествия. Поэтому мы этих начинающих «астралопитыками» кличем. Научится какой-нибудь ученик у гуру паре приёмов медитации, и – сюда тычется. Бродит, бродит. Пока его кто-нибудь не слизнёт, не проглотит или кислотой не растворит, так, что даже костей не останется.

Маша молча скребла ногтём вспучившуюся и обуглившуюся от муравьиных нападков кожу своего щита. А Аня передёрнула плечами:

- Людоедство! Ужас просто! Мерзость.

- Почему? – Яр встал, подхватил Ваню. – Это нормальный закон любой жизни. Вполне естественная пирамида, где сильные поедают слабых, и, в свою очередь, сами составляют меню более сильных. Так вот, неопытные шаманы и молодые йоги являются основой пищевой базы для подземных обитателей.

Далее они опять пробивались сквозь цепляющие заросли, стараясь держаться поближе и всё время оглядываясь друг на друга. Ещё раз какой-то корень попытался, было, прихватить руку Николки, но Аня мгновенно подрубил его.

И вот навстречу дохнуло свежестью. Лес расступился. Мокрые от пота, красные и исцарапанные, они вышли, точнее, выпали на каменистый берег. Перед ними во все стороны растекалось спокойное, гладкое водяное зеркало, отражающее высоченный, затянутый туманом потолок. Вода была немного розоватой, словно подкрашенной, а в туманной высоте трепетно алели перемещающиеся вразброд всполохи света. После дебрей простор впечатлял. Но это была какая-то тревожная красота, не располагающая к доверию.

- Неужели это река?
- Да. – Яр огляделся, осторожно пересадил Ваню на другую руку.
- Скорее похоже на море. Противоположного берега не видно.
- Не видно из-за испарений с той стороны. Река и вправду широкая, но мелкая. Я могу перейти её вброд, но вам в неё вступать нельзя. Даже нельзя касаться воды.

- Почему?
- Там по дну хищные цветы. И рыбы. Ладно, вот ваш шатёр, и помните: из него никуда до моего возвращения.

Ещё бы не помнить. Они дружно пообедали, и блаженно развалились на мягких коврах. Эх, если бы никуда сегодня больше не спешить.

- Ваня, спасибо тебе. – Маша осторожно прикоснулась к расцарапанной Ваниной шее. – Больно? Ты рисковал из-за меня, когда терпел напавшего на тебя лешака.

Ваня исподлобья сверкнул на неё своими серыми глазищами и тут же потупился:

- Ерунда. Каждый на моём месте так бы поступил.
- Да, я тоже бы молча терпел! Но, всё равно, ты, Ваньша, у нас герой. – Николка выпятил грудь, искренне гордясь поступком брата.

Плот из двух десятков крест-накрест связанных сухих деревьев покачивался у самого берега. Яр положил в центр плавучей решётки свой щит, на него усадил Ваню:

- Вы тоже подложите щиты под себя.

- А зачем? – Николка забрался первым.

- Скоро поймёшь. И даже почувствуешь. – Яр дождался, пока устроятся девочки, равномерно распределив по плоту тяжесть. – Я буду вас толкать, а вы просто смотрите вокруг, и если что увидите – предупредите, но не дёргайтесь. Не пугайтесь. И, напоминая, не прикасайтесь к воде.

Они уже достаточно далеко отошли от берега, а глубины не было – Яр брёл чуть выше колен. Сидя на щите, Маша, как и другие, смотрела в воду прямо под собой сквозь редко связанные деревья. Розоватая вода была абсолютно прозрачна, со дна, устеленного округлыми белыми камнями, то тут, то там к самой поверхности поднимались красные водоросли. Толстые ворсистые стебли венчались плоскими головками, напоминающими цветы подсолнухов. Красных подсолнухов. Мимо водорослей теньями мелькали стайки мелких то ли сомовиков, то ли головастиков. Один из них оторвался от всех, поднялся прямо под плот, и, медленно шевеля хвостиком, уставился на Машу выпуклыми чёрными глазками.

- Тебе чего? Людей никогда не видел? – Улыбнулась ему замершая в неудобной позе Маша, остерегаясь каким-нибудь резким движением спугнуть любопытное существо. – Да, скорее всего, ты не рыбка, а головастик. Какой милый.

Головастик ответно вильнул хвостиком. И вдруг подводный цветок, над которым они проплывали, стремительно изогнулся и, как щупальцами охватив бедолагу своими лепестками, сжал его и стал быстро всасывать.

- Ой! Отпусти немедленно! – Маша хотела протянуть руку в воду, но осеклась, услышав Яров окрик:

- Не смей! Посмотрите направо!

Все повернули головы и увидели, как в сотне-другой метров поверхность воды рассекали спинные плавники. Три огромных зубчатых гребня неспешно двигались параллельно движению плота.

- Если кто-то из вас коснётся воды, они сразу же учуют ваш запах. И тогда их сюда соберётся видимо-невидимо. Я не смогу вас защитить.

Теперь ребята не отрывали глаз от страшных гребней. Неведомые хищники то немного обгоняли плот, то, приостановясь, поджидали. При этом расстояние между плотом и плавниками медленно, но неотвратно сокращалось.

- Яр, а на тебя они не нападут? – Аня спросила почти шёпотом.

- Нет. – Глубина нарастала, и Яр тяжело брёл, погрузившись уже по грудь. – Я для этих рыб высшее существо. Поэтому несъедобен.

- А это рыбы? Какие они из себя?

- Рыбы. Скоро увидите. Только не пугайтесь и не машите руками.

Через полчаса плавники приблизились настолько, что стало возможно оценить их размер. Метра три-четыре в длину и с метр в высоту. Острые костные шипы соединяла пятнистая кожаная плёнка. А какова же размером сама рыба?

- Яр, мне страшно. – Жалобно признался сжавшийся в комочек Николка. Его сильно трясло.

- Зажмурься. – У Яра из-под воды теперь виднелись только голова и плечи. – И вы все помните о моём предупреждении: никогда не смотреть в глаза ни духам, ни зверям. И рыбам, конечно.

- П-п-пом-м-мним. – Вслед за братом затряслась и Аня.

- А ты точно перебрёдёшь? Может, тебе тоже взобраться на плот? – Маша попыталась перевести разговор.

- Перебрёду. Это самое глубокое место, скоро начнёт мелеть.

И тут они увидели, как одна из рыб отделилась, и, очерчивая широкий полукруг, направилась к ним.

-Яр! Яр!

- Тихо. Не смотрите на неё!

Легко сказать! А вот вы попробуйте не смотреть, когда на вас торпедой движется огромный хищник. Двигается так быстро, что за торчащим плавником вспениваются буруны. Да такая махина лишь толкнёт плот, и вся слабосвязанная конструкция разом развалится! Ребята щурились, но совсем глаза не закрывали. Не получалось.

Яр даже застонал от напряжения, изо всех сил левой рукой притягивая к себе, а правой отталкивая крайнее бревно. Плот приостановился и медленно развернулся против часовой стрелки. Между ними и атакующим чудовищем оказалась Ярова спина. Вот рыбина почти налетела на них, даже приподнялась в полтела над водой, заранее разевая пасть. Но, словно ударившись о невидимое препятствие, свернула. Она поплыла совсем рядышком: головой напоминая щуку, телом рыбина более походила на сплюснутую с боков морскую змею. Два грудных плавника, такие же, как и спинной гребень, остро костистые, топырились в стороны широкими треугольниками, подрезая не успевающие отклониться водоросли. Отсечённые шляпки беспомощно кружили и оседали на дно, сжимая и разжимая лепестки-щупальца. Промчавшись мимо, хищник притормозил и с плеском начал разворачиваться. Но и Яр уже вращал плот в обратном направлении, опять закрывая его своей спиной.

И вновь совсем рядом с ребятами промелькнула гигантская серпообразная пасть, в несколько рядов усеянная загнутыми внутрь желтоватыми зубами.

- Мама! – Аня закрыла лицо ладонями. – Мама! Какие у неё злые глаза...

Яр выровнял плот и, как мог, с усилием начал толкать его к невидимому берегу.

- Терпите. Вода горячее, скоро они отстанут.

Действительно, гребни ещё какое-то время попровожали их, то обгоняя, то отставая. И в какой-то момент, все три разом развернувшись, ушли в неизвестность.

От старания Яр иногда скользил по камням ногами, время от времени с головой пропадая под водой. У ребят в такие моменты одновременно замирали сердца. А когда Яр вновь выныривал, они также одновременно шумно выдыхали. Плот разогнулся и ходко направлялся к наплывающей навстречу дымке. Резко теплело. Из поднимавшихся от воды мелких струек испарений собирался туман. Чем дальше, тем струйки становились гуще, и туман плотнее.

Вода из розовой превратилась в насыщено-красную, и такие же красные всполохи всё ярче расцветивали туман вверху. Но впереди мутная пелена плотно перекрывала будущее. Уже в двух-трёх метрах ничего нельзя было рассмотреть. И что там? Что ещё поджидало перепуганных, потерявших счёт испытаниям и приключениям, уставших от излишнего количества увиденных чудес двух девочек и двух мальчиков?

Стало уже не тепло, а по-настоящему жарко. «Как в бане» – подумала Маша, расстёгиваясь и вытирая со лба выступающий пот. Аня и Николка тоже поскидывали куртки. Только Ваня продолжал неподвижно сидеть в своём пальто.

- Приготовьтесь, скоро пристанем. – Яр вновь брёл по пояс. – Это Берег скоропей – огненных змеек.

- Кого-кого?

- Скоропей.

- Огненных змеек? – Ваня словно проснулся, закрутил головой, стал судорожно расстёгивать пуговицы пальто. – Я читал только про огненных змеев. Которые по ночам в облаках летают.

- Огненные змеи – посланники нашего Кощея в Срединный мир. А эти змейки-скоропеи – жительницы Тринижного огня.

- Они опасные? – Робко поинтересовалась Аня.

- Нет.

- А что значит «Тринижного»? – Ваня и шапку наконец-то снял.

- По-вашему, здесь вулканические выходы. По-нашему, тоже выходы, из нижних миров.

- А что за миры там? Внизу?

- Миров много. Под нами Стихии. Под ними Первосилы. Глубже – Основы.

- А в самой-самой глубине? – Николка, спрашивая, привскочил и тут же осел, сжался под пронзительным взглядом Яра.

- Праматерь. Разве кто-то этого не знает? Или ты матрёшку не разбирает?

О том, что плот достиг берега, они поняли по толчку и шороху камней под собой. Туман настолько уплотнился, что без помощи Яра они бы сушу не нашли. Случайно заступив в воду, Маша едва не вскрикнула, через резину сапога мгновенно почувствовав, насколько река здесь горяча. Просто свариться можно. А Яр как? Как же он такое терпел?

Пахло чем-то противным.

- Что тут протухло? – Чихнул Николка. – Ну и вонь.

- Это вулканические газы. Сероводород и прочее. – Ваня, пересаженный на камень, тоже ощущал себя блином на сковородке. Зажав носы, они подождали, пока Яр не разрубил связки и, зайдя в воду, не растолкал брёвна в разные стороны:

- Не нужно никому знать, где именно мы причалили.

- А кто-то это знать хочет?

- Несомненно. Итак, сейчас мы одолеем перевал, а когда доберёмся до плато, вы побредёте за мной вплотную, стараясь наступать туда, куда наступаю я. Любое отклонение может оказаться смертельным.

- Почему?

- Потому, что под нами будет тонкая корочка остывшей лавы. Я поведу вас по застрявшей в ней камням. Иногда будем прыгать, так, как перебегают трясину по кочкам.

- Но какие кочки в таком тумане? Ничего ж не видеть.

- Это здесь туман, на берегу. Дальше, к сожалению, всё прояснится.

- «К сожалению»? Почему «к сожалению»? – Анин переспрос повис в воздухе: Яр, подхватив Ваню, решительно двинулся вглубь берега Огненных змеек.

С полчаса они поднимались по некрутому, но, всё равно, изматывающему взгорью. Россыпи крупно колотого гранита требовали постоянного внимания, приходилось всё время смотреть под ноги – не запнуться, не провалиться стопой в щель, не соскользнуть. Туман, действительно, понемногу рассеивался, отставал. И тухлые запахи, к счастью, тоже.

- Коля, давай я понесу твой щит. – Маша с сочувствием смотрела, как бредущий перед ней мальчишка всё чаще спотыкается и всё чаще останавливается утереть пот и перевести дыхание. С ним и она стала отставать от Яра и Ани.

- Нет. Я сам.

- Да не надолго. На пять минут.

- Спасибо. Я сам. – Николка отрицательно покрутил головой и, как мог, прибавил ходу.

Молодец он, всё-таки. Не нытик. Совершает глупости, но только потому, что ещё маленький. Такой упёртый, когда вырастет, обязательно станет героем. Настоящим мужчиной.

Яр с Ваней и Аня стояли на гребне, поджидая отставших. Когда запыхавшиеся Николка и Маша оказались рядом, то невольно ахнули: прямо под ногами вниз на добрую сотню метров вертикально обрывалась стена, из-под которой далее расстилалось округлое плоское плато, со всех сторон охваченное горной грядой. Пепельно-серое плато было каким-то пористым, напоминая сыр

с мелкими дырками. Из этих пор, то там, то здесь били струйки дыма и вырывались длинные искристо-огненные фонтанчики. Достигнув перекрытого туманом пещерного потолка, огненные выбросы разлетались в разные стороны. Это их алые отсветы виднелись с реки.

- Сейчас мы спустимся вниз.

- Яр, а зачем нам спускаться в жерло вулкана? – Ваня задавал, казалось бы, совершенно резонные вопросы. – Правильно я говорю, ведь это вулкан?

Но Яр молча посадил Ваню на землю, знаком повелел сесть остальным и ушёл. Ребята недоумённо смотрели Яру в спину, пока тот не скрылся за остро торчащей глыбой зернистого мрамора. Куда он? Надолго? Но сил было так мало, что никто даже не начал озвучивать догадки – почему, мол, или для чего? Дул лёгкий ветерок, нанося приятную свежесть. И они просто радовались возможности, развальясь, отдышаться. Даже чуток придремать.

Яр вернулся со ношей на плечах. Веретенообразный свёрток оказался огромным мотком тонкого шнура. Серого, шелковисто лёгкого, непонятно из чего сплетённого. Окрутив концом шнура зубец скалы, Яр затянул узел и толкнул моток вниз. Побросал вслед щиты:

- Сейчас мы спустимся. Я, с Ваней, первым. Потом Николка, за ним Аня. Ты, Маша, последняя. И спешите – скоро хозяева этой «верёвки» будут здесь.

- Какие хозяева? Чего хозяева?

- Лярвы. Очень опасные твари. – Яр, подхватив Ваню, стал быстро спускаться.

- А мы как? Я же не умею. – Аня испуганно заглянула вниз: далеко под стеной острились разновеликие обломки камней.

- Ты, главное, тормози шнур ногами. – Проинструктировал её Николка. – Ну, а дальше как получится.

- Вот уж, братик, спасибочко за урок.

- А что, у тебя есть выбор? Тогда за мной! – Николка скрылся за гребнем.

- Ой, мамочки! – Через пару минут пропала и Аня.

Маша нетерпеливо смотрела, как дёргается шнур. Вот ещё немного, сейчас они достигнут земли, тогда уж и она тоже начнёт спуск. Главное, чтобы не было перегруза: кто знает, сколько килограмм эта верёвка может выдержать? Но тут у неё за спиной из-за камней послышалось тихое-тихое шепуршание и почмокивание. Эти, как их, лярвы? И не дожидаясь явления «хозяев», Маша, вцепившись в шнур, перебралась ногами за грань обрыва.

Но прежде, чем соскользнуть вниз, она успела-таки увидеть, чью «верёвку» они используют: из-за скалы выползали белесые полупрозрачные тела гигантских гусениц. Лярвы впереди имели как бы человеческие лица. Тоже белые, с белыми же широко расставленными глазами и белыми присосками на месте ртов. На трёх парах приподнятых передних ножек топорщились напоминающие пальцы отростки-щупальца, остальные ножки опирались на серые двойные коготки-копытца. Сжимаясь и разжимаясь, словно меха гармони, жирные лярвы приближались удивительно быстро. Маша даже успела рассмотреть, как под толстой прозрачной кожей у них мутно переливались внутренние органы.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Бой в долине вулкана.

Приспустив рукава куртки так, чтобы не обжигать ладони, и тормозясь скрещенными ногами, она довольно лихо спустилась почти до середины скалы. А ведь, честно говоря, такого сама от себя не ожидала. До земли оставалось всего-то ничего – пара минут, когда Маша почувствовала, что, не пропуская шнур, продолжает спускаться. И всё быстрее и быстрее. Подняв глаза, она увидела высоко-высоко свободно болтающийся конец, который, раскручиваясь, летел к ней вниз. Точнее, летел вниз вместе с ней: там, на вершине, кто-то отвязал или обрезал шнур от крепления.

Маша хотела закричать, позвать на помощь, но ужас перехватил горло, и она продолжила падать в тишине. С открытым ртом и зажмуренными глазами.

Когда до удара о камни оставалось всего несколько метров, шнур вдруг напрягся, чуть не вырвавшись из рук. Маша резко остановилась и зависла, широко раскачиваясь над совсем близким

дном. Подождав, осторожно опять взглянула вверх. Там, примерно в середине обрыва, отвязанный конец засёкся в узкую расщелину и заклинился, удержав её от удара о камни.

Кажется, вот и случилось настоящее чудо. Настоящее, а не всякие там фокусы-покусы со светляками и шатрами. Маша, покачиваясь, медленно вращалась вокруг крепко сжатого руками и ногами шнура. И опять чудо: совсем рядом, на маленькой скальной площадке, прижатый камушком лежал серо-жёлтый листок бумаги. Маша схватила его, и, зажав край зубами, быстро съехала вниз.

Едва коснувшись земли, тут же присела. Сгорбившись, обняла трясущиеся колени, уткнулась в них подбородком. Долго ничего не могла сказать ни стоящим над ней Ане и Николке, ни Ване, чуть в стороне укладывавшему в рюкзачок найденную Машей очередную страницу Волоховской книги. Да о чём было говорить? Они и так всё сами видели! И в тот момент, когда оборвался шнур, от страха за неё тоже потеряли дар речи. А обернулось-то, действительно, всё чудом.

- Ре... бята. Род... ные мои. – Губы и язык плохо слушались Машу.

- Машенька, мы все так тебя любим, так все любим! – Аня говорила, поглаживая Машу по плечу, а братья кивали в знак согласия. – Мы даже не понимаем, как бы без тебя здесь оказались... Ой, прости. Я хотела сказать: что бы мы без тебя здесь делали?

- Маша, посмотри: я одного мураша поймал. На память взял. – Николка протянул ладонь, на которой лежало мёртвое насекомое со сматыми крылышками. Такое маленькое и жалкое – даже и не подумаешь, что совсем недавно оно охотилось на людей.

- Фу, гадость! – Аню передёрнуло. – Выкинь.

Но Николка аккуратно подложил муравья в нагрудный карман:

- Ещё чего! Должен же я что-то в доказательство сохранить. Как потом буду обо всём рассказывать? Никто ж за просто так не поверит.

- Можно подумать, тебе поверят, когда дохлую букашку увидят. – Аня с едва заметной улыбкой погладила припрятанную золотую брошь. – Вечно у тебя карманы всякой всячиной набиты.

Вернулся Яр, собиравший разлетевшиеся щиты. Присел рядом, внимательно осмотрел каждый: обожженные кислотой, расцарапанные, оббитые о скалы и потерявшие некоторые медные накладки, щиты имели весьма боевой вид. Ветеранский.

- Приготовьтесь держать их над головой. – Яр раздал щиты, оглядел, поправил оружие своего отряда. – Проверьте обувь, пояса. И по одному за мной. Постараемся незаметно добраться до той скалы.

- Что, опять кислота польётся?

-Нет, будут падать вулканические бомбы.

- И взрываться?! – Николка аж подпрыгнул.

- Не трепыхайся. Это так камни называются, которые вылетают из жерла вулкана. – Почти успокоил брата Ваня.

Маша терпеливо дожидалась, когда Аня прокрадётся к торчащей дальше других скальной глыбе, около которой уже присели Яр, Ваня и Николка. Яр так и не объяснил, почему и от кого нужно прятаться. Он вообще вёл себя странно, необычно. Словно бы чего-то или кого-то боялся. Как обыкновенный человек.

Она уже приготовилась двинуться за остальными, как увидела, что шнур, по которому они спустились, стал быстро подтягиваться вверх. Маша подняла глаза и обомлела: несколько десятков или даже сотен лярв, уцепившись друг за дружку, живой цепочкой дотянулись до застрявшего в расщелине конца шнура и теперь вытягивали его на гребень.

Чего они задумали? Спуститься сюда? А зачем?

Шнур, толчками утягиваемый вверх, подтащил откуда-то из камней так до конца и не размотанный моток. Маша сама не поняла зачем, но прижала моток ногой. Наверное, чтобы затормозить движение. И тут изнутри этого мотка появилась почти человеческая головка, точно такая же, как и у верхних существ, только маленькая. «Так это же кокон! – Догадалась Маша. – Из паутины. А в нём живёт личинка. Яр украл кокон, чтобы мы смогли спуститься, вот лярвы и бросились за нами в погоню».

Личинка, мутными белесыми глазками глядя на Машу, высунулась почти наполовину. И вдруг, изогнувшись, впилась присоской в резиновое голенище. Маша вскрикнула и выдернула ногу из сапога. А личинка, не выпуская добычи, начала, покачиваясь, быстро подниматься наверх, утягиваемая своими сородичами.

Маша пыталась подпрыгнуть и схватить сапог, но не успела. Махнув рукой, похромала к поджидавшим её спутникам.

- Почему ты не убила её? – В отличие от Вани, Ани и Николки, Яр Маше явно не сочувствовал.

- Так она же маленькая. Совсем маленькая...

- Для чего тогда у тебя булава? Я же говорил вам, что здесь, в Подземьи, все встреченные существа смотрят на вас как на пищу. И поэтому вы должны думать не о возможно совершаемом убийстве, а только о зачистке пути. Ты должна была её убить.

- Мне ... жалко стало.

- Я опять же говорил: здесь не работают ваши людские представления о добре и зле. Ты должна была её убить.

- Я не смогла. И... не смогу!

Яр и Маша в упор сошлись взглядами, замерли. Со стороны даже показалось, что между их глазами полетели искры.

- Это у вас тут нет людских понятий добра и зла. Но я-то – человек. Человек! Везде. Всегда. Со всеми. И поэтому я никогда не смогу поднять руку на маленького!

Несколько секунд стояла абсолютная тишина. Затем Яр опустил глаза, присел и стал стягивать свои белые сапожки:

- Обувайся, босиком ты не выдержишь.

- А ты?

- А я выдержу. Я – не человек.

Яр двигался так быстро, что за ним приходилось почти бежать. Странно, но его сапоги буквально через несколько шагов как-то ужались под Машин размер и стали совершенно впору.

Серая горячая корка чуть подстывшей лавы была усыпана большими и малыми чёрными булыжниками. Маленькие лежали на поверхности, а большие торчали из пробитой ими поверхности разномерными оплавленными кочками. И даже целыми островками. Ребята перепрыгивали с камня на камень, всё более удаляясь от места спуска к центру плато. А вокруг, то тут, то там из округлых, довольно широких дыр-колодцев с буханьем вырывались дымные струи, выталкивавшие высоко-высоко вверх очередные камни-бомбы.словно пушки стреляли из-под земли. Покувыркавшись под туманным потолком, чёрные камни с нарастающим свистом падали, смачно вбиваясь в серую плоскость. От ударов подстывшая корка рвалась и трескалась, вспениваясь огненной жижой лавы. И как от таких ударов сможет спасти щит? Даже средняя бомба прихлопнет всех сразу. Как мух.

А из некоторых колодцев вылетали огненные змейки. Тонкие-тонкие и длинные-длинные. Золотисто-красные змейки, тихо шипящими петардами ввинчивались в вышину, и где-то там ударяясь о невидимую преграду, стремительными зигзагами разлетались в разные стороны.

Попривыкнув к бухающим и свистящим выбросам, ребята перестали озираться, и, глядя только под ноги, изо всех сил старались не отставать от неутомимого Яра. Как вдруг тот остановился. Николка даже лбом воткнулся ему в спину. Яр предупреждающе вскинул руку:

- Замрите!

Тяжело дыша, они разом согнулись, упершись ладонями в колени. Пот с бровей капал на землю, а сердца колотились как у кроликов. Яр, приподнявшись на полупальцы, резко вертел головой. К чему-то прислушивался. Во что-то сматривался.

- За мной! – Яр рванулся вправо к огромной глыбе, округло вздувшейся караваем чёрного хлеба. Ребята послушно побежали за ним.

Одним прыжком оказавшись наверху, Яр усадил Ваню по самому центру и, припав на колени, протянул руки подбежавшим:

- Быстрее! Быстрее! – Больно вздёрнув на каменное полушарие Аню, Николку и Машу, привалил всех в кучу. А сам, вытянув у Николки меч, спрыгнул вниз. – Сожмитесь плотнее. И, как сможете, отбивайтесь.

Тут-то и сами ребята увидели, что так взволновало, точнее, даже напугало Яра: на них стремительно набегали... волки. Волки! Один, два, три, четыре... семь, восемь... тринадцать. Что, те самые?! Стригой?

Да, это были стригои. Здоровенные, с жёлто горящими глазами, волки-оборотни приближались цепочкой, точно по следам ребят прыгая с камня на камень.

Яр со вздохом распрямылся, шагнул навстречу, до белых пальцев сжимая рукояти опущенных мечей. В ответ стая страшно завывла и развернулась веером, окружая каменное полушарие.

И начался бой.

Яр, вращаясь как юла и размашисто сверкая вскидываемыми клинками, кружил навстечь солнцу, прижимаясь к самому камню. А волки более широким кольцом обегали островок по часовой стрелке. И выли, выли. Периодически два-три зверя бросались в центр, пытаясь вскочить на камень, добраться до ребят. Но каким-то удивительным образом Яр всегда оказывался перед ними. Сверкали лезвия мечей, вой прерывался визгом, и в стороны летели отсечённые лапы, хвосты. Разрубленные стригои бились в судорогах, а остальные, рыча и скалясь, отскакивали в общий строй. Через несколько секунд следовала другая атака с другой стороны. Но вновь Яр был точно на месте и вовремя. Визг, рык – раненный или убитый нападавший изливал в серую пыль свою чёрную кровь, а отбитые готовились к новому наскоку.

Ребята не просто сжались, а буквально слиплись спинами, с четырёх сторон закрываясь щитами. Из оружия у них оставались только Анина и Машина палицы.

Вот уже половина стригоев разлетелась на куски, но атаки из поредевшей цепочки тупо продолжали следовать одна за другой. На что оборотни надеялись? Что Яр когда-нибудь устанет и не успеет? Или же они вообще ни о чём не думали в принципе, а просто, как автоматы, исполняли чей-то приказ – догнать, окружить и загрызть. Любой ценой.

Ещё бросок. Ещё. Ещё. Устал ли Яр или нет, но движение и его, и нападавших очевидно замедлялось. Волки умолкли и двигались теперь почти шагом, тихо рыча и сверкая глазами. Да и оставалось их всего четверо – не более, чем на две атаки. Причём, у одного обильно кровенило отсечённое ухо.

Яр демонстративно неспешно обходил камень, победно скрестив мечи над головой. Но случилось неожиданное.

Три волка отчаянно рванулись, и, как всегда, путь им заградили сверкающие клинки. Но в этот же самый момент с противоположной стороны на камень незамечено вспрыгнул последний, тот – с отрубленным ухом.

Стригой, слегка развернувшись боком, замер, завис над ребятами. Мокрая от своей и чужой крови, клокастая шерсть топорщилась по горбатой спине, оскаленная пасть часто клацала длинными острыми клыками. Только теперь им стало понятно – какой же величины эти волки-оборотни.

- Мама! – Если бы не Ваня, ребята точно бросились бы бежать. – Мама!!

Жёлтые глаза пронзали ужасом всех и каждого одновременно. Несколько секунд стригой не шевелясь смотрел на ребят, и вдруг прыгнул.

Наскок зверя оказался настолько быстр, что они только сморгнули и уже увидели как стригой, мотая головой, пытается вырвать щит из рук Вани. Клыки глубоко вонзились в дерево, и Ваню вслед за щитом тоже дёргало из стороны в сторону. Первым брату на помощь подоспел Николка. Бросив свою защиту, он обеими руками вцепился в щит брата. А за Николкой вступились и девочки. Отчаянно визжа, они стали колотить оборотня булавами по лапам, по спине, по голове – уж куда приходилось. Зверь рычал, жмурился, но зубы не расцеплял, и, продолжая трепать щит, постепенно стаскивал Ваню и Николку с вершины.

Теперь уже и Маша, обхватив Ваню, изо всех сил тормозила, удерживала его на камне. А Аня продолжала размашисто бить оборотня.

Когда до края оставалось совсем немного, над стригом вырос Яр. Одновременно взмахнув руками, он разом перерубил шею и поясничную часть. Рассечённое тело волка сползло вниз, а голова так и осталась держаться зубами за край Ваниного щита.

- Яр. Яр! – Аня порывисто обняла их спасителя, уткнулась лицом ему под грудь. – Яр, милый... милый Яр... спасибо тебе.

Аня плакала не одна – слёзы катились и у Маши, и у Николки. Только Ваня, обхватив руками свои плечи, раскачивался, зло смотря куда-то вверх сухим взглядом. Вдруг у него вырвался громкий то ли стон, то ли вопль:

- У-у-у!!

- Ты чего?

- Ненавижу свою беспомощность. Ненавижу! – Ваня оттолкнул подсевшему к нему Николку. – Нет больше никакого терпения. Я же всем вам обуза. Дома хоть советами был полезен, а здесь... как гиря. Ненавижу себя!

- Ваня, ну что ты! – Маша осторожно села к нему с другой стороны. – Мы все друг другу нужны.

- Да ладно ты. Не надо со мной как с маленьким. Или слабоумным. Я всё вижу и всё понимаю. А, главное, неужели я могу хоть на минуту забыть, что вы в эти злоключения из-за меня впутались. Из-за меня! Будь проклято моё любопытство!

- Ваня! – Яр аж зажмурился. – Никогда не произноси ни клятв, ни проклятий, если не предвидишь их последствий.

- Ну а как, Яр, иначе? Разве я неправ в том, что вольно или невольно втянул их в эту непонятную и, мягко говоря, не очень приятную историю? С неизвестным концом.

- Неправ. Это тебе только кажется, что «история» начата тобой. Она начата через тебя.

- Как так?

- Есть события, которые неизбежны в наших мирах. Когда наступает срок, кому-то может показаться, что он своевольно совершил великое открытие или опрометчивую глупость. Но, на самом деле, просто пришло время событиям свершиться. Наступает такой срок, и люди, звери и духи лишь исполняют необходимое. Охотно или же против желания – всё равно исполняют.

- Яр, – вмешалась Маша, – значит, поэтому у тех ворот ты ждал именно меня?

- Поэтому.

- А для чего я здесь? Почему именно я?

- Узнаешь. Обязательно узнаешь.

- А когда?

- В конце концов. События – как звенья цепи, одно тянет другое. Да, в каждом из них есть свой самостоятельный смысл, но полная правда откроется только в конце всего протяжения.

Наступила тишина, чуть нарушаемая привычными уже паровым буханьем и посвистами взлетающих змеек. Каждый пытался вспомнить последние приключения и проследить их логику. И смысл своего личного участия.

Первой очнулась Аня:

- А что будет с этими? С волками?

- Они пролежат здесь до следующей луны. – Яр, ухватив за гриву, с усилием оторвал голову стригоя от щита и отбросил в сторону. – А потом опять срastутся. Ведь это не просто звери. В вашем понимании они почти бессмертны.

- И тогда они опять будут гнаться за нами?

- Не в этом мире.

- А откуда ты знаешь? – Николка придвинулся поближе. – Ну, про то, что они срastутся? Через месяц?

- Мы давние знакомцы. В две первые встречи это они разрывали меня на части.

Дальше двигались неспешно. Яр, как всегда, шагал впереди, за ним Николка и Аня, Маша замыкала. Но Яр теперь не только не торопился, а и, часто оглядываясь, всё время говорил, говорил. Видимо, хотел отвлечь ребят от картин кровавой битвы. Он вообще после Аниного рыдания на своей груди, стал как-то ... почеловечнее. Даже Николку не обрывал, который просто осыпал его вопросами.

- Стригой бежали за нами уже давно, но не приближались. Несколько раз мне удавалось запустить их по ложному следу. В других случаях они, видимо, надеялись, что вы погибнете и без их усилия. А здесь они вынужденно решились на бой, потому что знали: как только мы войдём в лабиринт, нас уже не найти.

- Почему?

- Этот лабиринт как бы живой. Он постоянно меняется, открывая и смыкая свои ходы, устраивая ловушки и смешивая ориентиры. Никому невозможно запомнить путь, ибо он всякий раз нов. И поэтому в нём бесполезно кого-то догонять или преследовать.

- Яр, скажи, почему ты здесь, в подземье, выглядишь как человек, а в нашем мире – только как животное? А эти «мотоциклисты», наоборот, здесь обернулись волками?

- Да, чем от вуколаки от волколаков отличаются?

- Задачей сотворения.

- Это как?

- А так.

Что ребята узнали об оборотнях.

Всё сотворённое несёт свой смысл – Рок. Ангелы и демоны, стихии и силы, звёзды и кометы, горы и подземелья, моря, пустыни, пожары, ледники, бациллы, насекомые, рыбы, птицы и звери. И человек. Всё и все вызваны в жизнь и расставлены по местам для исполнения Рока.

В давней давности, до великого паводка, землю населяли великаны-мамоны. Они были полубогами, хоть и не бессмертными, но жизни их тянулись через тысячелетия. И они имели власть над стихиями, повелевая ветрами и течениями, холодами и жарой. Кроме смертности, от настоящих богов мамонов отличало невластие над Житью: они не творили ни рыб, ни птиц, ни зверей. Но могли изменять собственные тела, чтобы летать и бегать, плавать и ползать по своей нужде и прихоти. И превращали в зверей неугодных им людей. А ещё, свободно проникая в нижние и верхние миры, мамоны вызывали гром и молнию, снегопад или засуху. И поэтому люди боялись их и всячески ублажали.

Каждое племя и род приносили ближним мамонам жертвы и дары с просьбами о милости невреждения на охоте и рыбарстве, скотоводстве и огородничестве. Великаны же, угрожая порчей и лихом, всё более и более закабалляли народы, требуя всё больше и больше подношений. Избранные мамонами лихие людишки обучались отдельным частицам волшебства и за это служили им совсем как богам. Ведьмаки, колдуны и маги шпионством, подкупом и шантажом сеяли страх, зависть и взаимозлобу среди единоплеменников, раздорами укрепляя деспотию великанов над человечеством. Но люди не могут жить только страхом и ненавистью, они не могут не любить, не восхищаться красотой и не желать добра. То там, то тут к своим племенным богам возносились мольбы несогласных с совершаемым мамонами искажением воли Рока.

Тут тонкость различия: говоря о богах-покровителях народам, мы молчим здесь о Том, Кто творил миры и посылал из Себя Истину и Утешение людям. Боги же покровители – сами лишь создания, и могущественны настолько, насколько силён их народ или хранима память об этом народе.

Так вот, наступил момент, когда возмущаемые людскими мольбами, покровители совместно воззвали к высшей справедливости Творца всему.

И вспыхнуло великое Солнце. И растаяли полярные льды. И прибыла большая вода. Редкие незалитые горы и плавучие острова сплошь покрывались сбежавшими от потопа зверями и людьми. И в те дни даже самые свирепые хищники не пожирали ютившихся рядом беззащитных травоядных. Это было время всеобщего сочувствия.

Многое и многих сгубили безбрежные воды. Но, прежде всего, унесли в Пучину великанов-мамонов. Лишь некоторые из них упырями скрылись в нижних мирах, или же, поклявшись богам-покровителям стать рабами на оставшиеся времена, вымолили милость.

Омытая земля быстро засеивалась и заселялась наново. Однако, среди выживших людей таились те, кто когда-то прислуживал мамонам и унаследовал некоторые их знания. Рано или поздно грозный урок забывался, и начинали они опять пользоваться магией в корыстных интересах. Ведьмы и маги, перекликаясь тайными знаками, соединялись в закрытые союзы и тайные ордена,

восстанавливая сеть управления народами с помощью страха. Как когда-то их хозяева-мамоны, теперь уже сами колдуны стали запугивать людей неурожаями и морями, насылая на непокорных лихорадку и коровью смерть. Под их властью вновь только жестокость и коварство стали приносить земную славу, успех и богатства. И опять, то там, то тут некоторые безумцы боролись с богами-покровителями. Кто не помнит былинку про князя-колдуна Волха, бросившего вызов самому Перуну?

*«В та поры поучился Волх ко премудростям:
А и первой мудрости учился
Обертываться ясным соколом,
Ко другой-то мудрости учился он Волх
Обертываться серым волком».*

Человек, так или иначе наделенный способностями превращения, становится волком или медведем, перекинувшись-перевернувшись через воткнутый в пень или землю нож или топор. Конечно, силы ведьмаков нельзя сравнивать с былым могуществом мамонов, но превратить какого-либо неугодившего им соседа зверя они умели. Кроме того, некоторые заклятья и ритуалы повели самостоятельную жизнь, не зависимую от магов. Так любая мать, в сердцах проклиная своих непослушных детей, губила их не хуже какой-нибудь злой колдуньи. Превращение начиналось лёгким ознобом, переходящим в лихорадку с головной болью и сильнейшей жаждой. Становилось трудно дышать. И рассудок проклятого приходил в полное помутнение. Обращаемый сбрасывал с себя одежды, становился на четвереньки, мгновенно покрываясь густой шерстью.

Такие волколаки, превращенные по злому слову матери, не должны были ни в коем случае съесть ни кусочка сырого мяса, иначе навсегда оставались волками. Но стоило быстро накрыть такого невольного волка человеческой одеждой, и он сразу же обращался назад.

Другое дело – стригои. Этих творили только ведьмаки и только из тех людей, чьи предки хотя бы раз обращались за «помощью» к колдунам и ворожеям. Человек, которому суждено было стать волком по вине колдовавших или вороживших родителей, с детства отличался нехорошими качествами: он рос хитрым, злобным, физически мощным, но очень безобразным. И бывал весьма счастлив в воровстве, обмане, ростовщичестве. За эту дневную «успешность» злой дух каждую ночь приказывал ему надевать волчью шкуру и рыскать зверем до рассвета. И горе тому, кто попадался на его пути. Оборониться от такого оборотня можно было лишь сильно ударив, покалечив его.

А ещё оборотнями становились дети простых женщин и волколаков. Если ребёнок родился уже с зубами – это наследный оборотень. Или же когда у кого-то зубы начинают расти в два ряда, то, значит, в нём тоже есть частица волчьей крови. Но этот ребёнок вырастает не злобным зверем, а наоборот – бесстрашным убийцей стригоев.

Кроме диких ночных зверей, творимых мамонами и ведьмаками из людей злых, есть домашние животные, обращаемые на ночь в добрых людей богами-покровителями. Их-то и называют вуколаками.

Да и духи леса тоже любят превращаться в зверей. Например, леший может показаться белым волком – «белым цариком».

Лекция неожиданно закончилась около одного из вулканических колодцев. Яр остановился у самого края, присел на корточки. Прищурившись, всмотрелся в мигающую далёкими красноватыми отсветами глубину:

- Приготовьтесь. Как только отсюда взлетит скоропая, мы усядемся на щиты как на санки-катанки и начнём спуск.

- Это как? Полетим? – Осторожничая, Николка тоже заглянул в колодец. – Так ведь там ни дна, ни покрышки не наблюдается. Разобьёмся вдрызг.

- Не бойся – колодец сужается. Поэтому мы поскользим по спирали. По стенкам, как по зимней горке.

- А когда эта змейка вылетит?

- Ждите.

Ждать, так ждать. Рассевшись по ближним камням, ребята покорно молчали. После пережитого боя всем почему-то заразительно сладко зевалось. И очень хотелось пить. Но отвлекать бытовыми просьбами внимательно что-то в глубине высматривающего и выслушивающего Яра никто не решался. Только минут через десять Ваня почти шёпотом спросил:

- Яр, а ты тоже ... мамон?

- Нет. Я – Посланник. Мамоны мне как бы ... племянники.

- А Проклятые короли – ведьмаки?

- Плоть от плоти. И дух от духа.– Яр резко привстал и отшагнул от края. – Внимание!

Готовы?

Послышался нарастающий подземный гул, и с оглушающим треском из колодца ввысь вырвалась струя пара, внутри которой огненной пружиной вращалась длиннющая золотисто-красная змея. Со свистом и визгом сверкающая чешуйками скоропечя ввинтилась в подпотолочный туман, и, где-то там ударившись о невидимый предел, молниевыми зигзагами понеслась в сторону реки.

- За мной. Не отставать!

И начался спуск.

Маша сгорбилась, крепко обняв поджатые к плечам колени, и изредка подвизгивала. Щит под ней, действительно, как санки скользил по гладкой стене чуть сужающегося колодца, при этом время от времени проворачиваясь вокруг себя. Так что у Маши иногда появлялось чувство, что она крутится на парковом аттракционе с вращающимися чашками. Где-то рядом подвизгивали и подпискивали Николка и Аня. Но было темно, и вдобавок густо парило. Кое-где по стенам из застывшей лавы проходили тонкие, красно светящиеся трещины, из которых вырывались быстрые язычки пламени. Но на скорости особой жары не чувствовалось.

Провернувшись вокруг оси в последний раз, она проскользила несколько метров по дну колодца и тукнулась в сбившихся в кучу Яра с Ваней, Николку и Аню. Здесь пара не было, и пробивающиеся из трещин язычки огня давали освещение, достаточное чтобы увидеть, что щит под Машей в нескольких местах протёрся до дырок. Когда Маша встала, её несколько раз качнуло – кружилась голова. Аня продолжала сидеть, а вот неугомонный Николка уже прыгал и скалил всем зубы:

- Здорово! Правда же, здорово? Как в бобслее: вжик-вжик-вжик! Главное не тормозить.

Нет, классно мы прокатились.

Колодец заканчивался небольшой округлой пещерой, из которой во все стороны вели округлые же ходы. Один, два, три... семь, восемь. Восемь совершенно одинаковых ходов. Ну, и куда же они теперь?

- Внимание! Мы в живом лабиринте. В нём никогда нет известных маршрутов или знакомых переходов. Тут всё постоянно изменяется, приходится ориентироваться по знакам – под ногами, на стенах, на потолке. Но и знаки тоже лукавы.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Сквозь живой лабиринт.

Щиты – протравленные, побитые и протёртые – они оставили на месте спуска. Рядом положили палицы с маленьким Николкиным мечом. Хотя Яр сказал, что оружие им больше не потребуется, но почему-то свой меч не отстегнул.

Шли они теперь особо. Перед походом Яр связал всех одним шнуром, обмотнув вокруг поясицы на манер поясов и дав на промежуточные расстояния не больше двух метров. Проверил крепость узлов, подвязав конец на себя, и, молча отмахнув рукой, направился в один из восьми проходов. Когда их караван потянулся за своим предводителем, Маша и Аня переглянулись и одновременно хихикнули:

- Мы как те мыши!

А несчастный Николка, которому теперь было не побегать и не попрыгать, ответно буркнул:

- Да как рабы мы. Как негры какие-то.

Ровно через каждые двести сорок восемь шагов коридор разделялся надвое. Яр, не останавливаясь, по ходу всё время что-то осматривал, ощупывал на стенах, пригибаясь, разглядывал на полу. И всегда очень решительно входил в один из необъяснимо выбранных рукавов лабиринта. Топтавшие вслед ребята тоже изо всех сил вертели головами, но ничего такого особенного не замечали. Так, – трещинки и вытемнинки разной длины и формы. Полоски, точки, загогулилки.

Кроме развилки, в стенах иногда темнели и боковые ходы, на которые Яр не обращал никакого внимания. Постепенно ребята приноравливались идти ровно, не дёргая друг друга за связки. Развилка следовала за развилкой, Яр, по ему только ведомым признакам, выбирал проходы, остальные послушливо мелко шагали вслед.

И вот уж, действительно, кому, там, и где везёт, и кому всегда клад даётся, но как нужно смотреть на стены правильно первым нашёл всё тот же Николка. Он вытащил давным-давно завалившееся на дне кармана небольшое красное бутылочное стёклышко, повертел, поподкидывал. Зачем-то приложил к глазу и вдруг негромко присвистнул:

- Фьюу! Ничего себе. Фьюууу! Вот это да. – Посвистев на разные стороны, передал стёклышко сестре. – Ты только посмотри!

Аня через стекло взглядела в стену, ахнула и остановилась, рывком затормозив идущего впереди неё Яра. Тот, подождав несколько секунд, осторожно потянул всех за связывающую верёвку:

- Нельзя останавливаться. Пойдёмте.

Аня, спотыкаясь и дёргая всех, всё глазела и глазела на стены, пока Николка ей не напомнил:

- Эй, ты чего? Другим ведь тоже хочется.

Аня с трудом отняла стёклышко от лица, неохотно протянула назад брату. Но Николка смотреть не стал, сразу передал Маше.

Через толстое красное стекло огненно-красное освещение пещерных коридоров казалось сильнее и ровнее. И в этом преображённом свете разнообразные загогулилки, полоски и точки вдруг заскладылись в чёткие рисунки, ровным узором покрывавшие стены, потолок и пол.

Сотни и сотни разновеликих человеческих фигур, некоторые с головами реальных или сказочных животных, перемежались иероглифами и символами, чертежами зданий, кораблей, повозок, каких-то непонятных механизмов. Нечто-то подобное Маша видела по телевизору, в программе про древние пирамиды. Тогда какой-то учёный историк сравнивал культуры египтян и майя. Или инков.

Люди, знаки, чертежи... Особенно Маше врезался в сознание странный персонаж: крылатое и рогатое существо сидело на троне, оно имело человеческое тело, но голову козла, отмеченную перевёрнутой пятиконечной звездой на лбу. Перед животом существо держало жезл с двумя перевитыми змеями.

- Я прошу не останавливаться. – Яр тянул с равной силой. – Это мешает мне.

- Но всем же хочется же на стены поглядеть, на рисунки. А стёклышко одно и маленькое.

- Вы можете на всё смотреть и без приспособлений.

- Как? Как это?

- Просто. Нужно только ни разу не отвлечься на другие мысли, повторить про себя сто раз: «я могу это видеть».

- И всё?! – Николка рванулся поближе к Яру, так дёрнув за связку Машу, едва не повалив её.

- Всё.

- Ну, да. Знаю я эту ловушку. – Ваня усмехнулся брату через плечо Яра. – Шутка в том, что ты больше двадцати раз не сможешь одну и ту же фразу повторить, мысленно не сползая на что-нибудь другое. Я как-то год назад тренировался, очень старательно, но, всё равно, никак больше двадцати не получалось.

- Это потому, что ты просто проговаривал. – Маша ответно дёрнула верёвку так, что теперь Николка едва не сел. – А нужно было нараспев. Когда слова произносятся не в привычном ритме, а в убыстрённом или замедленном, внимание не отвлекается. Так и стихи легче заучивать. На какую-либо мелодию.

Все надолго замолчали. Тишину нарушало только шуршание шагов и шипение вырывающихся из трещин язычков пламени. Ясно, что мысленно каждый старательно припевал на разные лады: «я могу это видеть», «я могу это видеть», «я могу это видеть»...

Кто знает, на каком уровне успешности кто уже находился, когда вдруг из проходимого ими бокового прохода сначала ударил порыв сильного холодного ветра, а потом с ещё большей силой воздух стал туда втягиваться. «Вот так пылесос!» – едва успела пошутить Маша, как через мгновение её и Николку втянуло в тёмноту тоннеля. Цепляться за гладкие стены и пол не получалось, они висели на звенящем от напряжения шнуре, вращаясь и мотаясь как какие-нибудь тряпочки. Вокруг пронзительно свистело, и оглушённая Маша с ужасом смотрела на удерживающую их тонкую связку: «Если и сейчас оборвётся, то второй раз чудо не произойдёт. Случайность не повторяется».

Из-за угла появилась рука Яра. Перехватывая шнур, рука дотянулась до Николки. Тот догадался и сам впился в запястье. Через несколько секунд таким же образом из «пылесоса» выдернули и Машу.

Как только дети оказались в основном проходе, наступила полная тишина и безветрие. Словно ничего и не было.

- Это только начало. Дальше нас могут поджидать более опасные ловушки. – Яр ещё на раз проверил их связки, подтянул узлы. – Будьте предельно внимательны к пути и друг другу. Не отвлекайтесь на рисунки.

Они двинулись дальше, однако Маша пребывала в уверенности, что ребята продолжили мысленные упражнения – слишком тихо они шли. Даже Николка за полчаса не проронил ни словечка. А ещё было видно, как он сгибает и разгибает пальцы, явно подсчитывая количество повторённого: «я могу это видеть», «я могу это видеть», «я могу это видеть»...

- Осторожно! – Яр резко отпрыгнул назад, едва не свалив идущих за ним. В том месте, куда он уже, было, поставил ногу, пол мгновенно растрескался и обвалился. И почти во всю ширину коридора зазиял чёрнотой круглый провал. – Это ход-колодец в нижний мир.

- А что там?

- Многое. Но нам ненужное.

Они, плотно прижимаясь спиной к стене, по очереди обошли провал. И каждый, чуток привставая на цыпочки, попытался заглянуть в колодец. Однако ничего не увидел.

Некоторое время двигались без приключений, и опять все молчали, мысленно повторяя: «я могу это видеть», «я могу это видеть».

Маша дошла уже почти до семидесяти, когда впервые Яр ошибся с выбранным направлением. Он, было, всё так же решительно повёл их в правый рукав, но уже через несколько шагов остановился и попятился назад.

- Выходим, возвращаемся.

Они едва успели вернуться в развилку, как в оставленном ими коридоре раздался гул, пещеру трянуло, и с потолка посыпались камни. Из прохода выплыло облако синей пыли. Чихая и кашляя, они почти вбежали в левый проём. Яр прощупал стены, пол, и выдохнул:

- Ну, конечно.

- Чего? Что-то не так? Что было-то?

Не отвечая, он резко пошагал вперёд, потянув за собой едва поспевающих Аню, Николку и Машу.

«Я могу это видеть», «я могу это видеть» – девяносто восемь, девяносто девять, и вот – последнее «я могу это видеть»! Ура! Ура! Получилось! Сто раз произнесла, ни разу не отвлекшись! Маша повернула голову направо, повернула налево, и зажмурилась: оказывается стены, если на них смотреть не щурясь через стёклышко, а двумя глазами сразу, покрывали не просто рисунки, а ожившие картинки. Множество разновеликих человеческих фигур, зачастую с головами реальных и сказочных животных, передавали друг другу разные предметы, пожимали руки или фехтовали мечами и копьями. Фигуры перемежались иероглифами и символами, которые появлялись, искажались и стирались, уступая место новым. А рядом двигались какие-то непонятные механизмы, качались на волнах корабли, крутили колёсами повозки...

Бедный Яр! Он-то всё видел изначально и при этом каким-то неведомым образом умудрялся находить среди всего шевелящегося и мерцающего многообразия необходимые знаки, подсказывающие направление их пути.

- Получилось! Я вижу! Вижу! – Аня захлопала в ладоши.

- Молодец, я тоже смог. – Ответил ей Ваня.

- А у меня никак больше сорока пяти раз не получается. – Николка оглянулся на Машу. – Ты-то как?

- Я уже несколько минут вижу. Но ты не отчаивайся, постарайся ещё немного, ничего невозможного здесь нет.

- Да ладно! Подумаешь, ерунда какая. Я и через стёклышко могу.

И Николка, чтобы никто не догадался, как ему обидно, и, тем более, не заметил наворачнувшихся слёз, прижал к глазу стекло и упёрся взглядом в потолок.

Они прошли ещё несколько развилок, удачно миновали два колодца, как вдруг Машу аж передёрнуло: слева под сводом на троне сидело крылатое и рогатое существо, человеческое тело которого венчала голова козла, имевшая на лбу перевёрнутую пятиконечную звезду. Существо мелко постукивало перед собой жезлом, обвитым двумя змеями.

- Яр! Яр! – Маша изо всех сил дёрнула шнур, так, что её рывок через Николку и Аню сразу передался Яру. – Кажется, мы здесь уже были. Я помню это... этот рисунок.

Тот вернулся, всмотрелся:

- Даже если ты чего и видела, это ничего не значит. Здесь все знаки лукавы.

И снова пошагал по коридору, утягивая остальных.

Но через полчаса Маша опять увидела всё то же крылато-рогатое существо.

- Яр!

- Да знаю я. – Ответно буркнул тот, даже и не оборачиваясь.

Когда знакомый козлоголовый рисунок в очередной раз застучал жезлом около очередной развилки, Маша буквально ввинтилась глазами в затылок Яру: он, что, вправду такой уверенный в себе? Или просто не хочет признаваться, что заблудился?

Так или иначе, но через полчаса они всё же были вынуждены остановиться: пещерный коридор пересекала поперечная трещина. Точнее – узкая пропасть, дно которой не просматривалось. Ну, узкая-то она, конечно, узкая, однако перепрыгнуть её вряд ли кому удалось бы. Вдобавок противоположная сторона раскола приподнялась почти под самый потолок.

Сгрудившись, позаглядывали в глубину. Там было абсолютно черно. И знакомо пахло серой. Непривычно задумчивый Яр неспешно распустил узелки связывающего всех шнура:

- Садитесь. Перекусите.

Справа под стеной, оказывается, уже светлели знакомые золотистые ковры, на которых аппетитно кучковались бутерброды с варёной колбасой, бутылочки с лимонным чаем и бананы.

Пока наученные превратностями подземной жизни ребята наскоро набивали животы, Яр подвязал к освобождённой верёвке ещё и свою опояску, и перевязь меча. Примерившись, раскрутил и метнул меч через пропасть. Ещё раз, ещё... На каком-то очередном броске меч не просто попал в пролаз под потолком, но и закрепился там, заклинившись словно якорь. Яр подёргал, проверив крепость крепления, и заговорил каким-то уж очень нежным тоном:

- Этот раскол приподнял часть земли. И вполне возможно, где-то там дальше есть такая же трещина со спуском вниз. Я сейчас переправлю Ваню и Аню, потом вернусь за Николкой и Машей. Но Ваню и Аню я сразу проведу через вторую трещину, так как не ясно – насколько этот сдвиг останется неподвижен. Маша, Николка, вы только ничего не бойтесь. Ждите меня. Поняли? Ничего и никого.

Сначала Ваня, а после него и Аня, со спины цеплялись за шею Яра, а тот лихо, одними руками подтягивался по верёвке через пропасть. Когда старший брат и сестра оказались наверху, Яр попросил Машу отцепить конец шнура. Вытянув верёвку, махнул рукой:

- Ждите меня!

И Маша с Николкой остались одни.

Минут пять они молчали, вначале вслушиваясь в удаляющееся шуршание шагов по ту сторону пропасти, потом в сытое урчание своих животов. Наконец Николка не выдержал:

- Маша, а ты и сейчас рисунки на стенах видишь?

- И сейчас.

- Завидно. И обидно. Не на тебя, конечно, обидно, а на себя. Ну почему у меня ни на что не хватает терпения?

- Какие твои годы? Главное, если чего-то решил добиться, не отступай. Тогда, раньше или позже, но у тебя обязательно всё получится.

Николка глубоко вздохнул, и они опять некоторое время помолчали. Маша пыталась представить, как пригнувшийся в пол Яр несёт на спине Ваню, а за ними почти на четвереньках пробирается Аня – высота до потолка на той стороне вряд ли где более полутора метров. И как долго им там так пробираться? А потом ещё и спускаться.

- Ты... слышала? – Николка сжал Машину ладошку. – Слышала?

Действительно, в темноте тоннеля, из которого они пришли, что-то проскрипело. Вроде как проскрипело.

- Не щипайся ты! Яр же сказал: «ничего не бояться».

- Ага, сказал. И ещё добавил «никого». – Николка с трудом отпустил её руку и тут же вцепился заново. – Вот, опять...

Скрип повторился, явно приблизившись. Ну, уж нет! Не хватало и Маше тоже запаниковать! Она привстала и решительно двинулась навстречу непонятному звуку.

Пройдя шагов двадцать, огляделась. Но ничего там не было. По стенам привычно уже шевелились рисунки, вдалеке мерцали язычки вырывающегося из трещинки пламени. Маша с уменьшающейся смелостью прошагала ещё с десятков метров. И опять услышала скрип, но уже сзади. Обернувшись, она увидела, как от потолка на Николку свалилась какая-то тень.

- А-а-а!! Помогите! А-а-а! – Сбитый на землю мальчик катился к краю обрыва, а сверху по нему, размахивая длинными конечностями, прыгало, издавая громкие, похожие на скрип звуки, серое неопределимое существо. Подбежавшая Маша сходу вцепилась в Николку, как можно дальше отдёргнула его от расщелины. И встретила взглядом с напавшим. Это было нечто... похожее на человека. Очень худого голого человека. Только вместо обычной кожи этот живой скелет покрывала какая-то жабья бородавочно-пупырчатая пятнистая шкура. Шкура, плотно облекая длинные тонкие руки и ноги, на теле казалась больше необходимого размера и собиралась множеством складок, образуя ниже живота подобие слоёной юбки. Ростом напавшее было, пожалуй, немного повыше Маши. И ещё оно было страшно лохмато. Толстые волосы росли не только на голове, но и на шее, плечах, слипшимися прядками топорщились по позвоночнику.

Секунду они разглядывали друг друга. Из-под включенных волос-сосулеч на сморщенном личике зеленовато светились огромные круглые глаза. Светились злобно, но не очень-то и уверенно. Поэтому Маша погрозила кулаком:

- Ты чего? Маленьких обижаешь?

От её жеста и окрика напавшее съёжилось, присело. Но тут же ответно заскрипело, оскалив редкие острые клычки широченного – от уха до уха – рта.

- Чего скрипишь? Не пугаешь. – На всякий случай Маша притопнула и подбоченилась. Ну, чтобы выглядеть позначительней.

Но неожиданно незнакомец повернулся к ней спиной и прыгнул на поднявшегося, было, на ноги Николку. От неожиданности мальчик опять завалился и, отбиваясь от вцепившегося зубами в его рукав напавшего, вновь покатился к краю обрыва.

- Да сколько же можно! – Маша удачно захватила запястье злобного существа, и, заломив ему руку за спину, оторвала от Николки. Подсечкой свалив незнакомца на землю, Маша придавила его коленом промеж лопаток, продолжая выворачивать скользкую кисть к затылку. Прижатый пронзительно скрипел, отчаянно вертеться, старался освободиться, но не мог.

- Здорово ты его! – Пыхтящий Николка помогал, удерживая напавшему ноги. – Ага, ты же дзюдо занималась.

- Занималась. Второй юношеский разряд весной получила.

От похвалы Маша и расслабилась-то всего на чуток. Ей на самое кратенькое мгновение показалось, что существо обмякло и даже похлопало свободной ладошкой по земле, признавая своё поражение. Но напавшему этого «чутка» хватило, чтобы каким-то невероятным образом провернуться, отбросить её на Николку и вспрыгнуть под потолок. Цепляясь коготками за

шершавую поверхность сводов, незнакомец ловкой ящерицей кружил над прижавшимися спинами в центре прохода ребятами, явно не собираясь оставлять их в покое.

- Эй, ты! Как тебя? – Маша опять погрозила кулаком. – Чего пристал? Убирайся подобру, поздорову.

- Да, – поддержал Николка, – вали отсюда, лягушка волосатая

Не тут-то было. Сделав несколько кругов, упорный незнакомец вновь напрыгнул на мальчика. И если бы не Маша, в этот раз они бы точно свалились в трещину. То есть, Николка уже и перекатился за край, едва удерживаясь за торчащий камень, в то время, как напавший повис на его ногах и дёргал, дёргал, пытаясь утянуть в пропасть.

- Ты... от нас... чего хочешь? – Маша в несколько рывков подтянула Николку вверх, так, что он смог перевалиться на пол пещеры до пояса. Тянуть дальше мальчика и повисшего на нём напавшего у Маши не хватало сил. – Эй, ты! Не отцепишься, я тебя в пропасть скину. Честное слово, скину!

Но тут, запрокинув голову, выпучив глаза и разинув рот, существо заскрипело особо пронзительно – как и откуда столь мгновенно и бесшумно появился Яр, ребята не заметили. Одной рукой он за шиворот высоко приподнял Николку, а второй – за волосы – напавшего.

- Яр! Яр! Чего он?!

Удерживаемое за гриву существо извивалось, отчаянно молотя воздух тонкими и длинными конечностями, Николка тоже не висел спокойно:

- Меня-то за что?! Меня-то отпусти! Он первый начал!

Яр аккуратно поставил мальчика. Освободившейся рукой пошарил в кармане, достал тонюсенькую плетёную петельку. Потом приспустил удерживаемого так, чтобы тот чуть касался земли:

- Помогите мне, подержите его.

Маша со спины обхватила напавшего, а Николка наступил ему на ноги.

- Молодцы. – Яр быстро накинул петельку на шею существу, и то сразу обмякло, прекратив всяческое сопротивление, припало к земле.

- Яр, кто это? – Маша вытерла лоб и облегчённо улыбнулась.

- Ведогоня. Вещий упырь.

- Опять упырь? Да сколько их тут ... видов?

- Не счесть. Но только этот никогда не был земным существом. Он чистый дух Нави.

- А чего он на меня набросился? – Николка всё ещё сжимал кулаки. – Как сумасшедший.

Два раза чуть в пропасть не стащил.

- Так он и живёт там – этажом ниже.

- «Этажом»?

- Уровнем. Слоем. Пластом. Миром. Не придирайся, я же для вас попонятней хотел выразиться. Подойди, не бойся. Ведогоня теперь не опасен.

Николка помялся и, осторожничая, подошёл. Не очень близко. Но Ведогоня лежал, расплющившись по полу, как тесто. Если бы не редкие всхлипывающие вздохи, и закосившийся вверх тускло тоскливый взгляд, можно было и не догадаться, что эта пупырчатая лепёшка живая. Подошла и Маша. Пригнувшись, заглянула под гриву:

- У него, что, ушей нет? И носик крохотный-крохотный.

- Ведогоня почти глух и ничего не чувствует. Зато он даже в полной темноте всё видит. Более того, он видит сквозь стены. – Яр дёрнул за поводок петли, и Ведогоня мгновенно отлепился от пола, послушно присел у его ног, поджав тонкие руки к груди. – Мы сейчас немного вернёмся назад. Там справа дверка.

Маша посмотрела, как Ведогоня, словно виновная в чём-то собака, семенит возле Яра, и ей отчего-то стало очень жалко это несуразное существо, с которым несколько минут назад она так яростно боролась за Николку.

Действительно, в нескольких десятках шагов от рассёкшей коридор пропасти темнел проём, в котором сразу же начинался крутой подъём из вырубленных в камне высоких ступенек. Лестница постепенно завинчивалась влево. Первыми поднимались Яр с Ведогоней, за ними старательно пыхтел Николка. А Маша отчего-то тормозила. Какая-то мысль застучала ей в голову, но никак не могла достучаться.

Буквально через пять минут лестница ввела их в узкий и низкий коридорчик, а ещё через несколько десятков шагов они оказались в основном проходе. С шевелящимися рисунками на стенах и мелкими факелками из трещин. Пропасть осталась позади.

Маша озадаченно озиралась, едва перебирая ногами. Яр и Николка были уже на приличном расстоянии, а она всё никак не могла отделаться от ощущения, что вот-вот её посетит открытие. Ну? Ну, о чём же эта стучающаяся мысль? Впереди их встречали радостные расспросы Ани и Вани, на которые не менее радостно отвечал Николка, а до Маши только-только стало доходить.

- Яр, – нежно позвала она, – отойдём, объясниться нужно.

Яр, блеснув на Машу своим обычным холодным взглядом, послушно пошёл за ней в глубину коридора.

- Яр, друг мой, если ты изначально знал про лестницу и обводной проход, то зачем понадобился этот спектакль с верёвкой через пропасть? Если ты заранее знал, как легко всем вместе обойти препятствие, то зачем ты оставил нас с Николкой одних?

Яр молча смотрел на Машу ничего не выражающими глазами. Ведогоня опять покорно расстелился около его ног.

- Так зачем? Молчишь. Ну, молчи, молчи. Только я и сама могу сказать: ты использовал Николку как наживку. Как червячка на рыбалке. Я права?

- Права. – Бесстрастно подтвердил Яр.

- Ах, ты! Ты! – Маша изо всех сил ударила Яра правым кулаком в живот. Потом левым. Ещё. И ещё раз. – Как ты посмел? Как? Разве можно так поступать с людьми? С живыми людьми?

- Иначе мы бы не поймали Ведогоню.

- А зачем? Зачем он нам нужен? – Зажав отбитый кулак под мышкой, Маша заплакала больше от обиды, чем от боли.

- Ведогоня – упырь вещей. Он предвидит варианты лабиринта заранее. И ещё он в любую щель пролезет. Без него нам не пройти. Смотри сама!

Маша взглянула на указанное Яром место на стене. Там, слева под сводом, на троне сидело крылатое козлоголовое существо, с перевёрнутой пятиконечной звездой на лбу.

- Я этот рисунок сегодня сорок раз уже видел. В разных вариантах. Пойми же: без Ведогони не пройти. Что-то лабиринт особо против вас настроен.

Размазав слёзы рукавом, Маша всхлипнула в последний раз:

- Всё равно так нельзя. Не по-честному. Мог бы предупредить.

- Не мог. Ведогоня и мысли читает. Особенно такие простенькие, как у Николки.

Успевший в мельчайших подробностях рассказать брату и сестре об их с Машей борьбе против упыря, Николка встречал Яра градом вопросов. Большинство из них, правда, начались издалека и не долетели до адресата, но последний пришёлся точно:

- Яр, а почему Ведогоня так боится твоей петельки?

- Потому, что в неё вплетены три волоска от белого, красного и чёрного коней. Эти кони посвящены Велесу, перед которым у многих упырей от страха паралич случается.

В чём разница – идти с Ведогоней или без него? – ребята так и не поняли. Яр, как и прежде, широко шагал впереди, без раздумий сворачивая в развилках направо или налево. Ведогоня семенил не впереди даже, а рядом, стараясь при первой возможности прилечь. И в чём была от него польза? Ну, может, раза два-три Ведогоня и повлиял на выбор прохода – потянул в другую от Яра сторону. Да и то, как-то не особо навязчиво.

Они шли, шли. Полчаса, час. Развилки, боковые ходы, колодцы, повторяющиеся рисунки – ничего интересного. Даже «пылесос» или обвал на них больше не покушались. Из развлечений лишь пробежавшие по потолку ещё два Ведогони. Выскочив из темноты, они, увидев на поводке своего собрата, лохматыми ящерками поспешливо скрылись в ближайшие норы под присвист Николки.

Но вот что-то в коридоре стало меняться. Во-первых, начался ощутимый подъём, во-вторых, посвежело и легче задышалось, а сам воздух стал светлеть. Свет и свежесть всё нарастали, усиливались, пока, наконец, за некрутым поворотом в метрах трёхстах ребята не увидели конец тоннеля. Из ослепительно сияющего выхода доносился какой-то очень знакомый, очень родной протяжный шорох. Ведогоня теперь тащился позади Яра на четвереньках, натягивая поводок,

приваливаясь к земле через каждый пяток шагов. Маша поймала его отчаянно тоскливый взгляд и опять зажалела бывшего соперника. Догнав Яра, попросила:

- Яр, чего мы его мучаем? Может, отпустим?

Но в ответ тот лишь резче дёрнул плетёнку – так, что расплющившийся Ведогоня с метр пробороzdил животом по полу. Это было уж слишком жестоко.

- Яр, что ты делаешь?! Ему же больно.

- Не очень. И ты слишком быстро забыла, как он хотел съесть Николку.

Но тут вмешался и Николка:

- Да ладно, чего вспоминать! Не съел же. Так зачем над ним теперь издеваться?

- Правда, Яр. Жалко. – Добавила свой голос Аня.

Только Ваня молчал с видом, что, мол, ничего не видит и не слышит. Яр сделал несколько замедляющихся шагов, остановился:

- Хорошо, будь по-вашему. Ведогоня, отдай два листа и отправляйся домой.

Ведогоня лежал почти без признаков жизни.

- Ведогоня, отдай страницы.

С минуту стояла полная тишина.

- Не отдашь по-хорошему, вытащу на свет. Испепелишься.

Вздых и скрип. Тоненькая ручка пошарилась в глубоких складках тела, и высоко в воздух полетели два серо-жёлтых листа. Яр в одно движение подхватил их и передал Ване.

- Надо же, каков жулик! – Аня засмеялась звонко и беззлобно. За ней захмыкали Ваня и Маша. Только Николка почему-то надул губу:

- Как мне эти упыри надоели. Мало того, что смотрят на тебя как на еду, так ведь ещё и обкрадывают.

Вслед за Аней Ваня и Маша уже хохотали до слёз, а Николка продолжал ворчать:

- Какие они жулики? Это разбойники. Рецидивисты!

Как только Яр снял петлю, Ведогоня мгновенно взбежал по стене под потолок и, сердито скрипя, умчался в темноту. Надо же, а ведь почти умирал.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Блаженный Ир.

Знакомым шорохом оказался шум деревьев. Настоящих деревьев – высоченных тополей и развесистых клёнов, окружавших небольшую полянку у выхода из тоннеля.

Сам выход окаймляли полукруглые колонны из белого камня, на резных навершиях которых покоился широкоугольный портик. В центре треугольника выпукло сплелись фигурные буквы: «И» и «Р».

- Да сколько я уже неба не видела! – Раскинув руки и запрокинув лицо, кружилась по полянке Аня. – Сколько ж под ветром не была! Какое это счастье!

- И я! И я! И я! – Смешным осликом Иа подпрыгивал рядом Николка. – Того-же-мне-ни-я!

Маша бродила меж деревьев и гладила шершавые стволы, наслаждаясь скрипами качающихся ветвей и шуршанием перетирающихся листьев. Правда, как это хорошо – никаких пещер и коридоров. Никаких лешаков и упырей. Даже пчела гудит настоящая, а не какой-нибудь искусственный светлячок.

Ваня, усаженный около куста жёлто цветущей акации, тоже блаженно шурился на свет, на простор, на буйно выражающих свой восторг брата и сестру.

- А где Яр? – Подошла к нему Маша. – Куда он исчез?

Но Ваня, продолжая улыбаться, только вздохнул и посмотрел на Машу таким рассеянным взором, что она устыдилась. В самом деле, ну какие-такие заботы? Можно же человеку хоть чуток ни о чём не думать.

- Прости. – Она сорвала с акации цветок, понюхала – запах оказался не очень. И отправилась бродить дальше. – Больше не мешаю.

Напрыгавшись и накружившись, Николка и Аня завалились в густую траву и о чём-то тихонько переговаривались. Маша посмотрела, посмотрела и прилегла рядом. А вот в траве ароматы оказались просто очаровательными. Здесь цвели медуницы и клевер. Маша раскинула

руки и прищурилась в далёкое небо. Оно было немного необычным – не голубым, а желтоватым. Такой цвет оно обычно приобретает в самый жаркий полдень. Но сейчас-то приятно свежо. И, кстати, где солнце? Яркий свет равномерно изливался с высоты, золотил макушки деревьев, пятнышками перебегал около корней, ласкал даже самые маленькие белые и голубые цветочки в невысокой, но густой и мягкой траве. Свет без источника.

- Маша! – Села Аня. – А где солнце?

- Я как раз об этом же подумала.

- Да ладно вам! – Николка лёжа дул в стебель, воображая, что играет на дудочке. – Какая разница?

- Может, оно за высокими тонкими облаками? – Маше даже голову не хотелось приподнимать.

- Может. Но всё равно странно. – Не унималась Аня. – Не нравится мне это.

- Отдохни. Мы столько и такое за последнее время перенесли, что имеем право.

- Вот именно, что столько. Поэтому и не верится, что испытаниям конец.

- Вечно ты весь кайф испортишь! – Николка метнул стебель и перевернулся на живот. – Не нравится смотреть на небо – смотри на землю.

- Или как я, просто закрой глаза. – Поддержала его Маша шёпотом.

Особо сильный и долгий порыв ветра раскачал огромные тополя, вывернув листья серебристой изнанкой. Блаженствуя в затяжном музыкальном шуме, ребята не заметили, откуда и как появился Яр. Подняв Ваню, Яр подошёл к ним. И, кажется, чуть-чуть улыбнулся. Самым краешком губ. Но, кроме этой едва заметной эмоции, с ним что-то ещё было не так.

- Отдохнули? Сейчас мы пройдем через Священную рощу. А за ней вас встретит то, что встречает живых людей лишь раз в тысячу лет. Но такой встречи хватает, чтобы десять веков поддерживать на Земле легенды.

- Что? Что это? – Николка из лежачего положения мигом принял стоячее. Точнее – подпрыгивающее.

- Не спрашивай заранее. Не порти себе аппетит. – Опять чуть заметно улыбнулся Яр. – Пойдём. Просто пойдём.

- Какой-то он странный. – Прошептала Аня на ухо Маше. – Какой-то не такой.

Священную рощу составляли непередаваемых размеров и размахов дубы. Древние деревья редкими чёрными колоннами подпирали плотные шатры из тёмно-зелёной листвы. Могучие кроны, соприкасаясь высоко вверху, создавали единую крышу. Из-за постоянной тени трава здесь не росла – только кое-где из-под толстого ковра осыпавшихся за много лет листьев и желудей вспучивались островки разноцветных мхов. Пахло чем-то непонятно мятно-лекарственным. Как в аптеке. И стояла полнейшая тишина. Абсолютная.

Он брели, развернувшись цепью, словно собиратели грибов. Шорохи шагов в прелой листве и вздохи тишину не нарушали. А вот разговаривать в роще им Яр запретил накрепко. Николка немного помучился, пытаясь жестами передавать свои мысли Ане и Маше, но упорно не замечаемый ими, наконец смирился.

А Маша и Аня переглядывались, похоже, с полным взаимопониманием. Они, каждая сама по себе, но одновременно догадались, что изменилось в Яре: он уменьшился в росте. Да-да, если в начале знакомства Яр был выше их почти в два раза, то теперь едва ли превышал на две головы. При этом сам он оставался вроде как прежним, так что даже казалось, что это Ваня на его руке вырос. Девочки внимательно и даже с тревогой следили за тем, как Яр теперь нёс Ваню. Но пока признаков усталости не было.

Священная роща поредела, раздвинулась и отступила, обнажив бескрайние просторы. Освещённые всё тем же ровным золотистым светом, перед ребятами до далёкого туманящегося горизонта мягкими холмами расстилались травяные поля. Кое-где синели озёрные пятна, над которыми кружили белые птицы. Кое-где остро высились похожие на развалины башен розовые зубья скальных выходов. Кое-где по ветру тонко стелились дымки дальних пастушеских костров.

- Mamочки! – Прошептала Аня. – Mamочки, красота-то какая...

- Ребята, а я это уже видел. – Вдруг взволнованно признался Ваня. – Я же так мечтал о путешествиях, так мечтал. И когда закрывал глаза, то в своих мечтах видел именно эту долину.

- Вырасту, стану художником! – Тоже почему-то шёпотом поддержал Николка. – И буду эту картину каждый день рисовать. И дарить в каждый дом. Чтобы такое все люди смогли увидеть.

Яр, как когда-то в белой пещере, переждал, пока они вдосталь налюбуются:

- Нам пора. Впереди уже ждут.

И споро пошагал по лёгкому склону. Повздыхав, ребята неохотно двинулись за ним.

Вскоре они вышли на дорогу. Вымощенная квадратными желтоватыми плитками, совершенно пустынная дорога вольно огибала холмы и зубцы мраморных скал, мягко поднимаясь и опускаясь, далеко обтекая озёра с гнездящимися птицами. Правда, одно из озёр всё же оказалось рядом. Густо-зелёный тростник рос вдоль самой обочины, из его зарослей слышалось разнообразное кряканье и посвистывание, а дальше, из чуть рябящей синей воды весело выпрыгивали серебристые рыбки. Однако на все просьбы, уговоры и даже требования искупаться, Яр лишь отрицательно качал головой: «нас уже ждут». Обидевшаяся, было, вместе со всеми Маша неожиданно дёрнула за руку бурчавшую Аню:

- Взгляни на Яра.

Аня подняла глаза и едва не вскрикнула: Яр стал ещё меньше, почти сравнявшись ростом с девочками. Теперь ему приходилось держать Ваню у плеча, чтобы тот не касался земли своими стопами.

- Яр, тебе помочь? – Они произнесли это одновременно.

Яр опять мотнул головой: «Спасибо, нет. Справлюсь сам». Ваня внимательно посмотрел на сестру, на Машу, и резко отвернулся. Но Маше показалось, что в его глазах что-то блеснуло.

Николка, забежавший немного вперёд, скрылся за очередным поворотом. И вдруг оттуда раздался его пронзительный визг:

- Что это?! Яр, что это такое?! Поглядите же вы поскорее!

Аня и Маша рванулись на призыв.

Почему, стоя у края Священной рощи, они смотрели на расстилавшуюся до горизонта долину и не видели этого? Этого: закрывая полнеба, перед ними на многие сотни метров высилась белая каменная стена города-крепости. Как можно было не увидеть такое величие? Это же настоящая гора. Рукотворная гора-крепость.

Запрокинув головы, ребята смотрели на далёкие, похожие отсюда на кружева, зубцы. А укрепляющие стену круглые башни вершинами и вовсе уходили в неизмеримое запределье. Над башнями, так же как над озёрами, кружили едва различимые с такого расстояния птицы.

- Стена границ Блаженного Ира. Она видима только вблизи. И то не всем.

- Раз башня, два, три, четыре... – Начал считать Николка.

- Их восемь. Наш путь к той.

- А почему над ними птицы? Чайки? Или голуби?

- Пеликаны. – Яр, покачиваясь, шагал по дороге, которая, как стало теперь видно, вела к ближайшей из башен. – Там, у них наверху устроены каменные блюдца. Размером с хорошее озеро. Пеликаны в клювах носят туда воду, пока не наполнят. И после этого выводят на башнях птенцов.

- Это ж, сколько нужно им времени, чтобы клювами наполнить?

- Это очень большие пеликаны. И необычные, ну, не земные. – Яр непривычно разговорился. – Однако, всё равно, каждый раз им требуется пятьсот лет.

- Пятьсот?! А потом?

- Потом, когда научится летать последний птенец, Страж башен открывает люк и сливает воду.

- И?

- И всё начинается заново.

- Странно.

- Таков закон. Законы в Блаженном Ире хранятся от сотворения мира. Значение некоторых мы понимаем, значение других давно забыто. Но исполнять необходимо все.

- Почему? – Пожал плечами прыгающий впереди Николка. – Зачем делать то, чего не понимаешь?

- Затем. На законах стоит мир. Точнее, на связи законов между собой. Не исполни хоть один, хоть самый малый, и вся система начнёт разрушаться. Это как из космического корабля выкрутить всего один болтик.

Маша улыбнулась, вспомнив, что Весенний пастух Яр-Соковня, воулак Славии, в облике кота любит смотреть телевизор. А тот продолжал:

- Если же что-то не понимаешь, так учись! Ищи человека или книгу, которые тебе растолкуют непонятное. Но всегда с уважением, нет, даже с трепетом относись к законам. Законам природы или дорожного движения – любым. И слушай старших. Внимательно слушай. Они в своей молодости уже попробовали нарушить законы, так что имеют опыт. Часто печальный. Зачем и тебе наступать на те же грабли?

Тут Яра сильно качнуло. Маша и Аня едва успели подхватить его под руки, удержать от падения.

- Что случилось? – Оглянувшись, теперь и Николка увидел, насколько маленьким стал Яр. С него ростом, если не ниже.

Ваня изо всех сил держался за шею Яра, стараясь быть удобным. Но у того всё равно подгибались колени.

- Яр, милый, давай мы понесём!

- Нельзя. – Виновато улыбнулся Яр. – Это моя ноша. По закону.

- Тогда передохнём?

- Нельзя. Хуже будет. Чем быстрее мы дойдём, тем большим я останусь. Крупнее, здоровее, так сказать. Лучше помогите, пересадите его мне на закорки.

Маленький Яр, сгорбившись и покачиваясь, неровными шажками нёс на плечах Ваню, девочки поддерживали их с обеих рук, а Николка подстраховывал сзади. Дорога тянулась и тянулась. Вроде бы и башня совсем уже близко, но это «близко» давалось с каждым метром всё тяжелее и тяжелее. И уже никого не радовали ни густо цветущие мелкими голубыми, розовыми, белыми и жёлтыми россыпями высокие травы, ни звонко поющие в небе разновеликие птички.

Шаг, шаг. Ещё. Ещё...

Ну? Вот они, последние десять метров. И можно будет войти в высоченные, сплошь покрытые резьбой дубовые ворота.

Яр упал на колени, ладонями упёршись в дорожные плитки. Ваня едва не перевалился ему через голову.

- Яр, милый! Ну, позволь, мы донесём!

- Нельзя... По закону... я должен сам... до ворот.

- Яр, осталось-то!

- Нельзя. Я – так, на «четырёх ногах»... Пересадите Ваню мне на спину.

Яр полз на четвереньках. Росточком он стал теперь с пятилетнего ребёнка. Ваня, удерживаясь за подставленные шеи сестры и Маши, откровенно, в голос рыдал от стыда. С ним плакали и девочки, и приотставший Николка.

И Яр дополз, донёс, дотянул. Он ткнулся лбом в медную обивку порога ворот и со стоном завалился набок. Маленькое, сморщенное его личико покрывали грязные потоки пота. Тельце резко подрагивало от всхлипов. Но Яр улыбался. Впервые за всё знакомство, вот так – не в уголок губ, а от уха и до уха:

- Стучите! Стучите же, вас там давно ждут!

Аня, Николка и Маша забарабанили в ворота. Звук бьющих в толстые дубовые плахи детских кулачков, сначала едва слышимый, начал быстро набирать силу, разрастаться в вибрирующий гул, пока, вторичный многократным эхом, этот гул не превратился в грохот. Ребята, перестав стучать и присев, сами теперь с ужасом слушали, как по всей долине, приближаясь и удаляясь, рокочет настоящий гром.

Когда наконец-то всё затихло, из-за ворот послышалось прокашливание, и чей-то сиплый голосок прохрипел:

- Кто такие? Назовитесь.

Яр ответил за всех:

- Николай, Анна, Иван и Мария!

Опять кто-то там закашлялся. И Яр прокричал:

- Во исполнение закона, открывайте!

Несколько секунд томительной тишины. А потом «там» началась переключка. Разные голоса, всё удаляясь, передавали друг другу имена стучавших: «Николай, Анна, Иван и Мария!.. Николай, Анна... Иван и Мария»!

Яр собрался с силами, выдохнул и поднялся на ноги. Опять широко улыбнулся и даже эффектно подбоченился. Но каким же он стал крохотным!

- Моё задание исполнено. Я сам не могу войти в Блаженный Ир. Поэтому радуюсь за вас и... немного завидую.

- Яр, а что с тобой? – Николка даже на колени опустился, чтобы не обижать Яра своим ростом. – Почему ты такой?

- Я же рассказывал: в своё время мы связали свои судьбы со Злом. И поэтому в приближении к Добру мы исчезаем. Умоляемся, мельчаем. А за порогом я и вовсе пропаду.

Вдруг створы ворот дрогнули и почти бесшумно приоткрылись. Нет, не во всю ширину – ровно настолько, чтобы мог войти один человек. В проходе стоял воин в бело-сверкающих латах, с коротким копьём и мечом в ножнах. Юное, почти детское лицо воина окормляла небольшая, но совершенно седая борода. Из-под остроконечного шлёма до плеч кудрявились такие же сплошь седые волосы.

- Это Страж ворот. – Яр, прикрывая глаза руками, попятился. – Сейчас подойдёт Вопрошающий. Вы ответите на загадки и войдёте. Прощайте! Прощайте меня!

- Яр! Яр, ты куда? – Загалдев, ребята двинулись за ним. – Яр! погоди!

- Стойте! Вам нельзя отступать. Оставайтесь на месте. Это веление Рока: вам – туда, мне – сюда. Прощайте меня, не поминайте Лихом.

- Яр, да что ты! Прощай! Мы тебя только Добром запомнили. Это ты прощай нас! Или лучше... лучше – до свидания! Правда, Яр, милый, неужели мы никогда больше не увидимся? Мы же тебя полюбили...

- Ну, отчего же не увидимся? Будьте внимательны к своим домашним. Домашним животным: в любом могу быть я!

Маленький Яр всё дальше убежал по пустынной жёлтой дороге, а они махали ему вслед.

Обернувшись на повторное покашливание, ребята за сверкающим доспехами воином увидели в проёме высокого юношу, удивительно похожего на Яра. То же лицо, те же глаза. Только юноша был огненно рыжеволос и одет во всё красное. На его плечах лежала толстая сучковатая палка, придерживаемая широко разведёнными руками. На концах этой палки-коромысла сидели две большие птицы. Нет, не совсем птицы – над переливающимися цветами радуги перьями на тонких длинных шеях гордо возвышались девичьи головки. С прекрасными лицами. Настолько прекрасными, что даже всегда сдержанный Ваня тихонечко ахнул.

- Здравствуйте. – Первой в себя пришла Маша. За ней закивали головами и остальные:

- Здравствуйте! Добрый день! Здравствуйте!

Страж отступил в сторону, но заградил проход копьём. Правая птица-дева слегка развела крылья, украшенные золотой сеточкой со множеством нашитых золотых же колокольчиков. И за тихим звоном послышался распевный голос:

- Зимой и летом – одним цветом. Что это?

Переглянувшись, Аня и Маша вытолкнули вперёд Николку. Тот даже обиделся:

- А что тут отгадывать? Детский лепет. Конечно же, это ёлка.

Страж поднял копьё:

- Входи.

Николка оглянулся и потихоньку, бочком проскользнул за ворота. И там, открыв рот, остолбенел, поводя по сторонам выпученными глазами.

Левая птица прозвенела колокольчиками и пропела:

- Что всего на свете быстрее?

- Аня, давай теперь ты.

- И, правда, лепет. Мысль!

Страж поднял копьё, Аня осторожно прошла мимо него к младшему брату. И тоже замерла.

- Утром на четырёх ногах, днём на двух, вечером на трёх? – Опять трянула крыльями правая птица-дева.

- Ты! Нет, ты! – Маша и Ваня несколько секунд поупирались взглядами, и Маша, не выдержав светло-серой печали, потупилась.

- Маша, не нужно лишний раз напоминать мне о моей инвалидности. Сейчас твоя очередь, а я, как самый старший, буду последним.

- Но как ты?

- Да хоть вползу. Или вкачусь. Как получится. Но – после младших. Таков закон, а его нужно исполнять. Помнишь, что завещал Яр?

- Это человек. В детстве он ползает, в зрелости ходит, в старости опирается на посох. – Зашагнув за Стража ворот, Маша крепко зажмурилась, ещё и лицо ладошками прикрыла: она ничего не желала видеть, пока сюда не вползёт, не вкатится Ваня. И особенно она не хотела видеть, каким образом он это сделает.

- Что дороже золота?

Какая долгая пауза! Неужели Ваня не знает ответа? Это же...

- Жизнь.

Чтобы даже не представлять, как мучительно Ваня перебирается через порог Ира, Маша начала тихо считать: «один, два, три, четыре... семь, восемь... двенадцать».

- Мария, здравствуй. – Басовитый, чуть дребезжащий голос был незнаком, и, в то же время, настолько благородно добросердечен, что она, ещё не успев отнять ладони от глаз, присела в книксене:

- Здравствуйте.

А, открыв глаза, увидела перед собой ... единорога. Того самого, с которым она повстречалась в лесу у колодца.

Единорог слегка поклонился ответно и чуть-чуть шевельнул губами:

- Позвольте представиться: Индрик, Думный советник Ирийского Верховного круга.

- Маша. Мария. Просто Мария.

- Мария, я счастлив приветствовать тебя и твоих друзей в Блаженном Ире.

А дальше Маша на какое-то время потеряла дар речи. Немо она озиралась по сторонам, всё вдыхая и вдыхая воздух. Вместе с воздухом грудь заливал восторг. Но горло сжало, не выпуская выдох, и сердце уже едва не разрывалось от не вмещаемой красоты.

Изнутри никаких стен не было, и на все четыре стороны, до далёких-далёких горизонтов раскинулась совершенно волшебная страна.

Впереди в густо цветущих садах белыми и красными куполами и шпилями высились разнообразные дворцы, замки и терема. Справа со снежной вершины голубой мраморной скалы ступенчатыми каскадами стекало множество серебряных водопадов. Слева в бескрайних полях паслись бесчисленные стада самых неожиданных животных: табуны лошадей и зебр перемешивались с семьями буйволов и оленей, маленькие косули прыгали вокруг сонных слонов, тяжёлые лоси соседствовали с нежными жирафами. Посреди стад неспешно бродили львы и тигры, но их явно никто не боялся. А вдали поля соприкасались с тёмно-синим морем, в котором то там, то здесь взлетали фонтаны, и хлопали хвосты огромных китов.

А позади, где были ворота, в которые они входили, стояла ... Священная роща. Совсем рядом, как будто они не шли по дороге несколько часов.

А ещё здесь небо из бледно-жёлтого стало переливчато-золотым. Ослепительно золотым.

Наконец немного придя в себя, Маша увидела, как Аня с Николкой помогают усадить Ваню в его кресло-каталку. В ту самую, которую они оставили у входа в белую пещеру! Откуда она здесь? Страж Ворот и Вопросатель с девами-птицами исчезли, а за спинкой Ваниного кресла стоял новый высокий юноша, опять же удивительно похожий на Яра. Только он был черноволос и одет тоже во всё чёрное. Маша вопросительно взглянула на Индрика. Тот чуть качнул головой:

- Все посланники схожи меж собой. Во всех мирах.

Ваня, Аня и Николка с любопытством разглядывали беседующего с Машей единорога, но подойти не решались. Маша поспешила представить:

- Познакомьтесь: Индрик, Думный советник Ирийского Верховного круга. Ваня, Аня и Николка – мои друзья.

- Очень приятно. Очень.

Единорог величаво поклонился, и ребята поспешно закивали в ответ:

- Здравствуйте. Нам тоже приятно. Тоже.

- Ну, друзья теперь и мои? Пойдём? – Индрик повернулся в сторону садов, в которых светились куполами и шпилями терема и дворцы. – Следуйте за мной.

Маша шла рядом с Индриком по вымощенной белыми плашками дорожке, за ними черноволосый посланник катил Ванино кресло, Аня и Николка замыкали. Маша, на правах старой знакомой, громко задавала интересующие всех вопросы, а молчащие ребята внимательно выслушивали ответы.

- Индрик, скажите, а куда пропали стены? Мы ведь и с той стороны их не сразу увидели. Пока не пошли близко.

- Это стены времени. Они – и есть, и их нет. Как нет прошлого и будущего. Существует только настоящее. Один миг. Но этот миг настоящего приходит из будущего и уходит в прошлое. Значит, всё-таки, и будущее и прошлое есть. Сложно? Ладно, скажу проще: здесь, в Блаженном Ире, время несущественно, оно остаётся реальностью за его пределами. Войдя в ворота, вы вошли в вечность.

- А почему опять так близко оказалась Священная роща? И откуда здесь Ванина каталка?

- Блаженный Ир соприкасается со всем, что мы знаем. Так как тут нет времени, то и пространства здесь тоже неважны. Здесь всё всегда рядом.

- Что, и Берендеевка тоже?

- И Берендеевка, и твой дом.

- А как туда попасть?

- Не могу знать. – Индрик отвернул голову, словно рассматривая сверкающие и парящие струи водопадов, мимо которых они проходили.

- Как так?!

- Ты можешь видеть любое место, но войти в увиденное не так-то просто. Каждый раз всё неповторимо.

- А как увидеть?

- Просто посмотреть. Внимательно и с желанием.

Маша растеряно оглянулась. Вокруг вдоль дорожки росли невысокие деревья, сплошь покрытые цветами – белыми и розовыми, голубыми и жёлтыми. Крупные, похожие на розы и лилии, мелкие, собранные в гроздья и зонтики – цветы изливали нежные и сладкие ароматы. Вокруг цветов порхало и сидело на ветвях множество крохотных и величественных птиц. Золотистые, пурпурные, изумрудные, ультрамариновые, янтарные и переливчато-пёстрые, они пели на самые разные голоса, кто тихо, кто пронзительно, но удивительно слаженно. Гармонично так, как единый оркестр исполнял бы хорошо отрепетированную симфонию.

И вдруг в разрыве между деревьев Маша увидела свой двор! И свой дом, и маму, которая на их балконе расставляла горшки с цветами.

- Мама! Мама! – Маша бросилась к дому...

Но уткнулась в стену. Белую каменную стену города-крепости, закрывающую полнеба. Растерянно хлопала ладошками по камням – они были совершенно реальными. Холодными и шершавыми. Маша растерянно вернулась на дорожку. И стена исчезла.

- Как так? Мираж, что ли? Зачем? Обидно же. – Она оглядывалась и оглядывалась на просвет меж деревьев, через который в их дворе на их балконе мама озабоченно перебирала оставшиеся от ремонта досточки и брусочки, и неслышно ворчала на папу за то, что тот никак не вывезет «свой мусор» в гараж.

- Мама! Мама! – Николка и Аня наперегонки сбежали с дорожки и через несколько шагов словно обо что-то ударились. Они точно так же, как Маша, удивлённо ощупывали невидимую для других стену. Потом понуро вернулись к поджидавшим их Индрику, Маше и Ване с посланником.

- Как так? Обидно...

- Не расстраивайтесь, друзья мои. – Индрик, позванивая золотыми браслетами, двинулся дальше. – Всё, что должно произойти, обязательно произойдёт.

- А когда?

- В Блаженном Ире, где время не существует, спрашивать «когда» бессмысленно. Произойдёт после свершения определённых событий.

Они проходили мимо удивительных по красоте домов-дворцов. Белые и цветные, мраморные и гипсовые, кирпичные и деревянные, строго гладкие и пёстро резные здания зазывно посверкивали стёклами окон и витражей, из-за которых слышалась музыка и пение. Но самих хозяев нигде не было видно.

- Почему вокруг никого? Как выглядят жители Ира? Или их вообще нет?

- Есть, все есть. Но ирийцы не хотят слишком досаждать друг другу постоянным соседством, поэтому видят друг друга только по взаимному желанию.

- А как они выглядят?

- По-разному. – Индрик весело скосил свой карий глаз на Машу. – Не все здесь люди.

Впереди наметился широкий просвет. Дворцы с окружающими их садами остались за спиной, а перед ними посреди голых безтравных полей пирамидой вздымалась не особо крутая и, как отсюда казалось, невысокая, но очень даже могучая гора. Посреди горы росло, если можно так сказать, дерево. Вряд ли в какой Африке вы найдёте такой огромный баобаб, чтобы он вершиной уходил за видимое небо.

Индрик остановился:

- Друзья мои, дальше вас поведёт Посланник. Не спрашивайте его ни о чём. И, вообще, лучше помолчите, ибо на возникающие у вас вопросы тотчас ответит ваш же внутренний голос. Прощайте и поверьте, что я искренне рад был познакомиться с теми, кому предназначено...

Внезапно оборвав речь, Индрик, позвякивая драгоценными браслетами, поклонился каждому, и повернул в сторону садов. Посланник вежливо подождал, пока ребята ответно покивали уходящему единорогу, и покатил Ванино кресло к горе.

- Аня, я только сейчас вспомнила, – прошептала Маша на ухо подруге, – что забыла вернуть Яру сапоги.

- Где он теперь, наш милый Яр? – Ответно чуть слышно вздохнула Аня. – Неужели опять в этих мерзких пещерах Нави?

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Мировое Древо, Анадырь и Великий суд.

По мере приближения, становилось яснее истинное величие горы. И дерево на её вершине с каждым шагом тоже разрасталось до пугающих размеров. Опирающийся на вцепившиеся в землю корни, неохватный ствол гордо вздымал широко раскинувшиеся могучие ветви, вершиной теряясь в ослепительном сиянии небесного золота. Таким, наверное, видят дуб муравьи. Или мошки.

С момента прощания с Индриком никто не проронил не слова. Только скрип левого колёса каталки, шарканье подошв и редкие вздохи. На плотно слежавшемся пепельно-сером песке следов не оставалось. Посланник легко толкал кресло на подъём, ребята шагали за ним, держась за руки. Даже идущий между Машей и Аней Николка был непривычно послушен и никуда не дёргался.

Когда они поднялись на полгоры, то разглядели вокруг ствола каменные столбы, которые поддерживали каменные же перекрытия, образуя нечто вроде квадратных арок или ворот.

- Как Стоунхендж какой-то. Только в сто раз больше. – Прошептал Ваня, и тут же зажал рот ладонями: эхо от его шёпота заметалось, зашелестело по кругу, шипящим свистом долго вторясь справа и слева, спереди и сзади. Ребята, вжав головы, испуганно заоглядывались. И дальше уже и вздыхали-то тихо-тихо, а на все возникающие вопросы вслушивались в звучавший внутри каждого голос, удивительно похожий на голос Индрика.

Что поведал внутренний голос.

Посреди Вселенной высится Мировая Гора. На Мировой Горе растёт Мировое Древо. Два солнца и четыре луны кружат вокруг его ветвей, вершиной оно уходит за пределы сотворённого, а корнем касается первопричины всего сущего. Семь небесных сфер, Срединный мир и семь миров

подземных пронизаны единой осью Древа. Вверх-вниз по нему бегут, ползут и летят посланники – духи, люди, звери и птицы, неся вести, связывая и передавая судьбы и события. Всё, кто живёт во Вселенной, все виды и разновидности существ и самые первые идеи вещей и событий изначально появляются и вызревают на Древе в его желудях. А уже потом разбрасываются-разносятся-рассеиваются по предназначенным векам и пространствам, размножаясь и приспособляясь к местным условиям.

Четыре Реки вытекают из-под корней Мирового Древа на четыре стороны света. По каждой реке плывут на Север, Восток, Юг и Запад времена года – осень, зима, весна и лето. Реки, полнея родниками, дотекают до Океана, что окружает Землю, но не впадают в него, не смешиваются с солёной водой, а подземными ходами возвращаются к истокам.

С восточной стороны меж корней Древа возлёг священный камень Алатырь. Это трон Царя царей Ирария, что спит в дупле Мирового Древа. Ирарий проснётся на конец Вселенной, когда Зло, уже охватившее все подземные миры Нави, пробравшееся в Срединный мир и даже проникшее в три небесные сферы Яви, попытается войти в четыре небесных мира Прави, и даже в Блаженный Ир. Будет битва, многие в которой погибнут, многое сгорит и немалое порушится, но, обновлённая огнём самопожертвований, Вселенная начнёт новую жизнь, долгую и добрую.

Полупрозрачно-белесый Алатырь-камень весь покрыт письменами-рунами Рока, что, постоянно меняясь, вещают читающим их судьбы. Но письма те на древнем языке праотца людей, и мало кто сегодня может точно понять Роковые веления. Большинство угадывают лишь самые малые частицы грядущего. Но и этого хватает, чтобы ужасаться и восхищаться величию и взаимосвязью Вселенной.

С западной стороны у корней Древа горит Огонь славы. Герои-воины, во все времена и во всех странах излившие свою кровь и отдавшие свои земные жизни в противоборстве со Злом, сменяются в почётном карауле, пением гимнов поддерживая неугасимость пламени.

С южной стороны на серебряной арке висит Колокол памяти. Если спросить, как, что, где и когда было, и трижды качнуть язык, то ответным гулом оживёт прошлое, в загустевшем от малинового звона воздухе являя картины вопрошаемой истории.

С северной стороны в землю прикопана трёхногая Чаша грядущего. Кто зачерпнёт из неё и испьёт, тот исполнится желанием, волей и силой свершить будущее.

Посланник выкатил кресло к восточной стороне. Аня, Николка и Маша встали рядом. Через арку-ворота они видели каменную лестницу, полого возводящую к ровной площадке. Посреди площадки, окаймлённый вздутием корней Мирового Древа, высился величественный белый камень. Вершина камня была плоско срезана.

Посланник, осторожно подняв Ваню из кресла, широко шагнул под арку. Ребята переглянулись и двинулись за ним.

- Раз, два, три, четыре, пять... – Тихонько начал считать ступени Николка. А Маша подняла глаза, и у неё закружилась голова: какие же они крохотные! В сравнении с Древом. Продольные трещины коры, напоминавшие, скорее, неглубокие овраги, были наполнены какой-то особой жизнью: вверх-вниз по ним шустро и плотно мелькали еле различимые тени-призраки. Маша едва успевала разглядеть, что некоторые из теней напоминали людей, другие животных и птиц. Но, из-за плотности и скорости мельканий, всё определялось очень смутно. А сверху, от далёких ветвей, доносился густой гул, словно там с невидимых отсюда цветов собирали нектар бесчисленные жуки и пчёлы.

- Тридцать три. Фу! – Закончил арифметические упражнения Николка.

Вблизи Алатырь-камень оказался размером с автобус. Только поставленный вертикально. И он был не совсем, чтобы белым, а, скорее, беловато-полупрозрачным. Так, что просматривались внутренние трещинки и желтоватые пятнышки-вкрапления.

- Сердолик. – Объяснил Ваня. – Но в обычной природе монолит такой величины не встречается.

По бокам Алатыря двумя полукружьями располагалось по двенадцать каменных же кубов-сидений. Тоже из сердолика, но вполне человеческих размеров.

Ребята помолчали, иногда подталкивая друг друга и показывая пальцами на то и дело пробегающие тенями по сердоликовой поверхности знаки-буквицы. Знаки были похожи на те, которыми были написаны в книге Волохова. Интересно, а если по ним поводить пальцем? Только слишком быстро они появлялись и исчезали, сменяясь новыми.

Неожиданно тишину нарушил посланник:

- Приготовьтесь. Сейчас явятся Великие судьи Блаженного Ира. Они оценят ваш путь через препоны Нави, ваше сопротивление искусствам, взаимопомощь и способность к самопожертвованию. И присудят каждому его заслуженную награду.

Маша и Аня переглянулись: надо же, даже голос почти такой же, как у Яра. А Николка не удержался:

- Как это: «заслуженную каждым»? А разве не поровну? Не по-честному?

- Поровну никогда не бывает по-честному.

- Понятно, – вздохнул Николка, – опять мне меньше всех достанется. Но в чём хоть эта награда-то? Как она выглядит? Понятно, что не деньгами.

- Изначально это называлось «дарами», теперь вы считаете это «способностями». – Посланник как-то вдруг подтянулся, и развернул Ваню так, чтобы тот сидел лицом к камню. – И прошу вас: в присутствии Великих судей ни единого слова! Молча подходите по вызову, приклоняйте голову при вынесении решения, молча же поясню кланяйтесь в знак благодарности и возвращайтесь.

Ребята тоже все разом повыпрямлялись, во внезапно нахлынувшем волнении расправив плечи и вытянув шеи, быстро поправляли и охлопывали одежду.

Откуда появились судьи, никто заметить не успел. Словно все разом сморгнули и тут же увидели перед собой двадцать четыре старца. По двенадцать с каждой стороны от Алатыря. Облачённые в ослепительно белые, расшитые золотыми ветвями и листьями балахоны, с массивными золотыми обручами на седых головах, старцы восседали на малых камнях и как-то необъяснимо смотрели на всех и на каждого одновременно. И ещё: хоть они грозно именовались судьями, но вместо ожидаемой строгости от них изливалось необычайное сердечное тепло. Хотелось подойти к ним, и, не стыдясь, не боясь наказания, рассказать им всё-всё, что случилось в жизни хорошего и плохого. Без утайки.

Ближние судьи, по трое справа и слева, встали, поклонились друг другу и оставшимся сидеть. Повернулись к ребятам, и самый правый позвал:

- Николай, предстань для суждений и решений.

Николка, с улыбкой во все зубы, чуть не вприпрыжку влетел в указанное место и смешно закивал во все стороны. Потом, помня наказания Посланника, склонил голову, исподлобья стреляя глазами на старцев.

Слева, с Южной стороны, ударил колокол. Потом ещё раз, ещё... И Николка как бы со стороны вдруг увидел, как он отталкивает лодку, дразнит стригоев, блуждает в лабиринте, помогает Маше вырваться из корневищ, сражается с волком за Ваню, отбивается от Ведогони, отвечает на вопросы у врат... Увидел, как ускоренную прокрутку фильма.

- Николай, Великий суд Блаженного Ира рассмотрел твоё поведение в пути через искушения и препоны Нави. Твоя достойная похвал способность на жертвы ради ближних немного потеряла силу от необдуманных проступков, но суд принял во внимание и твою терпеливость к лишениям.

Справа, от Северной стороны, к суду неспешно приблизился ещё один посланник – пепельные кудри сливались с серебристым плащом. Посланник двумя руками держал небольшую чашу в виде золочёного коровьего рога.

- Николай, – заключил старец, – Великий суд Блаженного Ира единогласно признаёт достойным пройденное тобой, и благословляет тебя даром трёх разговоров на языках птиц и зверей в грядущем.

Из-за Древа, с Западной стороны послышалось мужское раскатисто-троекратное: «Достоин! Достоин! Достоин»!

Николка выпил из поднесённой ему чаши, потом, как учили, в пояс раскланялся во все стороны и, весь красный, чётким солдатским шагом вернулся на место.

Следующие по трое справа и слева судьи встали:

- Анна, предстань для суждений и решений.

Аня, заложив за спиной крестик из двух пальцев, прошла в центр площадки, с присягом поклонилась старцам. Трижды прозвонил колокол, и Аня увидела, как она толкает Ванину коляску за куст рябины, как укрывается от летучих муравьёв, выпускает ложного Николку, отбивает у лешаков Машу и спускается в долину вулкана. Как помогает маленькому Яру донести брата до ворот...

- Анна, Великий суд Блаженного Ира рассмотрел твоё поведение в пути через искушения и препоны Нави. Великий суд единогласно признаёт пройденное тобой достойным чести и наград. – Серый Посланник, преклонив колена, подал ей чашу-рог. – Суд благословляет тебя даром двух передач мыслей на расстояние в грядущем.

«Достойна! Достойна! Достойна!» – прогремело с Запада, и Анна вернулась, прижимая ладонь к мокрым губам, словно боясь капнуть водой Будущего.

Поднялись следующие шесть судей:

- Мария, предстань для суждений и решений.

Ох, как вдруг перехватило горло! И сердце заколотилось. Маша от нахлынувшего волнения едва передвигала ноги. Встала, поклонилась. С Южной стороны ударил колокол.

Странно смотреть на себя со стороны не по видуку, а как в спектакле на сцене или в триде – всё объёмно, «взаправду». Только без звука. Странно и удивительно видеть и вспоминать туман, в котором они прятались от мотоциклистов, белую пещеру, толстяка-Меровинга, Баяна... Жаб, хищных рыб, приколичей, лярв, Ведогоню... И как они с Аней плакали над крохотным Яром...

- Мария, Великий суд Блаженного Ира рассмотрел твоё поведение в Нави. Великий суд единогласно признаёт его превыше всяческих похвал и награждает тебя даром одного полёта через все миры Вселенной.

Маша осторожно глотала какую-то знакомо-сладкую воду под троекратное раскатистое «Достойна! Достойна! Достойна!»

Поклонившись судьям, повернулась, чтобы вернуться. И увидела в тридцати трёх ступеньках позади ребят у каменных ворот странную толпу.

С той стороны каменного арочного ограждения толкалось несколько десятков вроде бы людей. И не людей. Одетые в самые разнообразные по стилю и времени одежды, они были очень разного роста и телосложения – от тощих великанов до кругленьких карликов. От толпы разносился, множась и усиливаясь низовым эхом, какой-то гвалт. Там одновременно пищали и клацали, свистели и побрякивали. Маша прищурилась: нет, это были не люди. Одетые в греческие тоги и английские сюртуки, гусарские мундиры и индийские сари, все человеческие тела несли птичьи головы – страусиные, пеликаньи, орлиные, гусиные и кукушкины.

- Иван, предстань для суждений и решений.

Но последние шесть судей не только не смогли принять решение, но даже не успели просмотреть поведение Вани в лабиринтах Подземья. Ибо толпа, услышав звуки колокола, взорвалась таким шумом и гамом, что заматавшееся над горой эхо буквально смяло картины, вызванные звоном. В ответ на такое нарушение порядка, все судьи сели, но Ваню не отпустили, жестами приказав остаться на месте.

Неизвестно откуда взявшиеся ещё четыре серебристо-серых посланника сбежали по ступеням, и через несколько мгновений ввели наверх маленького «человечка» в чёрном длиннополом фраке и с приплюснутой остроносой головкой стрижа. Плотнo окружённый посланниками, человек-стриж несколько раз быстро, словно клюнул, поклонился судьям и зло уставился чёрным пронзительным глазом на Ваню.

- Что привело вас, Отцы-хранители птичьих народов к нарушению законов Блаженного Ира? Что возбудило настолько, что вы посмели остановить ход Великого суда, пресекли ритуал суждений и решений? – Встал крайний правый судья.

В ответ человек-стриж опять быстро кивнул и, неожиданно широко раскрыв клюв, разразился пронзительным свистом и щебетом. Аж в ушах зазвенело.

- Почему вы, Отцы-хранители, не подали свою челобитную до начала Великого суда, согласно законам? – Встал судья крайний слева.

И опять громкий свист и щебет заложил ребятам уши. Тут поднялись все судьи:

- В связи с нарушением законов, а так же по вновь открывшимся обстоятельствам, Великий суд должен рассмотреть три дела, и вынести суждения по прохождению Иваном искусов Нави; суждения по поведению Отцов-хранителей птичьих народов; суждения по иску народа Стрижей к Ивану. Все решения будут приняты на отдельных заседаниях.

Сморгнули ли все опять одновременно, но судьи исчезли. Как исчезли Иван со своим посланником, и человек-стриж, и толпа Отцов-хранителей птичьих народов.

Аня, Николка и Маша стояли у опустевшей круглой площадки. Перед ними переливался возникающими и исчезающими знаками-рунами Алатырь-камень, от далёкой кроны Мирового Древа нисходил гул, где-то рядом в корнях тихо журчала утекающая на Восток Река времён.

- Что произошло? – Аня растерянно прокрутилась, озирая столь неожиданно опустевший склон Мировой Горы.

Но и Маша, и Николка, оглядываясь, точно так же пожимали плечами.

- И что теперь делать? – Вопрос опять остался без ответа.

Маша спустилась на несколько ступенек и присела – от пережитого ноги стали как ватные и колени сами подгибались. Через минутку рядом сели Аня и Николка. Помолчали. Первым, естественно, не выдержал тишины Николка:

- Знаете, что мне здесь понравилось? А то, что наконец-то наградили правильно: не по поровну, а по по-честному! Это же совершенно справедливо, что мне дали три дара, а Аньке только два!

- Не три дара, а три возможности воспользоваться. – Вяло отмахнулась сестра.

- Всё равно правильно. И я уже один раз попробовал.

- Как? – Девочки одновременно повернулись к сидящему посредине Николке. – Как попробовал?

- А так! Когда этот, клювоголовый, заверещал, я стал соображать – как бы его понять? Ведь, вроде бы, дар-то мне дали, а что с ним делать не объяснили. Ну, и вспомнил про то, как мы картинки в лабиринте учились видеть. Только теперь оказалось достаточно три раза произнести: «я могу это, я могу это, я могу это»!

- И?

- Первую-то речь я пропустил, а во второй было такое: мол, раз Ваньша гнёзда зорил из простого хулиганства, а не от мучительного голода, то его принципиально нельзя было в Ир впускать. И тут ему, мол, не награду какую давать надобно, а вообще казнить.

Аня и Маша опять одновременно зажали рты ладошками.

- Во-во, я тоже так же вначале испугался. А потом подумал: здесь в Ире все такие добрые, что вряд ли наказание будет страшнее, чем нам с тобой дома от родителей порой перепадает.

- Добрые, конечно, они добрые, – вздохнула Аня, – но слишком у них всё по закону. Как в аптеке по готовым рецептам, никакого учёта личности.

- А пойдёте к Индрику, посоветуемся? – Маша решительно встала. – Он нам обязательно подскажет что делать.

- Пошли! – Вскочил Николка.

- Действительно, он же Думный советник. – Со вздохом поднялась за ними и Аня.

Когда они почти спустились до конца лестницы, раздался свистящий шорох, и прямо из-под земли перед ними выдвинулась плоская каменная плита, плотно закрыв арку выхода. Ребята отпрянули:

- Ничего себе!

- Ну, ладно! – Маша повернулась и пошагала влево, намереваясь выйти через другую арку. Однако и там с тем же свистящим шорохом выросла плита-задвижка.

Аня пошла направо – и перед ней с шипом ворота закрылись.

- Это что? – Аня и Маша испуганно переглянулись. – Это что?

Николка неожиданно хлопнул себя по надутым щекам, подмигнул сестре и мимо неё побежал вдоль всей арочной ограды. Он бежал изо всех сил, но буквально перед ним из-под земли выскакивали и выскакивали каменные задвижки, превращавшие прозрачную ограду в глухую крепостную стену.

- Николка! Стой! Остановись же... Ну, балда! – Однако он был уже далеко и не слышал девочек. Пришлось пойти за ним. Аня тихо ворчала, обещая братцу хорошую взбучку, а Маша молчала, задумчиво посматривая на стену и загибая пальцы в подсчёте проходимых арок.

Николка сидел на ступенях точно такой же лестницы, от которой побегал, а ворота перед ним были открыты. То есть, глухая стена из плит-задвижек ещё немного продолжалась дальше, но проём, ведущий на Юг, оставался свободным. Девочки ещё только подходили, а Николка, не оборачиваясь, уже начал пояснять:

- Я ведь сгоряча-то дальше пробежал. А потом до меня дошло: один камень не поднялся. Вот, сижу, вас жду. Чего делать теперь будем?

- А откуда ведёт эта лестница?

- От Колокола памяти.

Маша и Аня стали рядом и тоже с недоверием уставились в проход. Что там? Очередная загадка. И отчего-то разгадывать её не хотелось. Хоть бы немного отдохнуть в беззаботной бессмысленности. Ладно, пусть в заботах, но в привычных, где всё давно ясно и наперёд предсказуемо.

- Приветствую вас, одарённые блаженствами Ира! – Они скорее оглянулись даже не на голос, а волну накрывших их цветочных ароматов: по лестнице к ним спускалась высокая девушка в лёгком сарафане, который, при близком рассмотрении, оказался набранным из тысяч лепестков самых различных цветков. Из-под разноцветного же венка почти до земли тяжёлыми цепями спускались светло-русые косы. Тёмно-карие глаза незнакомки смотрели на ребят чуть насмешливо, но доброжелательно. «Какая... красивая», – чуть слышно выдохнул Николка.

- Здравствуйте.

- Рада, что успела. У вас найдётся для меня немного времени перед выходом? – Девушка, склоняясь, расцеловала Аню и Машу в щёки, а Николку чмокнула в лоб. Тот густо покраснел.

- «Перед выходом»? А каким? Куда? – Маше вдруг захотелось, что бы незнакомка ещё раз хоть как-нибудь коснулась её. – Скажите: где мы и куда должны идти?

- Неужели не знаете? В Явь.

- Честно-честно не знаем! Нас все вдруг оставили! – Загалдели ребята наперебой. – Да! Оставили, а ворота стали закрываться. Только одна арка свободна. И что такое Явь?

- Тсс! Потихе. Вы – Мария, Анна, Иван... а где Николай? Мне белка, что бежала по Древу от Баяна, сказала, что вас четверо.

- Это я Николай. А Иван пропал вместе с Судьями и этим, стрижеголовым.

- С Судьями и хранителем народа Стрижей? Ясно. – Девушка чуть сморщила лоб, но тут же отмахнулась. – Всё понятно. Вы не волнуйтесь, сейчас я вам всё разьясню. Во-первых, меня зовут Додола, я защитница отроковиц, покрыватель их причуд и секретов...

- Додола? Так это о вас Чёрный принц Яра предупреждал? – Не очень вовремя вылез Николка. Аня дёрнула его за рукав, но было поздно.

- Что-что? И о чём же предупреждал Карл-Йозеф-Густав Весеннего пастуха?

- Ну, это... ну... – Николка пыхтел, мычал, однако договаривать пришлось. – Ну, что вы Яра при встрече... порвёте.

Додола расхохоталась так искренне и так заразительно, что дети тоже облегчённо заулыбались. Хотя Аня всё равно незаметно ткнула пальцем Николку в рёбра.

- Ах, старый толстый интриган! Чтобы я Яру да чем-то угрожала? Ах, вампир-чернокнижник! Ах, мышиный хвостовёрт!

Наконец Додола перестала смеяться:

- Никогда не имейте ничего с Проклятыми королям. Они, как все люди прошлого, страшные завистники. И про Ивана не беспокойтесь. Знаю я наших Судей: когда требуется принимать неоднозначное решение, они просто затягивают дело до того, пока оно само как-нибудь не разрешится. Раз Ивана нужно и наградить, и наказать, то, думаю, его оставят на положении почётного гостя-пленника. С ним всё будет хорошо: его будут кормить, выгуливать, развлекать беседами и музыкой. Но не отпустят, пока вы не вернётесь.

- «Не вернёмся»? Откуда?

- А куда вы вышли из своих домов?

- Мы пошли искать разбросанные листы, чтобы собрать книгу. Не более того. – Маша виновато улыбнулась. За всеми обрушившимися на них приключениями, она как-то даже для себя не успела ещё уяснить, чего ожидает от этих самых приключений. Но с лица Додолы смешливость как водой смыло. Карие глаза кольнули иглами:

- Нет, гораздо «того более». Собрать книгу – восстановить историю. Восстановить историю – спасти память. Памятью живятся народы. Народами оправдывается мир.

С каждым словом голос Додолы холодел и строжал, наполняясь торжественной хрустальностью. Искристыми перезвонами он возносился ввысь и, там отражённый и усиленный, возвращался, и словно исходил уже не от девы, а ниспускался с золотого неба. Аня и Николка прижались к Маше.

- Вы – избранные восстановители истории и спасатели памяти народа Словен. Вас вывели на прохождение мертви ради восполнения жизни. Так ступайте! Для успеха у вас есть всё – молодость, желание, упорство, храбрость, верность. И вам поднесены дары Блаженного Ира. Ступайте же! Исполните волю Рока! Но сохраняйте по пути свои дары в тайне.

Последние торжественные звуки ирийского напутствия ещё дрожали в воздухе, а Додола уже вновь стала милой и чуть-чуть насмешливой:

- Виновата, я же забыла, что для вас утерян язык Праотца людей, и вы не сумели прочесть на Камне письменна: «налево пойдёшь – то-то найдёшь, прямо пойдёшь – то-то встретишь...» и так далее. Поэтому запоминайте: трижды вы сойдёте с Мировой Горы, познаете три царства Яви – Медное, Серебряное и Золотое, восстановите миропорядок и вернётесь с тремя подношениями к трону Царя царей Ирария.

- Какой миропорядок? Какие ещё подношения?!

Она опять перецеловала ребят, окатив их ароматами цветов, и подтолкнула к арке:

- Ступайте, ступайте. Всё откроется вовремя. Верю – у вас всё получится.

Шаг, ещё шаг, ещё... Вот он, порог, за которым в который раз поджидают непредвиденные обстоятельства и непредсказуемые события. Николка заступил за ограду первым, за ним шагнула Маша. А Аня, уже занеся, было, ногу, вдруг обернулась:

- Додола, а ты и вправду ни за что не обижаешься на Яра?

- Обижаться на Яра? – Додола знакомо расхохоталась. – Да это же бессмысленно: он ведь бесчувственно ледяной в своей самовлюблённости. Ледяной, потому что состоит в дружине Повелителя холодов Кощея. По прихоти которого триста лет и три года я носила лягушачью кожу.

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ. В Стране рударей.

У подножия Мировой Горы клубился густой туман. Ребята для себя как-то даже неожиданно быстро спустились по склону и, взявшись за руки, нерешительно вошли в слепящую белизну. Внутри тумана было душно и пахло прелью. Осторожно нащупывая ногами путь, они брели почти наугад, продолжая крепко держаться друг за друга. Слева раздавалось перекастистое журчание и игривое побулькивание.

- Это же южная Река времени! – Первой сообразила Маша. – Пойдёмте по берегу, чтобы не заплутать.

Вдоль быстрой речушки продувало приятной прохладой. И туман здесь слегка приподнимался, так что виднелись устилавшие русло разноцветные камни и мшистый берег, по которому ребята теперь шагали гуськом. Впереди, естественно, подпрыгивал Николка. Маша то и дело оглядывалась на погружённую в себя Аню. В конце концов, не выдержала:

- Ты чего, Аня? О чём задумалась?

- Ни о чём. Просто предчувствие какое-то нехорошее мучает.

- Расслабься, подруга. Всё как в детской сказочке: мы идём туда, не знамо куда, и принесём то, не вемо что.

- Вот-вот, именно: не знамо и не вемо.

- Как будто у нас есть выбор. Это ты из-за тумана хандришь. А как он развеется, сразу настроение приподнимется.

- Будем надеяться.

- Будем.

А туман и вправду стал понемногу-понемногу растворяться. Стало легче дышать. Прибрежный мох под ногами сменился мохнатыми хвощами, а затем шуршащей мать-и-мачехой. Свежие дуновения встречного ветерка приносили голоса невидимых пока птиц. С каждой минутой ветерок всё крепчал и ширился. Шевеля травы и морща воду, он комкал туман, сбивал в огромные шары, которые легко подкидывал вверх и вминал в быстро бегущие плотные облака. Ребята озирались в тревожно-любопытном ожидании наконец-то увидеть, куда их занесло на этот раз.

И вот в какой-то момент наверху открылось окошко, в которое проглянуло небо. Настоящее голубое небо! Облачное окошко расширилось, и в высокой голубизне задохматилось лучами бледно-жёлтое солнышко.

- Смотрите! Смотрите! Мы – на земле, на нашей земле! – Они смеялись и прыгали от нахлынувшего счастья. – Ура! Ура! Ура! Мы – на человеческой земле!

Вслед за небом распахнулись и окружающие просторы. Впереди и по сторонам расстилалась мягко бугрящаяся степь. По невысоким холмам часто цвели мелкие жёлтые маки, а в ложбинках – жёлтые же лютики. От этих жёлтых россыпей сердца ребят переполнялись теплотой и праздничностью. Небо, солнце, цветущая степь – бескрайний мир заполняли короткие трели кузнечиков и перекличка жаворонков.

- А вот ещё посмотрите-ка сюда. – И опять Николка оказался глазастей всех: в тени торчащего обелиском берегового камня лежал серо-жёлтый листок. Маша быстро подняла, прижимая к груди, разгладила. Потом осторожно скрутила в трубочку и засунула во внутренний карман.

- Что? Пойдём дальше?

- Пошли.

Одновременно глубоко вздохнув, они дружно зашагали навстречу полдню.

Они шли и шли. Река, пополняемая родниками, набирала мощь, успокаивалась. Она уже не журчала перекатами, а ровно несла свои, чуть крутящиеся воронками, блестящие воды. Берег с их стороны приподнялся, из травы то тут, то там округло выпирали светло-рыжие валуны, похожие на спящих быков. На нагретых солнцем камнях блаженствовали юркие пёстрые ящерицы.

- Кстати, я посчитала: от восточной лестницы до южной – ровно семьдесят арок. Помножим на четыре стороны, получается, м-м, двести восемьдесят. Плюс сами ворота. – Маша продолжала тормозить вновь загрустившую Аню. – Итого двести восемьдесят четыре арки вокруг Мирового Древа. Что бы это могло означать? Как ты думаешь?

- Не знаю. Жаль, Ваньши нет, он бы обязательно нашёл какое-нибудь объяснение. – Вспомнив о брате, Аня ещё более поникла. Да, не очень-то Маша выбрала удачную тему. Хотя, о чём ни заговори, а всё на Ваню перейдёт.

- Возможно это количество дней в местном году...

- Возможно.

Ладно, не хочет Аня говорить, можно и помолчать.

Они шли и шли. Если воды было вдосталь, и жажда проблемой не становилась, то мысли о еде с какого-то часа уже не покидали. Ребята с совершенно конкретным интересом осматривали окрестности. Однако из-под ног выпрыгивали только кузнечики. Выпуская красные подкрылки, они широкими дугами разлетались в густо цветущие травы. Да издали со степных холмов за чужаками наблюдали, посвистывая, чуткие суслики. Но как съесть тех или других даже Николка не мог придумать. Китайцы, говорят, как-то всех готовят. Так то китайцы.

Они шли и шли. По правую руку солнце уже понемногу клонилось к горизонту, подрумянивая узкую полосу предзакатных облаков.

- Нет, надо же! Выпроводили, а в дорогу даже сухарей не предложили. Только приветствия и напутствия. – Громко ворчал Николка. И вдруг аж подпрыгнул: крупная, похожая на серо-рябую курицу птица таилась в траве, пока он на неё чуть не наступил. Но даже почти придавленная, дикая курица не взлетела, а, тихо квохча, побежала по земле. Николка, сверкая голодными глазами, помчался вдогонку. Ничего не понявшие девочки с удивлением наблюдали, как он зигзагами удаляется от реки в сторону ближнего холма.

- Братец, ты куда?! – Окликнула Аня. – Он чего, с ума сошёл?

- Похоже, за кем-то гонится. – Предположила Маша.
- За кем?
- Не видно. Может, заяц?
- Может.

На вершине холма птице убежать надоело, и она, всхлопнув крыльями, улетела. Расстроенный Николка вытер пот, плюнул, и хотел, было возвращаться к реке, как вдруг увидел дорогу. Обычную просёлочную дорогу, по которой издали приближалась какая-то повозка.

- Девчонки! Сюда! Скорее сюда! – Замахал он руками. – Да скорее же!

Маша и Аня поспешили на призыв, но всё равно, они опаздывали. И Николка один помчался наперерез пролетающей мимо в облаке пыли блестящей золочёной карете, запряженной шестёркой серых коней:

- Эй! Эй! Пойдите! Я прошу вас остановиться! Я прошу вас!

Сидевший на крыше кареты кучер потянул поводья, три пары лошадей сбавили ход. Откинулась занавеска, и в окне появилось знакомо бледное лицо ... Карла-Йозефа-Густава Мервинга, Чёрного принца Силезии.

- Эй! Ваше величество! Или как? Ваше ... ваше благородие! Подождите! Это мы. Вы помните нас?

Карета остановилась. В это время к дороге подросли и девочки. Взглянув на Аню и Машу, Карл-Йозеф-Густав разулыбался:

- Чудесные создания! Какая волшебная встреча! – По откидной лестнице толстяк тяжело сполз на землю, приподнял треуголку и нежно затараторил. – Милые, какие же вы милые! А что вы делаете в Стране рударей? Где ваш друг Яр? Впрочем, что это я? Просто засыпал вопросами. Вы, как вижу, устали. И если вам в сторону города, то не откажите, пожалуйста, примите моё предложение подвезти вас. А уже в комфорте удовлетворите моё любопытство.

Ребята переглянулись: дорога пролегла на юг параллельно реке, значит им по пути. Маша, за ней Аня, присели в книксене:

- Спасибо. Мы с удовольствием принимаем предложение.

Николка тоже уже более-менее умело поклонился:

- Да, нам как раз туда.

Карл-Йозеф-Густав подал руку и помог подняться в карету девочкам. Пропустил Николку и, пыхтя, взобрался сам. Послышался хлопок бича, кони всхрапнули и резко сдёрнули с места.

Внутри было душно, приторно пахло пудрой, ванилью и копчёностями. Маша и Аня разместились на передней скамейке спиной к кучеру, а Николку Чёрный принц всей своей массой ужал на противоположной. Привинченный посредине квадратный столик был плотно уставлен серебряными блюдами с нарезанными окороками и рульками, разломленными кроличьими и петушиными тушками, ломтиками различных сыров, фруктами, печеньем. В золочёном кувшине плескался красный виноградный сок. Хозяин гостеприимно развёл руками:

- Я тут обедал. Прошу вас, присоединяйтесь.

Второго предложения не требовалось. Как ребята ни старались сдерживаться, но уже через пять минут на блюдах лежали одни только косточки и корочки.

- Желаете что-нибудь ещё?

- Нет-нет, спасибо. Всё замечательно, спасибо.

- Как скажете. Итак, тогда позвольте вернуться к моим вопросам. Просто сгораю от любопытства: как вы, всё-таки, сюда попали и, главное, зачем?

Девочки переглянулись, Аня вздохнула:

- Мы были в Блаженном Ире. Оттуда нас послали... мы и сами не знаем, куда и зачем.

- Ха-ха-ха! Прямо как в одной вашей русской сказочке: иди туда, не знаю куда, и принеси то, не везу что. Ха-ха-ха! – Толстяк громко хохотал, однако его бледное лицо оставалось серьёзным. – Так-так, но, если по-честному, зачем вы здесь?

- Честно! Мы даже не знаем где мы.

- Не может быть.

- Ну, знаем только, что это Медное царство, в котором мы должны восстановить миропорядок и вернуться с каким-то подношением к трону Царя царей.

- С подношением? Чрезвычайно интересно. Дети одни – и такое задание. Да о чём они там, в своём блаженстве, думают? Чем думают? Совсем за своими стенами оторвались от реальной жизни. Никакое здесь давным-давно не царство, а сплошная демократия с элементами плутократии. Да, правда, давным-давно имянийцы имели царей – и славных царей, но это было до того, как они познали рударство и пришли жить сюда. Здесь, в степи, они приняли слова откровения пророка Спитама Зареутрия, научившего их почитать вечный огонь и не признавать вождей. Ладно, милые создания, послушайте старого путешественника по мирам и эпохам, такое знание вам пренебреженно пригодится.

Что Маша, Аня и Николка узнали о Стране рударей и городе Колоруде.

Там, где южные отроги Рипейских хребтов древний ледник выгладил в холмистую степь, раскинулась страна рударей – земля народа Имянийцев. Много веков народ этот, по повелению прибывающих и убывающих Лун, скитался вдоль Великого пути от Восхода до Заката – пути Эранвежа, или же Арьянами Вайшьи, гоняя бесчисленные стада и табуны от жёлтой реки Тси до зелёной реки Истр. Много плодovitых предгорий и цветущих долин познали имянирцы на своих путях, но осели на этой невзрачной земле, среди скудных пастбищ и горьковатых озёр – на лысых холмах Вары. Здесь поднял крепостные стены их стольный город Колоруд, что на их языке значило «Красный круг» или «Круг крови».

Но вскоре соседние племена, ранее обходившие стороной эти пустоши, стали караванами подвозить к столице новой страны свои богатства. Зерном и маслом, рыбой и мехами, самоцветными камнями и молодыми рабами менялись они на чудные орудия труда и острое оружие, на украшения и доспехи. Ибо во все края Земли разбежалась слава умельства имянийцев, знавших, как добывать самые богатую руду и плавить из неё самую чистую медь, умевших лить и ковать чудную утварь, чеканить тончайшие украшения. Да, порой появлялись и желавшие силой отнять сокровища и мастачество рударей, но крепкие стены, острые копья и меткие стрелы охлаждали пыл нападавших.

Столетия шли за столетиями, где-то пылали войны, свирепствовали моры, сушили неурожаи, а Колоруд наполнялся и наполнялся сытой силой и влиятельной славой. Мудрые государи и жестокие воители искали дружбы с городом умельцев. Множество путей свелось к холмам Вары. Но, при этом, никто из самих имянийцев никогда не выходил за стены Колоруда, только несколько немых и глухих пастухов пасли пригоняемый из разных стран скот, да воинские разъезды на боевых колесницах галопом объезжали границы, чтобы вовремя заметить возможного недруга. Дело в том, что всякий имянийский юноша, приступая к изучению медного мастачества, приносил зарок никогда и ни о чём не беседовать с иноземцами. Чтобы самый малый секрет рудокопства, плавки или ковачества даже случайно не достался чужакам. Только несколько избранных лиц могли вести под стенами торги и обмен с проходящими караванщиками. Но эти обменщики никогда даже близко не допускались к знаниям меднячества.

Те, кто повидал Страну рударей и побывал у стен Колоруда, о самих имянийцах и их волшебном искусстве толковали разное.

Одни твердили, что медному умельчеству те выучились в подбрежных норах реки Ра у делинов – полулюдей с одним глазом, одной рукой и одной ногой. Которым, чтобы двигаться и трудиться, нужно складываться по двое. Делинов, поклонявшихся темнобогу Ару-Майне, боялись не только за их безобразный вид. Кроме плавильных и кузнечных знаний, ведали они, как насылать на неугодных красную чуму, чёрную оспу и жёлтую лихорадку.

Другие уверяли, что умельство имянийцы познали здесь, на этом самом месте, войдя в дружбу с гмуританами – крохотными кузнецами из потайных пещерных городов Рипейских гор. Гмуритане чтили яснобога Ара-Мазду, и слыли народцем добрым, мирным и даже пугливым.

Но правда лежала посредине. Действительно, первые умельцы и доки знавались с делинами. На чём сложилось их сотрудничество, никто теперь не скажет, но именно на берегах Ра приняли имянийцы начальные уроки плавки меди. Однако, обучив ремеслу, не выдали делины людям своих старых рудных мест, а указали, где могут быть новые – в Рипях. Кто знает, может, в этом и заключался их замысел: соперниками-пришельцами навредить гмуританам, с которыми до желчной зависти делины тягались в славе лучших в мире искусников. И верно, вначале имянийцы,

в поисках руд рывшие рипейские пещеры, теснили и обижали гмуритан. Но мирные человечки своим упорным добром сумели обратить притеснителей в друзей. Это они указали на холмы Вары и одарили новыми секретами чистейшего варения и тончайшей выделки металлов.

Ещё кое-кто кое-где шептал, что, мол, под полами жилищ Колоруда открываются колодцы, уходящие вглубь подземных миров. Из этих-то колодцев добывается самая жирная руда, из них поднимается самый жаркий огонь, нужный для плавки меди. А, главное, таится в них некая волшебная сила, что делает крепость неприступной и воинов необоримыми. Но какова может быть цена шёпоту?

- Вот, собственно и всё. Ах, ну какие же вы чудные слушательницы.

- Это вы замечательный рассказчик!

- Не преувеличивайте! Ха-ха-ха! – Чёрный принц окончательно вдавил Николку в стену. – Я лишь старался удержаться на уровне столь восхитительных собеседниц. О, если б вы знали, как я счастлив видеть вас снова! Я же верил в эту встречу и заранее приготовил вам маленькие подарочки. Прошу вас, примите эти скромные презенты.

На его ладони появилась знакомо плоская золотая коробочка. Карл-Йозеф-Густав, подцепив край длинным ногтем, приоткрыл, и вынул два золотых же колечка. Перстеньки украшали литые пчёлки, сверкающие бриллиантовой крупкой. Чёрный принц подал одно колечко Ане, второе протянул Маше:

- Я только хотел бы узнать – что именно вы понесёте отсюда в Ир? Любопытен, знаете ли, с детства.

Машу как током ударило. Она спрятала руки за спину:

- Спасибо, ваше высочество. Я недостойна такой щедрости.

- Не понял. Тебе, что, не нравятся бриллианты? Они слишком мелки для тебя? – Со старательно улыбающегося бледного лица на Машу уставились чёрные злобные глазки.

- Бриллианты приличествуют взрослым дамам, а не маленьким девочкам. Я даже хотела бы вернуть вам прежний подарок.

- Это невозможно! Какая дерзость! – Теперь толстяк спрятал свои руки.

Потянулась напряжённая тишина. За окнами проползали всё те же безлесье голые холмы. Только жёлтые маки сменились серебристыми метёлками ковылей. Да местами из земли белыми обелисками выпирали слоисто крошащиеся глыбы селенита, нанесённые сюда древним ледником. Кони немного замедлили ход, вытягивая тяжёлую карету на подъём. А на вершине, где дорога разделялась надвое, они и вовсе остановились. Карл-Йозеф-Густав опять, как не в чём ни бывало, улыбнулся и приподнял треуголку:

- Прошу прощения, но я вынужден с вами расстаться. Это Воронья гора, с которой прекрасно видны дымы и крыши Города умельцев. Если вы пойдёте правым путём, то не заблудитесь. Я же там показаться не могу, так как по местному времени мне ещё только предстоит родиться через четыре с половиной тысячи лет. Боюсь, моё появление вызовет массовое безумие и ненужный религиозный фанатизм.

- А если вас кто-то встретит по дороге?

- Ха-ха-ха! Один свидетель – не свидетель. Карета для такого – мираж, видение, призрак, вроде летающей тарелки. Ха-ха-ха! Неопознанный катящийся объект.

Карл-Йозеф-Густав из окошка помахал рукой оставшимся на обочине ребятам:

- До обязательной встречи, чудесные создания! Я очень спешу к царю Приаму, а затем должен поспеть ещё и на погребение фараона Рамсеса. Но с вами, обворожительная Анна, мы очень, очень скоро повидаемся.

Карета умчалась, оставив длинную завесу пыли.

- «Ха-ха-ха»! «Обворожительная Анна»! – Передразнил Чёрного принца Николка.

- Ты чего? – Аня сурово надвинулась на брата.

- А ты чего? Прямо на глазах растаяла. За подарочек.

- Балда! – Аня резко повернулась и зашагала в сторону Колоруда. Николка и Маша понимающе взглянули друг на друга и поспешили вслед.

С Вороньей горы столица Страны медников смотрелась как монета на ладони. Заполненный водой ров чёрной лентой очерчивал круг внешней бревенчатой стены с восьмью башнями. Внутри большой крепости проходила вторая цепь обороны – тоже округлый замок-детинец защищали более высокие стены и башни. За внешним и внутренним кольцами укреплений лепились сплошные крыши жилищ, а в самом центре круглого города чёрно дымила множеством костров неожиданно квадратная площадь. От площади колёсными спицами к окраинам расходилось восемь улиц, которые, пронырнув башенные ворота, продолжались далее по степи хорошо накатанными дорогами. По одной из этих дорог ребята и приближались к Колоруду.

Спустившись в долину, они некоторое время продолжали идти молча. Но вот Николка не выдержал:

- Аня, Маша, смотрите – стадо.

Несколько десятков чёрных коров и с полсотни чёрных же овец щипали траву недалеко от дороги. В сторонке от стада, облокотясь на длинную палку, стоя дремал пастух. Высокий, худой старик с небольшой седой бородкой был одет в короткую, до пояса, кожаную рубаху, широкие кожаные брюки и мягкие кожаные сапожки. Ворот и оплечье рубахи украшала цветная вышивка. Голову покрывала синяя островерхая шляпа. Пастух не шевельнулся, даже не приоткрыл глаз, когда ребята, проходя мимо, поздоровались.

- Чего это он? Спит так крепко? А, может, он того... умер? – Аня перестала принципиально отрываться от Маши и брата. Они опять шли рядом.

Когда до города оставалось не больше полукилометра, из ворот вылетела пара чёрных пышногривых коней, запряжённых в короткую двухколесную повозку. Прогрел копытами по деревянному мосту через окружной ров, кони галопом помчали навстречу ребятам. При приближении в повозке стали видны двое мужчин, держащие длинные копыя. По сторонам от колёс мелькало что-то блестяще.

- Давайте-ка отойдём подальше. – Аня потянула упирившегося брата за руку. – Не нравится мне это.

И оказалась права. Влекомая парой сильных, зло хрипящих лошадей, мимо, рассекая воздух вставленными в колёса ножами-косами, пронеслась боевая колесница с цветными щитами на боковых стенках. И если бы ребята не отпрянули с обочины в степь, то кто знает, не попали ли бы они под вращающиеся смертоносные лезвия? Сплошь покрытые медной чешуёй, копьеносные воины, стоявшие в колеснице, даже не повернули головы в их сторону.

- И что, эти тоже спят? Или умерли?

- Похоже, тут нас не замечают. Просто не видят.

- А, может, после Нави и Ира мы стали для людей призраками? Привидениями?

От такого Машиного предположения всем стало как-то не по себе. В тревожной настороженности они подошли к настилу через ров, за которым высилась срубленная из толстых стволов деревьев и обложенная до середины плитами обожженной глины восьмигранная башня. Арочные ворота башни были отворены, но в проходе стояло семь воинов. Большие миндалевидные щиты, топоры на длинных рукоятках, за плечами колчаны с луками и стрелами – выглядели они более чем внушительно. И что делать дальше?

Маша первой ступила на мост. Плотно подогнанные полубрёвна настила гасили звук шагов, и ей самой вдруг поверилось, что она привидение. Аня и Николка так же неслышно следовали за ней. Ребята вплотную приблизились к стражам ворот, но стоящие плечом в плечо рослые могучие воины равнодушно глядели поверх их голов на пустынную дорогу. Так что же делать?

И тут Николка, прижав палец к губам, встал на четвереньки и быстро пополз. Подобравшись к среднему стражнику, он обернулся и поманил за собой девочек: стоявший посередине воин был на две головы выше других и особо выделялся своей богатырской мощью. Вот промеж его широко расставленных ног Николка и проскользнул!

Аня, за ней и Маша, так же на четвереньках проползли между огромных сапог. В какой-то момент могучий воин чуть-чуть дрогнул, словно ему что-то почудилось. Но, несколько раз моргнув, удержался и не пошевелился.

Ну, надо же! Действительно, получалось, что они теперь какие-то человеки-невидимки! Ребята отряхнулись и, улыбаясь своему открытию, весело пошагали посередине улицы, вертя головами и беззастенчиво указывая пальцами на интересные вещи.

А вокруг стоял плотный перестук и перезвон. Из-под плоских крыш больших домов, кольцом выстроенных вдоль нутра крепостной стены, доносились бесчисленные удары молотов по наковальням. Иногда за заборами-частоколами слышалась переключка и даже короткие песни. Но ни на поперечной улице с домами, ни на прямой радиальной, по которой они шли к центру, не встретилось ни души. Вечернее солнце красно освещало высокие бревенчатые стены, фиолетовые тени заполняли сточные канавы на обочинах. Ещё немного и наступят сумерки, а перестук и перезвон не прекращались. Неужели они здесь и ночью работают? Как спать-то под такой гром? А, ещё вопрос, – где им самим-то спать?

Улица упёрлась в высоченную башню внутреннего кольца укреплений. Тут ров не был залит водой, зато стены возвышались куда как выше. И, главное, ворота башни оказались закрытыми. Николка похлопал грубо отёсанные створы ладошками, потолкал плечом – бесполезно. Пришлось возвращаться к круговой улице, идущей вдоль первой стены.

Лишь солнце коснулось невидимого за строениями горизонта, и небо потемнело, как над городом разом наступила полная тишина. В ушах ещё продолжались перестуки, а синеющий воздух блаженно отсыревал долгожданным покоем. Ребята брели по круговой улице мимо плотных частоколов с запёртыми воротами и откровенно нервничали. С одной стороны, забавно и даже полезно оказаться невидимками, а с другой, м-м-м, и не очень. Вот где, действительно, им сегодня ночевать? Не в канаве же.

Темнота сгущалась. Странно, хоть облаков и не было, но в небе не засветилось ни одной звёздочки. Ребята почти на ощупь прошли мимо четырёх башен с уже тоже затворёнными внешними воротами, пересекши четыре перекрёстка. Но так и не встретили ни единого человека. Даже стражники где-то укрылись. Где-где? В тепле и уюте своих караульных.

Но вот небо впереди вначале робко, потом смелее просветлело, и, на радость ребятам, из-за крыш выплыла почти круглая луна. Они веселей зашагали по бело-голубому цвету глинобитной дороги, отбрасывая за спины длинные чёрные тени.

- Погодите. – Маша притормозила и с усилием потёрла виски. – Если от нас есть тени, то, значит, мы не прозрачные. И тогда нас должно быть видно.

- Должно. – Не очень-то уверенно подтвердила Аня.

- Однако эти имянийцы нас никак не воспринимают.

- Не воспринимают.

- Почему?

- Не знаю. – Очень знакомо вздохнула Аня. – Жаль, Ваньши нет, он обязательно придумал бы какое-нибудь объяснение.

- А просто надо было того верзилу в воротах сзади пнуть. – Без намёка на шутку пробурчал Николка. – Если бы он не обернулся, то тогда точно...

И тут они все разом открыли рты: над крышами приподнималась вторая луна.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. Под двумя лунами.

- Значит, мы не нашей Земле?

Зачем задавать вопрос, ответ на который более чем очевиден. Две Луны над Землёй не светят... Не сговариваясь, они отошли к обочине и сели, свесив ноги в сточную траншею. Усталость длинного дня придавила плечи, залила тяжестью руки. Хотелось пить и спать. Но, где взять нормальной воды и где найти какую-никакую постель, даже спросить было не у кого. Ребята молча слушали журчание грязевого ручейка на дне канавы и мучительно боролись с зевотой. Хорошо, пусть они, как бродяги, переночуют на обочине, а что завтра? Ну, проберутся в центр, а дальше? Ох, зачем задавать вопросы, ответов на которые всё равно нет. Пришли сюда, не везо куда... и не знамо зачем...

Маша и Аня, одновременно скосив глаза на Николку, уже прикидывали, каким бы образом попользовать его в качестве подушки, как вдруг за спинами зашуршало, и тихий-тихий голос позвал:

- Чужестранцы!

Испуганно оглянувшись, ребята увидели на противоположной стороне улицы невысокого человека, упрятанного в широкий плащ с капюшоном. Человек призывно взмахнул рукою:

- Чужестранцы, следуйте за мной.

Шурша складками тянувшегося по земле плаща, человек быстро удалялся, ничего не объяснив и не добавив к своему краткому призыву. Оставалось только вскочить и следовать. Без вопросов.

Они быстрым шагом прошли два перекрёстка и остановились около неприметной калитки. Человек в плаще стукнул три раза, и она приотворилась.

Внутри двора, перекрытого общей с домом крышей, было непроглядно темно. Ребята на слух двигались за шуршанием, пока не увидели внезапно распахнувшиеся перед собой двери в освещённое помещение. По длинной, более похожей на коридор, комнате метались отсветы жарко пылающего каминного пламени. Аня, Маша и Николка замерли у входа, разглядывая компанию, расположившуюся на низких скамейках вокруг огня. А их самих встречно рассматривали седой длиннородый старик, двое крепких, тоже бородатых мужчин, молодая женщина и ещё некто, кого они сначала приняли за годовалого ребёнка. Одеты хозяева были, как и пастух, в кожаные, расшитые цветными нитями рубахи и заправленные в мягкие сапожки свободные кожаные брюки. Длинные волосы ожимали кожаные обручи.

- Живы и здоровы, посланники Блаженного Ира! – Первым поднялся старик, за ним спешно повскакивали остальные. – Прошу прощения за то, что слишком истомили негостеприимством. Но мы должны были убедиться, что за вами нет соглядатаев. Окажите честь нашему очагу, садитесь, сейчас вам подадут питьё и закуски.

- Здравствуйте. Здравствуйте. – Кивая направо и налево, ребята разместились на предложенных скамьях. Старик, мужчины и «ребёнок» тоже присели. Ведший их человек скинул плащ и оказался юношей лет семнадцати. Вместе с женщиной он вышел, чтобы через минуту вернуться с блюдом, на котором стояли чеканной меди кубки и лежали ломти крупно нарезанного белого хлеба. Женщина принесла большой кувшин и маслёнку.

Старик подержал над внесённым ладони, едва слышно благословляя ужин именем Триглава, и разрешающе кивнул:

- Приступим.

Пока всем раздавали кубки с напитком, напоминающим квас с мёдом, и хлеб, политый репейным маслом, старик продолжил:

- Вы Николай, Анна и Мария? Меня зовут умелец Сретень, сын Глаголев. Моих сыновей – дока Толоклян и дока Наровчат. А это жена Толокляна – Ясена. И ученик Рамень – их сын, мой внук.

Представляемые и гости раскланивались, взаимно улыбаясь. Оставался последний неназванный. Ребята уже разглядели, что это был не ребёнок, а достаточно пожилой, хоть и крохотный, мужчина. Вытянутое узкое личико его ещё более удлинляли большие, «лошадиные» губы. Одет он был в узкий зелёный жилет со множеством перламутровых пуговиц и заглаженные на мелкие складки широченные бордовые шаровары, из-под которых виднелись деревянные башмачки. А ещё у маленького мужчины была очень забавная причёска, редковатой пышностью напоминавшая побелевший шарик одуванчика.

- Это тоже наш дорогой гость. Вещий умелец Айрис Чахгиль из людков Гмуритан.

Крохотный Айрис Чахгиль встал, приподнялись и Маша с Аней и Николкой. Несколько секунд они жадно всматривались друг в друга, словно пытаясь разглядеть что-то внутри. И, наконец, тоже разулыбались:

- Я счастлив и горд знакомством с посланниками Блаженного Ира.

- И нам очень приятно. Очень. Приятно.

Первый тост прозвучал за Блаженный Ир, второй за Гмуританию, третий – за Колоруд. Хотя напиток был совершенно безалкогольным, но нахлынувшее расслабление вкупе с усталостью стали буквально валить ребят со скамеек.

- Вот что, давайте-ка немного поспим! – Правильно понял всё Сретень. – А разговор наш составим перед рассветом. Рамень, отведи гостей на покой. Отдыхайте, отдыхайте, встретимся уже скоро.

Слабо посопротивлявшись, посланники Блаженного Ира через минуту уже дружно посапывали, разметавшись на жарких овечьих шкурах.

- Чужестранцы, вставайте. – Казалось, они только-только приклонили головы, а Рамень уже держал умывальный кувшин и полотенце.

Чуть взбодрённые холодной водой, Маша, Аня и Николка вновь присели у очага. Похоже, что Сретень, Толоклян, Наровчат и Айрис Чахгиль даже не поднимались со своих мест. Чуть улыбнувшись подошедшим, Сретень, разглаживая ладонью длинную бороду, ровным голосом продолжил вечернее повествование:

- За второй стеной в детинце живёт большинство тех, кто не прочувствовал сердцем гмуритан, и пребывает в злобной воле дивиев. Поэтому там стоят дома не рудоплавов и ковачей, а жилища менял-толквичей и наблюдателей лун – дивоведов. Если б вы вчера вошли туда, они распознали бы вас сразу.

- А почему нас не распознали здесь? Пастух на дороге просто в упор не увидел.

- Много веков умельцы и доки не покидают город. Поколение за поколением, тридцать пять семей плавильщиков, литейщиков, кузнецов и чеканщиков хранят свои секреты даже от птиц и мышей. Наблюдатели-дивоведы и менялы-толквичи с помощью дивией магии сумели внушить умельцам, что за стенами Колоруда нет добра. Что там бродят только призраки и упыри. Много веков жизнь имянийцев наполнена страхом перед всем чужим, всем незнакомым. У нас самое ужасное наказание за преступления – пастушество. К тому же перед высылкой в степь несчастных лишают слуха и языка. Поэтому умельцы и доки не хотят ничего знать за пределами своего ремесла, не хотят верить в реальность иных людей. Вас они приняли за мару – за злые наваждения.

- А вы?

- И мы тоже, Николай, тоже. Пока не увидели ваши тени.

Маша, Аня и Николка понимающе переглянулись.

- А ещё вашу реальность подтвердил давний друг нашей семьи Айрис. Должен сказать, что семьи у нас немаленькие: кроме тех, кого вы уже видели, у меня ещё девять сыновей, двенадцать дочерей, семь невесток, восемь зятьёв, двадцать четыре внука и семь правнуков. И тридцать три раба.

- У вас есть рабы?!

- Без рабов нам никак нельзя – мы же умельцы и доки, а кто-то должен выполнять простые работы. Их приводят в обмен на медь. Мужчины прорубают шахтовые тоннели, подают наверх руду, ну а женщины помогают по хозяйству. Рабы живут в семьях почти как родственники. Только не изучают умельство и не женятся.

- А ваши дети и внуки изучают?

- Изучают обязательно. Но, увы, в нашей семье только Толоклян, Наровчат, Ясена и Рамень способны не поддаваться внушениям менял-толквичей и дивоведов. Только они умеют видеть и слышать сердцем.

- Я когда узнал о посланниках Блаженного Ира, – голос Айриса был удивительно похож на голос Индрика, – то поспешил предупредить умельца Сретеня о долгожданных избавителях.

- Избавителях?! – Привскочили со своих мест ребята. – От чего? От кого?

Но Айрис не отреагировал на их эмоциональный всполох:

- Рок покровительствует вам. Он ввёл вас в Колоруд между закрытием внутренних и внешних ворот. Чуть раньше или чуть позже, и вы оказались бы в руках дивоведов и менял, либо были растерзаны выпускаемыми на ночь за стены приручёнными гигантскими крысами.

- Крысами?

- В окрестностях Колоруда все животные и насекомые, какие живут под землёй, становятся огромными. Так что, вам очень повезло со временем прибытия.

- Это нас Карл-Йозеф-Густав, Чёрный принц Силезии, в своей карете подвёз.

Сретень с недоумением взглянул на Айриса:

- Что такое «карета»?

- Это такая повозка на четырёх колёсах. – Вперебой затараторил Николка. – Вся из себя красивая, золочёная. Её тянут шесть лошадей, запряжённых по три пары.

- Суслики, что рассказали мне о вас, видели только старую пустотелую тыкву, которую тащили шесть мышей. А ещё одна изображала кучера, размахивая соломинкой.

Теперь на Айриса с изумлением уставились ребята.

- Промыслителен не только час, но и день прибытия. Завтра округлятся обе луны, что случается раз в шестнадцать лет. И дивоведы поведут в жертву Змеевину, дающему рударям жаркий огонь, нужный для плавки руды, самую красивую шестнадцатилетнюю девушку города Колоруда и пятнадцать самых красивых рабынь из пятнадцати народов Яви. В этот раз жребий пал на семью Сретеня. Арьяна, сестра Раменя, обречена уйти в нижние миры.

- Подождите! – Маша подняла обе руки. – Но Яр уверял, что владыка Щур давно не принимает человеческие жертвы!

- Вы были в Нави? Но существуют и другие подземья. Нижние миры повторяются в глубину как матрёшки, при этом усиливаясь во зле. Змеевин властвует во втором нижнем мире.

- В том, где живут ведогони? А кто об этом вам сказал?

- Так поведали кроты, что носят вести по корням Мирового Древа.

- Я, между прочим, тоже умею со зверьями говорить. – Чуть слышно пробурчал Николка.

- Правда? – Оживился Айрис. – Правда? Ты даже не представляешь, насколько это облегчает наше дело.

- А позвольте вопрос! – Теперь вмешалась Аня. – Почему на небе две луны? Здесь, что, не Земля? Не наша Земля?

Сретень и Айрис переглянулись. Айрис кивнул, и Сретень, затажно прокашлявшись, начал как-то невнятно и не очень уверенно отвечать:

- Это Земля. И раз вы здесь, значит, это наша общая Земля. Но, сами знаете, что на один и тот же предмет могут существовать разные точки зрения. Например, сокол и змея совершенно непохоже воспринимают дерево. И у того же дерева есть множество ветвей, растущих самостоятельно, но при этом оно остаётся едино. Ваш Срединный мир ...

- Рассвет! – В двери заглянул Рамень.

- Простите. Нам пора начинать работу, иначе мы вызовем подозрение соседей. А вы до времени укроетесь в шахте Начала поисков. Умелец Айрис знает где. – Сретень, Толоклян и Наровчат поспешили во двор.

Айрис, подпалив в очаге факел, потянул из стены неприметную деревянную рукоять, подвиснув на ней. Николка помог ему, и в, казалось бы, монолитном полу со крипом открылся потайной лаз. Айрис, Николка, а за ними, горбясь, и Аня с Машей, начали спускаться по очень крутой каменной лестнице.

- Опять подземелье. – Стукнулась головой Аня. – Как мне это надоело.

Вверху щёлкнул задвинувшийся люк, и теперь только мечущийся свет факела указывал ступени.

Спуск казался бесконечным. Но, несмотря на приличную уже глубину, дышалось легко. Более того, периодически встречно веял приятный прохладный ветерок. Всю дорогу молчали, так как крутые неровные ступени забирали всё внимание. Наконец Айрис приостановился и, отшагнув в сторону, высоко поднятым факелом осветил достаточно большую пещеру. Оглядевшись, ребята поняли, что пещера рукотворна – блестящие вкраплениями пирита чёрные стены и потолок хранили следы кирок и зубил. Направо и налево расходились по несколько овальных забоев.

- Мы в шахте Начала поисков. Отсюда начинаются пути разведываний и добычи руд. – Айрис вставил факел в кольцо на стене. – Располагайтесь поудобней, нам здесь таиться до вечера.

На полу под факелом лежало несколько круглых мешков, набитых подсохшей, знакомо пахнущей травой.

- Это полынь. Горький запах отгоняет горькие думы.

Рассевшись, некоторое время продолжали молчать. Айрис прижался затылком к стене и, кажется, задремал. Аня сгорбилась, отвернувшись от всех – «опять подарочками любитесь». Маша

наблюдала, как Николка щепочкой выцарапывает на полу единорога. Получалось очень похоже. Даже про браслеты на копытах не забыл.

- Город Колоруд построен над древним вулканом. – Не открывая глаз, заговорил Айрис. – Наступавший и отступавший Ледник срезал вулканическую вершину, и сверху всё кажется обычной долиной. Но былые проходы лавы и газов, словно поры губку, пронизывают здесь всё нутро земли, нисходя во Второе подземье и выводя оттуда ветер.

Маша выпрямилась, Николка перестал рисовать, и даже Аня обернулась. Айрис продолжил тихим голосом:

- Именно глубинный ветер и позволяет плавить самый чистый металл. В каждой кузне находится выход в Главный колодец, из которого к горну подаётся нужный для огня поддув. Ещё тут есть руда, вода, уголь и огнеупорные камни для печей – всё, чтобы работать, никуда не выходя. И мы всё это показали имянийским умельцам. Более того, мы научили их тонкостям, о которых не ведали делины. В завершение мы посвятили их в искусство душой чувствовать превращение глины в медь, чтобы не слепо вторить рецептам. Мы раскрыли им внутренние глаза. Но, вместо пользы, наши учения принесли раздоры. Далеко не все смогли освоить искусство зрения сердцем. Неспособные не понимали, почему у них не получается так же искусно, хотя они во всём подражали нашим ученикам. Не понимали и завидовали. И, объединённые завистью, они создали Союз серых.

- «Серость» – в смысле «бесталанность»?

- Точно так. – Голос Айриса понемногу усиливался. – Хотя они сами это название объясняют ношением коротких серых плащей. И, коли к слову пришлось, все имянийцы не очень-то почитают певцов и музыкантов. Для них главное, чтобы полезно и надёжно, а украшения – лишь блажь для покупателей. Так вот, обрастая страстями, раздоры мастаков скоро вышли из среды медников и захлестнули весь народ. Союз серых вступил в сговор с кланом менял-толквичей, обещав понизить плату за труд плавильщиков и кузнецов. А менялы уже давно тайными подарками подкупили глав семей воинов-гридьев, живущих в башнях. В ответ видящие сердцем обратились за дружбой к наблюдателям лун – дивоведам. Искусники ума сошлись с искусниками сердца. Но Союз серых призвал на помощь делинов.

Разгорячённый своим рассказом, Айрис уже прохаживался по пещере. Скрестив ручки за спиной и закинув личико вверх, он чем-то неуловимо напоминал Маше её учителя ОБЖ. В сильно уменьшенном виде.

- В тот год дивоведы по восходам и закатам лун предсказали благополучие в природе и успешность в делах имяницев. Так и должно было случиться. Но делины чёрной магией наслали в Землю медников Зло и Лихо. Буря следовала за бурей, на коров и овец навалился мор, в городе то и дело полыхали пожары. А когда целая семья гридьев умерла в муках от синих язв, во всех несчастьях обвинили «лгунов»-предсказателей. Наблюдатели пытались оправдаться, но это лишь ухудшило их положение. Самых смелых обратили в пастухов, на остальных наложили обет пятидесятилетнего молчания.

- Уважаемый Айрис Чахгиль, а кто в Колоруде всё решает? – Аня тоже встала, и тоже заложила руки за спину. – Ну, кто здесь судит? Это же такая ответственность – казнить или миловать человека, даже если он доказанный преступник.

- В Колоруде все решения принимает народ.

- Как это?

- Каждый глава семьи на Всенародном сборище вправе дерзать на высказывание мнения по какому-либо вопросу. А остальные мужчины и женщины, имеющие детей, большинством голосов утверждают ответное «да» или «нет». Потому-то Союз серых и победил видящих сердцем.

- Почему «потому»?

- Потому, что серых всегда и во всём больше.

Айрис сел на своё место и опять закрыл глаза. Аня же широко зашагала туда и обратно по пещере, возмущённо бурча:

- Чтобы простым голосованием человека лишит слуха и языка? А потом, вдруг, да и выяснится – мол, простите, ошибочка вышла? Настроение было такое: казнить кого-нибудь. Это же незаконно! Нет, у нас не так. У нас есть законы на самый любой случай, и есть специальные

судьи, есть прокуроры и адвокаты. Которые все эти законы выучили. Нет, у нас совершенно не так, у нас всё по иному.

- А в Колоруде нет законов. Есть только правила. И всенародные соглашения.

- Уважаемый Айрис Чахгиль, скажите, – перебила Анино ворчание Маша, – разве все менялы-толквичи и воины-гридьи настроены против видящих сердцем?

- Нет. Дело в том, что внутреннее зрение не зависит от членства в семье или в клане. Зрящие сердцем могут оказаться и среди воинов, и даже среди менял. Это личное качество, не определяемое ни наследственностью, ни воспитанием. Отсюда у сердцевида Сретеня трое сыновей и восемь внуков стали членами Союза серых.

- Так среди гридьев и толквичей зрящие ещё только могут быть, или они уже есть?

Айрис помолчал, словно собираясь с силами, и едва слышно прошептал:

- Они уже есть.

- Тихо! – Вдруг приподнялся Николка. – Там кто-то... кто-то прячется.

- Где? – В мгновение Айрис выпрыгнул на середину пещеры. В его руке блеснул освобождённый из складок шаровар кривой кинжал.

- Та... там. – Указал пальцем Николка. В одном из проходов осыпались камешки и послышались поспешно удаляющиеся шаги. Гмуританин удивительно длинными для своего росточка прыжками бросился в погоню.

Ребята, прижавшись спинами, со страхом вслушивались и вглядывались во все тоннельные проходы, но кроме потрескивания и трепетания факельного пламени ничего уловить не могли.

- Девчонки, это мне показалось или нет, – Николка подёргал рукава сестры и Маши, – что у Айриса под его шароварами колени не вперёд, а назад сгибаются?

- Не заметила. – Отрицательно мотнула головой Аня.

- Очень даже может быть. – А вот Маша закивала согласно. – Иначе как бы он так сильно прыгал?

Стало ещё страшнее. И тоскливей. Даже возвращение Айриса не вызвало радости.

- Беда. Берите мешки и уходим. – На щеке гмуританина краснела свежая кровь. – Бежим!

Айрис Чахгиль с факелом впереди, за ним ребята с травяными мешками, быстро бежали узкими кривыми тоннелями, резко сворачивая, перепрыгивая колодцы, протираясь меж крепёжными стойками. Ничего кроме своего дыхания они не слышали, а дорогу и вовсе не различали. Так что, когда через полчаса остановились, то были просто рады перевести дух. Всё равно где. Лишь бы отдышаться.

- Очень сильный воин. Мне удалось только ранить его. – Айрис осветил точно такую же рукотворную пещеру, из какой они выбежали. – Они со своими восьмипальными ищейками придут на свет. Поэтому мы устроимся здесь, под домом одного из самых ярых деятелей Союза серых. Отвлечём от Сретеня. Располагайтесь, как ни в чём не бывало.

- Попить бы.

Из тех же шароварных складок появилась фляжка. Передавая её по кругу, в очередь сделали по паре мелких глотков. Ещё на раз оглядевшись, расселись в прежнем порядке. Получилось, что как бы и не было никакой перебежки.

Первой молчание нарушила Маша:

- А нам говорили, что гмуритане робкие.

- Да, робкие. Мы же людки, по-вашему – карлики. – Айрис медленно повернул голову и так посмотрел на Машу, что у неё вдруг защемило сердце. – И я тоже был робким. Был. До того самого дня, в который натравляемые делинами имянийцы, в поисках руды раскапывавшие наши пещеры, ради смеха завалили камнями мой дом вместе с родителями, женой и детьми.

Слова Айриса медленно доходили до сознания, но когда ребята поняли их смысл...

- Камни были огромными. Я до костей ободрал руки, но у меня не хватило сил раскопать, раскидать их. Три дня и три ночи я слушал, как умирает моя семья. И перестал быть робким.

Николка съёжился, до кончиков ушей спрятавшись в воротник куртки, а девочки, обнявшись, открыто уливались слезами.

- Больше ста лет бродил я в Рипейских горах. Замерзал метельными зимами, обгорал под летним солнцем. Питался ягодами и ящерицами, скрывался и убегал от лис и орлов. Выживая среди диких зверей, я научился убивать и не быть убитым. Одинок скитаясь, я никак не мог понудить себя войти в пещеры, где мне всё было знакомо, где легко вновь обрёл бы приют и тепло. Ибо я возненавидел подземелья, которые погребли моих близких.

Айрис говорил всё тише и тише.

- Я бродил, убивал, скрывался. И захлёбывался от ненависти. От когда-то родных пещер моя ненависть расплзлась на всё и всех. И вот наступил момент, когда в мире не осталось ничего, что не вызывало бы во мне отчаянной злобы. Небо и земля, реки и цветы, деревья и птицы одним своим счастливым видом выцарапывали мне душу тоской и завистью.... И тогда я захотел окончить свои муки – я решил умереть. Шёл первый снег. Оголённая земля застыла от холода. Оставалось прилечь и заснуть.... Я ужаснулся под камнем, где не так мелко.... И увидел человека. Вы зовёте его Волохов.

- Волохов?! – Аня и Николка вскочили одновременно. – Наш Волохов?

- Тихо! – Айрис, тоже встав, приложил палец к губам. – Ну вот, они идут.

- Кто?

- Только не испугайтесь, помните, всегда помните: это они боятся вас.

Сразу из нескольких коридоров слышались приближающиеся множественные шаги и голоса.

- Но я должен успеть закончить свою историю. Человек открыл мне закон жизни: только в самой непроглядной темноте отчаянья вспыхивает самый яркий свет надежды! – Айрис уже кричал, изо всех сил пересиливая гремящие шаги, переключку голосов, бряцанье доспехов и оружия. – Человек прояснил мне смысл жизни: когда мир чем-то не нравится – не отрицай, а войди в него и преобрази, сделай лучше!

За его спиной сразу из четырёх проходов в пещеру ввалилось несколько десятков имянийцев. Но Айрис даже не обернулся:

- И чтобы одолеть врага, его нужно тоже изменить. Но вначале преобразись сам! Сам.

Вбежавшие первыми на цепях удерживали огромных – по колено, мохноногих пауков. Пауки, точь-в-точь как злобные собаки на поводках, рвались вперёд, приседая и царапая землю когтями. Только что не лаяли. В метаниях факельных огней из-под коротких серых плащей поблескивали знакомые уже медно-чешуйчатые доспехи воинов. Но были и одетые в чёрные балахоны и красные рубахи.

Взгляды ворвавшихся в пещеру пометались, пошарили по сторонам, и сошлись на Айрисе. Маша, Аня и Николка, не сговариваясь, одновременно шагнули вперёд и закрыли гмуританина собой. На их движение гридьы, толквичи и дивоведы так же все разом отшатнулись, оттягивая упирающихся пауков. В напряжённейшей тишине обе стороны настороженно рассматривали друг друга.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. Всенародное самовластие в действии.

Пятьдесят, или даже более, взрослых мужчин – и многие с оружием, нерешительно переминалось с ноги на ногу, в полном незнании, как себя вести с двумя девочками и мальчиком. Да с крохотным человечком, ростом едва выше колена.

Пауза излишне затягивалась. И Маша решила начать первой:

- Кто у вас тут самый главный?

Имянийцы ещё раз отпрянули, удивлённо переглядываясь.

- Кто главный, с кем можно вести переговоры?

Недоумение несколько секунд переливалось слева направо и обратно, пока сразу трое или четверо одетых в длинные красные рубахи, видимо, менял-толквичей, ответили разнобойным хором:

- У нас нет главных, у нас бывают дерзкие.

Остальные, облегчённо вздыхая, согласно закивали:

- Нет. Не бывает. Только дерзкие.

- А кто самый дерзкий? Кто имеет право говорить от лица Имянийского народа?

Опять всеобщее недоуменное переминывание. Не встречая противления, Маша всё более входила в роль дипломата, представляющего великую державу:

- Мы, посланники Блаженного Ира, желаем знать: кто уполномочен или дерзок, чтобы вступить в переговоры по поводу нашей миссии!

- Какой-такой миссии? – Едва слышно прошипел Николка, но более догадливая Аня ущипнула его за руку.

- Верховный суд Блаженного Ира и Думные советники Верховного круга, совместно с богиней Додолой повелели нам посетить славный город Колоруд, столицу Страны рударей. И мы хотели бы видеть руководителей вашего государства. Ваше правительство.

Менялы наконец опомнились. Опять забурчал тот же нестройный квартет:

- Но Думные советники и Верховный суд Блаженного Ира знают, что у нас нет никакого правительства. В Колоруде свободный народ руководит сам собой.

Маша оглянулась на Аню и Николку. Но те лишь пожимали плечами.

- Нас удивляет и настораживает ваше неведение. – Продолжили менялы. – Много веков мы ведём торговые, политические и военные отношения с разными народами и землями. Но вы очень необычны. Вы слишком похожи на детей, чтобы действительно являться посланниками.

- Это что такое? Нас обвиняют в самозванстве? – Маше только и оставалось, как разыграть обиду.

- Мы не обвиняем. Мы подозреваем.

- Ну, правда, что попало! – Подхватила Аня. – Раз они так, то пойдём отсюда!

- Пойдём! – Николка даже ногой притопнул.

Ребята как по команде развернулись через левое плечо и... упёрлись в Айриса.

- Не оборачивайтесь к ним спиной. – Едва слышно прошипел гмуританин. – Они боятся ваших глаз, а в спину сейчас же спустят пауков.

Девчонки аж с лёгким подвизгом повернулись навстречу сделавшим пару шагов имярийцам:

- Мы желаем говорить с народом Колоруда!

Серые союзники потупились под пронзительным Машиным взглядом. Знали бы они, что пронзительность эта происходила от панического страха перед головогрудными восьминогими и восьмиглазыми тварями, тупо рвущимися с цепей. Страх, мучившего её с детского сада, когда однажды безобидная косиножка заползла ей за шиворот.

- И о чём мы с ними переговаривать станем?

- Откуда я знаю.

- Так ты же про какую-то миссию буровила.

- Надо было их как-нибудь затормозить.

- Теперь мы сами на тормозе.

Аня и Маша, не сходя с места, указанного им Айрисом, тревожно оглядывали толпу: на центральной площади Колоруда уже собралось не менее тысячи человек. И народ всё подходил.

На выложенной рыжими и чёрными плитками квадратной площади жирно дымило восемь огромных костров – четыре по углам и четыре посередине. Меж чинно прогуливающимися группами мужчин и женщин, видимо, родственников, то и дело проныривали молодые парни, с завязанными глазами ловко жонглировавшие несколькими факелами. Другие, тоже в чёрных повязках на лицах, вращали факелы, попарно связанные верёвкой. И при этом все молчали. Треск горячей смолы, гул кострищ, да посвист мечущихся ручных огней нагнетали тревожность в и без того напряжённое ожидание. Ожидание чего? Да Всенародного сборища, на котором нужно будет объявить имярийцам свою миссию: прийти сюда, не знамо куда, чтобы взять то, не везо что.

А Айрис с Николкой всё не возвращались. Куда-то отошли «на минуточку», и с концами. Аня и Маша неподвижно стояли посреди всё прибывающей толпы. Если внешний вид мужчин разнился по принадлежности к сословиям, то все женщины Колоруда одевались совершенно одинаково – в желтовато-белые, расширяющиеся к земле платья и светло-бежевые кожаные жилеты, вышитые цветными узорами с камешками-самоцветами. Старые и молодые, они различались только ростом и полнотой. Да маленькими разночтениями в головных украшениях.

Одинаково длинные волосы у мужчин и у женщин удерживали одинаковые же кожаные обручи, поблёскивающие медными бляшками. От их одинаковости рождалось ощущение, что на площади собирался большой академический народный хор.

- Они так на нас смотрят, – Аня склонилась к Машиному уху, – что я сейчас начну им язык показывать.

- Ага, наверно в зоопарке звери подобное нашему испытывают.

- Где же Николка и Айрис? Где их черти носят?

- Осторожней! Помнишь, Яр предупреждал: не называй имён тех, кого не хочешь увидеть.

- Прости. Сейчас понятно, насколько с Яром было ... надёжнее.

- Понятно. – Согласно вздохнула Маша. Её угнетало ещё и то, что за спинами слишком многих мужчин горбатились короткие тёмно-серые плащи – отличительный знак членства в Союзе серых.

Тут справа произошло какое-то оживление. Толпа, теснясь, расступилась, открывая свободный коридор, по которому неспешно приближались Николка и Айрис Чахгиль. Девочки невольно разинули рты: лицо Николки было густо выкрашено в красный цвет, волосы взбиты и посыпаны блёстками, а семенящий за ним маленький гмуританин поддерживал длиннющую золотистую мантию.

Николка, выпятив грудь и заложив руки за спину, гордо прошествовал мимо, даже не скосив на них глаза, но Айрис успел шепнуть:

- Присоединяйтесь.

Девочки, переглянувшись, быстро пристроились к процессии.

- Чуть-чуть назад. – Опять прошипел Айрис. – Следуйте за мной.

Они безропотно приотстали. А что оставалось? Не переспрашивать же, и, тем более, не спорить при столь плотно окружающем внимании.

В центральный квадрат площади меж четырёх внутренних костров простой народ не входил. Там стояли только главы семей. Причём каждая каста-сословие кучковалась у своего огня, ориентированного по сторонам света. На востоке – самые многочисленные умельцы-рудари, на юге, меньшим числом – седые воины-гридьи, на западе важничало несколько пожилых толквичей, а наблюдателей лун – дивоведов, на севере представляли только три старика.

Когда Николка и его свита ещё только приближались к внутренним кострам, их окружили сбежавшиеся жонглёры-огнемёты. Не снимая с глаз чёрных повязок, двадцать бросающих и вращающих шипящие факелы парней выстроились удивительно ровным квадратом. Внутри бешено мечущихся огней сразу стало жарковато. И жутковато.

Введя посланников Блаженного Ира в самый центр, факельное каре рассыпалось, уступив место двадцати девушкам. Одетые в серые, тонкой шерсти, платья с широкими рукавами, девушки держали у груди тонкогорлые медные кувшины. С минуту попереминавшись, они разом низко поклонились ребятам и Айрису. Из сосудов хлынула вода, и посланников окружила лужа.

Опустошив свои кувшины, девушки исчезли вслед огнемётам. А на смену им от костров вышло четверо толстенных имянийцев с длиннющими витыми трубами. Подойдя вплотную, трубачи прижали мундштуки к губам, поднатужились, ещё больше раздувшись. И из вознесённых в небо раструбов воздух сотрясло препротивнейшее гнусное гудение. Но собравшемуся на площади народу звуки, похоже, очень даже понравились. Из разных мест слышались аплодисменты.

А далее началось нечто совсем невообразимое. Главы семей мелкими шажочками начали сходитья, вразнобой возглашая вопросы, на которые явно никто не собирался отвечать: «Кто может представлять народ»? «Что должно стать оправданием»? «Чем стоит заменить штрафы»? «Как лучше уберечь детей»?

Постепенно сближаясь, представители каст медников, гридьев, менял и дивоведов всё яростнее перекрикивали друг друга. «Кто может»? «Что должно»? «Чем стоит, и как»? – летело через головы ребят. Наконец главы семей сошлись, сжав посланников плотным кольцом. «Кто»? «Что»? «Чем»? «Как»? – выкатывая глаза, брызжа слюной и заламывая руки, старики кричали и кричали, срываясь на хрип и писк.

Оглушённые и оплётанные, Маша, Аня и Николка боялись шевельнуться, полагая, что малейшее их движение вызовет побои от вставших в истерику глав имярийских семей. Но вдруг

увидели, как от перенапряжения старики стали терять сознание, друг за дружкой заваливаясь в обмороках. Редящие ряды продолжали перепалку, однако через пару минут на ногах остался последний крикун из касты толквичей. Покачиваясь от усталости и улыбаясь от счастья, старик-победитель повернулся к терпеливо ждавшей окончания этого странного соревнования толпе:

- Во славу Имярийского народа! Первый вопрос к Всенародному сборищу: можно ли начинать наше голосование?

- Дерзко! Дерзко! – Послышалось в ответ с разных сторон.

- Кто за то, чтобы начинать голосование, голосуйте!

Лес рук вырос над заволновавшейся толпой, в которой засновали, подсчитывая согласных, отроки – дети-ученики менял-толквичей. В это время девушки поливали водой проходящих в себя отцов семейств, а вокруг с факелами бегали огнемёты.

- Кто против того, чтобы начинать голосование, голосуйте!

Пока отроки подсчитали несогласных, старцы окончательно пришли в себя.

- Тысяча шестьсот восемьдесят два – «за», триста восемь – «против». Решение о начале голосования принято большинством голосов! – Объявил результат подсчётов победитель перекрикивания.

Загудели трубы, раздались аплодисменты. И послышался знакомый дерзкий ор: «Кто»? «Что»? «Чем»? «Как»? Только теперь кричащие в обмороки стали падать скорее, а на ногах последним удержался умелец-рударь. Предложенный им вопрос для голосования был вопрос о признании решения голосования о начале голосования правильным.

- Тысяча двести восемьдесят четыре – «за», семьсот шесть – «против».

Прогудели трубы, раздались аплодисменты. И опять полетело «Кто»? да «Чем»? да «Как»?

Третьим прошло голосование по вопросу голосования по последующим вопросам голосования. Далее голосовали за итоги третьего голосования о продолжении голосования после предыдущего голосования. А потом уже голосовали и вовсе непонятно за какое голосование по поводу голосования неизвестно о чём.

Отсмотрев на несколько раз повторение ритуала подачи дерзких вопросов и получения общеимярийских ответов, ребята расслабились. Некоторое время втихушку пообсмеивали происходящее управление народом самим народом, но вскоре заскучали. А старики кричали, падали, их отливали, и они опять кричали и падали.... Гремели трубы, сновали считавшие, мелькали факелы.... Толпа где-то хлопала, где-то свистела.... Солнце поднялось в зенит и начало довольно чувствительно припекать.... Девчонки и Николка уже сами с трудом стояли на занемевших ногах. Мучила жажда, к которой помаленьку присоединялся голод. А тут даже прислониться было негде.

Наконец они расслышали то, чего ждали с раннего утра:

- Будем мы решать только свои проблемы или узнаем, зачем пришли чужеземцы?

Но напрасно напряжённо вслушивались ребята в итоги этого голосования, и следующего за ним, и следующего. Опять старческий ор и случайность в нём победителей подменяли принципиальные вопросы на процедурные. Прошло ещё не менее двух часов, прежде чем имярийцы определились, считать ли чужеземцев людьми, а не призраками, признать ли их посланниками Ира, отвечать им или просто выслушать. А если отвечать, то через дерзителей или общенародно. По каждому вопросу отдельно или совокупно...

Солнце палило уже всю. Николку откровенно мутило от изнеможения, когда до него дошло понимание очередного вопроса:

- Дозволяется ли говорить посланнику сейчас?

Голосовавшие большинством утвердили:

- Пусть говорит!

Айрис дёрнул мантию: «Начинай! И как договаривались – попозтичней, потоньше, подипломатичней»!

- Во славу свободного Имярийского народа! Жители великого града Колоруда, славной столицы могущественной Страны медников! Бесподобные умельцы! Крутые гридьи! Конкретные менялы-толквичи! Потрясные дивоведы! И классные имярийские жёны! – Откуда только у Николки находилось столько сладких комплиментов? Неужели Айрис за полчаса успел его таким лещам выучить? Потрясающе. А Николка, вдохновенно разводя руками, продолжал:

- Мы, посланники Блаженного Ира, от имени и по поручению Верховного суда, Думных советников Верховного круга и богини Додолы, рады приветствовать ваше Всенародное собрание.

Потрясавшись в ответ на разнородные аплодисменты на все стороны, Николка вдруг как-то заёрзал. Заложив руки за спину, попытался что-то объяснить стоящим сзади на пальцах.

- Мы, посланники, должны передать вам...

Он опять что-то поизображал за спиной, но ни девочки, ни Айрис не поняли.

- Мы должны вам... должны передать.... – Тут Николка обернулся и жалобно икнул. – Айрис! Я, кажется, забыл твою аргументацию!

- Никогда не поворачивайся к ним спиной! – Крохотный Айрис с такой силой дёрнул за мантию, что Николка крутанулся как волчок. – Говори что помнишь, лишь бы только не молчать!

- Мы, посланники Блаженного Ира, – голос Николки задрожал, – мы от имени и по поручению... должны вам...

Пауза. По толпе побежала рябь недоумённых переглядов. А стоящие поблизости главы семей даже зашептались. И тут Николка набрал полную грудь воздуха, сощурился на солнце и громко брякнул:

- Мы, посланники Блаженного Ира, должны сообщить: местное время вышло! И вам, уважаемые имянийцы, предстоит как можно быстрее покинуть Колоруд! Всем покинуть! И, уходя, уничтожить город, чтобы не оставить секретов медничества чужим!

Тишина, охватившая площадь, напомнила ребятам тишину на водохранилище перед грозой. Ну, теперь как грянет....

А в этом-то предвзрывно-ядерном молчании совершенно обыденно звучало:

- От себя лично хочу добавить, что ещё пора вам заканчивать всю эту дурь со всенародным самоуправлением. Столько времени теряете впустую. Вы же такие умные, такие искусные, и должны понимать: вдруг пожар или наводнение приключится? А вы и за месяц не проголосуете, кому что делать. Заканчивайте вашу ерунду со собраниями, народу нужны профессиональные правители.

Даже пламя в кострах затаилось.

- Собственно это всё. Во славу свободного Имярийского народа! – Николка красиво развёл ладони и склонил голову. Немного набок. Как артист после концерта.

Аня и Маша одновременно зажали уши руками и, не сговариваясь, уткнулись друг в дружку лбами. Ибо вокруг началось вполне предсказуемое массовое сумасшествие.

Главы семей хрипели и визжали, все, без исключения, падая в обмороки, девушки беспрестанно поливали их, синие от натуги толстяки гнусно трубили. Вокруг дерзителей носились факельщики, а в беснующейся толпе то там, то сям вспыхивали групповые драки.

И только солнце продолжало равнодушно калить воздух.

Но вот в какой-то момент, когда все старцы в очередной раз завалились, одному из глав семейств удалось устоять:

- Будем ли мы рассматривать предложение посланцев Блаженного Ира? – Ребята с трудом узнали в мокром, всклокоченном старике Сретенья. – Кто «за», поднимите руки.

- Тысяча ровно.

- Кто «против»?

- Девятьсот девяносто.

- Принято. – Опять трубы, свисты и хлопки.

По ходу подсчёта голосов несколько старцев попытались, было, привстать, но не смогли. Так что упавший Сретенья продолжил:

- Кто за то, чтобы предыдущее голосование засчитать, голосуйте!

- Да я тоже скоро с ума сойду, как эти имянийцы. – Николка вместе с потом стёр с лица половину краски.

- Девятьсот девяносто девять.

- Кто «против»?

- Девятьсот девяносто один.

- Принято.

Сретенья счастливо улыбнулся ребятам и прохрипел:

- Свободный Имянийский народ, последуем ли мы советам посланников?

В ответ площадь несколько притихла. А Сретень вдруг зашатался, шагнул в одну сторону, в другую, колени его подогнулись, но, прежде чем завалиться на копошащихся в грязной луже дерзителей, он успел отчаянно вскрикнуть:

- Голосуйте!
- Девятьсот девяносто пять – «за»!
- Девятьсот девяносто пять – «против»...

Скучно писать, а уж тем более читать, о том, как ещё более часа продолжалось всенародное самовластие. Шестеро стариков вообще больше не вставали, и их разнесли по домам. Двадцать человек, в драках переломав себе и противникам руки и ноги, выбыли из голосования. Четыре факельщика, столкнувшись, получили ожоги. Девушки просто все обессилили и перестали поливать дерзителей. У одного трубача от напряжения лопнули штаны, у другого скрутило живот. Но в результате всех этих мук имянийцы так и не пришли к какому-либо решению. Голоса «за» и «против» всё время делились поровну.

И тогда выбор предоставили жребию. Что тоже оказалось делом весьма и весьма замысловатым.

Спор должен был решить поединок двух воинов, один из которых бился «за», а второй – «против». Выбор бойцов происходил следующим образом. Самый старый голосователь подкидывал голубя, а самый молодой стрелял из лука – так, чтобы не убить птицу, а лишь выбить из крыла перо. И если первое пёрышко сразу же упало на хиленького, с жиденькой бородкой и подслеповато щуренными глазками, молоденького копыеносца, то второе, покружив, чуть не легло на... Николку. Николка, испугавшись, что ему придётся сразиться с каким-никаким, но профессиональным воином, да ещё и «против» своего собственного предложения, в последний момент успел сдуть перо в сторону. В сторону оказавшегося рядом с ним того самого богатыря, промеж ног которого они заползли в город.

Аня так посмотрела на брата, что Николке стало ясно без слов: если всё кончится благополучно, ох, она ему зад и нашлёпает.

С обречённым видом ребята взирали на то, как высвобождается место для поединка, как друзья противников оговаривают оружие, коим предстоит сражаться. Только не всё ли равно, на чём биться, если один соперник больше другого в два, если не в три раза? Да хоть на щелбанах!

Уже завечерело, когда всё и всех, наконец, устроило. И в наступившей тишине оставшиеся два трубача возвестили начало.

Сошедшиеся на бой держали перед собой круглые маленькие щиты, по которым в очередь били друг друга топориками на длинных рукоятях. Уже через минуту от щита маленького «за» полетели щепки. Тогда как на щите большого «против» появилась только пара царапин.

- Да что же он отбивает? – Маша теребила николкину мантию. – Ему ведь просто уклоняться нужно!

- Так ты это ему скажи! – Николка попытался отнять свою накидку.

- Тихо! – Прошипел сзади Айрис. – Нельзя вмешиваться советами в поединок жребия.

Ещё минута, и на руке «за» осталась последняя досточка с обрывками ременных креплений. Маленький боец откинул бесполезную защиту.

- Молодец, давно бы так! – В отличие от скисающих Ани и Николки, Маша только входила в азарт. – Теперь уворачивайся и атакуй в ноги.

- Умоляю: молчите! – Айрис потянулся своими «лошадиными» губами к уху Маши. – Серые только и ждут любой вашей оплошности.

«За» как будто услышал, и несколько раз достаточно ловко поднырнул под размахистые выпады «против». Но ударить сам решил не по низу, а сверху. Двумя руками «за» вымахнул топор из-за спины, но «против» неожиданно быстро встречно ударил своим. Топоры, сцепившись, вырвались у обоих и свистящим пропеллером отлетели далеко в сторону. Раздались крики зашибленных – это Всенародное сборище потеряло ещё четверых голосователей.

Разъярённый «против» тоже откинул щит. Огромные волосатые руки захватили щуплого «за», приподняли над головой и плашмя шмякнули оземь. По площади покатился одобрительный гул. Оставшиеся два трубача, прижав к губам трубы, как следует надулись, чтобы возвестить итог

поединка жребия... Но тут маленький «за» пошевелился. Со стоном он поскрёб землю руками и ногами, перевернувшись, трудно присел. И встал.

- Ура! Молодец! – Запрыгали от радости ребята. – Так! Не сдавайся!

«Против» насмешливо подождал, пока его оспариватель перестанет качаться. Потом широко шагнул, опять желая повторить захват. Но, то ли «за» так задумал, то ли его колени сами подогнулись, но он упал, кувырком прокатившись меж ног великана. С замаху обняв свой живот, «против» изумлённо заглядывался, ища пропавшего с поля зрения малыша. А тот точно так же очумело вертел головой за его спиной.

Наконец они развернулись и увидели друг друга. Раздался рык, какой издаёт голодный лев, приветствуя долгожданную пищу. И великан «против» вновь протянул руки к малышу «за». Но тот уже явно осознанно повторил свой трюк с проныриванием между ног. Рык прозвучал грознее. А после третьего нырка, от разразившегося яростного рёва у всех окружавших место схватки волосы встали дыбом, а тела покрылись мурашками.

Ободрённый успехом, «за» в очередной раз кувыркнулся навстречу «против», но тот вдруг ноги сдвинул. От удара о великанские колени, «за» отлетел, приземлившись на мягкое место. Привстав, опять просился вниз головой, и опять чувствительно стукнулся лбом.

Продолжая рычать, «против» ладонью залепил растерявшегося «за» мощнейшую оплеуху, опрокинув его налево. Потом приподнял, поставил прямо перед собой и отвесил затрещину другой ладонью, свалив направо. Приподнял, поставил, свалил... Приподнял, поставил...

- Да что же он? – Маша теребила теперь куртку Ани.

- А ничего! – Аня не сопротивлялась. – Силища-то против нас какая.

- Сила против ловкости ничто. Ему надо сдёрнуть соперника на себя и ногами перебросить. Эх, подсказать бы – захват, упор, рывок, толчок...

- Так у Аньки же дар передачи мыслей есть. – Обернулся Николка. – Пусть три раза пробубнит «я это могу», и порядок!

- И действительно, что это я забыла? Маша, скорее говори, что надо передавать!

«Против» уже немного наскучился валять совершенно, казалось, беспомощного «за». Поэтому, решив закончить представление, аккуратно выставил и обровнял перед собой малыша. Неспешно замахнулся. Прицелился.

Но тот вдруг подпрыгнул, вцепился великану в бороду и, оперевшись пятками под пояс, рванул на себя. Могучий «против» так и полетел вперёд лицом с откинутой для удара рукой. А «за», катнувшись согнутой спиной по земле, ногами прокинул противника по ходу падения.

Перевернувшись в воздухе, великан со смачным шлепком всем телом впечатался в плитки площади. Наступившую всеобщую тишину нарушало только звяканье катившегося медного шлёма.

- Есть! У нас получилось! – Маша и Аня вскинули кулаки и обнялись.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАЯ. Зайти не знамо куда, взять не вемо что.

С противником до столкновения необходимо быть осторожным. Во время боя – жёстким. Но если он повержен – нужно проявить милосердие.

Аня первой присела возле потерявшего сознание богатыря. Платочком стёрла с бледного лба пот. Расслабила на груди завязку. Богатырь со стоном вздохнул и, чуть-чуть приоткрыв глаза, удивлённо прошептал: «Больно». Маша хотела, было, присоединиться к подруге, однако в этот момент заметила решительно приближающихся четырёх воинов в серых плащах, вооружённых короткими копьями.

- Айрис, чего им?

- Это за мной. Оставайтесь и ничего не бойтесь. – Айрис отступил на несколько шажков. – Не бойтесь, я вас не оставлю. Только не поворачивайтесь надолго к ним спиной.

Гмуританин отходил, но и гридьи сворачивали, отсекая ему возможность покинуть центральную площадь. Им это почти удалось, когда мелко семенивший Айрис вдруг как-то неожиданно высоко и сильно выпрыгнул, и, пролетев несколько метров, приземлился на плечи плотно стоявшего народа. Раздался дружный «ах», толпа шарахнулась, но Айрис уже взлетел

вновь. В пять-шесть таких прыжков-полётов по плечам и головам голосователей он достиг башенных ворот и исчез в проёме.

Ребята прижались друг к другу спинами – ничего себе, «не бойтесь»! И, главное, они теперь точно рассмотрели, что у упрыгавшего гмуританина коленки сгибались назад, как у кузнечика.

Четверо гридьев в серых плащах подошли вплотную. Раздосадованное выражение свирепых лиц не предвещало ничего приятного. Вот-вот, «не бойтесь, я вас не оставлю»!

- Посланники Блаженного Ира, почему с вами был этот соблазнитель имярийского народа, чародей и подглядыватель из Рипейских пещер?

- Ну, мы... случайно... в ваших шахтах... познакомились. – Николка старательно наматывал на локоть свой золотистый плащ.

- И попали под его чары? – Один из подошедших, от расстройства, что Айрис столь лихо сбежал, аж ногами притоптывал на каждом слове.

- С чего вы взяли? – Аня молодец: отвечать вопросом на вопрос – это лучшая тактика незнающего, что от него требуется. – Какие-такие чары? Почему «подглядыватель»?

Гридью переглянулись. Им и в головы не приходило, что кто-то может не знать столь очевидных истин.

- Потому что все гмуритане чародеи и подглядыватели.

- Железная логика. Но не совсем убеждает. – Подхватила Маша. – Чем докажете?

- Тем, что все гмуритане соблазнитель.

- Потрясающе. А кто вам это сказал? И кто сказал тем, кто вам сказал?

От такой вопиющей безграмотности гридью совсем растерялись. Возможно, они бы продолжили свои доводы, а затем, наверное, и вернулись бы к допросу, но тут отовсюду послышались множественные крики:

- Солнце коснулось западной башни! Солнце коснулось западной башни! Конец Всенародному сборищу. Конец голосовательству.

И народ стал стремительно расходиться – всех заждались домашние хлопоты, ужин и сон перед трудовым днём. Через несколько минут на площади осталось лишь несколько жителей внутренней крепости, даже Сретень исчез. Странно: вроде весь день ребята находились в центре всеобщего внимания, вокруг пылали дикие страсти, а стоило солнцу прикоснуться к деревянному зубцу, как имянийцы мгновенно о них забыли. Но, увы, не все. Потому что все забывшие были в серых плащах.

Десятка два воинов и менял окружали посланников, о чём-то негромко меж собой перетолковывая. Ребята изо всех сил вглядывались в хмурые лица, но ухватить суть разговора не получалось. Наконец один из менял-толквичей обратился к Николке:

- Следующее Всенародное сборище произойдёт на этом месте через девять дней.

- Через девять дней?!

- Тогда Имянийский народ продолжит голосование по своим делам. И, заодно, по вашей миссии.

- «Через девять»? «По своим»? – В другое время Николка впал бы в истерику. Но от усталости, жажды и голода он уже почти смирился с народным самовластием. – Ладно, ладно. Только где мы будем эти дни жить?

- Чтобы избежать подглядывательства секретов меднического ремесла и чародейства над жителями, вам нельзя видаться и разговаривать с имянийцами. Посему, с учётом высоты звания посланника Блаженного Ира и его свиты, вас объявляют принудительно-почётными гостями города Колоруда. Вас будут хорошо кормить и тщательно беспокоить.

- Что значит «беспокоить»? – Правильно заволновалась Аня.

- До нового Всенародного сборища вы будете находиться в плотном закрытии.

Полный привет! Просидеть взаперти девять дней – только этого им и не хватало. А там ещё бабушка надвое сказала, что сборище что-либо решит относительно их предложения. Тогда ещё подождать девять дней. А потом, может, и ещё...

- Они мои личные гости. – Негромкий спор о том, куда определить «посланника со свитой», прервался знакомым рыком: наконец-то пришедший в себя богатырь-«против»

возвысился над остальными. Продолжая вытирать лоб забытым Аниным платком, он почти нежно прогудел. – Я забираю их в свою семейную башню.

Никто не возразил.

Следуя пригласительному жесту, ребята молча плелись вслед своему могучему хозяину и двум его сыновьям, юным, но уже тоже воинам. Спешить не хотелось. Минуя костры, они заполняемой сумерками улочкой приближались к восьмигранной деревянной башне. И столкнулись со встречной процессией.

Шестнадцать девушек в сопровождении четырёх наблюдателей-дивоведов цепочкой направлялись к центру опустевшей площади. Понурые головы девушек покрывали чёрные платки. Поравнявшись, шедшая первой приподняла лицо, и ребят обожгло пронзительно-жалобным взглядом необычайно красивых голубых глаз.

- Это же эти! Которых в жертву. А она – Арьяна, сестра Раменя, внучка Сретеня.

Ведший гостей хозяин обернулся к Николке, приложил палец к губам:

- Тсс! – Его осторожное «тсс» больше напоминало предупредительное «rrrr».

Срубленная из многовековых рипейских лиственниц башня потемневшим шатром высоко врезалась в алое закатное небо. По широким ступеням они поднялись на площадку перед боковыми дверьми. Но прежде, чем отворить, хозяин, забавно для своих внушительных размеров, смущаясь, прошептал:

- Союз серых везде имеет свои глаза и уши. Поэтому очень прошу вас, ни о чём не расспрашивать моих родных. Я устрою вас как дорогих гостей, а, принося пищу, сам буду отвечать на вопросы.

Через тёмные сени вошли в освещаемую свечами просторную комнату, посредине которой к следующим этажам тянулись две скрученные меж собой винтовые лестницы. В завешанной по стенам оружием и доспехами комнате ребята никого не увидели, хотя за некоторыми из расположенных вкруговую выходов раздавались шорохи и приглушённые детские возгласы.

- Эти покои для посланника. Эти – для свиты. – Богатырь толкал пронзительно скрипевшие двери, а сыновья вносили свечи в указанные комнатки. – Здесь есть постели, столы, скамьи. Умывальники и горшки. Располагайтесь.

Может, он и старался быть нежным, но здоровенные руки как-то слишком быстро распахали Николку и девочек по местам.

- Вода тут. Ужин под полотенцем.

- А как вас звать? – В захлопываемую щёлку успела прокричать Маша.

- Я – болярин Шишак. – Почему-то помолчав, признался хозяин. И ушёл.

- Эй, Николка! Ты нас слышишь? – Осторожно позвала Аня. Но ответно от брата через стену не пробилось ни звука. – И окошек нет. Понятно: принудительно-почётные гости.

- Давай не будем заводиться. Просто немного отдохнём, а уж потом спокойненько обдумаем наше положение. Ладно? – Маша налила в умывальник воду из кувшина.

- Ладно. – Прихватив сырную лепёшку, Аня раскинулась поперёк широченной деревянной кровати. – Как будто предполагаются другие варианты.

- Никаких. Но, ты знаешь, это почему-то радует.

А Николка опрокинул свечу. Заглотив слишком большой кусок неразжёванным, потянулся за квасом и – опрокинул. Икая, немного посидел в полнейшей темноте. Потом всё же нашарил кубок, выпил. Ещё немного посидел.

- Маша, Аня! Эй! Вы меня слышите? – В ответ ни звука. Темнота и тишина. Как в гро... нет, лучше не вспоминать, где именно. И, чтобы совсем не заботиться, Николка принялся бормотать:

- Хм, мало им того, что нарядили как клоуна, так ещё и заперли. А отчего вырядили и накрашили? Видите ли, так выглядел посланник страны Майяля пятьсот лет назад. А я даже умыться не успел. Вот краска вьестся, останусь навсегда краснокожим. Точнее – краснорожим. Ещё и голова жуть как от присыпки чешется. Хотя, если подумать, с другой-то стороны оно даже хорошо, что темно. Никто моего позора не видит.

Ворча, Николка наощупь добрался до постели, разулся.

- Делать нечего, пожалуй, посплю.

И в этот момент прямо под его ногами послышалось сильное и быстрое царапанье. И урчание.

- Эй! – Николка вскочил на кровать. – Кто там?

Скрежет и урчание усиливались.

- Кто там? Отвечай! А то, вот, как тресну. – Угроза прозвучала как-то не очень убедительно.

Ещё несколько поспешных скребков, и пол перед кроватью обвалился. Запахло сыростью. Некто невидимый, фыркая и урча, выбрался из провала, постукивая когтями, отошёл к столу. Николка в ужасе присел и покрыл голову золотистой накидкой, хотя в темноте и так ничего не было видно.

Судя по звукам, некто взгромоздился на стул, с него перелез на стол, и к урчанию добавилось громкое чавканье. Похоже, что это был не хищник. Не людоед, уж точно. Предположив такое, Николка решился на контакт. Трижды прошептав «я это могу», он громко окликнул:

- Эй, ты кто? Ты чего там делаешь?

- Глупые вопросы от глупого мальчишки. – Ворчливо прозвучало со стола. – Кто роет землю, кроме кротов, и что делают на обеденном столе с кашей и лепёшками?

- Так ты крот?

- Удивительно глупый мальчишка. Он не только не видит, но ещё и не слышит. И свечка у него не очень вкусная.

- Послушай, крот, перестань обзывать. Во-первых, ты слишком ... здоровый. Крупноватый для своего вида. А во-вторых, я спросил: почему ты здесь?

- Ну, не по своей воле точно. Прокопать такой тоннель ради столь лёгкого ужина. – Невидимый крот перестал чавкать и несколько обиженно запыхтел, спускаясь на пол. – И нисколько я не большой. Это у вас там кроты маленькие, а я для здешних мест совершенно нормальный. Давай, обувайся и следуй за мной. Если, конечно, хочешь успеть исполнить свою миссию, посланник Блаженного Ира.

Николка послушно нашарил сапоги:

- Куда следовать? И почему следовать?

- Неужели в Ире не нашлось никого поумнее? Айрис Чахгиль обещал, что не оставит вас? Вот и следуй за мной без дурацких вопросов.

Крот ухнулся в подпол. Николка осторожно, ногами вперёд, спустился за ним:

- Опять подземелье. Как мне это надоело.

В норе особо было не развернуться. Вдобавок с потолка и стен постоянно осыпались земляные комья. Николка на четвереньках полз за фыркающим проводником.

- Ты не молчи. – Крот двигался удивительно проворно. – Если разговор прервётся, то прекратится действие нашего взаимопонимания. И тебе придётся потом ещё раз потратить твой дар.

- А о чём говорить?

- О чём угодно, глупый мальчишка! Болтай о чём угодно, только не молчи. И меня не спрашивай!

- Ну, ... если вопросы тебя раздражают.

И Николка начал. Так как, перебираясь на четвереньках да постоянно ударяясь затылком об осыпающийся потолок, говорить было не особо удобно, то очень скоро повествование перешло в отрывочное бурчание себе под нос. Да и необычайный его проводник, похоже, не особо горел что-либо расслышать.

- Вот уж встреча... А она такая красивая. И имя красивое – Арьяна... Её жалко. Дурацкий жребий... И другие, они-то за что? Дурацкие жертвоприношения. Вообще, что эти имярийцы о себе мнят?.. Рабы у них. Девушек змеям отдают. Варварство дикое... Законов, видите ли, у них нет. Главных нет. Сплошное всенародное самоуправство. По сто лет один вопрос голосуют. Пока серые не выиграют... Нет, с этим нужно кончать. И спасти Арьяну... Надо исполнить миссию. Колоруд должен быть разрушен.

Кротовый тоннель закончился в тоннеле шахтёрском. Было всё так же непроглядно темно, но зато свободно, и дышалось легче. Где-то журчала вода. Николка со сладким стоном распрямился, поразмял поясницу:

- Где мы?

- Опять вопросы!

- Всего-то один.

- Ладно, глупый мальчишка, мы недалеко от Главного колодца. Он начинается под Главной площадью и уходит во Второе подземье. Через него рудари и медники Колоруда ублажают Змеевина и получают от него пламя и ветер. – Крот помолчал, с громким сапом вдыхая и выдыхая воздух. – В колодце на цепях висит медное хранилище. Ты в него проникнешь. Только не спрашивай «хранилище чего»! Вообще больше ни о чём меня не спрашивай. Теперь говорить буду я сам, а ты просто следуй за голосом.

Идти, действительно, пришлось за голосом. Именно голосом, так как разобрать, что бурчал крот, было почти невозможно. Долетали отдельные фразы о том, что у народа гмуритан есть близкие родственники гельвины. Тоже мелкие, тоже боящиеся открытых пространств. Но живущие не в пещерах, а в дуплах деревьев. И потому кротам совершенно неинтересные.

Впереди просветлело. Это за плавным левым поворотом что-то горело – оттуда по стенам разбегались тёмно-красные всполохи. И Николка, наконец-то, смог разглядеть своего проводника. Крот, действительно, вполне мог испугать, если бы Николка сразу его увидел ещё в комнате. Размером со взросленького медвежонка, с полуметровыми когтями на передних лапах, с торчащими как совки зубами. А вот крохотные бусинки глазок в бархатной серебрищейся шерсти едва различались.

- Мы у цели. Дальше ты пойдёшь один. Но будь осторожен, тебя могут услышать.

- Скорее уж увидеть. А куда мне идти?

- Ну почему я должен терпеть все его вопросы? За что? Ты, глупый мальчишка, дойдёшь до колодца, заберёшься в хранилище и возьмёшь то, за чем пришёл.

- А это что? Я пришёл за чем?

- Всё! Хватит! Моё терпение лопнуло! Оказывается, я должен знать ещё и то, за чем он сюда пожаловал? Какое наглое издевательство! – Виляя коротким хвостиком и фырча, крот уползал в обратном направлении. – Только не вздумай возвращаться, тебя уже ищут гончие пауки.

Николка тоскливо посмотрел ему вслед, повздыхал, почесал затылок. Да разве кто над кем издевался? Просто спросил не у того, кто бы смог ответить.

- Вообще, откуда мне знать, что он от Айриса? Мало ли на свете самозванцев.

Николка хотел, было, развить тему про свою излишнюю доверчивость, из-за которой ему порой, ох, как достаётся... Но увидел лежащий у стены серо-жёлтый лист. Опа-на! Осмотрев находку с обеих сторон, аккуратно свернул лист и упрятал за подкладку куртки. Нет, зря он на крота чуть, было, не задрался.

- Ну, ладно, маршрут и задание определены: мне туда, куда не знамо, за тем, что не вемо. – Настроение немного поднялось. Николка сунул руки в карманы и, нарочито покачивая плечами, зашагал к свету.

Однако, чем поворот становился ближе, тем шаги короче. И руки из карманов как-то сами выбрались. А вскоре Николка даже сгорбился. Потому что, кроме света, навстречу неслись и звуки. Вначале это было свистящее шипение, постепенно перераставшее в вой, а потом и в многотрубный рёв. А когда он, жмясь к стене, медленно-медленно завернул...

Главный колодец представлял собой гигантскую бесконечно глубокую воронку, в стенах которой виднелись сотни, если не тысячи разновеликих пещерных выходов. Из некоторых изливались водопады, из некоторых выползали комковатые потоки огненной лавы. А кое-какие пыхали газовыми факелами. Навстречу водо- и лавопадам из глубинной тьмы с пронзительным рёвом возносился ледяной ветер.

Узкая терраска прерывистой резьбой опоясывала каменные стены, ввинчиваясь в беспросветную чёрноту дна. Там, где на выходе из тоннеля стоял Николка, ширина колодца была не менее полукилометра. Немного придя в себя от поражающего воображение мрачного величия распахнувшейся перед ним картины, он приступил к изучению непосредственных окрестностей.

По винтовой террасе можно было б подниматься или спускаться по колодцу вправо или влево. «Можно было б», так как из выходящей на эту террасу правой верхней пещеры хлестал водяной поток, а из левой нижней то и дело пыхал газовый факел. Прижимаясь затылком, осторожно заглянул вверх: колодец накрывала слегка выпуклая мраморная полусфера. По кругу этой гигантской светло-серой крышки чернело тридцать пять одинаковых отверстий. И ещё одно, побольше, ровно в центре. «Которые по кругу, это поддувала для кузнечных горнов Колоруда», – догадался Николка, – «а вот среднее для чего»? Внизу, в метрах в десяти прямо под ним из стены торчало здоровенное медное полукольцо, к которому крепилась медная же цепь. Ещё пять таких же цепей со всех сторон сходились к центру Главного колодца, держа на весу нечто вроде неглубокой чаши или тарелки. Если конечно, тарелки бывают размером с цирк.

- И что мне делать дальше? – Стоило чуток отступить от стены, как одежду и волосы Николки вздувало, мгновенно прохватывая холодом спину и живот. – Куда теперь? Не возвращаться же. Хотя... там потеплее.

Ёжась и обжимая себя за плечи, он нерешительно зашагнул назад в тоннель. И тут же пулей вылетел обратно: из-за угла бесшумно набегали пауки.

Николка без раздумий перевалился за край террасы и по бугристой стене быстро пополз вниз, к креплению цепи. А сверху уже свешивались мохнатые лапы, сходились-расходились клювы-челюсти. «А вот и не поймали! А вот и не поймали!» – почему от страха его всегда тянуло подразниться? Так и тогда, в лодке, когда стригоев задирали. Но пауки только бегали по кромке, не решаясь на большее. Ибо первые два, рискнувшие, было, преследовать Николку, не удержались на крутом склоне и сорвались вниз, в пропасть.

Самым удачным оказалось то, что цепь была скована не из кругляков, а из плоских полос. Поэтому Николка смог не карабкаться, не ползти, а прямо пойти по горизонтальным звеньям, перешагивая развёрнутые вертикально. Мелкими такими шажочками, почти как по шпалам. Таким образом проскочив сгоряча чуть не половину пути, он оглянулся: нет ли погони? Но, когда убедился, что его никто не преследует, испугался гораздо больше.

Цепь метров в сто пятьдесят, а то и подлинней, раскачивалась и подрагивала в восходящем ледяном урагане. Волосы Николки схватились льдом и торчали сосульками наподобие короны, немеющими пальцами он едва удерживал взлетающие полы куртки. Боясь поскользнуться, Николка взглянул себе под ноги, и его охватила настоящий ужас: только тут он осознал, над какой бездной оказался.

- Мама... Мамочка... Лучше бы за мной кто-то гнался.

Действительно, стоило Николке притормозить, как он начал терять равновесие. А если он и совсем остановится, то...

- Мамочка... – Нет, об этом нельзя даже думать. Нужно было поскорее собраться с силами и продолжить путь. Для этого, прежде всего, не смотреть вниз. Да ещё помнить, что возвращаться некуда.

- Вперёд! Вперёд! Впе-е-ерёд!! – Николка с криком пошагал к висящему на цепях цирку-тарелке.

Когда он, совершенно окоченевший, запрыгнул за долгожданный край, то вдох облегчения продолжился выдохом-воплем: гигантская чаша до краёв была наполнена человеческими костями. Некоторые скелеты сохраняли целостность, но основная масса представляла груды беспорядочно смешавшихся костей и черепов. Кое-где виднелись фрагменты одежды, в которых узнавались серые платья и чёрные платки. Точно так были одеты те девушки-рабыни, встреченные на выходе с площади. И Арьяна.

В страшной догадке Николка вскинул голову: да, «блюдо» с костями висело точно под центральным отверстием потолка.

- Значит, эта дыра предназначена для жертвоприношений. А сюда они сбрасывают несчастных. И никакой Змеевин их не принимает. Нет, с этим пора кончать. – Кулаки Николки сжались, а сердце бешено заколотилось, выгоняя свой жар в ледяное тело. – Надо спасти несчастных. И Арьяну. Эй, вы, там, рабовладельцы! Слышите? Да только за одну её красоту ваш Колоруд должен быть разрушен!

И тут его взгляд наткнулся явно на то, ради чего он так долго шёл «не знамо куда»: посередине чаши высился медный столб из шести переплетённых змей. Открытыми пастями змеи держали прозрачный темно-зеленый камень в виде сердца. Внутри изумруда слабым пульсом вспыхивал и угасал свет.

Николка осторожно подбирался к столбу, старательно обходя кости. По мере его приближения вспышки внутреннего света в камне становились всё ярче и всё чаще. Когда оставалось всего несколько шагов, мигание слилось в сплошное вибрирующее сияние, окрасившее останки несчастных жертв трепетом. Николке даже показалось, что скелеты зашевелились, и почудились стоны и плачи. Зажмурившись, он протянул руки и вынул каменное сердце из змеиных пастей. Камень, величиной с четыре его кулака, оказался удивительно лёгким. И тёплым.

Николка даже не сразу понял, что произошло. Приоткрыл глаза, повертел головой: что же не так? А-а-а! Наступила тишина. Полная тишина, потому что прекратил дуть ветер из Второго подземья.

И в этой тишине стены Главного колодца вдруг мелко задрожали. Сначала чуть заметно, затем они затряслись всё сильнее и сильнее. Посыпались целые куски террасы, вода и лава из пещер стали истекать толчками, а факелы, наоборот, запылали с особой силой. Тряска нарастала, вслед за осыпями по стенам всё так же беззвучно побежали перекрестные трещины. Одна трещина ослабила крепление левой цепи, та вырвалась и, откинувшись вниз, чувствительно качнула блюдо. Николка, прижав камень-сердце к груди, едва устоял. Но через мгновение уже вторя цепь свободно заметалась над пропастью, тряхнув куда как чувствительнее.

Удерживаемая последними тремя цепями, чаша резко накренилась, ссылая кости в бездну. Всё явно намекало на то, что пришла пора поскорее покинуть помещение. Николка завертелся в нерешительности: три цепи – и по какой же ему бежать? Но тут оборвалось ещё одно крепление, и чаша с широким махом завалилась набок. Падая, Николка левой рукой уцепился за змеиный столб, правой продолжая прижимать сердце. Чаша маятником провернулась до какого-то предела и начала возвращаться. Дождавшись первоначального горизонтального положения, Николка в три прыжка достиг ближайшей цепи. Цепь раскачивалась так, что в другое время и в другой ситуации никакая сила бы не заставила Николку ступить на неё. Но сейчас на страх времени не было. Шаг за шагом, балансируя одной рукой, он дошёл почти до середины. Чуть приостановился. И увидел, как глубоко-глубоко внизу вспыхнул огонь.

Огонь разрастающимся тёмно-красным клубом поднимался по колодцу. И вместе с огнём из глубины поднимался угрожающий гул. Едва Николка успел добраться до стены, и спрыгнуть на террасу – в этот момент вылетели оба последних крепления, и чаша, кувыркаясь и, размахивая цепями, как осьминог щупальцами, понеслась навстречу пламени.

Рядом чернел пещерный вход. Не раздумывая, Николка заскочил в него в поисках спасительной темноты. Пробежался по плавному завороту и остановился перед развилкой. Куда? Направо? Налево? Гул за спиной стремительно приближался, сотрясая и осыпая песком стены и потолок. Так направо? Или?.. Да какая разница? Лишь бы бежать. И он побежал. Развилки встречались через каждую сотню шагов, но Николка больше не раздумывал: один раз – вправо, следующий – влево. Лишь бы не тормозить.

Изумрудное сердце он держал над головой, трепетным сиянием освещая путь. Развилка, развилка... Как вдруг его зелено-мерцающий фонарь выхватил за поворотом целую свору пауков. Николка аж присел, готовясь рвануть в обратном направлении. Но увидел, что пауки не только не замыслили нападение, но убежали сами. В это же само время сзади с потолка обрушился здоровенный каменный обломок. Николка вычихнул пыль и помчал вдогонку за восьмиглазыми.

Гончие пауки довольно скоро ушли в отрыв, но их место заняли вывалившиеся из какого-то поперечного тоннеля гигантские сороконожки. Жуткие создания, мерзко поблёскивая метровыми членистыми телами, волнами переставляли свои сорок жёлтых ножек, с когтей которых скапывал яд. Не успел Николка привыкнуть к такому соседству, как их догнали ещё более отвратительные мокрицы, каждая величиной со сковородку. А под потолком шуршали крыльями здоровенные комары, по стенам зайцами прыгали песчаные блохи. Да, с кем только не помирят общая опасность! Утешало главное: раз эти светобоязненные чудища куда-то бегут всем скопом, значит, точно знают куда. Лишь бы ни на кого не наступить.

- Николай! – Голос позвал из темноты прохода, противоположного тому, куда летели, ползли и семенили комары, сороконожки и мокрицы. – Николай, сюда! Скорее.

Николка посветил, всмотрелся и узнал пушистый венчик волос:

- Айрис? Ура, Айрис Чахгиль!

- Скорее же. Нам сюда. – Айрис стоял на нижней перекладине медной лестницы, вертикально уходящей в высоту. И как только Николка приблизился, стал подниматься. – Поспешай, у нас осталось совсем немного времени.

Хорошо поспешать, когда у тебя обе руки свободны, да ещё и коленки назад. А вот попробуй-ка поползи по редким перекладинам в узком колодце, прижимая к груди почти круглый камень!

- Я бы помог, – Айрис словно прочитал его мысли, – но мне нельзя даже касаться сердца Змеевина. Только посланники Блаженного Ира могут удержать подношение Царю царей.

Подношение?! Вот вам и «не вемо что»! Ну, какой же он, Николка, молодец и умница! Всё правильно понял и вовремя сделал! Миссия выполнена! Да за такое памятник на малой родине ставят. А раньше героям, таким как он, давали полцарства, коня и царевну в придачу. Царевен в Колоруде нет, но зато есть... Арьяна. Эх, вот бы Николка вырос и вернулся в страну Рударей. И тогда б... А вдруг такое как-нибудь возможно? Нет, правда, а что такого? В принципе-то, дорога ему известна: из водохранилища, через Навь, в Блаженный Ир, а оттуда строго на юг...

Рассуждая таким приятным и обнадеживающим образом, он незаметно для себя одолел подъём. И вслед за Айрисом оказался во дворе Сретения.

Самого Сретения не было. Вокруг метались его многочисленные дети и внуки, не обращая на них никакого внимания. А суетиться было отчего: крыша их дома с одного боку провалилась и тычилась в серое низко-облачное небо длинными жердями, уличный забор перекошило, повсюду валялись битая посуда и сломанная мебель, пронзительно квохча, бегали и летали мелкие цветные курицы.

- Землетрясение. Полчаса назад город сотрясло, и ты знаешь почему. – Айрис и Николка понимающе взглянули друг на друга. – Спрячь дар, заверни его в куртку. И беги к Маше и сестре. Они в доме боярина Шишака. Поспешите выбраться отсюда, ибо Колоруд обречён: скоро второй толчок, гораздо более сильный и разрушительный.

- А ты?

- Здесь наши судьбы расходятся. Вам в Блаженный Ир, а у меня другая задача: я должен привести умельцев к новой жизни. На место их будущего города Арикама – Камня Свободы. Где тоже спит вулкан. Не только с медью, но и оловом. Там я научу имянийцев лить бронзу.

- И там они опять будут жертвовать... убивать девушек?

- Нет. Больше такого никогда не случится.

- И Арьяна останется жива?

- Если ты успеешь.

Николка припал на колено, быстро обнял крохотного Айриса:

- Прощай Айрис Чахгиль, спасибо за всё.

- Прощай и ты меня, друг.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАЯ. Конец Колоруда.

На улицах царила жуткая суматоха. Множество домов-мастерских и три внешние башни завалились, высыпав наружу содержимое, где-то ещё дымились загашенные пожарища. Люди беспорядочно сновали, перетаскивая какие-то вещи, кричали друг на друга. За заборами гремела посуда, причитали женины, плакали дети. Но некоторые мужчины спешили в направлении площади.

Вбежав во внутреннее укрепление, Николка растерялся: он не запомнил, в какой из восьми башен они ночевали. Надо было бы спросить, и лучше б у какого-нибудь воина.

- Скажи, где живёт семья Шишака?

Молодой гридий так искренне шарахнулся от Николки, что тот живо представил себя со стороны: вздыбленные сосульками волосы, остатки красной краски на лице, растрёпанная грязная

одежда. Да ещё что-то прячет подмышкой. Натуральное привидение. Но гридий справился с собой и указал на дальнюю башню:

- Там, в северо-западной.

- Спасибо! – Николка уже принял стартовое положение, когда увидел, как ему навстречу знакомой цепочкой приближаются шестнадцать покрытых чёрными платками девушек в сопровождении четырёх дивоведов.

- Это они куда?

- Из-за землетрясения решено не дожидаться ночи, и принести успокоительные жертвы Змеевину прямо сейчас. – Молодой гридий с нескрываемой болью опустил взор. Кулаки его сжимались и разжимались, а по щекам катились две слезинки.

- Но это же совершенная бессмыслица. Сейчас произойдёт второй толчок и город рухнет.

- Я почему-то тоже так думаю.

- И что?

- Ничего. Мы ничего не можем поделать. Не всё в наших силах.

- Послушай, друг! Ты как знаешь, но мне это надо остановить. Я задержу их, на сколько получится, а ты беги, передай Шишаку, что посланник Ира миссию выполнил! Давай же, друг, жми!

Какое замечательное и крепкое слово «друг»! Почему мы так редко вспоминаем о нём, обращаясь к хорошим людям? Николка подтолкнул молодого воина в плечо, а сам, обгоняя вереницу девушек, рванул к четырём главным кострам.

В центре площади столпилось около трёх сотен менял-толквичей, гридьев и рударей. Все были в серых плащах. При появлении посланника Ира, ближние отступили, ужавшись вокруг четырёх стариков-высеславоу, в середине живого кольца слабыми голосами певших какие-то заклинания. Николка медленно обходил собравшихся. Но на его попытки заглянуть внутрь, забор из спин только уплотнялся. Имяницы тихо переговаривались меж собой, изо всех сил делая вид, что не замечают чужака. Подумаешь, да он и не напрашивался!

Когда на площади появились девушки и дивоведы, все разом притихли. Только старики за живым щитом серых союзников продолжали своё невнятное полупение-полубормотание. Именно к ним девушки и направлялись. Прилепившись к замыкающему высеславу, Николка вместе с процессией нагло проскользнул в раскрывшийся створ. Когда серые хватились, было поздно – чужеземец очутился прямо посреди певших и, перебивая старев, закричал:

- Во славу свободного Имярийского народа! Я, посланник Блаженного Ира, от имени и по поручению Верховного суда, Думных советников Верховного круга и богини Додолы, объявляю: больше вы не принесёте Змеевину никаких жертв! Хватит жестоких глупостей! Расходитесь по домам! И, вообще, как можно скорее собирайтесь в дальний путь: сейчас вторая волна землетрясения погубит ваш Колоруд! Вы все... все... должны...

Несколько опомнившихся менял и гридьев, спрятав руки за спину, начали животами оттеснять его в сторону от упорно продолжавших своё пение старцев. Они толкали Николку, а сами как бы продолжали межсобойный разговор.

- Вы, что, не понимаете? Да взгляните тогда! – Николка хотел показать им сердце Змеевина, но, получив особо сильный толчок чьим-то толстым животом, упал.

В это время девушки-жертвы перестроились полукругом и замерли, склонив покрытые платками головы. Поющие старики опустили на колени.

- Что вы делаете?! – Но перед Николкой вновь срослась плотная стена из спин.

А старики, склонившись к земле, одновременно взяли за не приметные рукояти и вместе их повернули.

- Остановитесь!

Никто Николку не слышал. Раздался жуткий скрип, и прямо из площади, вывинчиваясь, стал приподниматься круглый каменный щит-пробка, метров десять в поперечине.

- Не открывайте!

Толстенный щит вывинчивался выше и выше.

- Разбегайтесь! – Николка с разгону пробил своих оттеснителей и бросился к девушкам. Почему-то он был уверен, что ближней к нему стояла Арьяна! Действительно, чёрный платок чуть приспал, и Николку омыл взгляд незабываемых глаз. Он схватил девушку за руку и потянул в

сторону от открываемого колодца. Арьяна, лишённая воли страхом близкой смерти, последовала безропотно. Так что они успели удалиться на достаточное расстояние. Достаточное, чтобы не оказаться охваченными пламенем.

Ибо раздался хлопок, и медленно приподнимавшаяся крышка вдруг взвизгнула и, сорвавшись с резьбы, свистящей миной взлетела к облакам. А над обнажившимся отверстием огромным грибом вздулся ослепительный огненный вихрь. Четыре старца мгновенно вспыхнули, и живыми факелами бросились вслед разбежавшимся участниками несостоявшегося жертвоприношения.

За огненным всполохом, из дыры в низкое небо один за другим с рёвом понеслись огромные, раскалённые до красного свечения камни. Падая, они зажигали дома и стены. Буквально через несколько минут серую мякоть облаков над городом сплошь зачертило полосами чёрных пожарищных дымов.

Проталкиваясь через бестолково снующих в панике людей, Николка и Арьяна направлялись к северо-западной башне. Внезапно перед ними возник тот самый молодой воин, которого Николка попросил о помощи. Увидев Арьяну, юноша остолбенел в прямом смысле слова. И лишь когда Николка попытался обвести девушку вокруг него, обрёл дар речи:

- Друг, болярин Шишак поджидает тебя. Для вашего отбытия всё готово. – Медленно выговаривая слова, юноша скрестил на груди ладони. – Но я должен сказать ещё: ты спас её, и отныне я твой должник навеки.

Николка переводил глаза с Арьяны на гридья, с гридья на Арьяну, и грустнел: молодые люди нежно и совершенно счастливо улыбались друг другу, будучи, видимо, давно и хорошо знакомы.

- Поспеши, посланник, твоя сестра и другая девочка собраны. И кони запряжены.

- А как же она? – Вообще-то всё уже сообразивший, Николка просто не хотел отпускать руку девушки. – Как Арьяна?

- Я провожу её к отцу и брату.

Николка шагал совершенно подавленным: Арьяна, ради которой он, можно сказать, разрушил Колоруд, вырвав сердце у Змеевина, едва кивнула ему на прощание. И тут же протянула освободившуюся ладонь этому ... плаксе, который даже заступиться за неё не посмел: «ничего не можем... не в наших силах». Тьфу! Ну, и как после такого хорошо относиться к прекрасному полу? Николка решил, что, когда вырастет, не женится ни за что!

И, правда, около башни его с нетерпением ждали. Три колесницы, запряжённые парами светло-рыжих красавцев-коней под управлением сыновей Шишака, подрагивали в предощущении предстоящей скачки. Сам хозяин что-то отвечал на вопросы Ани и Маши, напряжённо выглядывая Николку. И увидев, радостно зарычал навстречу:

- Посланник Блаженного Ира, рад приветствовать тебя! Утром умелец Сретень, сын Глаголев, всё рассказал мне о вас, и я горд, что давал приют таким героям!

Николка аж подсел под тяжёлыми ладонями, вроде бы нежно пригладившими его плечи. А Шишак продолжил ласковое рычание:

- Времени совсем мало, но эти колесницы мигом доставят вас до верховьев реки. Правда, никто никогда не знает, когда там появится туман Блаженного Ира: он бывает и через день, и через столетие. Желаю успеха! Хотя от нашего желания в этом мире мало что зависит. Не всё в наших силах.

Шишак вздохнул с таким искренним расстройством, что волосы на голове Николки шевельнулись. Мальчику стало жаль великана, и Николка прижался щекой к его руке, запачкав красной краской:

- Болярин Шишак, но кое-что сделать вполне в твоих силах. Найдётся у тебя несколько верных друзей? Когда построите новый город, то соберитесь и разгоните серых болтунов. Пусть страной правят только мудрые главы семей, а не вся бестолковая самоуправная толпа. Семь умных всегда всё видят яснее и дальше, чем семьсот семьдесят глупых. И решают в сто раз быстрее. Ну, не голосуете же вы по всякому поводу в кузнице или на поле боя! А, главное, не позволяй больше никогда губить девушек – Змеевин никакой не властитель имярийских недр. Это-то в твоих силах? Я знаю: в твоих, болярин Шишак!

Колесницы летели по пустынной Северной дороге, извивавшейся меж невысоких холмов, щедро расцвеченных мелкими жёлтыми маками. Прогретая солнцем бескрайняя степь безмятежно звенела трелями кузнечиков и перекличкой жаворонков. Лишь шустрые ящерики сбегали в траву с обочин, да издали на мчавшихся посвистывали чуткие суслики.

Ровный топот копыт вторил частому биению сердец – от скорости лица ребят раскраснелись, глаза блестели, губы то и дело расползались в улыбках. Где-то позади, за разглаженными солнцем и стужей, дождями и ветрами сопками оставались дымы догорающего Колоруда и растянувшаяся в направлении Запада живая лента бредущих к своей новой жизни имянийцев. К будущему городу Арикаму. А что ожидало впереди ребят? Ну, в одном можно было быть совершенно уверенным: им предстояло что-нибудь весьма нескучное.

На вершине самого высокого холма, чуть подзадохнувшись в затяжном подъёме кони немного замедлили ход. Сидевшая в последней колеснице Аня, козырьком приложив ладошку ко лбу, пригляделась: наперерез им по примыкающей дороге пылила какая-то повозка.

- Подождите! Пойдите! – Аня захлопала по панцирю на спине возницы. – Ребята, смотрите! Это же карета принца!

- Не останавливаемся! – Маша тоже шлёпнула своего воина.

- Да, впелёд! Впелёд! – Поддержал жевавший сыр Николка. Оголодавший за сутки своих приключений, он всё никак не мог насытиться. – Помчались посколее!

И колесницы всё с нарастающей скоростью понеслись по пологому спуску. Аня обиженно отвернулась, незаметно от всех вытирая набегающие от ветра слезинки.

Сидевший на крыше кареты кучер длинным хлыстом безжалостно погонял три пары гремящих упряжью лошадей. Но, всё равно, перехватить ребят не получилось. Когда карета достигла перекрёстка, на обочине главного пути оседали последние клубы пыли от уже умчавшихся колесниц. Спешить больше было некуда. Откинулась занавеска, и в окне появилось бледное лицо Карла-Йозефа-Густава Мервинга:

- Проклятье! Проклятье дерзким, негодным девчонкам! Что они о себе думают? А что обо мне? Нет, мы ещё встретимся, и я согну обманщиц в бараний рог! Они у меня ещё попляшут! Гадкие, противные дети! Как я теперь узнаю, что же такого они повезли отсюда в Ир? Что есть это самое подношение Царю царей?

Качаясь на мягких рессорах, золочёная карета Чёрного принца развернулась, и мягко покатила в обратном направлении. И только посвистывающие суслики издали наблюдали, как по дороге шесть мышей тащили старую пустотелую тыкву. А ещё одна мышь, размахивая соломинкой, изображала кучера.

Блаженный Ир обнимал лаской и покоем. С неразличимых в небесном золотом сиянии ветвей Мирового Древа доносился густой гул, словно бы там собирали нектар бесчисленные жуки и пчёлы. Вверх-вниз по продольным трещинам коры мелькали тени-призраки людей, животных и птиц. А меж горообразных корневищ уютно пряталась лёгкая белая беседка, сплошь увитая разнovidными ползучими цветами. В ней ребята поджидали Додолу, которая обещала принести им вести о Ване.

- Когда началось землетрясение, я сразу подумала, что это наш Николка где-то что-то натворил. – Аня, покачивая ногами, сидела на перилах. – Честное слово! Спроси у Маши: как кровать подо мной запрыгала, так я сразу тебя помянула.

Маша, расположившаяся подле на резной скамейке, согласно кивнула головой.

- Да, точно о тебе вспомнили. Хотя до сих пор не понимаю, каким образом связан этот камень с концом Колоруда. Ты сам-то что думаешь?

Но пока все попытки разговорить подозрительно молчавшего Николку девочкам не удавались. Он что-то старательно рисовал угольком на кусочке белой кожи, закрываясь спиной от любопытных.

- Тебе бы где-нибудь бумаги достать. – Упорствовала в заботливости Маша. – Жаль, но у меня только листки из волоховской книги. Самый последний, кстати, под подушкой нашла. Представь: вечером не было, а утром вдруг появился. Как считаешь, кто их нам в этих мирах подбрасывает?

Николка раздосадовано скомкал свой рисунок, сунул в карман. Повернувшись к девочкам, сердито позырнул глазами:

- Не знаю! Вам, может, и под подушку подкладывают. А мне за своим так очень даже пришлось побегать. И полазить. – Он выцарапал из-за подкладки серый листок, не разворачивая, протянул Маше. – Больше под землю ни за какие пряники не сунусь. Даже за вареньем дома в подполье родители не загонят.

Маша, жадно подхватив лист, быстро поднесла к носу, зачем-то понюхала:

- Дымом пахнет. Но, действительно, кто-то же их на нашем пути раскидывает?

- А я ни разу ни одного не нашла. – Вздохнула Аня. И всплеснула руками – Ой! Идёт!

Идёт!

По едва приметной среди пышных трав тропке к ним поднималась Додола. Всё так же вся в цветах и ароматах. От её божественной улыбки даже Николка отмяк.

- Заждались? Вам поклон от Думного советника Индрика.

- А от Вани?

- И от Ивана, конечно же! – Додола взошла в беседку, склонившись, приобняла собравшихся у ступеней ребят, расцеловала макушки. – Не волнуйтесь, с ним всё хорошо.

Она села на скамью, откинулась затылком на высокую спинку. Маша и Аня тут же пристроились по обе руки, а Николка ужался в ногах.

- Иван с Индриком начали вторую шахматную партию. При этом они так серьёзно раздумывают над каждым ходом, что все болельщики, зевая, давно разбежались. Впрочем, слово «давно» не для Блаженного Ира. Это где-то идут и летят дни, месяцы и года, а здесь.... Думаю, ваш Иван и не догадывается, сколько вы пережили, пока он передвигает фигурки по клеточкам.

- Додола, а что мы пережили? – Аня погладила пальцем светло-жёлтую розу на плече богини. – Вон Николка такого натворил, что город рухнул.

- Я же не нарочно. Я вообще не знал, куда иду и чего ищу.

- Правда, расскажи, что это за каменное сердце? И почему вокруг него столько ужасов?

- Додола, миленькая, расскажи!

Что рассказала Додола.

Явь – три мира, где племена людей и волшебных народов соседствуют открыто. В том, где вы побывали, шестнадцать поделивших острова и степи, леса и горы, человеческих родов – хеттски, палайцы, лувийцы, харошаиты, деванагги, нагары, увестийцы, мидейцы, пехлевийцы, тохарийцы, хурриты, куши, гупты, фосалийцы, урты и имянийцы, строя города, растя хлеб, охотясь, кочуя со стадами и мореходствуя, так или иначе состоят в отношениях с мамонами, блазнями, дивами и иными нелюдями этих мест. Кроме уже знакомых гмуритан и делинов, в мирах Яви живут таёжные великаны волоты и полевые летуны птолемы, на болотах встречаются одноглазые орисы, в степи – псоголовые парсы, на островных пляжах греются рыбохвостые пелгасы, а в горах босиком по снегу бродят женоуправляемые лохмачи-бияны. И так же, как и людям, волшебным народам всегда находится, что делить между собой, о чём соглашаться или про что спорить. Случается даже воевать и судиться.

Делины имя своё ведут с тех времён, когда служили Делин-Сноу – богу Ледяных островов, у которого они охраняли и чистили горячие источники-гейзеры. Но вот однажды, когда отошёл век камней, и наступил век металла, светлбог Семихолмья Ара-Мазда создал себе в услужение кузнецов-гмуритан. А его противник пещерный темнобог Ару-Майн, которому не дано было ничего созидать, из зависти решился на преступление. Обещаниями божественных секретов рударства и ковачества он начал заманивать к себе уже готовые волшебные племена. Но, обойдя весь мир, только на самой окраине сумел соблазнить служителей Делин-Сноу. Манимые модным научением превращать камни в металл, делины тайно ушли за Ару-Майном к реке Ра. Там они поселились в подбрежных норах, ловя в мутной воде рыб и раков, и не выходя на свет, чтобы прежний хозяин не смог их найти. А брошенные без забот гейзеры засорились и иссякли, так что не преграждаемые их теплом льды разрослись, и поползи с островов на большую землю, губя всё живое.

Долго разгневанный Делин-Сноу скитался по всей Яви в поисках предателей. И, наконец, обратился за правдой к другим богам. По его мольбе состоялся суд богов Яви. Суд признал вину как за Ару-Майном, так и за дилинами. Темнобога низвергли в Навь. А делинов приговорили к казни. Сварог запретил родникам – Ра обмелела, обнажив норы и выказав таившихся. Делины пытались бежать, но были окружены и изрублены на половинки посланниками Коцея. В том, воспетом Бояном, побоище участвовал и Яр.

Делины – нелюди, и их тела срослись бы в следующее полнолуние. Однако в ту самую ночь, когда это могло случиться, наступило лунное затмение. В этом состояла хитрость, совершённая богами по совету-предсказанию девы-пророчицы. Имя и племя её боги сохранили в неизвестности, только кто-то где-то сболтнул о необычайной красоте. С той-то поры делины, оставшиеся жить уродливыми половинками, и ищут погибели самым красивым девам всех шестнадцати людских родов.

Когда Огненный князь посланников изгнал Зло из Ира, то Первое подземье было покорено Срединному миру, а Второе – Яви. И тогда Змеевин, владыка Второго подземья, был лишён сердца. Через это силы покинули его, а жизнь приостановилась. Его вырванное сердце было передано людям Медных царств, чтобы те хранили свой мир от посягательств глубинного Зла. Все народы в очередь несли тайное бремя власти над Вторым подземьем, передавая сердце друг другу каждые шестнадцать лет. Но, рано или поздно, нижнее зло находит себе слуг на поверхности. Как когда-то их самих, так теперь половинчатые делины соблазнили Имянийский народ секретами рударства и ковачества. Делины указали место Колоруду. И это делины являлись той силой, что защищала город от внешних врагов, насылая на неугодных красную чуму, чёрную оспу и жёлтые лихорадки. Ведь, на самом деле, они охраняли не Колоруд, а то, что было под городом.

Преуспев в чародейном умельстве, имянийцы на самое лучшее оружие, самую чудную утварь и тончайшие украшения выменяли у иных племён их очередь хранения сердца Змеевина. И, став единственными обладателями власти, спрятали сердце под площадь в жерле главного колодца – на дне которого лежал, разинув пасть, неживой владыка Второго подземья. Подучавшие имянийцев делины сами выковали чашу терпения и укрепили на цепях так, что, в свой срок переполнившись невинными жертвами, чаша оборвалась бы, и сердце упало прямо в пасть Змеевина, вернув силу и жизнь хозяину.

Пятьсот двадцать семь лет, одиннадцать месяцев и двадцать восемь дней послушный делинам Союз серых, сам того не ведая, поддерживал во тьме колодца тайну возрождения зла. Оставался всего один день и одна ночь до того, когда чаша терпения переполнилась, и тогда бы ... Но тут вовремя подоспел Николка, своим весом вызвавший преждевременное обрушение.

- Кажется, вам пора. Да и всё уже ясно.

Додола, а за ней и ребята встали навстречу подходившему к беседке чёрному посланнику. Юноша поклонился и, скрестив руки на груди, замер в ожидании.

- Он проводит вас до Западных врат. Догадываетесь, что там?

- Серебряное царство.

- И что вы в нём должны сделать?

- Восстановить миропорядок, найти и принести подношение к трону Царя царей.

- Ну, заодно, что-нибудь разрушить или поджечь. Так, совершенно случайно. – От Машиной шутки Николка лишь передёрнул плечами:

- Я, между прочим, шестнадцать девушек спас.

- Да молодец ты, молодец! Кто бы спорил. – Додола поцеловала его в лоб. – Но, всё равно, будь поосторожней.

- Четырёх-то старичков при этом подпалил. – Не унималась Маша.

И что на это было ответить? Николка из-под руки богини показал ей язык.

У арки Западных врат посланник отступил на обочину и ещё раз поклонился. Ребята, ответно покивав, на пороге немного помешкали. Ох, и мало же они отдохнули! Едва-едва в себя приходиться начали, а уже опять пора за новыми приключениями.

- Ладно, чем раньше выйдем, тем раньше вернёмся. – Аня приобняла брата за плечо. – Помнишь папину любимую песенку? Подпевай!

Аня начала:

- *А ну-ка песню нам пропой, весёлый ветер...*

И Николка подхватил:

Весёлый ветер, весёлый ветер.

А дальше пели они все трое:

Моря и горы ты облазил все на свете

И все на свете песенки слышал.

Спой нам ветер про синие горы,

Про бескрайние шири морей.

Про птичьи разговоры,

Про вольные просторы,

Про смелых и больших людей.

Под такие слова они бодро сбежали по склону Мировой Горы. Но у подножия притормозили: перед ними почти к самой земле лепились серо-сизые облака, из которых сеялся меленький, но густой дождик. Даже и не дождик, а даже не поймёшь что – морось. Осторожно нащупывая ногами скользкий путь, они вошли в липкую беспросветную муть.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАЯ. Ягийское Царство.

Уже опытные путешественники по тридевятым царствам, ребята гуськом шагали по берегу Западной реки, шурша крупной галькой. Промокли они, конечно, мгновенно, однако благодаря скорости хода не мёрзли. Аня, от Ирских ворот взявшая на себя роль лидера, задала такой темп, что Маша и Николка едва за ней поспевали. Николка вообще иногда переходил на трусцу. Дождик понемногу редел, и облегчённые облака северным ветерком относились на сторону. Но впереди при этом никак не светлело. Почему, вскоре стало понятно: ребята вошли в лес.

От прохлады вокруг всё было как-то пронзительно ясно, чётко. Высоченные, почти чёрные ели острыми макушками царапали брюшки быстро бегущих облаков, и струи парной влаги скатывалась по их длинным свисающим ветвям. Приглаженные хвоинки переливались мириадами крохотных искр, а под ногами пышные ковры изумрудных и серебристых мхов то там, то тут пробивали яркие шляпки мухоморов. Река, разбежавшись в несколько мелких рукавов, временами совершенно пряталась под роскошными веерами зубчатых папоротников.

Всё было бы чудесно, но под ногами захлюпали грязевые лужицы. Пришлось отступить подальше от берега и идти в примерном направлении.

- В лесу стороны света определить легко. – Поучал городскую Машу Николка. – С северной стороны стволы деревьев покрывают лишайники. Видишь? Значит, там – юг, а там – наш запад. Не бойся, не заблудимся.

- А я и не боюсь.

- А ещё с южной стороны ветви толще. – Добавила Аня.

- Заметила.

Морось сменилась лёгким туманом. Но так как под могучими деревьями подлесок не растёт, то они продолжали шагать, ни за что не цепляясь. Главное было – не касаться ветвей, чтобы не попадать под холодный душ зависших на хвое дождинок. И не запинаться о невидимые подо мхами корневища.

- Эй, принимайтесь. Явно костром пахнет. – Николка посопел высоко поднятым носом. – И ещё чем-то очень вкусным.

- Правда. – Согласилась Маша. – Кто-то суп варит.

- Уху. Из окуней. – Уточнил с видом знатока Николка. – Луку и перца достаточно, а вот лавровый лист не положили.

- Ты же и так у нас пухлик. – Аня приостановилась, поджидая Машу и брата. – А всё только о еде думаешь.

- Я не толстый, я – крепкий. – Обиделся Николка. – Сильный для своего возраста.

- Ну-ну. А чего ж тебя все слопать стараются? И жабы, и ведогони.

Запах дыма привёл их назад к берегу. Над небольшим костерком вкусно парил закопченный котёл, но вокруг никого не было. Ребята подошли, удивлённо огляделись.

- Смотри: трава распрямляется. Только что здесь кто-то сидел.

Маша с растущей тревогой смотрела, как Аня с братом обследуют окрестность. Судя по следам, минуту назад три человека вскочили и побежали в ельник. Бежали в панике, бросив даже деревянные миски и ложки. Причём это были взрослые мужчины.

- Чего ни испугались? Или кого? – Николка даже в котелок заглянул.

- Похоже, что нас. Больше некого. – Аня дошла до реки и вернулась.

- А чего нас пугаться? Мы же дети.

- Может, какой зверь рядом? Медведь? – Маша, конечно, смутно представляла себе медведя в лесу, но у деревенских ребят поднять её на смех даже мысли не возникло.

- Нет, точно нас. И наблюдают сейчас со стороны.

- Пойдёмте отсюда. Что-то мне неуютно – там нас не замечали, здесь боятся.

Ребята, озираясь, всё ускоряющимся шагом продолжили путь, опять удаляясь от берега. Никто, вроде, их не преследовал, но благодушное настроение пропало. Да и лес вокруг менялся – деревья становились мельче, но гуще. В черноте ёлок теперь то там, то здесь светло желтели и краснели ветви берёзок и осинок. Вдруг лес расступился, обнажив поляну, густо заваленную буреломом и заросшую кустарником с побуревшими скрутившимися листьями. В кустарнике звонко перекликались синицы.

- Надо же, здесь уже совсем осень.

- Да, ягоды подвяли и осыпаются. – Аня провела ладонью по отростку малины.

- Зато, какие же они вкусные! – Маша попробовала и причмокнула от восторга. – Сладкие-пресладкие.

- Дикая малина всегда вкусней домашней. – Аня осторожно перешагивала стволы давно завалившихся и успевших выгнить в сердцевине деревьев. Острые ветви частыми копьями торчали во все стороны и легко, с громким треском отламывались при касании.

- Давайте потише. – Николка взобрался на вывороченное корневище и огляделся. – Кто-кто, а медведь в малиннике должен быть точно.

Маша от таких слов потеряла аппетит. И пошла за Аней след в след, хотя всё равно то и дело наступала на что-то хрусткое.

За поляной лес окончательно стал смешанным: ели и сосны соседствовали с берёзками, тополями, дубками, ольхой и липами. Под ногами кроме мухоморов повсюду пестрели разноцветными шляпками сыроежки, рыжели лисички и серели мохнатые грузди. Облака, наконец, развеялись, и от травы в голубое небо заподнимался, исполосованный косыми лучами утреннего солнца, обильный пар. Шевелимые налётным ветерком кроны раскачивали щекотливых солнечных зайчиков, и от всей этой окружавшей ребят прозрачно-дымчатой красоты невольно наступало праздничное настроение. Тревога таяла, и как бы Николка не фыркнул, девочки начали намурлыкивать песенку про то, что «с голубого ручейка, начинается река».

- Тсс! Опять дымом пахнет! – Поднял указательный палец Николка. – Давайте остороженько подберёмся.

Тихо-тихо, на полусогнутых ногах и пригнувшись, они гуськом покрались на усиливающийся запах невидимого пока костра. Впереди послышались чьи-то негромкие разговоры и стоны. Согласно отмашке ведущего их Николки, девочки присели и, раздвинув ветви ивы, увидели жутковатую картину. Возле высокого пламени из земли торчал обломанный молнией еловый ствол, у которого стоял привязанный юноша, а рядом на траве сидело с десяток разбойнообразных, завернутых в медвежьи и лосиные шкуры, густо татуированных мужчин. Лицо и плечи полуобнажённого юноши покрывали кровоточащие ссадины и порезы. Он что-то отрывисто говорил, но лохматые и бородатые его охранники больше интересовались содержимым только что снятого с огня здорового котла. Толкаясь, мускулистыми загорелыми руками они выхватывали кости и кусочки мяса прямо из ещё побулькивающего кипятка. Чавкая, мужчины

сыто порывивали друг на друга, а жир стекал по бородам, скапывал с локтей. Особую тревожность зрелищу придавали составленные пирамидкой копы с длинными ярко блестящими наконечниками и сваленные горкой кожаные щиты. С такими же ребята когда-то пробирались через Навь.

Когда юноша возвысил голос, один из охранников встал и наотмашь ударил привязанного по лицу. Из губы несчастного обильно потекла кровь.

- Эй, эй! Что вы делаете! – Неожиданно даже для себя, Аня с громким хрустом вышагнула из куста. – Немедленно прекратите!

Николка и Маша одновременно схватились за головы, но, к их изумлению, здоровенные и страшные на вид мужчины, забыв про оружие, упали на колени перед внезапно появившейся перед ними девочкой.

- Государыня эйква! Хозяйка! Смилуйся! – Побросав недоеденное, они всё так же на коленях поползли к Ане, молитвенно протягивая ладони. – Смилуйся! Мы толечко на минуточку остановились для отдыха. Только чтобы немножечко перекусить.

Аня, под влиянием вспышки гнева чуть было не набросившаяся на бывшего охранника, постепенно приходила в себя. И начинала осознавать опрометчивость своего поступка. Но отступить было поздно, и Аня, закусив губу, как можно грозней подбоченилась. Поняв, что подругу необходимо спешно поддержать, из кустов вышла Маша и, встав рядом, тоже упёрлась в бок руками. Хотя на душе скребли даже не кошки, а саблезубые тигры, девочки, не сговариваясь, притопнули на подползавших. Молившие о прощении мужчины отпрянули и в ужасе уткнулись лицами в землю. Наступила тишина, нарушаемая лишь треском костра.

Почему-то Николка показываться не спешил. И это оказалось весьма разумно.

- Государыни эйквы! Смилуйтесь! Мы поймали лазутчика эльбудинов уже у самых восточеньких границ. – Самый здоровый рыжеволосый мужчина, не поднимая лица, говорил писклявым голосом. – Поймали и повели во дворец. Три дня и три ноченьки мы не отдыхали, не спали, поэтому и позволили себе небольшенький привальчик. Клянусь, через два часика он предстанет перед очами Великой Ягийской владычицы. Мы виноваты в задержечке, но не отнимайте его у нас, мы достойны своей наградушки.

- Не отнимать? – Аня оглянулась на Машу. – Может быть. Но тогда не смейте его бить.

- Да, он нужен Великой... владычице целым и невредимым. – Ответно кивнула Маша.

- Мы совсем немножечко поднаказали его за то, что он пытался чуть-чуть убежать от нас. – Рыжий приподнялся и подобострастно заулыбался щербатым ртом – три передних зуба у него были выбиты. А смуглое, заросшее бородой до глаз лицо, как и всё тело, покрывали шрамы и татуировки. – Но мы больше не будем. Мы раскаиваемся в содеянном.

- Отвяжите и накормите его.

А вот этот приказ, похоже, оказался лишним. Простёртые ниц все разом сели и, недоуменно переглядываясь и всплескивая руками, заверещали:

- Что? Что она сказала? Это невозможно. Это противно слышать. Она нас хочет обмануть и отнять нашу добычу.

Верещание становилось громче, жестикуляция возбуждёнее:

- Чтобы мы, менквины, кормили эльбудина? Это невозможно. Она подстрекает нас к невиданному. Это противно слышать. Неужели она не знает, что мы, менквины, не кормим эльбудинов? Или она думает так нас запутать? Чтобы отнять нашу достойную награду. Или она запуталась сама?

Вдруг рыжий прыжком вскочил на ноги:

- А, может, она и... не государыня? Она не эйква?!

Его возглас буквально поразил сотоварищей. Разинув рты они уставились на рыжеволосого, потом одновременно перевели взгляды на Аню.

- А чего? – Приподнялся второй менквин. – Она и одета не как государыня.

- И вторая. Вторая тоже не как эйква. Совсем не как эйква. Обе не как государыни. – Повставали остальные. Только теперь девочки рассмотрели, что перед ними, в общем, не совсем и люди: длинные руки с огромными кулачищами свисали почти до земли, а головы на затылках высоко вытягивались острыми пирамидками, словно на них были надеты лохматые колпаки. Узко сдвинутые к самым ноздрям круглые глаза были настолько светлыми, что казались сплошными белками.

Не спуская своих совиных глаз с Маши и Ани, менквины мелкими-мелкими шажочками начали расходиться, охватывая девочек полукругом.

- А ну назад! – Из кустарника, цепляясь за ветви подобранной где-то дубинкой, выломился Николка. – Назад, я сказал! Ну!

Менквины от неожиданности на секунду замерли. Но, разглядев, кто перед ними, дружно захохотали, громко прихлопывая себя по животам и коленям.

И в этот миг из леса с лёгким посвистом вылетели стрелы. Четверо менквинов, поражённые точно во лбы, упали замертво. Ещё четверо были ранены, но, не смотря на торчащие из шей и спин оперённые щепы, ловко вскарабкались на деревья. И, лихо прыгая с ветки на ветку, умчались в сторону реки. Оставшись один, рыжий отступал спиной к копьям, ладонями отбивая летящие в него стрелы на стороны. Добравшись до оружия, он, прыгая и приседая, с невероятной скоростью стал метать копьё в невидимых лесных стрелков. Когда в его руке оказалось последнее, менквин повернулся в сторону привязанного юноши и замахнулся. Но тут его поразило сразу три стрелы. Менквин закачался, однако устоял, и снова попытался бросить копьё в привязанного, но, на четвёртый раз поражённый прямо в ухо, тяжело рухнул.

Ребята, сжавшись в единый комок, смотрели как из-за деревьев выходят, держа перед собой натянутые небольшие луки, длинноволосые юноши с едва пробивающимися усами и бородками. Одеты в чёрные, ниже колен, рубашки и, заправленные в чёрные же, мягкие сапожки, брюки, юноши бесшумными тенями приблизились к костру. Бегло оглядев убитых менквинов, трое, продолжая угрожать взведёнными стрелами, подошли вплотную к Николке и девочкам, а четвёртый, вынув из ножен круто изогнутый кинжал, рассёк верёвки привязанного.

- Братья, опустите оружие. – Освобождённый едва стоял на ногах от усталости и перенесённых побоев. – Это не эйквы. Не знаю, кто эти юные девы, но они тоже пытались помочь мне. Помните, что Учитель Вола Хаов сказал: «Враги врагов становятся друзьями».

Юноши опустили луки, а стрелы заткнули в заспинные колчаны. Николка ответно отбросил свою дубинку:

- Мы вообще не местные. Даже не понимаем, что тут у вас происходит. Кто кого и за что убивает?

- А ты разве не эльбудин? – Один из лучников осторожно пощупал болонью Николкиной куртки. А Николка ответно погладил покрытые мелкой чеканкой серебряные ножны спрашивающего.

- Я – Николка. Из Берендеевки. А ещё мы посланники Блаженного Ира. Если вам это о чём-то говорит.

Юноши переглянулись:

- Посланники Блаженного Ира! Так это о вас предсказывали мудрецы.

И все пятеро поклонились ребятам глубоко в пояс.

Идти с провожатыми всегда и легче, и быстрее. Но, поспешая за эльбудинами, Аня никак не могла отплеваться: когда ей рассказали, что лесные люди варили в котле своего соплеменника, сломавшего ногу и тем задерживавшего остальных, её вырвало. И именно поэтому, когда она приказала менквинам накормить пленника, те догадались, что перед ними не эйквы, ибо они считали только себя вправе поедать себе подобных.

- А кого мы спугнули у костра с ухой?

- Это, наверное, беглецы.

- Что за «беглецы»? Откуда? От кого?

- Они когда-то тоже были как мы эльбудинами. А теперь – беглецы. Беглецы от мира и от себя. Эти бедняги боятся всего и всех. Лето слоняются по зарослям вдоль рек, питаются рыбой и раками, а на зиму сдаются в заточение на самые грязные работы.

- Бомжи, что ли?

Но что такое «бомжи», не понимали юноши:

- Беглецы. А раньше они были крестьянами и ремесленниками.

Менее чем через час вышли к дороге. Красноватая глина хорошо накатанной колеи рассекала лес на остающийся за спиной смешанный хвойно-лиственный и чисто сосновый бор по ту сторону. Словно высаженные рукой человека, высоченные сосны отстояли друг от друга на

абсолютно равном расстоянии. Стройные голые стволы венчали небольшие кроны, и солнце свободно цедилось сквозь прозрачные переплетения узловатых ветвей на рыжую подстилку из старых иголок. Так и виделось: позади – лес тревожный, впереди – ласковый.

- Здесь нам предстоит расстаться. – Освобождённого юношу звали Ашинби Акчура, имена остальных не назывались. – Мы благодарим Судьбу за то, что она свела нас с посланниками Блаженного Ира. Теперь понятно, для чего я попал в плен, и почему менквины устроили привал в двух часах от конечной цели.

«Да, и с какой целью тот неудачник сломал ногу», – мысленно добавила Аня. И её опять затошнило.

- Но вы оставляете нас в тревоге, ибо не хотите принять наш совет: посланнику Николке не стоит показываться эйквам. Для хозяек этих земель все мужчины – эльбудины.

- Но он ещё не мужчина, он – мальчик.

- Для эйкв и все мальчики – тоже эльбудины.

- Я же не просто мальчик. Я – посланник Блаженного Ира, выступаю от имени и по поручению Верховного суда, Думных советников Верховного круга и богини Додолы.

- Пусть так и прозвучит перед Великой Ягийской владычицей. И пусть она услышит эти слова. Но, главное, помните: мы, эльбудины, воины Агдаля, отныне всегда готовы прибыть к вам на помощь.

Поклонившись, юноши чёрными тенями растворились в ближнем ивняке.

- Ну? Идём? – Маша заглянула в бледное лицо Ани. – Тебе лучше?

- Лучше. Только давайте поговорим о чём-нибудь приятном.

- Может, о «Евровиденьи»? Ты смотрела?

- Да, конечно. Я ведь совершенно была уверена в нашей победе...

Вдоль дороги дул попутный ветер. Иногда налетающие порывы скручивались, и маленькие вихри-смерчи, вращая опавшие листья и пыль, бежали по обочинам рядом с ребятами.

- Послушайте! – Николка поднял палец. – А они звучат. Нотами.

Девочки прислушались. И действительно, вращающиеся рядом три разновеликих вихря нежно гудели и свистели. Как будто кто-то разыгрывался на флейте.

- У нас дома такая музыкальная юла есть. Старая, ещё мамина. – Впервые за весь день робко улыбнулась Аня.

Подорожные смерчки, появляясь и рассыпаясь, сопровождая и перегоняя, вызвучивали неуловимо знакомую мелодию. Маша, дирижуя правой рукой, пыталась её вспомнить: «та-та-тида, та-та-тида, та-таа»... И вспомнила:

- Ну, конечно! Это же вальс Овчинникова из кинофильма «Война и мир». Под него Наташа Ростова с князем Андреем танцевали. Только здесь немного затянута звучит.

- А мы этого фильма не видели. – Вздохнула Аня.

- У меня диск есть, я вам дам, обязательно дам. Надо же! Я где-то когда-то читала, что мелодии, картины и идеи живут в воздухе, а композиторы и художники – просто очень чуткие люди, которые их могут ощутить. И записать буквами, нотами и красками. А вот теперь убедилась!

«Та-та-тида, та-та-тида, та-таа»... Маша закружилась, воображая себя юной графиней на императорском балу в честь победы русского оружия над Бонапартом.

А вихри налетали всё чаще, становились всё выше и сильнее, звучали громче. За Машей и Аней с Николкой стали двигаться в такт вальса. И тут Аня увидела в одном вихре кружимый лист серо-жёлтой бумаги. Она схватила станицу – вихрь опал, рассыпавшись пылью. А за ним распались, исчезли и другие. Маша и Николка удивлённо заозирались.

- Это я листок из книги Волохова нашла. – Призналась Аня. – В первый раз. Я просто взяла из вихря, а он – пых...

Некоторое время они шли, намурлыкивая мелодию каждый сам себе. Ну, кто как её запомнил.

Справа показалась деревня. В стороне от дороги на небольшой возвышенности посреди совершенно уже пожелтевших зарослей мелкого березняка тёмнело десятка три деревянных домиков.

- Смотрите! Совсем как наша Берендеевка!

Николка, а за ним девочки свернули на примыкавший просёлок. Усыпанная хвоей и шишками дорожка спускалась к оврагу, по дну которого журчал невидимый за ивняком и волчьей ягодой ручеёк. Ребята легко сбежали вниз, однако мостик через ручей оказался разрушенным. Точнее – развалившимся от старости. Брёвна, переброшенные с берега на берег, прогнулись так, что серединой оказались под водой и тиной. Дощатые половицы-перекладыны истлели, большинство из них пропало, а на оставшиеся лучше б было не наступать – труха. И от перил сохранился только пяток точащих балясин.

- Они, чего, мостом совсем не пользуются?

- Может, из деревни другой путь есть?

Побродили по бережку. Николка даже попробовал немного пройти по одному из брёвен. Но оно стало так многозначаче потрескивать, что он быстренько отступил. А Аня немного вернулась по тропке назад, и с возвышения внимательно всмотрелась в деревню.

- Ребята, а дома-то все брошены. Причём давно.

Николка и Маша поспешили к ней.

- Смотрите: все окна – просто провалы. И дверей нет.

- Да, и крапива в огородах двухметровая.

Действительно, и как они этого сразу не заметили? Крыши местами провалились, поросли сорняками. Сохранившиеся зубчатки заборов заплетены порыжелым плющом, от былых сараев и дровяников бугрились только чёрные груды мусора.

В подавленном настроении вернулись на главную дорогу. Маша понимала, что понуро молчащие брат с сестрой вспоминают свою Берендеевку, и сочувственно вздыхала. Ей и самой необоримо захотелось к бабушке. Как она там? Что-то думает? Высоко в небе медленно кружил орёл. Маша представила, что ему видится оттуда: бескрайние зелёно-жёлто-рыжие ковры осенних лесов прорезает тоненькая красноглиняная дорожка, по которой шагают три крохотных человечка. Вокруг зарастают крапивой брошенные деревни, вдоль Западной реки бродят безобидные беглецы и прыгают по ветвям каннибалы-менквины, которых безжалостно убивают ангелоподобные эльбудины. А дорога ведёт пред очи какой-то Великой Ягийской владычицы, повелительнице неведомых эйкв. Которым почему-то лучше бы Николку не показывать.

Орёл трижды как-то по-детски обиженно прокричал и, взмахнув крыльями, спланировал на сторону.

Прямо перед ребятами возвышалась арка в стиле «сталинского ампира». Вроде тех, какие в середине двадцатого века ставили перед входами в городские парки. Выстроенные полукругом двенадцать растрескавшихся колонн зубчатыми капителями поддерживали полуобвалившуюся толстоштукатуреную поперечину-антаблемент в виде переплетённых цветами и виноградными лозами хлебных колосьев. Из-под давным-давно не белой лепнины печально торчали доски, к которым тёмными кулёчками лепились покинутые ласточками гнёзда. Посредине, в треугольном портике, упираясь лбами, стояли гипсовые волчица и лошадь.

Дорога межколонными рукавами проныривала под арку и разворачивалась большой круглой лужайкой. Выйдя на поляну, ребята поняли, что очутились на стадионе. Бывшем стадионе: хорошо протоптанные тропки пролегали посреди выгоревших трав заброшенного игрового поля. По бокам сквозь провалы в деревянных трибунах проросли немалые уже берёзы, над остатками каменных плиток на беговых дорожках там и сям рыжели огромные литья высохших лопухов и чернели зонтики репейника. Верхнюю кромку трибун когда-то украшали гипсовые фигуры атлетов, а теперь торчали лишь проволочные каркасы с фрагментами мускулистых рук, ног и тел. Посреди общей разрухи удивительным образом сохранилось резная ложа для почётных гостей, даже увенчанная шпилем остро-шатровая крыша оставалась целой. А на фронте выпуклым барельефом белели знакомые уже волчица и кобылица в окружении трёх лун.

- В прошлом царстве луны было две.

- Что в прошлом, то уже в прошлом. Про лошадь ничего не скажу, а вот волчица похожа на ту, которая в учебнике про Древний Рим.

- Наверное, это здесь у них герб такой.

Ребята, было, двинулись дальше, как вдруг из внутренней затенённости ложи послышался знакомо сладкий голосок:

- Чудесные друзья мои! Какая волшебная встреча!

И на свет появился бледный круг улыбающегося лица Карла-Йозефа-Густава Меровинга, Чёрного принца Силезии.

ГЛАВА СЕМНАДЦАЯ. На летающем корабле.

Может быть, ребята и отказались бы посидеть с Карлом-Йозефом-Густавом за чашечкой горячего шоколада. Может быть, они и не стали бы усугублять межсобойный раздор, достаточно неприятно уже царянувший их отношения. Но! Но принц Силезии приподнял и помахал над головой серо-жёлтым листом толстой бумаги:

- Мария, ты только взгляни на то, что я здесь обнаружил.

И Николка остался в одиночестве: Маша, словно замороженная, вслед за Аней пошла на приглашение «немножечко поболтать перед тем, как они опять расстанутся на неизвестное время». В гордой принципиальности пошуршав сухими сорняками заросшего стадиона, он, перепрыгивая проломы, взобрался на самую верхнюю скамейку трибуны, поближе к половине замершего навсегда в момент броска дискотетателя. Подставив лицо прогретому солнцем ветерку, блаженно сощурился, уже без особой досады вздыхая на тему «все девчонки одинаковые». Но тут за спиной раздалось отчаянное стрекотание кем-то спугнутых сорок. Резко обернувшись, Николка столкнулся взглядом с висящим на ветке ближней сосны менквином. Судя по отсутствию бороды, небольшому росточку и неразвитости мускулатуры, прямо напротив его на длинных руках покачивался скорее лесной подросток, чем человек. Круглые светлые глазищи блестели нескрываемым любопытством. Несколько мгновений они жадно рассматривали друг друга. А потом юный менквин вдруг оскалился, выказав длинные острые клыки, и пискливо прокричал:

- Эльбудин – дурак!

И, сопровождаемый сорочьим верещанием, ловкими скачками умчался в глубь леса. Только верхушки покачались вслед.

- Сам ты... обезьяна.

Николка просто вскипел: за что, собственно, обозвали? И, главное, кто? Самоед бесхвостый. Поди, про таблицу умножения никогда не слышал, наречие от деепричастия не отличит, а туда же – «дурак». Спустившись с трибуны, Николка сердито пошагал к ложе для почётных гостей.

А там шоколадопитие было в полном разгаре. Девочки, сидя напротив Карла-Йозефа-Густава, наслаждались всевозможными вкусами: разнообразными конфетами, мелкими пирожными, зефиром, халвой, засахаренными орешками, финиками, курагой. Но, запивая сладости и горячий шоколад холодной родниковой водой с плавающими дольками лимона, Маша всё время подозрительно косилась на одетых в ливреи серого бархата, с широкими серебряными галунами, слуг, меняющих сервизы, подающих салфетки и подливающих шоколад – их длинные розовые носики и далеко торчащие редкие усы уж очень кого-то ей напоминали.

- А, Николай, дорогой! – Впервые принц Силезии так приятельски обращался к Николке, которого обычно демонстративно игнорировал. – Бесценный мой дружочек! Проходи, садись рядом. Отведай, чем богаты, не откажи в любезности разделить с нами этот скромный стол.

Слуги мгновенно поставили новый прибор. Николка осмотрелся и решил не стесняться. А Карл-Йозеф-Густав, отирая бледный лоб кружевным платком, продолжал щебетать:

- Мне тут фройлены понарассказали столько всего интересного! Оказывается, вы успели познакомиться и даже подружиться с эльбудинами. Лестно, мне очень это лестно – ведь они мои родственники. Да-да! Видели герб? Волчица и кобылица – два древних тотема, два зверя-покровителя местных жителей – эльбудинов и эйкв. Так вот, с вашими знакомыми эльбудинами мы, Меровинги, единокровники через волков!

Толстяк, убирая платок за отворот рукава мундира, подержал паузу, наслаждаясь произведённым впечатлением. И продолжил:

- Волки и люди – родня издревле. Помните? У римлян и у хеттов, у греков и у иранцев, да почти у всех народов – волчица родительница или кормилица героев. Она вспоила своим молоком Ромула и Рема, Кира и Тюрка. Даже Чингисхан похваляется происхождением от серо-голубого, спустившегося с неба волка. И скифы, и фригийцы – считают себя детьми волков, а вожди племён

у норманнов, германцев и славян до сих пор при нужде превращаются в серого зверя. Помните в «Слове о полку Игореве»? Когда на зов Ярославны бежит из плена князь Игорь «босым волком»?

Неожиданно Карл-Густав вытянул из петли перевязи саблю и подал Николке:

- Посмотри. Только никогда не берись руками за клинок – от человеческого пота на стали остаются чёрные пятна. Это очень древняя аравийская сабля. Очень. Она прошла много славных хозяев и досталась мне от отца, Силезского короля Густава-Иосифа-Карла.

- Да, я помню. – Восхищённо прошептал Николка. – Который по матери внучатый племянник графа Дракулы.

- Действительно так. Согласись: она прекрасна!

- Да. Не то слово.

- А скажи, дружок, что ты добыл в Колоруде и отнёс в Блаженный Ир?

- Сердце Змеевина. – Николка просто не мог оторвать глаз от серебристо-серого, покрытого золотыми арабскими буквами, клинка. – Это такой зелёный прозрачный камень. Лёгкий, тёплый. И ещё он светится. Как бы мигает.

- Интересно, чрезвычайно интересно. – Толстяк нагнулся к самому Николкиному уху и тихо-тихо зашептал. – А что вы должны взять в Серебряном царстве эйкв?

- Ещё не знаем. На месте сообразим.

- Не обманываешь?

- Честное слово!

- Да? Ну, ладно. Посмотрел и хватит!

Сабля вернулась в ножны, ножны на перевязь. Поскучневший Карл-Йозеф-Густав встал и хлопнул в ладоши. Длинноносые и редкоусые слуги немедленно стали убирать со стола. А хозяин, улыбаясь губами, холодно заглянул в лицо каждому гостю:

- Дорогие мои, увы, вынужден расстаться с вами – дела, тысячи неотложных дел! Через несколько часов встречаюсь у источника Ганга с Вселенским женихом Вишну. А от него – по горам, по морям, на остров Ява, на научный обед антропологического общества по поводу третьей годовщины кончины последнего питекантропа. Но, друзья мои, вы уже и сами понимаете, что наши новые встречи неминуемы!

И уже вдогонку из окна прокричал несколько злобно:

- Запомните – никуда не сходить с дороги! Ни-ку-да. Ягийский лес полон неожиданностей! Но не радуйтесь и полянам: кому враги волки, а кому лошади!

Ребята, шурясь на полуденное солнце, в последний раз поблагодарили принца Силезии за беседу и угощение. И двинулись дальше по тропинкам, которые вскоре опять срослись в лесную дорогу. Вдоль обочин бледно-жёлтые и тёмно-красные поросли кустарников с нежным шуршанием осыпались под набегами ветерков. Обнажаемая листопадом хвойная темнота леса влажно дышала смесью запахов смолы и мхов. Там, в чаще, всё хранило строгий покой, словно закаменело, а над дорогой порхали и пели синицы и щеглы, по ветру лениво летели красно-пёстрые бабочки-крапивницы. Иногда прямо под ноги выбегали весело цокающие белки.

- Может, на чуток свернуть в лес, грибочков поискать? Белыми так и пахнет. – Николка пошмыгал поднятым носом.

- Ты уже забыл предупреждение Чёрного принца? – Аня взглядом обратилась к Маше за поддержкой. – Никуда не сворачивать? И полчаса не прошло, а ему так и горит нарваться на неприятности.

Николка досадливо махнул на сестру рукой и ушагал вперёд.

- Принц что-то не договаривал. – Маша расстегнула куртку и открыла ветру плечи. – И самое подозрительное то, как поспешно он с нами попрощался. Без обычных своих аховых любезностей и оховых поклонов.

- Наверное, спешил.

- Он всегда спешит. Но тут выпроводил и даже подарочков не предложил.

- Мы же в прошлый раз его обидели. Трудно, что ли, было подождать? – Аня тоже прибавила шаг. – Николка, не глупи, не забегай далеко!

Но её призыв опоздал – ребят накрыла внезапная тень.

Вскинувшись, они увидели зависший над собой корабль. Летучий корабль. Такой, каким его обычно рисуют в детских книжках – с носом в виде лебединой головы. Только парус был не тканевый, а из окрашенной в красное циновки. Да и корпус при рассмотрении оказался не из досок, а связанным из длинных снопиков камыша.

С обоих бортов, разворачиваясь с лёгким постуком деревянных перекладин, свесилось с десятков верёвочных лестниц. По ним на землю ловко запускались множество невысоких худеньких воинов. Серебристые кольчужные рубашки капюшонами покрывали головы, а лица закрывали металлические маски. За спинами воинов крепились колчаны с большими луками, на поясах позвякивали узкие кинжалы.

Почему Николка побежал в лес?

Плотно окружённые воинами, девочки только смотрели, как, метаясь вправо и влево, Николка в несколько прыжков проскочил придорожную осиновую поросль и, пригнувшись, скрылся в темноте еловой чащи. Сами они не смели даже шевельнуться – со всех сторон в них упирались острия стрел.

Несколько лучников бросилось в погоню.

- А вот фигу вам! – Аня привстала на цыпочки, чтобы видеть, что там происходит. – Николку в лесу никому ни за что не поймать.

Сверху раздался свисток, и подталкиваемые в спины девочки вынужденно стали подниматься по лестницам на борт совсем низко приспустившегося корабля. Там их подхватили под руки и отвели на нос, где силой усадили на камышовое днище. Сразу за ними на корабль быстро взобрались воины, и, подтянув лесенки, выстроились вдоль бортов. Маша прошептала:

- Смотри, справа нескольких не хватает. Наверное, остались за Николкой погоняться.

Аня согласно кивнула.

Корабль, кренясь, развернулся и бесшумно набрал высоту.

Прошло минут десять. Но куда, на какой высоте и с какой скоростью они летели, девочки даже не могли предположить – сидя на дне, ничего особо не разглядишь. Синее небо. Замершие вдоль бортов воины с масками вместо лиц. И тишина, нарушаемая лишь посвистом ветра в снастях и шуршанием раскачивающейся циновки-паруса.

- Ты обратила внимание? – Аня кивнула на вспыхнувший встречным освещением красный парус. – Солнце в самом начале было впереди, потом справа, потом сзади, слева, а теперь опять впереди. И так уже в третий раз – похоже, мы кружим.

- Действительно. – Согласилась Маша. – Наверное, Николку ищут.

Неожиданно раздался свисток, и воины разом развернулись, перегнувшись за борта. Воспользовавшись тем, что их оставили без внимания, Аня и Маша одновременно привскочили и увидели, как слева над макушками леса взлетела дымящаяся стрела. За ней вторая. Корабль, чуть опустив нос и кренясь, с ускорением нырнул к месту, откуда, оставляя жиденький белый след, вылетала уже третья.

Корабль выровнялся и, чуть покачиваясь, замер, едва не касаясь колючих крон. Вниз по лестницам соскользнуло с десятков воинов, остальные, изготовившись к стрельбе, внимательно что-то высматривали. И вот где-то под днищем послышались треск сучьев, шлепки, повизгивание. Убрав луки за спины, воины левого борта слаженными движениями вытянули наверх большой спутанный моток толстовязаной сети, в которой барахтался некто лохматый и чумазый ... в Николкиной куртке.

Моток бросили на середину палубы перед мачтой. Девочки, было, рванулись к испуганно всхлипывающему незнакомцу. Но им преградили дорогу лучники. Маша и Аня с гневом смотрели на отражения своих лиц в полированных масках воинов и краснели от бессилия.

- Пропустите их.

Хрипловатый голос, раздавшийся за спинами воинов, хоть и прозвучал грубо, но явно принадлежал женщине. Строй разомкнулся, и девочки, проскочив к пленнику, припали на колени, распутывая узлы толстой верёвки. Из сети на них отчаянно скалился маленький менквин.

- Это он был с вами?

Оглянувшись, Аня увидела возвышающуюся над собой крепкую старуху в тёмно-красном шерстяном платье. Седые пышно-курчавые волосы прижимала металлическая округлая шапочка,

от которой ниже пояса спускалось множество серебряных цепочек с мелкими бляшками и бубенчиками. Узкие чёрные глаза из-под нависших век смотрели надменно.

- Мы его не... – Аня не успела договорить, осекшись от чувствительного толчка Маши.

- Мы не будем отвечать вам! – На всякий случай положив Ане ладошку на темя, Маша встала и нарочито вызывающе уставилась на старуху. – Мы будем говорить только пред очами Великой Ягийской владычицы. Не знаю, кто вы такие, но вы совершили ошибку, захватив нас силой и угрозами – мы посланники Блаженного Ира. Мы выступаем от имени и по поручению Верховного суда, Думных советников Верховного круга и богини Додолы. Если не желаете быть наказанными, немедленно доставьте нас к вашей владычице.

Старуха отреагировала не сразу. Несколько мгновений они с Машей стояли, в упор с всё тем же демонстративным презрением рассматривая друг друга. Наконец «красная ведьма», как её про себя окрестила Маша, медленно приставила к губам свисток в виде металлической улитки. На трейную трель корабль вновь начал подниматься ввысь, разворачиваясь в сторону далёкой громады белых облаков.

Освободить мелкого менквина никак не удавалось: от страха тот всё глубже запутывался в сетке.

- Где ты взял куртку?

- Где Николка?

- Он убежал?

- С ним всё нормально?

В ответ на задаваемые шёпотом вопросы, лохматый дикарёнок, тоже едва слышно, твердил как заведённый:

- Эльбудин – дурак. Эльбудин – дурак. Дурак.

Но куртку отдал. Аня прощупала карманы – ничего. Всякий мусор: камешки, винтики, стёклышки и проволока. Крохотный флакончик из-под пенициллина. И сухой крылатый муравей.

- Так это он был с вами? – Старуха опять нависла над Аней и Машей. – Что-то не похоже, чтобы малый вам доверялся.

- Мы не знаем, кто это. А вот одежда наша.

- Не знаете? – Короткий свисток, и два воина, ловко выдернув менквина из сети, в один взмах перекинули его за борт.

- Что вы делаете!! Он же разобьётся!

Девочки протиснулись меж лучниками и свесились почти до пояса, пытаясь хоть что-то разглядеть внизу.

- Менквины хватаются за ветви, тормозят и не разбиваются. Проверено. А вот если упадёте вы, то уж тогда никто и ни за что нас не накажет.

Отпрянув, они переглянулись, и Маша, покраснев, пробурчала:

- Да мы и не собирались жаловаться. Так, к слову пришлось. Хотя мы на самом деле посланники Блаженного Ира.

- Меня зовут Баангсэль Анха. Я – капитан этого корабля. Не продолжай надуваться, хватит – я уже поняла, что ты смелая и гордая. Уважаю таких. Сама не из робких. И вот что ещё мы нашли в сети. Наверное, ваше.

Баангсэль Анха протянула им чуть примятый серо-жёлтый лист.

«Я её ведьмой обозвала, а она ничего, нормальная бабка. Грубоватая, но умная, и не злопамятная». Маша и Аня стояли с боков у резной лебединой головы и смотрели, как под ними проплывают бесконечные лесные массивы. Слева по горизонту голубела горная гряда, справа проблёскивало на солнце множество разновеликих озёр. Совсем рядом с кораблём долго летела стая гусей. Серо-белые птицы, взмахивая сильными крыльями, негромко перекликались, умно поглядывая на девочек. Словно обсуждая их.

Корабль в полный ход мчался на облака. Привычные уже посвист ветра в снастях и шуршание паруса навевали романтическое настроение, скорость переполняла душу восторгом. И Маша поймала себя на том, что совершенно не волнуется за Николку. Это было неправильно – не переживать за оставшегося в лесу десятилетнего мальчика, но... Но она ничего не могла с собой

поделать – такая вокруг разворачивалась красотища. Маша покосилась на Аню. Та точно так же во все глаза упивалась переполненными светом просторами, уронив братову курточку к ногам.

Они почти достигли границы слепящей белизны, когда нос корабля, наклонясь, нацелился на вознёсшуюся над лесами пятиступенчатую башню, которую Аня и Маша издалека приняли, было, за гигантскую заводскую трубу. Началось снижение. Земля приближалась так стремительно, что у них подтянуло желудки. Вцепившись в борта, девочки жадно всматривались в разрастающиеся кроны явно садовых деревьев, в широкие просеки и квадратные поляны, в россыпи разноцветных крыш – местность вокруг башни была плотно обжита и застроена. Пять окружавших её подножие равнобедренно-треугольных посёлков разделялись меж собой толстенными кирпичными стенами, прямо по которым в башню вели дороги. Стены-мостовые, сначала низкие, по мере приближения к башне возносились всё выше и выше – так как входные ворота располагались на высоте не менее сотни метров. Над острыми стрельчатыми сводами пяти ворот хищно зубился бойницами окружной пояс укреплений, с многочисленными старинного вида пушками и камнеметательными машинами.

Корабль, замедляя ход, заложил мягкий вираж и, чуть покачиваясь, неспешно поплыл над самыми зубцами. Краснокирпичный цилиндр могучей нижней крепости служил основанием для четырёх меньших цилиндров, громоздившихся друг на друга ступенчатой пирамидой. И каждый нёс оборонительный пояс с зубцами и пушками.

Завершив облёт, они зависли над одними из пяти ворот.

Раздался противный скрип, и в приоткрывшиеся створы на мостовую-стену вышли две старухи, одетые в такие же, как и на капитанше, шерстяные, но более светлые, малиновые платья. И в серебряные же, с висюльками, чаши-шапочки. Только их цепочки заканчивались ниже колен.

- Привет вам, сёстры! Всё ли во славу богини Калташ-Эйквы? – Согласно жесту Баангсэль Анхи, корабль приспустился, встав бортом вровень со стеной.

- Слава богине! Привет и тебе, сестра. – Одна из вышедших бабок была неохватно толста, а вторая с высоты своего баскетбольного роста смотрела на мир через толстенные лупы-очки.

- Ну, и что такого попало в твои сети?

- Сети пусты.

- Тогда зачем ты здесь? Зачем нарушаешь сон подножия башни Мооган-Эйквы?

- У меня есть нечто, ради чего придётся беспокоить самый верхний её этаж.

Выждав паузу и насладившись нарастающим недоумением встречавших, Баангсэль торжественно объявила:

- Гости корабля – посланники Блаженного Ира, они уполномочены говорить пред очами Великой владычицы Каалтаси Суури от имени и по поручению Верховного суда, Думных советников Верховного круга и богини Додолы.

Старухи смотрели на выступивших вперёд Аню и Машу скривив рты. У высокой даже очки сползли на самый кончик носа.

Конечно, девочкам не хватало какого-нибудь знака отличия – ленты через плечо, медальона на цепи. Хотя бы красивого футляра или папки с верительными грамотами. Хорошо, что хоть умылись и расчесались в беседке Додолы.

- Чего стоите? – Баангсэль нетерпеливо прихлопнула в ладоши. – Сообщайте верхним. И ведите посланников к подъёмнику. А мне пора на подзарядку.

- Заземляйся. – Толстая первой вышла из стопора. – Но мы сошлёмся на тебя. Так что, если чего...

- ...то всё как обычно. Отвечать буду я. – Закончила Баангсэль. По её свистку корабль приподнялся над воротами и осторожно сел на площадке за зубцами-бойницами. Воины помогли выбраться девочкам и капитанше, и, выстроившись вдоль борта, разом сняли маски.

- Девушки! – Выдохнули Маша и Аня.

Стройные, невысокие лучники, действительно, оказались юными, как на подбор удивительно красивыми девушками. Одинаково чуть скуластыми и черноглазыми. И, судя по выражению лиц, равно ко всему безучастными.

- Ну вот, посланницы Блаженного Ира, которые от чьего-то там имени и по чьему-то тут поручению, вы – в царственной башне Мооган-Эйква. Сейчас, через сословные ступени, вас

поднимут вверх. Где вы предстанете пред очами Великой Ягийской владычицы Каалтаси Суури. Я же прощаюсь, и оставляю вам право рассказать о нашей встрече всё, что только пожелаете.

- Уважаемая Баангсэль Анхи, перестаньте! Мы и не собирались жаловаться. Ну, там от обиды сгоряча что вылетело. Но разве мы больше не увидимся?

- Маловероятно. Вас определяют на четвёртую ступень. А я смею подниматься лишь на вторую.

- В чём проблема? Мы спустимся.

- Маловероятно. Однако, если вдруг вас нужно будет куда-либо доставить, то моё судно зовётся «Лииль», и я...

Возле корабля появились толстая и очкастая старухи. О чём-то, видимо, они меж собой переговорили, и теперь двигались порасторопней. Наскоро поклонившись девочкам и едва дотерпев ответное ритуальное приветствие, жестами пригласили Аню и Машу следовать за собой. Баангсэль заговорщицки подмигнула из-под свесившихся звонких цепочек:

- Была счастлива узнать посланниц Блаженного Ира. Желаю полных свершений задуманного!

Узкая, оббитая металлическими полосами дверь захлопнулась с мягким лязгом. И стало совершенно темно. Бабки поперепирались на тему «раньше думать надо», несколько раз, разбрызгивая искры, чиркнуло кресало, и робкий огонёк лампы осветил коридор. Осторожно озираясь, Маша и Аня последовали за старухами. Хотя, собственно, озираться-то было не на что: кирпичные стены, кирпичный потолок, кирпичный пол – наверное, они шли по проходу сквозь башенную стену. Шли минуту, две, три – и какой же толщины эта стена? Красные отсветы пламени узкими протяжными штрихами очерчивали контуры людей, короткими квадратными мазками обрисовывали своды. Четыре, пять минут в метании огонька, под шарканье и пыхтенье. И вот, наконец, через коридорную темноту и сжатость они достигли света и простора.

Неоглядное помещение заполняли непонятные механизмы – огромные и мелкие зубчатые колёса, сложносоставные штанги, маятниковые пружины, цепные передачи – всё напоминало внутренность старинных механических часов. Только увеличенных в тысячу раз. Меж этих частей сновали какие-то чёрные фигуры, которые, при приближении малиновых старух, мгновенно куда-то прятались. Словно сквозь землю проваливались. Грохот, звон, скрежет, шипение пара – картину напряжённого труда дополняли всё время резко перемежающиеся над всем лучи мощных прожекторов.

По зигзагообразной дорожке они пересекли загадочный механический участок и остановились у ковано-решётчатой кабины. Две лучницы без масок, двигаясь как на параде отработанно чётко, открыли дверцы. Старухи, а за ними Аня и Маша, вошли. Дверцы схлопнулись, и тяжёлый лифт, утягиваемый бряцающей цепью, дергано двинулся вверх по отполированному частым трением серебряному рельсу.

- Конечно, мы могли бы пройти и через парадный вход, но так скорее. – Толстая говорила для девочек, но при этом не смотрела на них. – Надеюсь, это не будет воспринято посланницами Блаженного Ира как обида?

- Ничего страшного. Мы не привередливы. – Маша опять подумала, что не хватает им какой-нибудь ленты через плечо или медальона. Старухи явно пребывали в недоумении от несоответствия их пышных титулов и скромного внешнего вида. Хотя Анины резиновые сапоги их заинтриговали.

И Маша догадалась. Достала из кармана золотую брошь, подаренную Карлом-Йозефом-Густавом, прикрепил её на груди под воротником. Осторожно подёргав за рукав Аню, указала ей на своё украшение. Та понятно кивнула, тоже незаметно прицепила на грудь свою. И даже надела на указательный палец перстенёк.

С резким толчком лифт остановился. Две лучницы отворили дверцы, и они опять оказались в каком-то цеху. Только колёса, штанги, пружины и цепные передачи были здесь значительно меньших размеров. И звучали тише.

Повиляв меж механизмов, вышли к явно «парадному входу». Освещённая двумя рядами фонарей, устланная ковром лестница возводила к многослойной острроверхой арке. На дверях

которой посверкивали голубым металлом знакомые волчица и кобылица. Справа и слева каждой из восьми беломраморных ступеней стояло по четыре лучницы.

Старухи, пропустив Аню и Машу чуть вперёд, замерли, едва слышно прошептав:

- Здесь, перед входом в верхний этаж царственной башни Мооган-Эйквы, мы расстанемся.

Несколько секунд они простояли у лестницы в полнейшей тишине, даже не слыша дыхания друг друга. Но вот откуда-то раздался нежный перезвон, и створы дверей торжественно распахнулись. Свет, хлынувший из арки, на мгновение ослепил девочек.

Когда глаза попривыкли, они увидели перед собой восемь совсем уж древних-предревных старух в бледно-розовых одеяниях. Их серебряные шапочки имели зубчатые навершия, а цепочки с бубенцами касались пола. Присмотревшись окончательно, Аня и Маша были неприятно поражены их морщинистыми лицами, толсто покрашенными белой краской. И если до того взгляды Баангсэль и провожавших малиновых бабок казались не очень-то приветливыми, то теперь девочек буквально заливало ледяным презрением.

Не сговариваясь, они прираспахнули куртки, выставляя на вид сверкающие алмазными искрами золотые украшения.

- Посланники Блаженного Ира уполномочены говорить пред очами Великой владычицы Каалтаси Суури от имени и по поручению Верховного суда, Думных советников Верховного круга и богини Додолы. – Глуховатый голос толстой проводницы сошёл на откровенный хрип. Маша скосила глаз: «их» малиновые бабки опустили на колени перед бледно-малиновыми!

Опять несколько секунд тишины. Потом древние старухи в розовом, побрякивая бубенцами, нестройно развернулись и молча двинулись в глубину света.

- Ступайте с ними. – Прохрипела с колен малиновая толстуха. – Старшие сёстры царственной башни Мооган-Эйквы отведут вас пред очи Великой владычицы.

- Спасибо. До свидания.

- Да идите же поскорее! Пожалуйста.

«Пожалуйста» – это в ответ на «спасибо» или же «пожалуйста, поскорее»? Маша и Аня взбежали по ступеням, дружно вздохнув, шагнули под арку. И под колокольный перезвон двери за ними затворились.

Тряся от дряхлости головами, розовые старухи мелко шаркали по спирально поднимающемуся коридору. Стены, облицованные светлыми с розовыми прожилками мраморными плитами, поверху украшались резными белокаменными барельефами, на которых бесконечно повторялись, перемежаясь цветами и плодами, сцены волчицьиной погони за кобылицей. По внешней стороне коридора-спирали на затейливых кронштейнах свисали светильники в виде цветных гроздей из хрустальных ламп. Пахло приятным травяным дымком.

Но вот подъём преградился решёткой, выкованной в виде густо переплетённых виноградных лоз. Старухи, топчась и толкаясь, расступились, пропуская Машу и Аню в самораздвигающиеся круглые створы. Девочки очень неспешливо прошествовали мимо старших сестёр башни Мооган-Эйквы. Совершенно не глядя на надменно-злые под слоем белил лица. А что? Вот такие они, посланники Ира. Такие, какие есть.

За решёткой пространство теряющегося в неразличимых пределах огромного зала сплошь было изрезано занавесями. Меж бесчисленных серебряных стоек на разной высоте и в разных направлениях тянулись серебряные провода, по которым, как бельё для просушки, были развешаны тканые ковры-гобелены. Огромные и совсем небольшие, празднично цветастые и благородно монохромные, ковры делили бескрайнее помещение частым лабиринтом. На одних были вытканы знакомые сцены с волчицей и кобылицей, на других изображались сцены труда и празднеств, тут же висели портреты и пейзажи, пестрели букеты разнообразных цветов и заплетались замысловатые узоры. Гобелены мягко освещали большие хрустальные люстры, венчающие серебряные стойки.

Маша и Аня, в согласии с выгородками, брели по закоулкам, как по картинной галерее. В немом восхищении сворачивали направо и налево, подныривая, замыкали круги, тут же теряя что-то особо понравившееся. Увлекаемые всё новыми замысловатыми сюжетами и мастерством ткачества, девочки совсем забыли про то, сколько и, главное, зачем они здесь.

Первой опомнилась Аня:

- Всё время дымком пахнет, но по-разному. Ты почувствовала?

- Угу. – Пошвыркала носом Маша.
- Там была мята, теперь клевер. А ещё раньше жгли ромашку.
- Откуда ты столько знаешь?
- Не городская, поди. Но зачем? Моль, что ли, гоняют? И, вообще, где мы? Не на складе?
- Не на складе – точно. Под такой торжественной охраной доставили. – Маша тоже очнулась от восторженного забытья. – А, кстати, а как они о нас каждый раз наперёд докладывали, если при нас же всё время и присутствовали?
- Ты про первых бабок?
- И про вторых тоже.
- Наверняка у них телефон имеется. Столько механики. И корабли летающие. Они – явно высокоразвитая цивилизация.
- Может, просто-напросто впереди бежал тайный гонец? И сейчас тут есть некто-то, кто за нами незаметно наблюдает? Из каких-нибудь щёлок.

Они насторожено поозирались – да что толку: гобелены направо, гобелены налево, вдоль и поперёк. Ничего и никого.

- Ладно, пусть себе наблюдает. – Маша на всякий случай быстро показала дальнему углу фигу. – Для нас главное решить: о чём говорить с их владычицей? Какое тут у них нарушение миропорядка? И как мы его будем исправлять, если ничего толком про это царство не знаем?
- Да, кого-то нужно бы порасспросить. Вот, например, чего эти эйквы с эльбудинами в раздоре? А между ними менквины по веткам прыгают. – Аня опять нюхнула воздух, совершенно случайно взглянув вверх. И вскрикнула:
- Ой! Маша, там эти... очи...

Высоко-высоко на потолке по тёмно-синему фону, словно звёзды на ночном небе сияли изображения глаз. Тысячи и тысячи глаз были нарисованы настолько искусно, что казалось – все они сосредоточенно смотрят на девочек. Сразу стало не до картинок.

- Значит, мы уже пред очами Великой владычицы? Этой? Каалтаси Суури?

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАЯ. Великая владычица и её прорицательницы.

Неприятное это чувство – стоять под тысячью пристальных взглядов. Как будто на экзамене. К которому и не особо-то готовы. Ну, правда, в прошлый раз они выкрутились за счёт Николки, подученного Айрисом. А как теперь? Даже если вымазать лица красной краской, то всё равно сказать нечего. Впрочем, если подумать, так ведь и пока некому!

- Ну, и которые из них глаза Суури? – Аня спросила нарочито громко, так, что б было слышно всем желающим.

- Да никакие! – Ещё громче подхватила Маша. – Обыкновенные рисунки.

- Просто раскрасили потолок. И не очень, чтобы очень.

- Так себе дизайн. Без особого креатива.

Рассуждая подобным образом, девочки держали лица поднятыми к потолку, а сами незаметно стреляли глазами во все стороны. И не зря.

Справа, под гобеленом шевельнулась тень. Некто невидимый осторожно придвигался, придвигался, пока не остановился прямо за спиной Ани. Та почувствовала, обеспокоено заозиралась:

- Маша, а тебе не кажется, что занавески гораздо интересней потолка?

- Да, сама по себе идея создать лабиринт из гобеленов – достаточно оригинальна.

- Тем более, есть очень симпатичные коврики. – Аня, проследила взглядом за указующим пальцем Маши и кивнула. – Вот этот, например, с девушкой в белом сарафане.

Они разом подсели и с двух сторон пронырнули под гобелен, за которым кто-то скрывался. Захваченный врасплох, «кто-то» громко ахнул вместе с ними – всплеснув широкими руками, между Аней и Машей замерла невысокая девушка в белом платье. Тонком, сборчатом, с красной плетёной опояской – совсем таком же, что было изображено на ковре.

- Здравсьте! Приветик! – Опомнившиеся первыми, Аня и Маша подшагнули, встав вплотную, чтобы девушка даже не и подумала о побеге. А та, ещё раз вздрогнув на их приближение, осторожно приопустила руки, и, отчего-то сильно покраснев, пробормотала:

- Вы тоже здравствуйте.

Девушке было лет семнадцать-восемнадцать. Смуглая, с ярко блестящими тёмно-карими глазами, с пухлыми губами – она не походила на кисейную барышню, которую легко запугать. И к её крепкой фигуре и резковатым движениям больше пошли бы не мелкосборчатое белое платье и нежная жемчужная сеточка на пышных чёрных кудрях, а, скорее, воинские доспехи. Вроде тех, что носили корабельные лучницы.

- Ты кто? Мы – Маша и Аня. – Аня как-то уж совсем по-свойски рассматривала наборные бусы на груди незнакомки. – Не подскажешь, где мы оказались, и чего от нас тут ждут? Вреднючие старухи впихнули, вообще ничего не объяснив.

- Кстати, мы – посланницы Блаженного Ира. – На всякий случай уточнила более осторожная Маша. И оказалась права.

- А я – Суури. Каалтаси Суури.

Теперь покраснели девочки:

- Та? Самая?.. Ваше величество!

- Вы находитесь в верхнем этаже башни Мооган-Эйквы, в Зале прошений пред очами Великой владычицы. То есть – моими. Вообще-то, саму меня никому из просителей видеть не полагается. Но раз так получилось, то чего уж теперь? Вы же сохраните тайну?

- Ваше величество... мы... мы – посланницы Блаженного Ира! Мы выступаем от имени и по поручению Верховного суда, Думных советников Верховного круга и богини Додолы.

- Тише! Прошу вас, не надо кричать. Мне о вас уже всё доложили. – Суури озиралась, привставая на полупальцы. И вдруг, крепко схватив девочек за руки, быстро потащила за собой. – Нам лучше бы долго не стоять на одном месте.

Сталкиваясь плечами, Аня и Маша послушно семенили за Великой владычицей. Поворот следовал за поворотом – то направо, то налево, но, уже опытные проходчицы лабиринтов, девочки даже не пытались запоминать дорогу. В таких случаях бесполезно контролировать хозяев и проводников, лучше уж честно смотреть под ноги. Наконец, они остановились в тупичке между трёх ковров. По бокам красовались уже почти родные кобылица и волчица, а прямо перед ними высилась очень правдоподобно вытканная стена с большой красной дверью по центру, запертой на белый висячий замок.

- Здорово. Прямо, как настоящая, каждый кирпичик выделен. – Аня даже поцарапала ногтём нитки.

- Она и есть настоящая.

Суури вынула из складок на поясе тонкий длинный ключ, с усилием воткнула его в изображение замочной скважины, провернула. Упёрлась плечом: «помогите»!

Девочки навалились на медленно продавливающуюся внутрь дверь. А когда протиснулись за Суури в едва образовавшуюся щель, поняли, почему было так нелегко: прикрываемая ковром металлическая дверь толщиной достигала полуметра.

- Просто сейф какой-то. Или бомбоубежище. – Маша вытерла со лба испарину.

Суури приложила палец к губам. И все опять натужились, задвигая тяжеленную дверь обратно. Тихо лязгнул засов, девочки выдохнули и, наконец, огляделись: они очутились в нешироком квадратном колодце, по стенам которого кованая лестница крутовато закручивалась вверх, навстречу явно дневному освещению. Ничего не говоря, Суури застучала каблучками по металлическим ступенькам.

- Радует, что не в подземелье. – Аня последовала за Великой владычицей.

- Да, что-то новенькое.

Когда они выбрались из колодца, то некоторое время дружно шурились, привыкая к яркому свету клонящегося в закат солнца. Это была самая верхняя площадка башни. Несколько серебряных колонн поддерживали просторную четырёхгранную пирамиду из частых серебряных рам. Вместо стёкол в рамах мутно слоились разновеликие пластины слюды. Розоватые предвечерние лучи, преломляясь в них и раскладываясь на множество радуг, делали всё вокруг каким-то театральным. Красные, оранжевые, зелёные и голубые блики дрожали на множестве

разностильных, но одинаково белых столов и стульев, на белых книжных и платяных шкафах, искрились на серебряной отделке огромной мраморной чаши. Царивший повсюду беспорядок только усиливал ощущение декораций на сцене. Книжки, чертежи, платки, доспехи, чучела зверей и птиц, стойки с химической посудой, астрономические приборы – хаотичное собрание столь различных предметов напоминало картину кабинета средневекового алхимика. Только очень светлого и доброго. Так как несколько стёклышек в рамках отсутствовало, то по столам, стульям и шкафам восседали и перепархивали громко воркующие белые голуби.

- Это моё прибежище. – Суури хозяйски распахнула руки. – Я люблю бывать здесь одна. Но вам я рада.

Девочки бродили меж мебели и приборов в полном восхищении. Особенно их поразила наполненная до краёв чаша, в которой плавал здоровенный зеркальный карп. Рыбина совершенно безбоязненно подплывала на зов, кося умным глазом, тёрлась о руки.

А ещё оказалось, что полярная сова, которую они приняли за чучело, не только жива, но и достаточно злобна – внезапно повернув голову на 180 градусов, чуть не цапнула хотевшую погладить ей спину Аню.

- Я ещё маленькой выкрала все ключи от этой пирамиды. А потом новая прислуга и вовсе забыла о её существовании. Мне здесь очень приятно читать, рисовать, думать. И мечтать.

- А о чём может мечтать Великая владычица? У которой, вроде как, всё и так есть?

Суури внимательно посмотрела в глаза Ани:

- «Всё»? Когда я была девочкой, мне для дружбы хватало кукол. Вот эти два шкафа набиты ими до верха. Затем я полюбила птиц. Они добрые, красивые, но, увы, все-все глупые. А потом пошли сны... в которых моими друзьями были люди. Ах! С тех пор я разлюбила просыпаться. Разлюбила утра, и просто возненавидела свою башню.

- А что, в башне нет людей?

- Конечно нет! Слуги – те же куклы. А с прорицательницами я сама себя чувствую глупой птицей. Всё время чего-то недопонимаю.

Маша осторожно провела пальцами по струнам небольшой арфы. На грустные звуки голуби, повернув головки, затихли и закрыли глазки.

- А за стенами башни?

- Мне только пять раз в год позволено покидать башню Мооган-Эйкву. Но это торжественный облёт Повелительницей своих владений на кораблях. Ягийское царство раскинуто от удерживающих небо Шигарских гор до великой реки Аб. Настолько великой, что даже наши корабли редко долетают до её середины. Я обожаю видеть свои владения, но, увы, сверху людей не рассмотришь.

- Это верно. С каждым человеком надо глаза в глаза разговаривать, всегда на равных. Иначе никого не разгадаешь. И ни за что не почувствуешь.

- Но зато я могу рассматривать их отсюда! – Суури отбежала в дальний угол пирамиды. – Идите сюда! Сюда!

Большая подзорная труба, укреплённая на вращающейся стойке, через выбитые окошечки направлялась на юго-западный посёлок у подножия башни. Суури подтолкнула Машу – «взгляни же»!

Треугольное поселение меж двух нисходящих стен-дорог в основном составляли трёх-четырёхэтажные строения. Длинные кирпичные дома в несколько подъездов окружались многочисленными клумбами. Дорожки из узких дворишков улочками сходились в прямые дороги, меж садами и парками направляющиеся куда-то в дремучие леса, плотно окружавшие город-башню.

- А где люди? – Маша отодвинулась от трубы, пропуская Аню. – Никого нет.

- Уже вечер, все вошли в свои комнаты. Готовятся к отдыху. Вы видели символы нашего царства – Кобылицу и Волчицу. Это олицетворение дня и ночи, которые никогда и ни в чём не сходны. День – для жизни тела, ночь для жизни души.

- Ой, а отчего это у вас в парке все карусели переломаны? – Аня увела окуляр в сторону. – И колесо обозрения какое-то... кривое.

- Оно такое и было. Ну, ещё до моего рождения. И что за вопрос – «отчего»? Все механизмы рано или поздно ломаются. Стареют и умирают. Я слышала, что когда-то даже сама

башня Мооган-Эйква вращалась всеми своими этажами. Тогда солнце весь день не покидало покоев моей прабабушки. И, ещё говорили, что раньше мы имели четыреста летающих кораблей.

- А сейчас?

- Сейчас осталось только пять. Остальные почему-то не могут подняться в воздух.

- Так вы их, что, не ремонтируете?

- Ремонтируем: красим, плетём новые паруса. Даже рули и мебель выстругали новые – бесполезно. Говорю же: все механизмы рано или поздно ломаются! Хорошо, что два лифта ещё работают. А с другими уже случились катастрофы, погибли мои подданные. И мне запретили спускаться вниз.

Маша и Аня переглянулись, но комментировать услышанное не стали. Да и Суури сама перешла на не очень ужасное. Она, видимо, наскучалась в добровольном одиночестве, и теперь говорила и говорила:

- А из краёв этой чаши когда-то вверх били тонкие струйки воды. В три ряда. Я была совсем маленькой, но хорошо запомнила: так красиво! И ещё фонтан журчал, будто живая музыка.

От слов Великой владычицы у девочек как пелена с глаз упала. И они враз разглядели вокруг себя множественные знаки запустения. Пол и все предметы в комнате покрывала крупная пыль, нанесённая из выбитых рам. Всюду валялись осколки слюды и посуды, смятые бумаги, различные обломки и крошки... и множество голубиных перьев.

- Жаль, что все творения древних мастеров постепенно разрушаются. – Суури погладила спину зеркальному карпу. – Механизмы останавливаются, строения рушатся, картины чернеют.

- А новые вы не делаете? – Маша опять сменила Аню у подзорной трубы.

- Новые? Как? Ведь теперь уже никто не знает секретов умельства! Богиня Калташ-Эйква, Хозяйка ковров-жизней, больше не подсказывает нам, каким образом выдумывать новое. Она молчит даже про то, как оживлять старое. Богиня гневается на нас, так как до сих пор мы не выгнали из нашей жизни эльбудинов. Но мы слабы, и нам нужны их силы. На огородах, в цехах, на тех же ремонтах домов и дорог.

- А кто эти эльбудины? – Как бы невзначай поинтересовалась Аня.

- Уроды. Искажения человеческой природы. Маленькими они очень похожи на нас, эйкв. Но, вырастая, становятся грубыми, лица покрываются волосами, как у менквинов. Голоса у них хрипят, ноги дурно пахнут. И ещё они болезненно ленивы. Всё делают из-под палки. А летом стараются убежать в лес, к реке, и там бездельничают целыми компаниями.

Маша навела трубу самую кромку леса:

- А что там? Вдали? Такое ярко-зелёное?

Суури отодвинула её, взглянула сама. И опять густо покраснела:

- Это... об этом неприлично говорить. Но раз мы здесь одни... Вы же никому не расскажете?

- Нет! Нет.

- Это капуста!

- И что?

- Как?! Вы не понимаете?

- Ну, капуста. И что?

- А то, что в ней находят детей! – От смущения Суури закрыла лицо ладонями. – Каждое утро эйквы-матери, которым исполнилось двадцать пять лет, осматривают гряды и собирают меж кочанов младенцев.

- И что дальше?

- Дальше их подращивают в специальных домах Матери и ребёнка, пока не станет понятно – эйква это или эльбудин. Эйкв оставляют матерям. А эльбудинов отдают в приют, где из них воспитывают нужных для царства рабочих.

- А когда воспитывают, их спрашивают – кем они хотят стать?

- Зачем? Ведь заранее известно, сколько нужно кочегаров, сколько грузчиков и сколько лесорубов.

- Ну, тогда понятно, почему они всё делают из-под палки. – Аня сдула пыль со стула и села. Маша тоже дунула, но, присмотревшись, присесть всё же не отважилась:

- А вы никогда не пробовали их тоже оставлять матерям?

-Зачем? Это же уроды! Их место в колониях. Гм... Ну, ладно. Я, кажется, поняла, о чём ты хочешь порассуждать: «гуманное отношение», «терпимость к непохожим на тебя», «снисходительность к убогим». Всё это я уже читала. Сплошь устарелые слова.

- Пусть так. Но всё же эльбудины – люди.

- Нет! Они недочеловеки. И, кроме того, они опасны! Если хоть какое-то время с ними разговаривать, как с нормальными людьми, они начинают входить в сны.

- И что потом?

- Потом приходится долго лечиться травными дымами. И хватит об этом! Я и так наболтала вам лишнего. – Суури порывисто протянула руку и коснулась пальцем броши на Машинной груди. – Это же волшебный солнечный металл? Который, если на него долго смотреть, заколдовывает сердце?

- Да, это золото.

- Мне рассказывали о нём легенду. Красивую древнюю легенду. Мол, где-то севернее севера есть царство, где этот солнечный металл вместо песка лежит по берегам рек. А в саму воду с гор скатываются кристаллики никогда не таящего льда. Которые крепче всего на свете.

- Алмазы? Вот и они. – Маша отстегнула брошь, протянула Суури. – Возьми.

- В той стране никогда не наступает ночь. Границы её охраняют одноглазые великаны, едущие верхом на горообразных зверях – лохматых, длинноносых, со страшно торчащими зубами... – Девушка зачарованно смотрела на переливающуюся алмазными гранями золотую лилию. Но брать не решалась.

- Да возьми же! Пусть это засчитается даром Великой владычице от посланников Блаженного Ира.

Пока Маша сама прикалывала брошь на грудь Суури, Аня, незаметно стягивая с пальца перстенёк, как-то бочком, бочком отступала, ну и зацепила лежащую на столе длинную серебряную линейку. Покачавшись, линейка грохнулась на пол. От звонкого шлепка все голуби разом взлетели и, хлопая крыльями и роняя перья, закружились, заметались под потолком. В этот же момент солнце за слюдяной стеной покраснело, закрасив нутро пирамиды ярким рубиновым светом.

- Ой! Уже пора расставаться. – Суури с какой-то неуверенной улыбкой прижимала подарок обеими ладонями. – А так не хочется! Вы мне очень пришлись по душе. Вы в точности такие друзья, какие мне когда-то снились.

Продолжая улыбаться, она подошла к краю колодца и начала спускаться по лестнице. Маша и Аня, переглянувшись, последовали за ней.

- Мы сейчас разойдёмся. Но только до завтрашнего утра. А пока вы никому не рассказывайте о том, что мы с вами виделись. Иначе вас казнят. – Суури произнесла последние слова совершенно обыденно. А вот у девочек внутри ёкнуло: вот так да! ну спасибочки за предупрежденьице.

- Соврёте прорицательницам, что побеседовали под моим взором. И ни намёка на пирамиду! Иначе вам смерть.

Маша и Аня, согласно указаниям Великой владычицы, сделали восемнадцать поворотов налево, затем девять направо, опять четыре налево, и далее, за вторым правым поворотом увидели входную решётку, выкованную в виде переплетённых виноградных лоз. Круглые створы бесшумно раздвинулись, и девочки очутились в окружении всё тех же восьми древних старух в бледно-розовых одеяниях. И толсто покрашенные белой краской лица выражали посланницам Блаженного Ира всё ту же неприкрытую неприязнь.

Старухи вразнойой развернулись и, позвякивая касающимися пола цепочками с бубенцами, посеменили вниз по винтообразному коридору. Ну, и куда они повели на этот раз? Кому предстояло врать про беседу под взором?

Спускались долго. Видимо, прорицательницы оставшимися двумя лифтами пользоваться побаивались. Наконец они остановились перед какой-то очередной дверью, ничем, вроде, особым не отличающейся от множества мимо пройденных. Старухи раздвинулись на стороны, пропуская вперёд посланниц Ира. Дверь бесшумно отворилась, и девочки осторожно вошли в слабоосвещённый зал с низкими сводчатыми потолками.

Посреди залы горел костёр. То есть, это был выложенный кирпичом открытый очаг, дым из которого вытягивался в трубу через поддерживаемый коваными стойками конический раструб. Кирпичные же стены под разбегающимися тёмно-красными бликами едва угадывались. Зато огонь ярко высвечивал близко стоящий грубый деревянный стол и несколько тяжелых табуретов. На столе, кроме высокого серебряного кувшина, ничего не было.

Вглядываясь в трепещущий всполохами полумрак, Маша и Аня не заметили, когда за ними бесшумно закрылась дверь.

- Ой, они нас заперли! Главное, молчком. – Аня потолкалась плечом – бесполезно.

- Может, они вообще немые?

- Может.

Девочки обошли помещение, но не только других входов-выходов, но и даже окон не обнаружили. Присели к столу.

- Устала я, ноги гудят. И пить жуть, как хочется. – Аня пододвинула тяжёлый кувшин, наклонив, заглянула. – Что-то там плещется. А кружек нет?

- Нет. И погоди с питьём. Мало ли что эти ведьмы подставили.

- Атак хочется. – Уныло вздохнула Аня.

- И мне тоже. – Призналась Маша.

Они посидели, слушая потреск пылающих поленьев. От исходящего жара лица покраснелись, а веки стали тяжёлыми-тяжёлыми. И мысли в голове начали путаться. Путаться и рваться.

- Аня! Опять какой-то запах странный. – Маша с трудом поднялась на ноги. – Нельзя засыпать. Вставай, будем ходить.

- Да, вроде липой пахнет, а вроде и не липой. – Аня тоже приподнялась, но её тут же качнуло. Маша едва успела поддержать подругу.

- Давай будем ходить и говорить. Ходить и говорить. – Обнявшись, они двинулись вокруг очага. – Нельзя засыпать. Нельзя.

- Только не надо опять про Евровидение.

- Не надо, так не надо. А как ты думаешь, где сейчас твой брат? Один.

- Не бойся. Николка в лесу не пропадёт. Он ушлый.

- Что такое «ушлый»?

- Смекалистый. Он лес душой чувствует. И лес его за это любит.

А в это время Николка...

А в это время Николка вышел к болоту.

Когда летучий корабль стал высаживать десант, его словно кто в затылок тюкнул. Это позже вспомнилось предупреждения эльбудинов, что ему лучше бы не попадаться пред очи местной владычицы. А в тот момент просто прозвучало внутри приказом: «Беги!» И он побежал. Даже просвистевшие мимо стрелы не испугали, а лишь добавили прыти. Ну, и не мог же нормальный человек, да ещё ребёнок, поверить в то, что его всерьёз пытаются убить! Ни за что, ни про что, только потому, что не хочет на фук сдаваться.

Николка убегал от преследователей словно опытный заяц, постепенно закашивая на сторону. И гнавшиеся за ним воины его потеряли. Припав под куст, Николка видел, как лучники прошли мимо, хоть и старались просматривать вокруг себя каждую ямину и корягу. Выждав, он, осторожно двинулся по лесу вдоль дороги, в том же направлении, в каком шёл до этого вместе с девочками.

И вроде бы Николка умел быть незаметным. Однако уже через несколько минут спиной ощутил на себе чей-то взгляд. Оглянулся – никого. Добавил хода. Незримый наблюдатель не отставал. Притормозил – тот тоже. Да что ж такое? Если не нападает, то чего не отвяжется? Николка оглядывался, оглядывался. Пока не поднял взгляд вверх. Там, на ветке сосны, знакомо покачивался юный менквин. Круглые, почти белые глаза сочились насмешкой:

- Эльбудин – дурак!

- Тихо ты!

- Эльбудин дурак!

Даже приличной шишки под рукой не нашлось, чтобы запустить в носатого и волосатого обзывалу. Николка махнул рукой и пошёл дальше. Не до обид.

Однако менквин словно прилип. Он, теперь не скрываясь, прыгал по веткам и, громко шурша осыпаемыми жёлтыми листьями, то и дело подкрикивал: «Эльбудин дурак!» Так они и двигались – один снизу терпел, другой сверху задибался, пока впереди не засветлела большая поляна. Точнее, давно заброшенное, заросшее сорняком и мелкими берёзками, а когда-то пахотное поле. Николка на мгновение приостановился, решая: рискнуть ли и выйти на открытое пространство, чтобы отвязаться от доставалы, или же обойти вокруг, продолжая тренировать свою силу воли? Хотя какая разница – с таким шумным сопровождением не особо долго попрячешься. Вздохнув, Николка нерешительно вышагнул из леса.

И тут менквин, сообразив, что теряет жертву, со всей высоты сиганул Николке прямо на плечи, сшибив с ног. Сцепившись, они закувыркались и выкатились в поле. Менквин, хоть и был ростом пониже, но оказался мясистее, тяжелее. Его сильные пальцы буквально впились в мальчика. Чувствуя, что с напавшим ему не справиться, Николка выпрямил руки и вынырнул из куртки. Вскочив одновременно, они с двух шагов злобно запыхтели друг на друга.

- Эльбудин дурак.

- Ты сам недоумок.

Понимая, что без подручных средств ему не победить, Николка искал какую-нибудь дубинку. Но ничего, кроме рассыпчатых комков глины, на глаза не попадалось. И тогда Николка, выпучившись и растопырившись, неожиданно даже для самого себя набросился на лесного подростка без всякого приспособления:

- Аааа! Отдавай одежду!

Тот от неожиданности присел, откинулся. И в два прыжка оказался на крайнем дереве. Там неспешно нагло напялил куртку, и, показав язык, упрыгал по ветвям:

- Эльбудин – дурак.

Николка постоял, подождал, пока выровняется дыхание, и двинулся дальше. Чего психовать-то? Ничего не поделаешь. Вот если бы Маша выучила его парочке приёмов, то тогда бы... А пока Николка плёлся по бугристому полю, сбивая пушистые головки молочая и слушая пересвист порхающих над метёлками конского щавеля щеглов.

Неожиданно путь ему преградил овраг. Весенние и осенние ручьи промыли глубокую крутостенную канаву, ни начала, ни конца которой не виделось. Пришлось спускаться. Но «спускаться» – мягко сказано: немного поцеплявшись за корни травы, он сорвался и кубарем скатился на глинистое дно. Там было сыро и зябко. Оглядевшись, Николка сразу пожалел о сделанном: спуститься-скатиться – полбеда, но вот как отсюда теперь выбираться? Крутые обрывистые стены были гораздо выше его роста, и зацепиться не за что. Сделав пару попыток и только испачкав руки и колени, Николка смирился. Увы, ему оставалось тупо пойти по дну вверх, в надежде на удачу. Может, где дерево упало или куст корни свесил?

Он шёл, шёл, ворча на то, что всё дальше удаляется от нужного направления. Русло оврага немного виляло вправо и влево, под ногами иногда хлюпала жидкая грязь, иногда шуршали жёлтые щётки хвощей, но стены оставались неприступными. И вдруг из-за поворота выбежал щенок. Маленький, кругленький, серенький. От неожиданности оба, вытаращившись друг на друга, замерли.

Щенок очнулся первым и сел. Николка тоже опустился на корточки:

- Привет, малыш. Ты как сюда попал?

Щенок ответно приподнял чёрное рыльце и тоненько заскулил.

- Бедняга, ты, наверное, свалился. А мамка теперь ищет.

Щенок заскулил ещё жалобней.

- Ну, не плачь, не плачь. – Николка осторожно взял малыша на руки, прижал к груди. – Да ты совсем мокрый, и пузо холодное. Не плачь – я тебя подсажу. Только вот куда тебе – направо или налево?

Сверху справа послышался тихий рык. Николка поднял глаза и обомлел: на самой кромке обрыва стояла здоровенная Волчица.

- Здравствуйте. Так это ваш щен... сынок? А я как раз хотел его поднять туда, к вам. Честное слово! Вот, принимайте!

Николка привстал на цыпочки, но всё равно не дотягивался до верха. Волчица прилегла, свесилась и зубами прихватила своего щенка за шиворот. Вытянув, встала в рост, не выпуская покорно обмякшего найдёныша. И, кольнув Николку жёлтым взором, исчезла. Как в воздухе растворилась.

- Никакой тебе благодарности. Но, а что с них возьмёшь? Дикие они, звери.

От пережитого бросило в лёгкий жар. Хорошо, что волкам направо, а ему налево. И хорошо, что выбираться не надо сразу. Он согласен ещё немного пройтись по дну. Лишь бы медвежонка какого-нибудь не повстречать. Ага, или лъвёнка. Места-то сказочные. Но надолго Николка в овраге не задержался – уже через пять минут дорогу ему преградила целая куча бурелома. Приставив к стене сухое брёвнышко, Николка по торчащим сучкам, как по перекладинам лестницы, скоренько выбрался на поверхность.

Вокруг щетинился невысокий ельник. Острые макушки густо облепляли лёгкие чешуйчатые шишечки. Красота! Николка наскоро определился со сторонами света, наметил направление, и широкими шагами двинулся на запад. Он же и вправду любил лес. Землю под ногами мягко устилал толстый ковёр мха. Крупные ягоды костяники, дерзко-красные мухоморы и радужные сыроежки добавляли праздничного настроения. И если бы не паутина, то и дело липнущая на лицо и руки, так Николка бы просто пел и плясал. Отчего-то он не особо растревожился тем, что пришлось расстаться с девочками. Главное, держаться одного направления, и тогда рано или поздно, но они обязательно встретятся.

Однако впереди поджидало ещё одно препятствие. Ельник отступил, освободив место широко разлившемуся озеру. Холодная осенняя вода серыми волнами покачивала изросшиеся камыши, мутила прибрежный ил. Николка враз приуныл: обходить предстояло не менее часа, а то и двух. Но ничего не поделать. И он опять уклонился от выбранного маршрута вправо.

Солнце, изредка перекрываемое быстро бегущими мелкими облачками, заметно склонилось к горизонту. Идти приходилось, виляя меж разросшихся кустов плакучей ивы. Тоже красиво, но без куртки у воды, если хоть чуть-чуть замедлить ход, сразу становилось весьма прохладно. Кстати, и голод о себе напоминал всё настойчивей. Поэтому Николка, шагая всё быстрее, с лёгкой тревогой поглядывал на розовеющее за дальним лесом небо. Пока не вышел к болоту.

- Мм, только этого не хватало. Что, возвращаться и обходить с другой стороны?

- Не спать. Нам нельзя спать. – Маша и Аня в обнимку, уже на сотый раз, качаясь, обходили догорающие угли очага. – Нужно говорить. Нужно. Нам.

Но темы для разговора куда-то улетучивались, языки распухали и не слушались, а в слипающихся глазах упорно всплывали картины уютных бабушкиных перин, пышных яровских ковров, здоровенных подушек Шишака. Наверное, всё из-за сладковатого дымка, густо наполнившего залу.

Угли, покрываясь пеплом, тускнели, и темнота от стен подступала всё ближе и ближе. Девочки начали спотыкаться на ровном месте.

- Не спать!

- А всё-таки пить хочется! – У Маши в горле словно вата встряла. Даже прокашляться не получалось – так всё сохлось. – Давай хоть на язык попробуем, что в кувшине?

- Не тронь!

- Вдруг там простая вода, а мы мучаемся.

От разговора у Маши совсем уж нестерпимой болью резануло связки, и она в отчаянии шагнула к столу. Но раньше кувшин ухватила Аня. И с размаху бросила его прямо в очаг. Залитые жидкостью угли злобно зашипели, вытолкнув вверх облако пара. Наступила полнейшая темнота.

- Опа-на! – От случившегося сон как рукой сняло. Девочки прижались спинами, напряжённо ловя мельчайшие звуки. Но, кроме посапывания остывающего очага, да собственного сердцебиения, ничего не слышали.

А потом зазвонили бубенцы. Справа, слева, сзади, спереди. Перезвоны, становясь громче, приближались со всех сторон и приближались. Но темнота по-прежнему оставалась непроглядной.

Сжав кулаки, девочки, приготовились к оказанию сопротивления. За просто так они теперь сдаваться не собирались! Спасибочки владычице, предупредила о казни. Сама, поди, проболталась о Додумать, о чём Суури могла бы проболтаться, они не успели. Раздалось чирканье, повсюду заметались искры, замигали огоньки, и зала осветилась сотнями факелов. Маша и Аня окончательно слиплись в единое существо, которое, разинув два рта, в четыре глаза оглядывало преобразившееся пространство.

Вокруг всё плотно заполняли, мягко выражаясь, немолодые женщины. В тёмно-бордовых платьях у самых стен жалась те, которые были ещё относительно крепки. Их заслоняли красно-алыми одеждами постарше, в свою очередь, выглядывавшие из-за спин старух в малиновом. А в первых светло-розовых рядах трясли головами уже знакомые девочкам откровенно ископаемые злюки. Кроме цвета платьев, старух различала форма их серебряных шапочек: гладкие у самых дальних, поближе пупырчатые, ещё ближе со шпильками и гребешками. От цепочек-подвесок на шапочках и изливался бубенчиковый и колокольчиковый перезвон.

Старухи стояли плотно, слегка переталкиваясь, но не заступали проведенную мелом круговую черту, внутри за которой стояли Аня и Маша. Здесь, в очерченной пустоте, стол и стулья пропали, а на месте очага возвысился мраморный четырёхступенчатый помост.

На котором, лицами друг к другу, а спинами к окружающим сидели три ... нет, это были даже не старухи. Это, скорее, сидело три, ещё почему-то живых, скелета. Прикрываемые белыми тканями острые горбы чуть заметно покачивались в такт замедленного дыхания. Склонённые лысые черепа, наверное, не удержались бы на тонко-жилистых, словно сплетённых из ремешков, шеях, если бы не упирались в стол длиннющими носами. На этом беломраморном столе, узко освещаемом ниспадающим лучом голубого света, ярко блестели начищенным серебром три перевёрнутых стаканчика, между которыми по кругу катился стеклянный шарик. Дрожащими руками, более похожими на покрытые плесенью корневища, старухи-скелеты по-очереди приподнимали свои стаканчики и пытались накрыть шарик. Но никак не могли уловить – их глазницы были пусты!

Движение шарика сопровождала какая-то очень знакомая, но никак не вспоминаемая, повторяющаяся и повторяющаяся мелодия. Музыкальная фраза, с ритмичным подстукиванием стаканчиков, дразнила своею почти разгаданностью, манила, притягивала словно магнит. Заворожено следя за слепыми попытками, Маша и Аня, поддаваясь мелодическому притяжению, медленно-медленно подвигались к помосту. И уже подняли, было, ноги, чтобы ступить на первую ступень, как услышали за спинами шипящий шёпот:

- Остановитесь, безумные.

Они с трудом оторвали взгляды от стола и обернулись. Худоцавая женщина лет тридцати приклонила к ним мертвенно бледным лицо с жирно обведёнными чёрной краской глазами:

- Никому из простых эйкв не дано касаться престола прорицания богини Калташ-Эквы.

Даже через излишествующий аромат розового масла от одетой во всё чёрное незнакомки пробивался запах тления. Но особенно отвратителен был её пирсинг: брови, ноздри, губы и уши пронизывали многочисленные булавки и кольца. Аню передёрнуло:

- Мы не эйквы. Мы – посланницы Блаженного Ира.

- Всё равно, за это смерть. – Чёрная женщина шептала, почти не разжимая узких губ. – Лучше бы вам отдать поклон прорицательницам богини Калташ-Эквы и отступить в сторонку. Всевидящий глаз запущен, но его первый загон будет долог. Так что я успею рассказать вам, где вы очутились и в чём участвуете.

Участвовать всегда лучше, зная, в чём. Поэтому девочки согласно поклонились горбатым скелетам и отошли. Но настолько, чтобы не очень приблизиться к обжимавшим меловую черту бабкам.

- Я – толковица Улумверта. Я изьясняю эйквам слова Главных прорицательниц Авиль Ыйс, Тивир Ыйс и Тынни Ыйс. Которые получают откровения от самой богини Калташ-Эквы, Хозяйки ковров-жизней. – Чёрная с головы до ног, испирсингованная Улумверта заговорщицки осмотрелась и за плечи придвинула девочек к себе. Опять дохнуло тошнотворной смесью духов и гнили.

- Будем откровенны. Я в совершенстве осведомлена и насчёт вас, и насчёт вашего задания. Вы – те, кто пришёл разрушить наш мир. Не отпирайтесь, не прячьтесь за красивые фразы об

исправлении, об изменениях к лучшему. Любые перемены в мире кому-то несут пользу, кому-то убыток. А иной раз и просто – кому жизнь, кому смерть. Ваше появление в Ягийском царстве – гибель для многих в этом зале. Поэтому я вам не советую рассчитывать на какую-либо милость с их стороны. А вот что такое вы для меня? Что вы несёте для меня лично? В этом сейчас главный вопрос. Ведь стоит мне рассказать про то, что сегодня происходило в верхней пирамиде, то кое-кому не увидеть восхода солнца.

- Послушайте, уважаемая Улумверта, как долго вы намерены нас пугать?

- Мария, никогда ни о чём не спрашивай меня. Я сама расскажу всё, что тебе нужно знать. Всё для того, чтобы тебе продолжать оставаться живой и здоровой.

- Опять ужасики. – Теперь не выдержала Аня. – Мне это уже наскучило.

- Тогда, может, ты попробуешь уйти?

- Да кто вы такая? Мы – посланницы Блаженного Ира, от имени и по поручению Верховного суда, Думных советников Верховного круга и богини Додолы уполномочены говорить с самой Великой владычицей, а не с какой-то и чего-то там толковальницей.

- С толковицей, Анна. Ставь ударение правильно. А сейчас ты вразумишься, кто я.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. Ночь, в которую никто не спал.

Извиваясь чёрной ящеркой, Улумверта отскользнула и припала к престолу. Ибо в этот момент одна из горбатых прорицательниц накрыла-таки шарик своим стаканчиком. Музыка прервалась. Даже бубенцы и колокольчики затаились. Тишину нарушали лишь хриплые вдохи-выдохи чуть живых скелетов. Толковица, гибким телом распластавшись на ступенках престола, замерла, словно вслушиваясь в нечто, недоступное другим. И вдруг из неё вырвался рокошующий, совершенно не женский бас. Тяжёлый, жутковатый, более похожий на звериное рычание:

- Внемлите! Внемлите, сёстры! Старшие и средние сёстры гребней и челноков, младшие сёстры шпук и ученицы нитей! Внемлите! – Тело Улумверты крупно содрогалось. – Это говорю вам я, Калташ-Эква, Хозяйка ковров-жизней!

Зал со звоном рухнул на колени. Стоять остались только несколько держащих факелы лучниц. Ну, и Маша с Аней.

- Внемлите! Вот моя воля: те, кто пришёл к вам из Ира, да будут приняты. – Улумверта приподняла голову и фосфорно сверкнула на девочек белками закатившихся вверх глаз. – Как новоготовящиеся.

Главные прорицательницы приподняли стаканчики, и стеклянный шарик, сначала медленно, а потом всё быстрее и быстрее, покотился по кругу. И вновь зазвучала мелодия.

- Маша, это же не просто шарик. – Испуганно прошептала Аня. – Это стеклянный глаз. У нашего дяди Вани был такой.

- А я вам так сразу и говорила: «Всевидящий глаз запущен». – Длинные космы на голове толковицы дыбились, как будто её ударило током. – Авиль Ыйс, Тивир Ыйс и Тынни Ыйс слепы от роженья, но имеют один глаз на троих. Это особый глаз, которым видятся судьбы. Много сотен лет назад, когда Главные прорицательницы ещё могли говорить собственными голосами, они вставляли его себе в глазницы по жребью. И возвещали прошлое и будущее. Авиль Ыйс говорила о добре, Тивир Ыйс – о зле, а Тынни Ыйс – о покорности судьбам. И послушливое им Ягийское царство пребывало в равновесном благоденствии.

- А сейчас?

- Сейчас оно в опасности. Из-за вас в том числе.

- Да мы, это... мы даже знать-то не знали...

В этот миг вторая Главная прорицательница накрыла шарик стаканчиком, и опять музыка остановилась. Улумверта бросилась к престолу и прижалась к ступеням:

- Внемлите, сёстры! Внемлите! Те, кто пришёл из Ира, не все находятся среди нас. Для полноты событий нужно ввести в зал ещё одну посланницу.

- Ещё «одну»? – Аня нервно хихикнула. – Это они Николку «ею» назвали?

- Так они ж детей не различают – кто мальчик, а кто девочка. Только когда усы появятся.

- О чём вы шепчетесь? – Улумверта а всунула меж ними пирсингованный нос.

- Да мы... это...

- Мы с Аней гадали: что ты лично желаешь от нас? Лично себе?

- Ну, вот, наконец-то пошёл деловой разговор. Вы излишне долго предавались эмоциям, а ведь у меня осталось всего только одно толкование. Нам нужно успеть договориться, пока Тынни Ыйс не поймала глаз.

- Так вы, оказывается, всё тут толкуете... истолковываете по своему желанию?! – Поражённая догадкой Аня пошла в полный голос, и Маша едва успела зажать ей рот ладонью:

- Тихо! Итак, чего вы от нас ждёте себе лично?

Улумверта скосила глаза на Главных прорицательниц – вот-вот шарик в третий раз попадёт под стаканчик. И быстро забормотала:

- Вы были в пирамиде. И ты, Мария, отдала свою очаровывающую сердце брошь из солнечного металла и нетающего льда владычице. А теперь, Анна, ты отдай свою мне. Быстро. Ну? У вас совсем нет времени на торговлю.

Маша, затаив дыхание, смотрела, как Улумверта и Аня сходились лбами, а там, по-за ними, третья слепая прорицательница с высокого замаха накрывала катящийся по столу шарик. Мелодия оборвалась на полуфразе.

- Ну?

Аня медленно, слишком медленно подняла руку к вороту куртки, медленно отстегнула золотую лилию. Уже в полуразвороте к престолу, чёрная толковица выхватила у неё брошь и, с размаху упав на гладкий пол, проскользнула к ступеням:

- Внемлите, сёстры! Так велю я, Калташ-Эква: пусть посланница Мария ждёт в Зале прошений башни Мооган-Эквы. А посланница Анна ищет пропажу. Рассвет они должны встретить вместе все трое. Иначе смерть.

- Но мы же так не договаривались! Почему «смерть»? Я же отдала... – У Ани от возмущения подогнулись колени, и она, где стояла, там и присела. Маша утешающе приладила ей плечо:

- Всё идёт, как идёт. Помнишь Ванину присказку: «если что-то началось, оно не может не продолжиться». Может, оно и лучше, что у нас иногда нет выбора.

- Кабы иногда. А то слишком уж часто.

Безразличные ко всему лучницы почти втокнули Машу за ворота из кованых лоз винограда, а Аню повели дальше вниз.

Убедившись, что осталась в Зале прошений пред очами Великой владычицы одна, Маша наскоро отсчитала два поворота налево, четыре поворота направо, девять опять налево, и после восемнадцатого правого уткнулась, наконец, в знакомый тупичок с изображением двери в башне. Гм, а как открыть замок? Хоть он и выткан на ковре, но за ним-то «не лаает, не кусает, но в дом не пускает» настоящий – и без ключа никак. Заложив руки за спину, она зашагала по тупичку взад-вперёд, рассуждая вслух на манер Винни-Пуха:

- Мы видели, как Суури доставала ключ из кармана. Точно. Но мы не видели, что она положила его туда же. Именно. К тому же она сказала, что выкрала у прислуги другие. Верно. Значит, где-то она их припрятала. Логично. Но совершенно неумно держать ключик далеко от замочка... посему... – Продолжая бурчать, она уже шарила по вышитым под дверью башни камням. – Ну, какая же я, всё-таки, ... гениальница!

Сбоку одного из булыжников обнаружился разрез. В котором и таился искомый предмет.

- Гениальша... гениалиня. – Маша плечом отжала тяжеленную дверь, втиснулась в тёмную щель. Передохнув, поднатужилась и захлопнулась изнутри. Стараясь особо не греметь, поднялась по лестнице в пирамиду.

Три луны – большая в центре и крайние поменьше – заливали мутноватые стены-рамы сплошным сиянием. В пирамиде всё было как в аквариуме. Световые лучи, пробивая слюдяные пластинки, проникали внутрь зеленовато-голубыми радугами. Отчего белая мебель, белый пол и белая чаша казались перламутровыми. Разбуженные голуби слепо повертели головками, но смолчали.

Найдя на одном из столов под салфеткой кувшинчик с клюквенным морсом и раскрошенное миндальное печенье, Маша наскоро утолила жажду и голод. Затем, осторожно

обойдя злобно моргающую жёлтыми глазищами сову, присела около подзорной трубы. Поводила окуляром по пустынным улицам, по заброшенному парку с давно переломанными аттракционами. Да, разруха у этих эйкв во всём. Оказалось, что даже редкие фонарные столбы держатся за счёт деревянных подпорок.

И тут Машу уколола несколько запоздалая мысль: а это как Улумверта узнала обо всём произошедшем в пирамиде? Маша встала и, шаг за шагом, начала тщательно исследовать помещение. Она приседала, вставала на цыпочки – пока внимание не привлёк один отдалённый, заставленный стульями шкаф. В передней стенке которого чернело несколько высверленных дырочек. Раздвинув стулья, Маша подцепила дверцу уголком линейки и открыла. Так и есть! Внутри располагалось наклонённое зеркало, направлявшее отображение вниз по глубокому коробу-колодцу. Там, в глубине, второе, наклонённое встречно, зеркало транслировало спущенную из пирамиды картинку для неизвестного наблюдателя. Получалось, что шкаф служил для кого-то перископом! Как «для кого-то»? Конечно же, для чёрной толковицы Улумверты! Тут же в шкафу крепились и металлические раструбы-звукоуловители, от которых тянулись трубки передач всего произносимого в пирамиде. Бедная Суури, а она так радовалась, думая, что остаётся одна без надзора!

Противно, когда знаешь, что за тобой исподтишка подсматривают. Маша со всей силы хлопнула дверкой, а потом ещё и пнула её. Гадкая, протухшая вымогательница! Но уже через секунду вновь распахнула шкаф и злорадно рассмеялась в зеркало:

- Эй, вы там! Смотрите? И слушаете? Так вот, рада вам сообщить, что вы здорово ошиблись. Или, как вы объявляете своим «сёстрам», – ошиблась ваша богиня ковров: у меня-то больше ничего нет, а вот у Ани остался золотой перстенёк с бриллиантами! И поэтому вам лучше бы теперь терпеливо дожидаться её возвращения. Хоть нынешним утром, хоть через неделю. Но, по-любому, очень советую не спешить совершать глупости. Типа разных казней.

Маша с удовлетворением выслушала донёсшееся снизу шипение, и, аккуратно затворив дверцу, отошла к самому большому пробою в стене-раме. Осторожненько, чтобы не оцарапаться и не разодрать одежду, выбралась наружу. И полной грудью вдохнула красоту распахнувшегося во все стороны полуночного простора, щедро осеребрённого сиянием трёх почти круглых лун.

Когда за Машей схлопнулась кованая виноградная решётка, Аня, окружённая лучницами, продолжила спуск по винтовому коридору. Шагать пришлось долго, пока, наконец, её конвой не остановился перед приоткрытой дверью. Аня осторожно вышла, огляделась: эта была знакомая крепостная площадка, на которой стоял «Лииль» – корабль капитанши Баангсэль Анхи. Воительницы со скрытыми под масками лицами помогли ей взобраться на борт, и сопроводили в носовую часть. Сама Баангсэль не показывалась, но откуда-то из-за мачты раздался её свисток, и корабль приподнялся в воздух.

В этот раз они летели невысоко, порой едва не задевая макушки деревьев. Аня облокотилась на борт и смотрела, с какой скоростью прямо под кораблём мелькают острия елей и округлости сосен. Лес и дорога освещались круглыми лунами почти до мельчайших чёточек. Можно было распознать даже спящих на ветках сорок и галок. А вот звёзд в Ягийском царстве, как и в стране Имянийцев, на небе не было. Ни одной.

Попутный ветер шевелил, сбивал на глаза Анины волосы, потихоньку забираясь в рукава и за шиворот. Через полчаса она почувствовала, что здорово озябла.

- Вы забыли одежду. – Рядом вдруг встала Баангсэль Анха. И положила на борт Николкину куртку.

- Ой, спасибо. Как он там сейчас раздетый? Дует-то чувствительно.

- Это здесь. Внизу безветренно. Но, с другой стороны, там сыро.

- Когда мы прибудем?

- Я должна доставить тебя на то место, где подобрала.

- Ничего себе «подбрала»! Загнали силком. Спасибо, что не убили.

- Не придирайся к словам. Я человек подневольный: вас приказали арестовать, и я лишь исполнила повеление.

- А если бы приказали потом сбросить? Вместе с тем дикарём-мальчишкой?

- Ты действительно хочешь услышать мой ответ? Или уже догадалась сама? Тогда помолчи. Итак, я что думаю: раз ваш спутник сумел уйти от моих погонщиков, значит, в лесу он не новичок. И поэтому, наверняка, он двинулся в прежнем направлении, но не открыто, а в тайне. Если так, то ему не миновать озера Куурдо. Правым концом оно уходит в Суйговые болота, которые тянутся до реки Аб, и потому обойти его можно только здесь, у самой дороги. Где я тебя и высажу. Только тут вы можете встретиться. Если оба везучие.

Корабль, набрав высоту, медленно выписал круг, и Аня как на карте рассмотрела большое овальное озеро, дальним концом терявшееся в покрытых плотной туманной завесой болотах. Лес сплошным массивом доходил до правого берега, а слева, со стороны башни Мооган-Эква, просторно расстилались выкошенные луга, на которых чернели стога сена.

- Ищи, но не вздумай никого громко звать: ночной лес не приходит на помощь. – По свистку Баангсэль корабль пошёл на снижение. – А вот сов, волков или медведей, чащобных волотов или болотных орисков, озёрных пелгасов или летучих птолемов крик привлечёт обязательно. И далеко не все они дружелюбны к людям.

Сели прямо на дорогу. Аня, одной рукой прижимая Николкину куртку, неловко спустилась на землю:

- Спасибо, уважаемая Баангсэль Анха. И...

- Что «и»? – В лунном свете прищуренные глаза Баангсэль стали совсем щёлками.

- И я хочу сказать: вы добрая и очень умная.

- Да ну тебя! – Отмахнулась Баангсэль. – Много ты, малявка, видела добрых и умных.

- Вот и вас в том числе! – Аня проводила взглядом «Лииль», чёрной рыбиной с высоким спинным плавником проскользнувший на фоне сияющих ночных светил. И вздохнула: куда? Если по-честному, то сходить с дороги вовсе не хотелось. Однако, надо. И, если вспоминать местность, какой она увиделась сверху, то надо идти чуть вправо – к ближайшему концу озера, на границу леса и поля. Там Николка никак не пройдёт мимо незамеченным.

Ровно на самом краю чащобы, откуда далее открывалось пространство покосов, Аня нашла удобно завалившийся ствол старого тополя и присела. Естественно, лицом к лесу – самое страшное возможно там, в мохнатой темноте. Укрыв братовой курткой ноги, она оперлась подбородком на кулачки и стала ждать.

А тремя часами раньше Николка...

А тремя часами раньше Николка тоже присел, только на высокую мохнатую кочку под облезлым скелетом давно засохшей ольхи:

- Что, мне возвращаться и обходить озеро с другой стороны?

Перед ним распласталось бескрайнее, пупырящееся рыжими, жёлтыми и красными кочками, высоко залитое ржавой ледяной водой, осеннее болото. Мелкие гнилые берёзки редко кривели на вспученных кучах ила, потемневшая ряска мёртвой пеной прикрывала обманные поляны непроходимой трясины. В это время солнце запало за горизонт, небо на прощание пыхнуло красным, и справа, с севера, на болото потекли всё нарастающие волны сиреневого тумана.

Как Николка ни уговаривал себя, что нужно встать и пойти назад, в обход озера со стороны дороги, но сам же себя и не слушался. То есть, ноги категорически не желали подчиняться голове. К уставшим ногам присоединился, было, озябшие плечи и спина, но за бодрящийся разум вступился голодный желудок. Нет, если сейчас же не подняться и не двинуться, то Николка окончательно промёрзнет и заболит. А тогда уж достанется и голове, и ногам, и всему остальному.

Он с трудом, как какой-нибудь старикан, привстал, покрутил затёкшей поясницей и... замер: из клубов тумана выплывал небольшой остров. Да! С высокой травой, с двумя берёзками, плакучей ивой и ёлкой – почти круглый островок двигался по волнистой воде к ближайшему берегу. От удивления Николка даже забыл, что хорошо было бы, на всякий случай, спрятаться. Разинув рот, он смотрел, как с причалившего острова выдвинулся деревянный трап, по которому быстро сбежали три знакомо длинноволосых юноши, как беззвучными тенями они направились прямо к нему.

Эльбудины поклонились, приняли ответное кивание от Николки. И средний юноша развёл руками:

- Посланник Блаженного Ира, Николка из Берендеевки, проследуй с нами. Тебя желает видеть кан Ашинби Акчура.

- Ашинби? Это тот самый, которого мучили менквины?

- Да, вы уже знакомы.

- Но мне нужно на ту сторону озера. Я же ищу свою сестру и нашу подругу.

- Вы обязательно встретитесь. А сейчас поспешим взойти на остров – туман ещё слаб, и нас могут заметить с летающих кораблей.

Островок действительно оказался самым настоящим – из земли и торфа, даже с гнездом сороки в гуще ивовых ветвей. Посредине лежала огромная медвежья шкура, на которую Николку и усадили. Сами эльбудины расселись вокруг на волчьих.

- Прошу прощения у посланника Блаженного Ира за этого зверя. Но он первым напал на наших братьев. Мы защищались.

- А за что прощать? Раз напал, то и получил по заслугам.

- Благодарим за понимание. – Эльбудин приподнялся и приложил ладонь к сердцу. – Мы волновались: как берендей отнесётся к убийству своего предка.

- Что-то я не понял про предка. Поясните, пожалуйста.

Эльбудины переглянулись:

- Ты – Николка из Берендеевки, то есть, берендей. «Бер» – по-венедски значит «медведь», так что все жители вашего села – родня медведям. Как мы, эльбудины, волкам.

Озадаченный Николка почесал затылок и вдруг тихо-тихо хихикнул, представив, что он дальний родственник Умке, Винни-Пуху и Балу. То-то никак не похудеет.

В тумане было невозможно определить с какой скоростью они плыли, но вот ветви берёзок зашуршали, цепляясь за ветви других деревьев, наверное, береговых. На Николкин вопросительный взгляд, всё тот же эльбудин объяснил:

- В озеро Куурдо с Суйговых болот впадает пять ручьёв. Внешне все одинаковы, но четыре из них – Пурлиги – мелкие, а один – Яха – глубокий, так как под ним проходит трещина в земной коре. Мы сейчас поднимаемся по нему.

Закат окончательно угас, и туман из фиолетового стал зеленовато-голубым. Плотности он достиг такой, что Николка не то, что берега, но и самих эльбудинов порой не мог разглядеть. Что-то где-то булькало, хлюпало. Что-то чмокало. Но что именно и где? Да и ладно! Самым главным ощущением стал холод. Даже голод отступил перед просто до костей пробравшей сыростью. Скукожившись, Николка придумывал ограбившему его молодому менквину всяческие обидные эпитеты. Или проще – обзывалки.

Туман любит обманывать. В нём обязательно что-нибудь, да причудится. Или же привидится. Через полчаса Николка крутил головой во все стороны, следя за огоньками, бледно-жёлтыми шариками метавшимися справа и слева. Световые пятнышки двигались с островком, то весело обгоняя, то, сбившись в гроздья, хороводя замедленными кругами.

- Эти огоньки – от младенцев-орисков. Детишки духов трясины так развлекаются. А вот взрослые орисы очень опасные губители. Многих путников своими блуждающими светильниками они заманили в безвозвратные топи.

Болото, похоже, являлось детсадом или инкубатором для этих огненных «ирисок». Временами из-за множества мельтешащих и кружащих шариков оно казалось ожившей новогодней гирляндой.

- Что-то сегодня особо расшалились. Может, праздник у них какой?

Но вот световые игрища остались позади. Под плавучим островком захлюпали сильные встречные волны. И вновь потянуло излишней свежестью.

- По Яха-ручью мы через болотные топи вышли на внутреннее озеро Чвоор. Скоро прибудем на место.

Ветер крепчал, взбаламучивая туман и взбивая его в крутящиеся колобки пара. Но видимость от этого особо не улучшалась. Кроме того, островок начинало всё заметней раскачивать. «А он часом не развалится? Торфяной ведь, одними корнями держится». От этой мысли Николка даже перестал трястись. Не то, чтобы согрелся, но как-то взбодрился. Перестал хандрить. И тут они во что-то мягко уткнулись.

Поддерживаемый за руку, по трапу Николка осторожно перешёл на это «что-то». Потопал – тоже земля. Но явно надёжная, крепкая. Опять ему сжали ладонь:

- Нам прямо.

Шагов через двадцать Николкин проводник остановился и постучал в невидимую дверь. С лёгким скрипом высветился полукруглый проём, и, сгибаясь чуть не в пояс, они вошли в низкое и тесное помещенье. Но, главное, в нём жарко пылала печь!

Стены и потолок «хибары», как про себя Николка окрестил место, в котором очутился, составляли толстенные, но не очень плотно подогнанные брёвна, промеж которых внутрь протиснулись корни деревьев. Окон не было, из мебели по углам висели резными спинками четыре стула, да у грубо обмазанной глиной печи растопырился небольшой топчанчик. А прямо посередине в подпол нисходили широкие деревянные ступени, огороженные толстенными перилами на точёных балясинах.

Николка, наскоро буркнув «здрасьте» стоявшим у лестницы двум эльбудинам, прижался спиной к горячему печному боку. И расплылся в блаженной улыбке. Вот чего ему всё это время так не хватало!

Пока посланник Блаженного Ира изгонял из себя озноб, все терпеливо молчали.

- Простите, но я просто околел. Проклятый менквин утащил мою куртку.

Эльбудины понимающе покивали, попереглядывались, и один выскользнул за дверь. А через минуту Николка примерял длинную, почти в самый пол, безрукавную епанчу из ... медвежьей шкуры. «Похоже, они тут постоянно на мишек охотятся. То есть, защищаются. Сейчас же опять скажут, мол, и этот сам напал» – Николка почувствовал некоторую обиду за дальних родственников. Но, всё равно, это было лучше той золотой тоги, которую ему выдали в Колоруде. И лицо красной краской замазать не предлагали.

- Посланник Блаженного Ира, Николка из Берендеевки, кан Ашинби Акчура желает принять тебя в тайновище Агдаля. – Эльбудины жестами предлагали спуститься по лестнице в поддувающую льдом темноту.

- Опять в подземелье?!

- Нет, в подводе.

Вы знаете, как выглядят подводные жилища? А как в них попадают? Значит, так. Похожие на старинные парашюты, полусферы из тонкой, но плотной ткани, надувают воздухом. Внутри получившего пузыря плавает плотик со скамеечкой. Вы садитесь, и ваш парашют-пузырь за стропы утягивают вглубь. Где-то там этот малый парашют заводят под огромный, неопишуемых размеров воздушный кокон, внутри которого со дна озера поднимается конструкция, напоминающая винтовую башню-пирамиду, сплошь покрытую разнообразными лестницами.

Холодная осенняя вода прозрачна, три луны глубоко просвечивали её. И Николка, склонившись, прямо под ногами разглядывал спящих рыб, комки сросшихся водорослей, рои рачков-бокоплавов. Но через какое-то время верхний свет стал меркнуть, угасать, и вот наступила полная темнота.

- Озеро Чвоор покрывает древний разлом в земной коре. Сверху оно не очень-то и большое, посреди Суйговых болот особо ничем не приметное. Но по глубине не имеет себе равных.

Сопровождавший Николку эльбудин, казалось, придремал. Но и, не открывая глаз, он точно комментировал всё происходящее. Даже порой отвечал на Николкины мысли:

- Не мы, не эльбудины сотворили тайновище Агдаль. Оно обустроено ещё в те времена, когда эйквы обладали могуществом видеть и проникать во все тайны земли, воды и неба. Тогда-то и возник город подвожья. Многие создавалось, многое цвело и плодоносило на благо всем человеческим и волшебным народам Ягийского царства, когда три великие прорицательницы видели грядущее так же ясно, как прошедшее. Но в какой-то миг они ослепли. Почему? Учитель Вола Хаов сказал: «Всякий полученный дар отдавай даром. Как свет и тепло, мороз и снег покрывают всех одинаково, так и обладающий избытком сил да раздаст их без различия лиц». А прорицательницы начали делить окружающих на любимых и нелюбимых. Точнее, на любезных и дерзких. И так подпустили к себе лизоблюдов. А лесь слепит.

Густо-изумрудная темнота изредка прорезалась стремительными струйками встречных пузырьков. Да ещё какая-то странная рыбина-нерыбина, тюлень-нетюлень, сделав несколько неспешных оборотов вокруг спускаемого парашюта, растаяла в неизвестности.

- Это пелгас. Существо, в общем-то, разумное, но ничего не желающее. Голод и скука – два повода к деятельности. Есть же голова, какие-никакие руки, казалось бы – ну и трудитесь, создавайте свой мир. Нет, ничего не хотят. Поймают карасика, зажут, посмотрят на работу других – и им достаточно. Может, от того, что хладнокровные?

Николка хмыкнул, вспомнив, что и в их классе такие наблюдатели-пелгасы тоже имеются. Только вместо карасиков предпочитают чипсы.

Аня сидела на стволе завалившегося тополя, честно глядя перед собой в лесную темень. Сидела и смотрела – пять минут, десять, двадцать. Потом встала, разминая ноги, походила взад-вперёд по границе чащи и поля. Со стороны озера, стелясь по самой земле, неспешно наползала тоненькая дымка. В лунном свете она казалась живой пушистой шалью. Покрывая коротко скошенные травы, дымка зажигала на них огоньки росы. Вот она коснулась Аниных сапог. И они мгновенно до середины голениц заблестели влагой. Чтобы братова куртка не промокла, она на всякий случай закинула её на спину и подвязала рукавами под шеей.

- И сколько мне ждать? До утра? А если он уже прошёл? Вот так: разминулись мы, а казнят Машу. Эй, ну какая же ерунда в голову лезет. – Аня ворчала тихо-тихо, помня о предупреждениях Баангсэль Анхи и Карла-Густава.

Откуда-то с выкошенных лугов донёлся далёкий крик. Протяжный, явно детский призыв на помощь. Аню как иголкой в сердце кольнуло: «Братец»!

Она рванулась на повторно раздавшийся жалобный зов. Высоченное беззвёздное небо чёрной чашей покрывало распахнувшийся, серебрящийся влагой простор. Три луны выбрасывали под ноги бегущей девочке три тени, а позади протяжно клубился след в растревоженной туманной дымке. Аня на ходу пыталась рассмотреть хоть что-то, но в результате только споткнулась, растянувшись и проскользив несколько метров животом по росистой траве. Вскочив, она услышала третий крик, уже где-то совсем-совсем близко. И только теперь поняла, что кричал не человек.

Двигаясь с осторожностью, обошла стог сена. А там...

Маленький беленький жеребёнок отчаянно трепыхался, пытаясь приподняться. Но что-то крепко удерживало его передние ноги. Заваливаясь на спину, малыш выгибал тонкую шею, отчаянно кося испуганным глазом на окруживших здоровенных птиц. Помахивая приподнятыми крыльями, к несчастному со всех сторон враскачку подступали стервятники. Но, при ближайшем рассмотрении, это оказались не грифы: крылья подбирившихся к жертве были не перьевыми, а перепончатыми. Как у летучих мышей. И на длинных голых шеях покачивались чуть опушённые головки с мерзкими крысиными мордами. А вот под покрытыми свалывшимися шерстяными прядями телами перетаптывались вполне птичьи лапы. Только очень большие.

«Это же эти, летуны, о которых говорили – птолемы». Аня вышагнула из-за стога и грозно раскрутила над собой Николкину куртку:

- Ну-ка, пошли прочь! Прочь, я сказала!

Не ожидавшие на уже почти начавшемся пиршестве появления нового персонажа, да ещё столь решительного, птолемы, совсем как гуси зло шипя и прихлопывая крыльями, вперевалочку отбежали. Но не далеко.

- Эй, вы, тихо там! Пошипите мне. Я вам живо леталки-то пообломаю! – Погрозив стервятникам кулаком, Аня присела над жеребёнком. – И чего плачем, маленький?

Передние копыта жеребёнка застряли в ячейках толстой сети. Точно такой же, какой эйквы изловили молодого менквина. Аня погладила вздымавшийся быстрым дыханием белый бок: «Не волнуйся, миленький, я тебе друг». От первого прикосновения жеребёнок вздрогнул, но потом затих, без сопротивления позволив высвободить ноги.

- Вот и молодец. Умничка.

Аня, оставаясь на коленях, рассмеялась, глядя, как почувствовавший свободу жеребёнок заподпрыгивал на месте. Но в этот момент за спиной кто-то выдернул из-под неё братову куртку. Оглянувшись, она рассвирепела: два птолема, для незаметности приклонившись к земле, убежали,

прямо на ходу разрывая Николкину «аляску». Аня бросилась в погоню, но раньше к похитителям подоспели собраты по виду. И в секунды от куртки остались только клочки, растаскиваемые тупыми стервятниками.

- Что ж вы творите, косолапые? И зачем? – Аня подобрала красное стёклышко с прилипшим к нему крылатым муравьём. Аккуратно спрятала в нагрудном кармане, рядом с перстнем, и вздохнула: теперь и братец изнается, и дома от родителей достанется. Ну, а на самом деле, зачем это они сделали? Вот тупые пакостники! А ругаемые ею стервятники только самодовольно посвистывали, сбившись в плотную стаю. Попробуй, тронь их, если в руках ничего нет! Более того, тут смотри, как бы они и сами не тронули – если все скопом накинута, то вовсе неизвестно, кто победит.

Внезапно раздалось негромкое, но гневное лошадиное ржание. Этот звук почему-то сильно напугал птолемов. Они, мигом примолкнув, встрепыхнулись, и, словно кто в них бросил палкой, разворачиваясь в цепь, побежали навстречу лунам, разгоняясь для взлёта.

Аня обернулась: на дальнем холме, островком возвышающемся над туманными волнами, белая Кобылица взметнула длинной гривой и, запрокинув голову, заржала ещё раз. Теперь уже нежно. Ответно вскрикнув, жеребёнок гулким галопчиком помчался на призыв матери.

- И никакой благодарности. Ну, а что с них взять? Дикие они, животные.

А Маша...

А Маша, отлюбовавшись просторами лунной ночи, потихоньку приходила в себя. Зубцы, ограждавшие верхнюю площадку башни Мооган-Эквы, были ею все пересчитаны, как и древние пушки. Жерла которых, кстати, оказались плотно забиты слежавшимся мусором – давненько же из них не стреляли.

От предутренней прохлады Машу стали преследовать мыслишки о примирении с тем, что Улумверта за всем подглядывает и всё подслушивает в пирамиде. Зато там теплее. И ещё оставался морс с печеньем... Маша из последних сил удерживала себя от желания вернуться под слюдяные стены. Нет, нельзя, – она там присядет в кресло и обязательно задремлет. А тогда... тогда неизвестно, что может приключиться. Хотя, и здесь точно так же ничего не известно!

Неожиданно из дыры в раме на площадку высунулась голова Суури:

- Вот ты где! – Владычица, чертыхаясь на цепляющееся платье, выбралась к Маше. – А чего? Наслаждаешься видами?

- И это тоже. Но, главное, здесь нет лишних глаз и чужих ушей.

Суури, не расслышав или не поняв шутливого намёка-предупреждения, задумчиво опёрлась на зубец:

- Красота-то какая! Я уже очень давно не выходила сюда. Тем более, ночью.

- Почему? Не пускают после отбоя?

- Сплю. Мне прописаны снотворные ароматы, чтобы не было никаких видений. Вечером закрыл глаза, утром открыл – и ночь позади. Без всяких проблем.

- А какие у тебя проблемы? Ты, что, лунатик? По крышам бродишь с закрытыми глазами?

- Вроде того. Точнее, меня околдовали. Год назад я, как обычно, в полдень через подзорную трубу наблюдала за своими подданными. Не из пирамиды, а прямо отсюда. И увидела под кедром его. – Суури вдруг перешла на шёпот.

- Кого? – Ответно зашептала и Маша.

- Эльбудина. Из беглецов. Но не обычных, которые всё лето без дела шатаются до наступления холодов. А из бунтарей. Из «воинов Агдаля», как они себя называют. Это неисправимо непокорные эльбудины, подлежащие решительному уничтожению – они не признают непогрешимую правоту Великих прорицательниц богини Калташ-Эквы! И меж нами идёт самая непримиримая война! – Суури, испугавшись собственного нервного вскрика, оглянулась, и снова зашептала:

- Так вот, тот эльбудин оказался разведчиком: в руках он тоже держал подзорную трубу. Я даже не сразу поняла, что мы с ним рассматриваем друг друга одновременно. И на расстоянии всё вроде как нестрашно. Более того, мне даже показалось забавным, как мы по-переменке прикладывались к окулярам и корчили друг другу рожицы. Не знаю почему, но я никому не

рассказала о приключившемся. А на следующий день эльбудин опять стоял под дубом. И на следующий. Мы уже не кривлялись, а просто смотрели. Смотрели и смотрели. Вдруг я поймала себя на мысли, что буду грустить, когда мои подданные его схватят и казнят. То есть, я совсем потеряла бдительность. Чем он и воспользовался.

Суури закрыла лицо руками. Помолчав, продолжила уже совсем еле слышно:

- Он вышел из леса на открытое место. И написал на песке моё и своё имена, тем самым магически связав нас. И с той поры стал мне сниться.

- Как его звали? Или ещё зовут? – У Маши сердце тоже ударило кровью в щёки.

- Ашинби Акчура. Он кан, то есть, князь у бунтарей.

- Да, он красивый.

- Откуда ты знаешь?!

- Ну... мы совершенно случайно повстречались на дороге. – Отчего-то Маша не решилась рассказать всего пережитого у костра самоедов.

- От прозорливости Великих прорицательниц богини Калташ-Эквы моя болезнь не укрылась, и мне выписали вдыхание панго – лечебного дыма. Только сегодня я подышала не в затылок, для вида, и потому сейчас здесь, с тобой.

И опять Маша почему-то не захотела ничего высказать по поводу прозорливости Великих прорицательниц.

- А на Ашинби была объявлена охота по всему царству. Даже диким менквинам и парсам обещана за него награда – живого или мёртвого. Вот с тех пор я и не выхожу сюда. Я решила, что если он какое-то время не увидит меня, то перестанет приходить. И спасётся. А ты как думаешь, долго мне ещё болеть?

- Не знаю. Читала, что иногда это тянется до конца жизни.

- Говорят, его снова видели здесь два дня назад. Он рискует, словно ищет смерти. Хотя, если честно, мне и самой иногда тоже хочется умереть. За что? Почему? Скажи: ведь это же ненормально – желать смерти в семнадцать лет!

- Почему ненормально? Любовь в вашем возрасте – обычная история.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ. Рука провидения.

Аня вернулась на границу леса и поля. Присела на знакомую валежину, опять уставясь в чащобную тьму. Понемногу успокоилась. Туман истаял, обратившись в росу, и по левую руку за камышами блесло лунными дорожками недалёкое озеро. В ожидании уже скорого рассвета, всё, казалось, крепко спало. Тишину нарушал лишь редкий шорох облетающих сухих листьев.

Она и сама себя ловила на том, что, то и дело, почти упирается лбом в колени. Нужно было взбодриться. И Аня решила петь. Тихонечко, только для себя, но что-нибудь обязательно бодренькое. И что? Марш неохота, диско тоже. А вот, мамин любимый вальс: «Эти глаза напротив... В калейдоскопе дней...». Пропев пару строк, Аня вдруг поняла, почему она вспомнила именно эту песню: прямо на неё большими грустными глазами помаргивало ... дерево.

Да! Старый, с давно обломившейся макушкой тополь смотрел на Аню.

Подскочив, она отшагнула и, естественно, ткнувшись пятками в валежину, на которой перед этим придрёмывала, завалилась навзничь. Тут уже вспомнилась не мамина песня, а сама мама. Особенно, когда над ней кто-то наклонился.

- Мамочка!

- Нет, я тебе не мамочка. – Раздался вроде как знакомый, чуть дребезжащий голос. И Ане протянули руку помощи. – Вставай. Ты не ушиблась?

Но Аня поднялась сама. И сама уже чуток наклонилась, разглядывая нежданного гостя:

- Здравствуйте.

На валежине стоял некто крохотный, очень похожий на Айриса. Только у этого человечка излишне большими были не губы, а уши. И волосы не пушились, а обвисали десятком косичек:

- Здравствуй, Анна, посланница Блаженного Ира. Меня зовут Эритача Мись, и здесь я по просьбе нашего общего друга Айриса Чахгиля.

- Вы тоже гмуританин?

- Нет, я из народа Гельвинов. – Эритача Мись поправил за спиной маленький лук. Жилетка на нём была вполне гмуританская, а вот тоненькие ножки, с коленками назад, не прятались шароварами, а, наоборот, плотно обтягивались замшевыми лосинами. – Ты слышала про нас? Нет. Тогда для полного доверия к моему доброму к тебе расположению я вручаю эту бумагу.

Аня приняла серо-жёлтой лист, прижав к груди, благодарно кивнула:

- Да я вам и так верю. Вы очень похожи на Айриса.

- Это потому, что наши народы братственны. Вернёмся к делу. Нам нужно до зари успеть выйти к устью ручья Яха. И там встретить кана Ашинби Акчура.

- А Николку?

- Они придут вместе. Пойдём, я объясню всё по дороге.

Аня перешагнула валежину, но тут же замерла:

- Уважаемый Эритача Мись, но на нас кто-то смотрит.

Эритача взглянул в указанном Аней направлении и досадливо махнул ручонкой:

- Не обращай внимания, это волот. Он безобидный.

- А чего он на нас? Смотрит?

- Это он всегда. Смотрит и смотрит. Пойдём, нам предстоит трудный путь.

Хоть волот и безобидный, но, всё равно, Аня, оглядываясь, старалась вплотную держаться к мелко, но споро шагающему Эритаче. А тот, удивительно ловко находя в тёмных зарослях наиболее удобные проходы, успевал беспрерывно говорить, отвечая даже на ещё не заданные вопросы:

- Мы, гельвины, хоть и родственны гмуританам, но живём не в пещерах, а в дуплах. И наше умельство не в камнях и металлах, а в растениях и зверье. Лес – он только для глупцов дикий. Мол, сам по себе растёт, старится и обновляется. На самом деле, это сложнейшее хозяйство. И, уверяю тебя, весьма хлопотное. Всё на свете сотворено со своим смыслом, но требует постоянной о том заботы. Вот, как ты думаешь, сколько белок может прокормиться на участке от дороги до болота? Сколько нужно вырастить для них кедровых шишек, пластинчатых грибов и еловых почек? Притом, что все зимы разные и по срокам, и по суровости. А сколько куниц должно следить за их здоровьем? Да что там белки, известные непоседы! Такие мирные и тихие на вид деревья, и те своевольничают. Чуть зазеваешься, глядь, а торопыги берёзки уже наобжидали скромниц-сосенок. Ну и, ох, лесные волшебные народы! Даже объяснять не надо, что каждый со своими причудами.

Эритача потыкал пальчиком в толстенный ствол старой ели:

- Ты думаешь, это мох? Нет, тоже волот, только зажмурился. Кто не знает, на вид, действительно, просто мох: прижмётся волот к дереву или на землю ляжет – не отличить. Плоский, как шкурка. Но с глазами. Вечно грустными. Честно говоря, они меня тоже раздражают. Смотрят и смотрят. Сто лет, двести, триста. И молчат. Вот зачем такие были сотворены?

Эритача не только легко вёл в темноте, но и по ходу успевал что-то подправить: разогнуть подломившуюся ветку, смахнуть сухие листья с мухомора, подать мелкой сове-сычку оброненного жука-короеда. А ещё он ни на секунду не затихал, и под его объяснениями Аня начинала по-иному видеть лес. Действительно, разве такое хозяйство может самоуправляться? Их сад-огород столько забот требует, а тут в тысячу раз всё сложнее! Но вдруг Эритача резко сменил тему:

- Вернёмся к главному! Айрис узнал новость от крота, которого предупредили амбарные мыши из башни Мооган-Эквы. Он, через степных сусликов, послал ко мне в лес бурундука. Но этот чересчур запасливый свистун-полосатик по пути так набил защёчные мешки тыквенными семечками, что я понял только половину из сказанного им. Значит, примерно так: рано утром кан Ашинби Акчура и посланник Ира Николай по ручью Яха выплывут в озеро Куурдо из Суйговых болот. Где на них нападут летучие корабли эйкв. Дальше этот жадина цокал уже совсем неразборчиво. Но, похоже, что ты как-то сможешь их спасти. Как? Ты кто – великий воин или обладатель чудесного оружия?

Аня только вздохнула. Нашлёпать Николку она в силах. И птолемов сгоряча лихо шуганула. А вот защитить братца и эльбудинов от летающих эйкв... Может, в испорченном телефоне «мышь-крот-Айрис-суслики-бурундук», кто-то чего-то поднапутал?

- Не хочешь отвечать, не надо. Я же понимаю: некоторые вещи нужно хранить в тайне.

«В тайне»?! В тайне завещала им хранить полученные в Ире дары Додола! Ага, кажется, есть у неё некое чудесное оружие! С которым они уже один раз побеждали на площади Колоруда. Анна на радостях чуть, было, тут же всё про свой дар и не выложила Эритаче. Но успела сообразить: раз в лесу кто-то веками за всем подглядывает, то, наверняка, кто-то и подслушивает.

- У нас, гельвинов, главное оружие – наши луки. Смотри: мой составлен из двух полукружий с прямой рукоятью посередине. Именно из-за того, что он как бы сдвоенный, то, при малых размерах, в нём сила двух луков эйкв. А прямая рукоять даёт точность боя. Искусству клеить такие луки из пяти видов деревьев мы научили эльбудинов. Этим они смогли побеждать ловких менквинов. А чтобы менквины не отбивали свистящие стрелы на слух, эльбудины уже сами додумались оснащать их бесшумными перьями филина.

За рассказами Эритача незаметно вывел Аню на границу тьмы и света. Здесь лес, поредев и помельчав, мёртвыми стволиками елей удерживал наступление кочек Суйговых болот. Туман последними лентами утягивался в глубь топей, и чистое небо на востоке заметно поддурмянилось. Одна луна уже запала за горизонт, а две оставшиеся, побледнев, почти прикасались сонной озёрной глади. Эритача всыпал в Анину ладонь горсточку кедровых орехов:

- Здесь мы и устроим засаду. Спрячемся так, чтобы ты смогла поразить корабли эйкв неожиданно. Ибо неожиданность – первейшее условие успеха в любой битве.

А в то же время Николка...

А в то же время Николка заканчивал ужин в покоях кана Ашинби. Ну, про «покои», конечно, сказано громко. Достаточно просторную, безоконную комнату заполняли лишь три длинных стола, состроенные буквой «П», да сгромождённые у дальней стены гигантские сундуки. Из украшений по чисто выбеленным стенам висели шкуры разных зверей и рога. Самым дорогим предметом была кованая люстра со множеством вправленных цветных стёкол, изображающая четырёх разлетающихся соколов, с человеческим ликом на груди каждого.

За накрытыми простыми, но сытными яствами столами на лавках, кроме кана и гостя, сидело двадцать восемь эльбудинов. Все молодые, крепкие, розовощёкие, с лёгким пушком едва пробивающихся бородок. Ужин проходил тихо, разговоры велись вполголоса. Даже сам Ашинби, обращаясь к Николке, приклонялся к его уху:

- Здесь собраны мои старшие воины – ханчуры. Сильные, смелые, верные до последней капли крови. Но не мы суть тайновища Агдаль. Воинство – лишь ограда вокруг разума. А истинная жизнь Агдаля в его мудрецах-белембеках.

- Тогда понятно, почему вы все так молоды.

- Возраст ни при чём. Некоторые белембеки и помладше тебя.

- И уже мудрецы?

- Да. Ведь мудрость белембеков не принадлежит этому миру. Они черпают её в видениях. Послушай: много-много лет и зим назад, когда самые великие деревья ещё спали в желудях, одного из эльбудинов по имени Игибай Юлсун стали преследовать видения. Он наяву видел как бы сны, из которых узнавал законы физики и секреты химии. Он мог пересказывать давно забытые мифы и петь утерянные песни. Он указывал, отчего умирают механизмы и почему пушки более не извергают гром и молнию. Он лечил увечных и утешал отчаянных. И при этом Игибай Юлсун был простым пастухом. Первое время эйквы к его рассказам и песням относились терпимо, как к неким чудачествам. Но когда вокруг него стали собираться целые толпы болящих, страждущих и пытливых, Игибая сослали в лес, подальше от башни. А там отправили на осушку болот – работы, на которых в один год малярийная смерть забирала даже самых сильных.

Не прерывая рассказ, Ашинби придвинул к Николке блюдо с огромным карпом, запеченным в сметане, подлил в кубок сладковатого отвара шиповника и мяты.

- На болотных топях все трудились по одиночке. А Игибая и вовсе загнали в самую комариновую глухомань. Но видения по-прежнему переполняли его, и от переизбытка души Игибай Юлсун пел птицам, исцелял лягушек и выпцарапывал странные чертежи на листьях лопухов. Однако, леча других, он не избежал малярии сам. Таких заразившихся, ещё живых, но уже обречённых, охранники выносили и бросали на полянах, где ночами их пожирали стервятники-птолемы.

Николке есть что-то расхотелось. Набычившись, он перебирал кончики подпояски своей медвежьей обновки. А Ашинби окончательно перешёл на шёпот:

- И вот там, среди трупов и полутрупов, готового и самого скоро умереть Игибая Юлсуна нашёл учитель Вола Хаов.

Наконец-то Ашинби заметил, что некоторыми излишними подробностями он окончательно отбил у гостя аппетит. Правда, другие ханчуры ещё раньше закончили ужинать и терпеливо ожидали разрешения своего кана встать из-за стола.

- Хорошо, самое главное в двух словах. Учитель унёс Игибая в заброшенное тайновище, где исцелил. И предупредил: никогда и ни перед кем не хвалиться видениями. Именно за самолюбование и слабость к лести этот дар прорицания был отнят богами у эйкв и теперь передан эльбудинам. Игибай Юлсун оказался скромн и потому многое узнал от Учителя. Главное, он научился зарисовывать слова, а затем заново их озвучивать. А когда Вола Хаов ушёл, Игибай Юлсун сам стал учителем для приходивших всё новых избранных, образовав с ними Агдаль.

- Это тайновище, где мы сейчас находимся? – Николка встал вместе с Ашинби, следом со своих мест поднялись и остальные.

- Нет. Тайновища различны – есть подводные и подземные, есть горные и лесные. – Они вышли из трапезной и двинулись по узкому коридору. – Агдалем же называется то из них, в котором на данный момент пребывают мудрецы.

Ашинби свернул в приоткрывшуюся дверь, Николка, помешкав, шагнул за ним. Эта была оружейная, просто заваленная всем, чем можно нападать и чем можно защищаться. Два юных будина, молча поклонившись, начали облачать кана в лёгкие кожаные доспехи. Николка присел на скамеечку у стены, восхищённо и чуток завистливо оглядывая различные сабли и кинжалы. Топоры, палицы и копьё его интересовали гораздо меньше.

- Видишь, мы приготовились к борьбе за свободу. Почти всё это мы насобирали в заброшенных городищах и укреплениях старых рудников. Очистили, подремонтировали, наточили. Но кое-что изготовлено заново. – Ашинби, расставив руки, ожидал, пока на нём застегнут панцирь, покрытый пластинами из лосиных рогов. – А сегодня с летучего корабля эйквы сбросили маленького менквина. Упав, он ушибся и легко попал в руки нашей разведки. Это он рассказал про тебя и про других посланниц, которых увозили в башню Мооган-Эквы. Я послал найти тебя, и вот теперь мы вместе отправляемся к башне. Правда, это же судьба? Я ведь ещё утром понял, что наша встреча промыслительна.

- А мою курточку он не отдал?

- Здесь явно рука провидения: ведь ты и твои спутницы мне очень нужны. – Оруженосцы надевали на кана шлём, украшенный хвостом волка, и он, по-видимому, не расслышал вопроса. – Три дня назад ко мне доставили записку от Великой владычицы с просьбой встретиться. Я пытался дойти до башни тайно, налегке. Но ты видел – менквин схватили меня. Теперь же мы выступаем силой.

- А мне оружия никакого не полагается?

- Посланник Блаженного Ира – лицо неприкосновенное.

- Ага, это для вас. Но те с корабля стрелами в меня пуляли самыми настоящими.

Ашинби кивнул, и оруженосцы поднесли Николке короткую лёгкую саблю и круглый щит.

- Да ты просто Аюби – вождь медвежьих воинов!

Известное дело! Мальчишка счастливо улыбнулся своему мутному и кривому отражению в металлическом зеркале: вот он, настоящий берендей!

В коридоре их уже ожидал целый отряд лучников в полном облачении.

Аня и Эритача сидели под ниспадающими до земли ветвями плакучей ивы, как в шалаше. Сидели скрытно, так, что даже большая серая цапля, подтянув одну ногу и сунув клюв за крыло, дремала перед ними на расстоянии всего-то трёх шагов, ничего не замечая. Утро наступало ясное, безоблачное. Споро разгоревшаяся заря раскрасила болото и лес в розовые и оранжевые цвета, а когда из-за малинового горизонта выскочило солнышко, на взрябившую миллионами алых искр воду стало невозможно смотреть.

Аня за эти два часа ожидания так и не сумела вставить ни единого словечка в непрерывное бормотание Эричаты. Зато она узнала, что восемьсот сорок шесть лет тому назад Верховные прорицательницы Авиль, Тивир и Тынни Ыйс получили от богини Калташ-Эквы откровение, согласно которому эйквы должны были отлучить от управления Кикомойским царством всех эльбудинов. За это им, якобы, будет дано бессмертие. Что говорить, бессмертие для женщин – заветная мечта. До того они с мужчинами в обычной жизни не разделялись, делали всё вместе, только поклоняясь разным богам. А боги ревнивы. И вот, вначале будинаев лишили права на оружие и запретили изобретать, сочинять и преподавать в школах. Затем отняли власть над производством и сельскими угодьями. Некоторое время им позволялось выбирать себе простую работу по желанию и способностям. Но потом и вовсе обратили в бессловесных рабов – карая не только за поклонение своему богу Тенгре-Натагаю, но предавая смерти даже за само лишь произношение его имени.

Тогда-то и началось беглячество на берега речки Тамь, в заброшенные лесные деревни и горные рудники. Таким образом эльбудины протестовали против рабства. Весну и лето беглецы чувствовали себя свободными и счастливыми. Костёр был их кормильцем, защитником, он согревал, лечил и принимал жертвы. Однако, выращенные и воспитанные в закрытых лагерях на расчётливо продуманном за них и для них режиме с расписанным до минут обучением, трудом, кормлением и отдыхом, эльбудины уже не умели сами планировать себе жизнь на будущее. Не умели делать запасы еды и дров к грядущим голоду и холоду. Не думали об укреплении жилищ. Так что в конце осени подавляющее большинство, не выдерживая наступавших лишений, возвращалось в свои лагеря подле башни Мооган-Эквы. Их там били, унижали, посылали на самые тяжёлые и грязные работы, но зато вовремя давали пайку хлеба и обеспечивали лежанку в тепле.

Лишь очень немногие научились выживать, не сдаваясь. Это те, кто продолжал хранить молитвенную верность богу Тенгре-Натагаю. Именно этим стойким эльбудинам, взамен обольщённых прорицательниц, стали посылаться видения, в которых открывались законы мироздания. Через видения они познавали связь событий, постигали механику и медицину, агрономию и живопись. И первым среди первых встал Игибай Юлсун. Ибо он не только сам был избранным для видений, но и сумел объединить подобных себе мудрецов в сообщество Агдаль.

Годы шли, и, действительно, Авиль, Тивир и Тынни Ыйс не умирали. По триста лет жили старшие сёстры гребней, по двести – средние сёстры челноков. Но при этом эйквы всё больше утрачивали понимание сути жизни – её обязательного обновления. Мучительно они охраняли то, что унаследовали от прежних поколений. Но они могли лишь оберегать и поддерживать внешность, не разумея смысла. Мельницы, станки и часы останавливались, здания и мосты рушились, стёкла осыпались. Поля не давали урожаев, заболачивались и зарастали лесом. Люди и скот часто болели. И во всех бедах Верховные прорицательницы винили эльбудинов. Казни спешили за казнями, каралось ничтожнейшее отступление от законов, малейшее несоблюдение ритуалов. Каждое утро толковица отравляли на смерть тех, кто, якобы по указанию богини Калташ-Эквы, своим проступком вызывал град или засуху, обвал стены, падение корабля или потерю десятка овец.

Среди упорных беглецов, кроме мудрецов-белембеков, появились и другие, не смилившиеся с рабством – воины-ханчуры. Нескольких замерзающих, совсем ещё маленьких детей укрыли в своих дуплах сердобольные гельвины. Гельвины и вырастили из них чутких охотников и смелых противоборцев злобе менквинов. Гельвины наставили их в искусствах лесной ловкости и силы, птичьего виденья, животного слушанья и змеиного терпения. Но, главное, они обучили юных воинов-ханчуrows, выживая в любых обстоятельствах, чётко разделять жёсткость и жестокость.

Солнце не может не светить. Ум не может не научать. И сила не довольствуется сама собой, ей необходимо восполнять чью-то слабость. Человек сотворён так, что по своей природе он жаждет заботиться о другом.

Но как осветить пустоту, как научить нежелание, помочь безволию? Обычные беглецы, словно трава или деревья, блаженствовали летом и страдали зимой. Мучимые рабством внешне, внутренне они покорствовались ему. Ибо их растили в неумении слушать прошлое и нехотении смотреть в будущее. Их воспитывали в беззаботности! Здесь, в этом их ко всему, – и к себе в том числе! – безвольном равнодушии, и крепился корень зла. Мудрецы знали, как можно вырвать его, но не могли. Воины могли, но не ведали способа.

А ещё человек сотворён так, что его сердце постоянно сострадает другим. Именно сострадание единит всех, увязывая помогающую силу с научающей мудростью. И когда три года назад, велением толковицы в одно злосчастное утро казнили сразу двадцать «провинившихся» эльбудинов и пять эйкв, ханчуры пришли к белембекам, и попросили их руководства в прекращении кровавой бессмысленности. И тогда...

Эритача приподнял указательный палец – сонно стоявшая у самого берега цапля вдруг встрепенулась, покрутила высоко поднятой головой и, оттолкнувшись с сильного приседа, взлетела.

- Так когда это сможет прекратиться? – Наконец Аня дождалась паузы.

- Тсс! Они приближаются. – Эритача приник к щёлке меж листвой и прошептал:

- Слышал я одну древнюю присказку: «Когда день и ночь соизмерятся, а волчица и кобылица сойдутся не для смерти... Ну, там целая песня, про то, что когда *Лёд и пламя слиты в одно* – Царству новое имя дано.

- Какое имя?

- Тсс!

По правую руку от наблюдателей из второго ручья-речушки на простор Куурдо выплыл торфяной островок. Почти круглый, с двумя берёзками в высокой траве, с ивой и кособокой ёлкой, он закачался на солнечной ряби, медленно оборачиваясь вокруг оси. Посередине островка, во что-то увлечённо играя, сидели Николка и два эльбудина. То и дело по-над озером разносился их беззаботный смех.

Аня подалась, было, вперёд, но лёгшая на плечо маленькая ладошка Эричаты оказалась неожиданно тяжёлой:

- Тсс!

Островок, продолжая вращаться, неспешно подплывал к берегу. А трое игроков всё азартней погружались в бросание костей и передвижение серебряных фишек по расстеленной меж ними заячьей шкурке. И вот, когда до равномерно прихлопывающего прибоем заиленного бережка оставалось с десяток метров, по воде скользнула быстрая тень. Знакомая Ане тень.

Выкрашенный в чёрный цвет, летучий корабль был короче, но объёмнее «Лиилия». Бесшумно спланировав широким полукругом, он точно завис над островком. Беспечных игроков мгновенно накрыла толстовязанная сеть. И от бортов, с лёгким потрескиванием деревянных перекладин, к земле развернулось несколько верёвочных лестниц, по которым стремительно запускались безликие лучницы. Отчаянно барахтаясь, Николка и эльбудины пытались освободиться, но лишь сильнее запутывали и затягивали ловушку. А через несколько секунд в них со всех сторон уже упирались кончики стрел.

- Теперь пора. – Едва слышно прошептал Эритача.

Эльбудины прекратили бессмысленную возню и встали, подняв руки над головой. Воительницы ослабили луки, две из них стали крепить к сети сброшенный конец каната для подъёма уловленных. Корабль приспустился совсем низко, прошуршав днищем о жёлтую макушку берёзки. Перегнувшиеся через борт эйквы изготовились принимать пленников.

- Пора! – Прошипел гельвин Ане в самое ухо.

Сеть рывками потянули вверх.

- Давай! Действуй! – И Эричата вытолкнул Аню из укрытия.

Внезапное появление девочки вызвало у всех такое изумление, словно из-под ивы на них выкатилась шаровая молния. И хватчики, и пленные равно оторопленно замерли. Даже притаившийся меж двух кочек волот удивлённо вытаращил свои огромные глазищи.

Аня отряхнула колени и сбросила с волос паутину:

- Ну, здрастье!

И в этот момент остров ожил. Откидывая маскировку, как бы из-под земли на свет вынырнуло с полсотни эльбудинов. В мгновение ока окружавшие сеть лучницы оказались обезоруженными и лежащими под угрозой сабель. А большая часть ханчуров, вслед за своим каном, по лестницам взобралась на корабль. Пытавшихся оказать сопротивление эйкв сбрасывали за борт. С громкими всплесками они падали в мелкую воду, беспомощно увязая в густой тине и жирном иле.

На корме корабля кан Ашинби Акчура почти добрался до руля. Однако у самого штурвала высокую капитаншу в бордовом платье прикрывала полудюжина воительниц. Завязалась схватка. Отжав двух нападавших щитом, Ашинби выбил кинжал у третьей, и, поднырнув под выпады оставшихся, оказался за спиной противников. Размётанные эйквы, вновь, было, ринулись на кана, но он, крепко обняв дёргающуюся старуху левой рукой, правой уже прижимал лезвие своей сабли к её горлу:

- Эй! Стоять на месте!

Капитанша, ощутив остроту стали и прочувствовав решимость Ашинби, покорно обмякла.

- Бросайте оружие и прыгайте за борт!

Воительницы, переглянувшись, неохотно неспешно исполнили его повеление. Несколько всплесков, и на корабле, кроме капитанши, не осталось ни одной эйквы.

- Хура! Хура! Хура! – Троекратно над озером и прибрежным лесом разнёсся краткий клич ханчуров.

- Аня, скорее к нам! – Освобождённый Николка уже тоже был наверху. Корабль, гремя неподобными лестницами, толчком приблизился к берегу. Аня торопливо взобралась, присела на борт, но от помощи заботливо протянувшихся рук вдруг отказалась. Оглянувшись, она прокричала:

- Эричата Мись! Вы где?

Только эхо шелохнулось в ивовой листве.

- Эричата Мись! Ау! Разве вы не с нами?

Но ответную тишину нарушали лишь шлепки молча выдирающихся из грязи эйкв.

- Прости Аня, посланница Блаженного Ира, но у нас совершенно нет времени.

Вздыхнув, Аня перевалилась через борт. Вот и она, как дикая, на прощание даже не поблагодарила доброго гельвина.

Втягивая лесенки, корабль, дёргаясь и раскачиваясь, стал приподниматься.

- Осторожней! Не дрова везёшь. – Николка стукнулся затылком о мачту.

- Прости неопытного капитана, он же до сего дня рулил только в воображении. – Улыбнулся ему Ашинби.

«Томэм» – так назывался захваченный летучий корабль, словно подталкиваемый низким бледным солнышком, с ускорением двинулся на запад. А снизу, из зарослей вслед ему махала крохотная ладошка:

- Эй, милая девочка, удачи тебе! – Эричата Мись поправил за спиной колчан. – Вот в чём оказалось тайное оружие: ты умеешь выращивать воинов из травы. Удачи тебе на всё, Аня, посланница Блаженного Ира! А мне нужно срочно взглянуть на лосиную свадьбу. Ох, и зачем их сотворили такими упрямыми? Столько лет одно и то же, одно и то же – ну, никак без драки не обойдутся.

Летели скрытно, невысоко, так, чтобы только не цепляться за вершины сосен. Лица ханчуров были сурово сосредоточены, пальцы до побеления сжимали луки. Выстроившись вдоль бортов, воины неотрывно следили за небом, готовые в любой момент вступить в бой. Кан Ашинби застыл на носу как каменный, только волчий хвост его шлёма чуть шевелился попутным ветром.

Николка и Аня уселись на дно под штурвалом и наперебой делились пережитым. Ох, сколько же всего накопилось у обоих за эти сутки! И Владычица с прорицательницами, и подводное тайновище. И Улумверта, и мелкий менквин. И кобылица с жеребёнком, и волчица с волчонком... Тут брат и сестра привстали, удивлённо вперясь друг в друга.

- Не поблагодарила? – Спросили одновременно. И ещё раз, – как дикая?

- Помолчи! – Аня приложила палец к губам Николки. – Может, я чего лишнего в башне нанюхалась, но тут-то к гадалке ходить не надобно! Это рука провидения. Судьба.

- Ну, ты прям как Ашинби! Он слово в слово такое с утра талдычит.

- Молчи, я сказала! Не может не иметь смысла такое совпадение. И как там в присказке Эричаты? «Когда день и ночь соизмерятся, а волчица и кобылица сойдутся не для смерти...». – Аня обернулась к державшему штурвал ханчуру. – Вы не подскажите, какое сегодня у вас число?

- Двадцать второе сентября.

- Осеннее равноденствие. Точно судьба: именно нынче день и соразмерен ночи!

- Внимание! – Вдруг вскинул руку Ашинби. – Прямо перед нами противник!
Все обернулись на возглас и увидели несущийся навстречу красный парус.

- Это «Лииль». Корабль Баангсэль Анхи. – Аня встала рядом с Ашинби. Тот бросил на девочку косой взгляд – «и что?», а потом громко приказал:

- Всем укрыться!

- Баангсэль добрая, мы с ней подружились.

- Она – на службе, человек подневольный. Что ей прикажут, то и исполнит.

Ханчуры присели на корточки, спрятавшись за бортами. Ашинби тоже пригнулся, так что на «Томэме» остались видны только Аня с Николкой, да пленённая капитанша. Её приставили к штурвалу, угрожающе нацелившись из луков.

Корабли сходились. «Лииль», чтобы выровняться с «Томэмом», взял чуть ниже и левее, заметно сбрасывая ход. «Томэм» тоже замедлился. Под судами бугрилось поросшее мусорным подлеском бывшее пахотное поле, словно шрамом пересечённое знакомым Николке оврагом. Когда меж бортами оставалось метров двадцать, Аня замахала руками:

- Уважаемая Баангсэль Анхи! Как ваши дела? А мы с братом уже возвращаемся в башню Мооган-Экву!

Но Баангсэль даже не взглянула на неё:

- Привет тебе, сестра Виирь Ава! Всё ли во славу Калташ-Эквы?

- Привет тебе, сестра Баангсэль Анхи! Всё во славу богини! – С этими словами Виирь Ава неожиданно резко крутанула штурвал. Завалившись на левый борт, «Томэм» рванулся к земле, мачтой зацепив корму «Лииля». Обсыпаемые обломками реи и крепежа, эльбудины покатались по палубе. Чёрный корабль косо врезался в пахоту и, срубая по ходу движения мелкие берёзки, заскользил-запрыгал по полю, разрываясь на продольные снопы, теряя парус и разбрасывая деревянные фрагменты такелажа. Через сотню метров он, перемахнув через овраг, замер. Только раскачивалась выбитая из гнезда мачта.

Несколько эльбудинов сразу разбились насмерть, с ними погибла и сама Виирь Ава. Приваленные мягкими, но тяжеленными тюками, Аня и Николка в беспомощном ужасе смотрели, как лишённая крепящих растяжек высоченная мачта, покачавшись, словно повыбирав куда упасть, готовится их раздавить. Раздался сначала тихий, а потом всё более пронзительный скрип, и бревно всей своей мощью обрушилось на корму. Но за секунду до этого, ухватив брата и сестру за шивороты, Ашинби резким рывком вырвал обоих из-под удара. Не отпуская и не давая встать на ноги, он, отступая спиной, потащил их в поле, подальше от «Томэма». Повсюду раздавались стоны и призывы к помощи раненных эльбудинов. А в пронзительно голубом небе, выровнявшись после столкновения, краснопарусный «Лииль» заходил на позицию для атаки.

Блестя полированными масками-забралами, выстроенные по бортам воительницы натянули свои полутораметровые луки, выцеливая жертвы.

Ашинби споткнулся и упал меж Аней и Николкой. По лбу кана из-под слипшихся волос стекала струйка алой крови. Он мучительно пытался привстать, но силы покинули юношу.

Первая стрела вошла в землю совсем рядом, две другие чуть дальше. И тогда Аня закричала:

- Я могу это! Я могу это! Я могу это!

Стрелы осыпались редким посвистывающим дождем. Несколько легкораненных ханчуrows отстреливались, но «Лииль» был слишком высоко и висел на фоне слепящего солнца. Так что, если они и попадали, то только в днище. Ашинби, чуть повернув голову, с удивлением смотрел, как Аня, встав на колени и прижав ладошки к сердцу, забормотала:

- Уважаемая Баангсэль Анха, вы же добрая и очень умная.

Выждав паузу, словно выслушав ответ, продолжила:

- Я знаю. Я это точно знаю.

И опять прислушалась. Со стороны это выглядело как помешательство: вокруг посвистывали стрелы, кричали умирающие и металась обречённые, а эта девочка, закрыв глаза, тихо-тихо выговаривала неведомо кому. И даже, вроде как, улыбалась:

- Перестаньте, уважаемая Баангсэль. Вы очень умная и очень добрая, а, значит – мудрая. И знаете без меня, что сейчас вы на стороне зла... и эта победа обернётся гибелью всему, что вам

дорого... Какие века? Скорой и окончательной гибелью... ну, прикажите же остановить стрельбу. А я расскажу вам о толковице... да Владычицу и саму обманывают!

И свершилось чудо: смертоносный дождь прекратился. Аня поднялась с колен в рост и, продолжая тихий самоссобойный разговор, пошла в поле.

Прошло с полчаса. Эльбудины, по приказу Ашинби Акчура, собрали и снесли под прикрытие бортов полуразвалившегося «Томэма» раненых. И заслоняясь щитами, как черепаха панцирем, сгруппировались, изготовившись к отчаянной обороне. Всего годных к сражению оставалось не более тридцати ханчуров. Сам же Ашинби продолжал стоять на открытом пространстве рядом с Николкой. Ещё десять минут напряжённейшего ожидания.... Над полем качалась гнетуще густая, но неполная тишина. Где-то еле-еле цыкал полузамёрзший осенний кузнечик. Внезапно налетавшие низовые вихри шуршали сухой ломкой травой и высвистывали утыкавшими землю стрелами. Ещё пять минут.... В равнодушно безоблачном высоком небе чертили круги далёкие точки стервятников.

Аня возвращалась одновременно с начавшим снижение «Лиилем». С обеих сторон чуть слышно закрипели натягиваемые тетивы. Ашинби ладонью попросил своих бойцов о терпении. Николка же, не выдержав, пошёл, ускоряя шаги, а потом и побежал навстречу сестре.

- Всё получилось. – Аня обессилено повисла на братике. – Я это смогла.

Её губы продолжали улыбаться, а ему на макушку капали слёзы. Николка обнял сестру и уткнулся в её плечо:

- Ну, не плачь. Не плачь: ты это смогла! Больше никого не убивают.

«Лииль» замер над самой землёй.

- Дорогой Ашинби Акчура, ради сохранения жизней ваших друзей и подданных, вы полетите на встречу к Великой владычице один. – Аня говорила, чуть срываясь на всхлипы. – Баангсэль Анха доставит вас напрямиком на крышу башни.

- Как поверить, что эйквы обманно не схватят и не казнят нашего кана? – Вперёд выступил один из воинов, подавая Ашинби его оброненный шлём. – Что послужит гарантией?

- Только слово посланницы Блаженного Ира и ... подруги Каалтаси Суури.

- Да будет так! Достоин похороните наших павших. А раненых отнесите в лес. – Ашинби, опустив лицо, чтобы скрыть кривящую губы боль, неспешно взобрался на палубу «Лииля». Надел шлём. И кровь вновь закапала из растревоженной раны.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ. Обычная история.

Аня и Николка не стали дожидаться, пока ханчуры выполнят повеление своего канна и похоронят павших. Зрелище не для детей. Попрощавшись, они направились вдоль кромки оврага к видневшейся посреди поля дороге.

- Если твоя «рука провидения» существует в действительности, то вот я сейчас спрыгну вниз и опять повстречаюсь с волчонком. – Николка изо всех сил старался отвлечь сестру от только что виденного и пережитого. – Хотя, мы же в сказочном мире. Могу и встретить. Запросто. Ага, вот и смотри: вон, под шиповником страница из книги Волохова. Помнишь, как мы первым находкам радовались? А сейчас подбираем, как обычные грибы. Скоро лень будет наклоняться.

Николка поднял, разгладил и протянул лист сестре – в его медвежьей епанче не было карманов:

- Слушай, Анька, а мы тут уже так привыкли к чудесам, что, наверное, дома будем выглядеть как чокнутые.

- Почему «как»? Мы уже на самом деле чокнутые. Посмотрел бы на себя, на кого ты стал похож. В шкуре, с саблей! Кстати, ты как-то очень быстро вырос. И повзрослел: лет на одиннадцать тянешь. – Аня с удивлением взглянула на свои голые запястья. – И мне куртка малая стала. Вон, рукава совсем короткие.

- А сколько мы уже здесь?

- Я запуталась. Нигде ничего по числам не совпадает. На Юге было лето, здесь, на Западе, уже осень. А в Блаженном Ире Ваньша, поди, только вторую шахматную партию заканчивает.

- Интересно, выигрывает или продувается? – Николка вынул саблю и единым махом срубил сухой зонтик дудника.

- А мне так всё равно. Другое волнует: дома-то нас уже точно искать перестали.

- Кто знает? Вдруг там и получаса не прошло? – Замахнувшись на ветку боярышника, Николка оступился и, охнув, с треском исчез в овраге. Только сабля и осталась.

- Ты, балда! – Аня испуганно заглянула за край обрыва. – Не ... ушибся? Что, за Ваньшей решил повторить? Вылезай, я тебе сейчас зад нашлапаю!

- Я нечаянно.

- За нечаянно бьют отчаянно! А если бы чего сломал? Ведь ты же, малявка, даже в шахматы толком играть не умеешь.

Но Николка на сестрину ругань уже не реагировал. Он, разинув рот, смотрел, как на него из-за поворота косолапо набегает щенок. Маленький, кругленький, серенький.

- Это он? Тот самый? – Шёпотом сверху спросила Аня. – Ага, значит, судьба всё-таки есть!

Щенок приподнял чёрное рыльце и тоненько заскулил.

- Какой хорошенький. Плачет. Поддай его мне, я приласкаю.

- Не надо. У него мамка есть.

Аню миг охладило. Она оглянулась и столкнулась взглядом со зверем.

На другой стороне оврага стояла светло-серая, с почти белыми грудью и передними лапами, Волчица. Ледяные огоньки жёлтых глаз, покрытый мелкими шрамами острый нос, чуть прижатые уши. Аня медленно потянула к себе Николкину саблю.

- Не шевелись. Я сам. – Братец тоже очень медленно присел к волчонку. Погладил и нежно зашептал ему на ухо. – Я это могу. Я это могу. Я это могу.

Волчица предупредительно зарычала, показав очень серьёзные зубы.

- Послушайте, мы вовсе не желаем никому ничего дурного. – Николка привстал, держа щенка на груди. – Припомните: я уже помогал вам вытащить его из оврага.

Зверь удивлённо поднял уши.

- Вы меня узнали? Здравствуйте!

В ответ прозвучало что-то вроде позёвывания.

- Вот-вот. И я рад новой встрече. Меня зовут Николкой. Колей, если вам так легче выговаривать. А мою сестру – Анной. Нюской тоже можно. Только, простите её, она пока говорить не умеет.

Аня едва не вспылила на ехидный тон братца.

Волчица, перетаптываясь и кивая, издавала какую-то смесь из подтягивания, нежного рыка и громкой зевоты. Николка внимательно выслушивал и важно кивал:

- Я совершенно и во всём с вами согласен. У нас, у людей, тоже с детьми вечные хлопоты. Чуть зазеваешься – тут же кубарем летит с обрыва. Я вынужден следить за братом и сестрой.

Аня опять чудом не взорвалась от такой наглости. А Николка продолжал:

- Нашлапать зад несложно. Гораздо труднее научить ребёнка самостоятельно оценивать опасность и вести себя соответственно. А, ведь, кроме, так сказать, природных зол, подрастающую личность подстерегают немалые угрозы от себе подобных. Уверяю вас: человеческое общество ничем не отличается от волчьего! Карты, алкоголь, никотин. Подростки сбиваются в стаи, где зачастую вожаками становятся не лучшие примеры для подражания.

Николка явно наигрывал роль школьного завуча на родительском собрании. Даже нижнюю губу выпячивал точь-в-точь. Ну, надо же, сколько этот шалопай умнообразных словечек подслушал и запомнил! Очарованная его красноречием, Волчица уже не тьякала, а откровенно подвывала.

- Вы знаете, я готов заняться вашим сыном. Думаю, мы с ним вполне поладим. А пока вы можете спокойно сходить на охоту. Только один вопрос: не знаете ли вы белую Кобылицу? Не сможете ли устроить с ней свидание? Вечерком, на закате?

Рычание.

- Понял!

Опять рычание. Длинное, но не злое. Скорее, предупредительное.

- Хорошо-хорошо, всё совершенно ясно! Вот там мы и встретимся. Ни пуха, ни ... ну, гм, это: счастливой вам охоты!

Волчица, стрельнув на Аню жёлтым взором, исчезла. Как в воздухе растворилась.

- Помоги нам выбраться. – Николка приподнял над головой щенка. – Только очень осторожно: его оставили под мою ответственность.

- Тоже нашли «ответственного». – Проворчала Аня. – Да я бы тебе железный шарик не доверила. Ты же и его сломаешь.

Они шли по берёзовому и тополиному редколесью, громко шурша жёлтыми и бурными листьями. Щенка несли по очереди, но Аня больше молчала, а Николка болтал и болтал. Ведь стоило ему прерваться, как тут же закрылась бы его последняя возможность использовать ирийский дар. А ведь вечером ему предстояла ещё очень непростая беседа с Кобылицей. Поэтому Николка беспрестанно обращался к щенку, который, то внимал ему, подвывая в ответ, то дремал. А то, вырвавшись из рук, носился как угорелый кругами, прикусывая ребят за пятки.

Часа за четыре волчонок выслушал сказку про Колобка, семерых козлят, про «ловись рыбка большая и маленькая», про Ивана-царевича и его Серого волка. Николка начал, было, и о Красной шапочке, но хорошо, что сестра вовремя одёрнула, напомнив о не очень приятной для некоторых присутствующих концовке. После знаменитой рыбацкой байки про огромного окуня из берендеевской речки Раквы, пошли считалки, далее таблица умножения и правила правописания. Затем начальная география и история Древнего мира плавно перетекли в русские народные и современные эстрадные песни.

День только-только перевалил на вторую половину. Ребята шли рядом с дорогой, но скрытно, обходя даже брошенные деревни и разрушенные фермы. Очень уж не хотелось объясняться ни с эйквами, ни с эльбудинами. Шли споро, без остановок. Нежаркое солнышко и налётистый ветерок были весьма кстати, но даже почти всё время молчавшую Аню мучила жажда, к которой помаленьку присоединялся и голод. А что уж до Николки, то у него от непрерывного говорения в горле просто нестерпимо горчило и карябалю.

Потому, когда вдалеке у одинокого, давным-давно нежилого домика они увидели старый колодезь с едва держащимся подъёмником-журавлём, то без раздумий бросились к нему наперегонки. Дом был давно необитаем. Чёрные, сгнившие по углам стены избяного сруба накрывала закосившаяся, более похожая на рыбий скелет, крыша. Из оконных дыр рыжими водопадами изливались засохшие стебли дикого хмеля. Двор и огород поросли многолетней крапивой. Но при всеобщем удручающем запустении, сам колодезь сохранился неплохо, даже ведро оставалось на крюке.

Откинув тяжёлую крышку, Аня увидела на её внутренней стороне рисунок. Кто-то углём на плотно подогнанных досках очень талантливо изобразил портрет ... Волохова. Да, несомненно, это был он – их знакомый длинноротый чудак, из-за которого «всё и началось»!

- Николка, ты только глянь! – Аня одёрнула занятого осмотром ведра брата. Тот поднял глаза и удивлённо открыл рот:

- Вау!

- Вау! – Волчонок, тоже взглянув на рисунок, мгновенно сделал меж Николкиных ног лужицу и заскулил. – Вау! Вауу! Вуууа! Ваууууаа!

Николка озадачено перевёл:

- Он говорит: «это Учитель Вола Хаов». И, мол, «это не простой колодезь».

- Ну, да. Совершенно верно: «Воло-хов» и «Вола Хаов» – это одно и то же имя, только произносимое на разные лады! Как же мы сами раньше не догадались?

- Правда. И здесь он побывал, и в Медном царстве Айриса учил.

Ребята склонились над волчонком:

- А чем это непростой колодезь?

В ответ щенок попытался молча удрать. Пока Николка ловил подопечного, уговаривая его не бузить, Аня подумала, подумала и решилась. Опустила в тёмную глубь ведро, зачерпнула со всхлюпом, тяжело вытянула. Поставила на угол, отцепила. Ведёрко, немного примятое, протекало. Она приложила и попила прямо через край – вода была просто ледяная! Аж зубы заломило. Но ничего такого особенного не почувствовалось – ни в голове, ни в груди, ни в животе. Нормальная вода, можно дать охрипшему брату.

- Оказывается, эту воду нельзя животным. Они теряют инстинкты. Хищники, как пьяные, мурлычут и перестают гоняться за травоядными, травоядные же не просто не убегают от хищников, а ещё и облизывают их. – Николка принёс притихшего беглеца держа за шиворот. – А людям вполне можно.

- Ты только осторожно, очень холодная, как бы голос не перехватило.

Пока брат, как цыплёнок, пил отдельными глоточками, Аня, перевесившись, заглянула в колодец. Заглянула и загляделась.

Сразу-то и не поняла, что там её заинтересовало. Но потом вздрогнула: звёзды! В небе их даже ночью ни одной не было, а тут отражалось сразу штук пять-семь. Она, было, захотела позвать Николку, но из глубины на неё леденяще дохнуло чуть слышным шёпотом:

- Закрой меня. Не время касаться Времени. Закрой, уходи и уводи брата.

Аня так и сделала.

А в это время «Лииль»...

А в это время «Лииль» со стороны солнца стремительно приближался к башне Мооган-Эквы. Слеплённые безоблачным сиянием, охранники не сразу заметили, что корабль нарушает все уставные предписания и, не сделав низкого круга – для осмотра себя со стен, явно направляется сразу к высшим этажам. Но, а того, что кто-то посмеет сесть на крышу покоев Великой владычицы, никому, видимо, даже не могло и в голову прийти. Поэтому Баангсэль Аанха почти успела проскочить зону обстрела камнеметательными машинами. Почти – ибо, выпустив несколько предупредительных дымовых стрел, и не дождавшись реакции, растерянные канониры третьего и четвёртого оборонительных поясов, запоздало, но всё-таки решились метнуть по два-три каменных ядра. Одно царапнуло борт, выбив лучницу, второе пробило парус в верхнем правом углу.

Из-за набранной большой скорости, «Лииль» не смог бы приземлиться нормально. И Баангсэль, стремясь не зацепить слюдяную пирамиду, направила садящееся судно на зубцы-бойницы. Они гигантской пилой взрезали днище правее центра от носа и до кормы. Однако затормозили. И ударившись о большой угловой зуб, корабль, слегка покачиваясь, удержался на крыше Мооган-Эквы.

Все, послушно капитанскому свистку, срочно покинули «Лииль». Ашинби, тоже спустившийся на площадку башни, стал в сторонке. Из потери крови он был бледен, но глаза пылали смесью восторга и решимости. Ибо он въяве оказался там, куда столько раз его возносили мечты и сны. Он, эльбудин, – и не простой беглец, а бунтарь, проклятый и обречённый на смерть воин Агдаля, – он стоял на запретной вершине Мооган-Эквы, и вот-вот должен был увидеть саму Каалтаси Суури!

- Мои сёстры! – Голос Баангсэль зазвучал тихо, но проникновенно, словно она говорила с каждой наедине. – Все вы знаете песню-пророчество: *Лёд и пламя слиты в одно – Царству новое имя дано*. Сегодня – равенство, и двое юных царей оказались вместе. Что теперь? Не по своей воле вы поставлены перед выбором: безучастно смотреть и дальше, как разрушается и гибнет наш мир, или попытаться хоть что-то сделать, чтобы его спасти. Я, Баангсэль Аанха, совершив преступление против Великих прорицательниц и нарушив Устав Воздушных сил, больше не имею власти приказывать вам. Я теперь только прошу: кто не верит в возможность перемен, спускайтесь вниз и сдавайтесь охране башни. Ничего не бойтесь, так как вся вина лежит на мне, как капитане. Используйте корабельные лестницы.

Видимо, что-то уже было сказано и раньше, что-то не раз и прежде обсуждалось меж собой, обдумывалось втайне. Потому что среди таких, казалось бы, замуштрованных до автоматизма, ко всему равнодушных лучниц началось брожение. Некоторые сразу стали сцеплять лесенки и стравливать их по стене к нижнему этажу. Большинство же, сбившись в кружки, о чём-то горячо заспорили. Третьи, совсем немногие, продолжили держать сильно поредевший строй, не опуская щиты и не откидывая маски-забрала.

- Сёстры, не медлите. Кто задержится, тот так же станет считаться преступницей. Я знаю, зачем делаю это. Но знаете ли вы? Я не смею никого призывать к почти верной смерти. Не равняйтесь друг на друга: каждая сейчас должна решать за себя.

Ещё несколько эйкв поспешно исчезли за зубцами. Оставшиеся из колебавшихся встроились в ряды тех, кто и на секунду не сомневался – покидать или не покидать своего капитана. На минутку лучницы и Баангсэль, склонив головы, застыли в молчании. Слышалось только посвистывание ветра в снастях, да звяканье слюдяных пластинок в рамках пирамиды.

- Вы хорошо продумали своё решение? Спасибо, сёстры. В вас обретает надежду будущее Ягийского мира. – Баангсэль приложила руку к сердцу и поклонилась своим верным воительницам. – Тогда, если все выбравшие прошлое спустились, обрубите лестницы.

И в этот момент из пирамиды выглянула Маша:

- Здравствуйте, уважаемая Баангсэль! Как я рада вновь с вами повидаться! А ты, Ашинби, чего там стоишь, как вкопанный? Забирайся сюда, нам нужна мужская сила!

Но действительно «вкопанным» Ашинби встал, забравшись через пролом внутрь пирамиды. Вернее, неподвижными столбиками замерли напротив друг друга и он, и Суури. Маша понимающе отвернулась, подождала минуту. Другую. Начало третьей.

- Ашинби, – Маша не оборачивалась честно, но из последних сил, – я разбила зеркала, оборвала трубки и завалила шкаф, через который толковица подсматривала за владычицей и подслушивала её. Теперь нужно забаррикадировать лестницу, на случай, если эйквы взломают железную дверь за ковром. Помогите набросать в люк мебель.

Но, кажется, она обращалась сама к себе: ни Ашинби, ни Суури даже не сморгнули.

- Ты меня слышал? Нужно скинуть эти столы!

Бесполезно. Маша вздохнула и выбралась наружу к Баангсэль.

- Что там делают владычица и кан?

- «Что»? Смотрят друг на друга. Обычная история.

Лучницы разгружали «Лииль». Кроме запасов стрел и копий, в распоряжении запершихся в добровольную осаду оказался приличный запас продуктов и воды.

- О, да мы тут неделю продержимся.

- Припасы не главное. – Баангсэль ответно скривила губы – Самое страшное – уныние, которое начнётся завтра-послезавтра. Уныние – это раздор между сердцем и разумом, оно губит человека скорее и вернее голода и боли.

- Вы очень мудрая. Всё знаете, всех понимаете. – Маша осторожно заглянула вниз. – А почему вы решились на такой поступок?

- Потому, что – или сегодня, или никогда.

- Как это?

Баангсэль нежно погладила развороченный бок своего «Лииля», словно успокаивала корабельную боль:

- Я с раннего детства стремилась к высоте. Лазила по деревьям, по крышам. Но однажды, играя на стене, я упала и сломала спину. Мало кто верил, что я выживу, а, тем более, что останусь целой и здоровой. Но моя мама не хотела сдаваться, она узнала, что среди эльбудинов есть знахарь по имени Игибай Юлсун. Она отнесла меня к нему. И случилось чудо – он вылечил меня, так что через год я смогла опять бегать и прыгать с подружками. За это время очень привязалась к Игибаю, часто и подолгу беседовала с ним, хотя это запрещалось эйквам. Он был не только врач, но и мудрец. И очень-очень добрый человек. Он научил меня снова не бояться высоты, ибо моя судьба навсегда связана с небом.

Баангсэль и Маша подошли к краю стены. Перед ними внизу расстилался парк с давно остановившимися аттракционами, высохшими фонтанами, засыпанными жёлтыми листьями дорожками. Дальше, до почти чёрного елового леса, расстилалось вытоптанное стадами, совершенно ровное поле.

- Я очень люблю свою Родину. Очень. Когда я была такой же юной, как ты сейчас, Ягийский мир был много веселее. Я помню, как сияло огнями колесо обозрения, а качели сопровождалась музыкой. Помню, как рудники Шигарских гор переполнялись серебром, а могучий флот бороздил небо над водами самой Аб. И помню, когда деревни переполнялись детским смехом. Но с каждым годом всё гibly, ломалось и рушилось. Сердце разрывалось при виде этого. А прорицательницы во всём винили эльбудинов. В одно утро Игибай Юлсун сам нашёл меня и втайне попрощался, ибо его искали, чтобы по ложному доносу сослать на смерть в Малярйных болотах. Он сказал, что получил видение, которое я должна узнать и передать другим:

*Мир Ягийский отцвёл и увял.
Но цветок – лишь начало семени.
Всё покорно законам времени:
Выше неба взойдёт, кто был мал,
Но стремлений своих не скрывал.*

*Эйкв царица и вождь-эльбудин,
Засмеются, коснувшись ладонями,
Ночь и день уравниются зорями,
Волк и конь в мирных играх долин –
Вот знаменья грядущих годин.*

*Лёд и пламя слиты в одно –
Царству новое имя дано.*

«Запомни и Расскажи всем, – сказал мне Игибай, – вот приходит конец Ягийскому миру. Но не нужно бояться: эпохи сменяются неизбежно. И ждите: когда повелительница Эйкв и вождь эльбуудинов полюбят друг друга, когда день и ночь соизмерятся, а волчица и кобылица сойдутся не для смерти – в тех равновесиях царство обретёт себе новое имя. Новое царство Гунн-Хунн вскормит великого сына Атилая и взрастит славную дочь Сабир. Их восславят все народы на все времена».

Маша, я ещё в юности поклялась себе – всё, даже саму жизнь, отдать для счастья Родины. Я переложила слова Игибая на мелодию и часто пела их как нашу корабельную балладу. Так о его видении узнали многие. А когда сегодня Аня сказала мне про Ашинби, который через все преграды направлялся к Суури, моё сердце пронзило одновременно и тревогой, и радостью: час настал, видение сбывается! Страшна цена ошибки, но ведь повелительница Эйкв и вождь эльбуудинов полюбили друг друга, а день нынче равен ночи. О, если б исполнилось и третье пророчество! Тогда...

Снизу донёсся гул множества голосов. Вскоре тысячи возгласов слились в единый крик-призыв:

- Каалтаси! Суури! Каалтаси! Суури!

Наверх залетела стрела с привязанной запиской. Одна из лучниц подала её Баангсэль. Та прочитала, нахмурилась:

- Сёстры нижних этажей хотят видеть Великую повелительницу. Немедленно. Иначе грозят сжечь нас метательным огнём.

- Я сейчас позову её! – Маша занырнула в пирамиду. Но тут же выглянула обратно с расширенными ужасом зрачками и прошептала. – Они... пропали! Уважаемая Баангсэль, они куда-то исчезли.

Ашинби и Суури...

Ашинби и Суури по узкой винтовой лестнице спускались в темноту центральной сокровищницы башни.

Так уж случилось, что когда час назад их взгляды впервые столкнулись, то они потеряли сознание. Они остолбенели буквально, однако, при этом, даже не передвигая ног, начали сближаться, как намагниченные. Вот так, совершенно незаметно для себя, они сближались, сближались, пока не соприкоснулись ладонями. Раздался щелчок, и обоих обожгла белая искра. Вздвогнув одновременно, молодые люди очнулись и засмеялись от смущения:

- Здравствуй, Суури.

- Здравствуй, Ашинби.

- Ты чего дерёшься током?

- Это ты дерёшься!

От этих простых и глупых слов им стало ужасно смешно. Осторожно протянули они друг другу руки и вновь обожглись электрическим разрядом.

- Опять ты!

- Нет, это ты!

Но вдруг Суури посерьёзна:

- Ты понимаешь, что тебе отсюда не уйти? Они убьют тебя, как только смогут.

- Если смогут. – Ашинби поправил на поясе саблю.

- Нет, оружием ты себя не защитишь. Нужно придумать какую-то хитрость. – Суури закрыла лицо ладонями. – Слушай: в главной сокровищнице моей башни, под охраной дикого биайна, на серебряной треноге хранится бесценный дар богини Калташ-Эквы – кувшин с благоуханным маслом. Это масло парит Ароматом бессмертия.

- Я знаю про Аромат. Но зачем ты заговорила о нём?

- Ещё до Машиного рассказа я стала догадываться, что никаких откровений давно уже нет.

А Великие прорицательницы не ведают, что, прикрываясь их именем, толковица Улумверта самолично правит Ягийским царством. Она подкупает старших сестёр тем, что каждый вечер определяет, кому из них перед сном вдыхать Аромат бессмертия. Один вдох продлевает старушечью жизнь на многие десятилетия, и поэтому сёстры ищут благосклонности толковицы, подлизываются к ней. Они только согласно кивают головами, когда Улумверта обрекает на казнь любого, чем-либо не угодившего ей. Я же просто бесправная кукла в её руках. Меня держат здесь почти как пленницу, изредка наряжая и показывая подданным. Если мы захватим кувшин, то кто станет её слушаться? А в обмен на него мы вытребуем тебе жизнь. И ты свободно покинешь башню. Помоги поскорей открыть этот тайный люк!

- Мне не нужна жизнь, если в ней не будет тебя.

- Что ты говоришь? Это мне не нужна жизнь, если в ней не будет тебя.

- Опять ты со мной споришь?

- Нет, это ты со мной!

Так слегка препираясь, Ашинби и Суури приподняли замаскированную под плитки пола крышку лаза и по узкой винтовой лестнице начали спуск в темноту сокровищницы башни. Про этот ход Суури случайно узнала из старого чертежа, так как, похоже, им давно никто не пользовался. Древняя паутина длинными лохмами свисала с потолка. По кирпичным стенам стекали потоки затхлой слизи. Где-то зло шипели и попискивали крысы. Покрытые ржавчиной и плесенью крутые ступени лестницы всё время предательски громыхали. Суури, то и дело поскальзываясь, вскрикивала, и Ашинби едва удерживал её от падения. Короче, ни о какой тайне проникновения не было и речи. И едва кан с жутким скрипом приоткрыл железную дверь, отделявшую лестничный колодец от хранилища, на него тут же навалился огромный биайн.

Как выглядел биайн? Как самый обычный снежный человек. Рост далеко за два метра, от пяток до глаз покрыт белой шерстью. Длинные мощные ручищи, маленькие красные глазки. Что ещё? Биайна с гор привезли совсем малышом, и он вырос в сумраке тайника башни страшно свирепым. Охраняя Ягийскую казну, он питался крысами и слушался лишь толковицу Улумверту. Не смотря на свой рост и вес, двигался биайн чрезвычайно быстро. Если Ашинби и удалось несколько раз вывернуться из-под рук горского великана, то ответно ударить противника саблём он не успевал.

В то время, когда мужчины, перебегая и меняя боевые стойки, примерялись к решительно сшибке, рядом в борьбу вступили женщины. Ведь когда вслед за Ашинби в створ двери проскользнула Суури, ей на спину чёрной тенью взметнулась Улумверта. Толковица обхватила владычицу сзади за шею и начала душить. Но Суури, припав на колено, перебросила её через себя.

- Ах, ты, девчонка! Малявка! Да я тебя сейчас! Как цыплёнок...

- Не получится. Посмотри внимательно: я уже давно выросла.

Шипя, Улумверта вновь накинута на владычицу, и они, схватившись за рукава, бешено закружились чёрно-белым волчком.

Биайн увидел, что Ашинби слишком близко оказался спиной к стене и бросился в атаку. Кан попытался кувырком уйти в сторону, но великан перехватил его, и, радостно скалясь, приподнял над собой, пытаясь сильными пальцами через панцирь сломать юноше рёбра. Сверху вниз Ашинби двумя руками всадил свою саблю биайну за ключицу возле шеи по самую рукоять.

Кончик клинка коснулся сердца. Раздался жалобный стон, дикий горец качнулся и замертво рухнул на спину.

Именно в это миг Улумверта, дёрнув Суури за пояс, оборвала его. Потеряв равновесие, толковица по инерции отлетела на несколько шагов, и оказалась придавлена убитым биайном.

- Ашинби, ты как? Цел? Тогда быстрее бери кувшин!

Но у кана опять потекла кровь из полученной при падении корабля раны. Ашинби извиняющееся улыбнулся, присев на поверженного врага:

- Прости. Надо передохнуть.

Суури бросилась в глубину сокровищницы. Она пробежала меж груд женских украшений, гор монет, пирамид сундуков с драгоценными камнями, статуй и посуды – здесь за века скопились несметные царские богатства. Но девушка не видела ничего, кроме подсвеченной пятью факелами высокой серебряной треноги. На которой чернел скромный керамический кувшинчик.

Приподнявшись на полупальцы, она дотянулась до кувшина и аж вскрикнула от неожиданности – его глиняные стенки оказались ледяными! Приспустив на пальцы рукава, Суури быстро сняла сосуд с Ароматом бессмертия, и, перекидывая из ладони на ладонь, понесла его к выходу.

- Ашинби, нам пора!

- Подожди. Здесь у вас столько книг...

Действительно, стены сокровищницы сплошь порывали полки с тысячами и тысячами книг, свитков, манускриптов, а под ними прямо на полу грудились стопы рукописей, рисунков и чертежей. Юноша восхищённо озирался:

- Вот истинное богатство Ягийского царства. О, если б наши белембеки смогли воспользоваться этими знаниями!

- Нам пора! – Суури заметила, как из-под туши биайна выскреблись когтистые пальцы Улумверты.

- Если б видения юных мудрецов соединить с опытом древних ведуний!

- Ты меня не слышишь!

- Нет, это ты меня.

- Что, так и будем вечно спорить? Держи! – Суури всучила Ашинби кувшин. – Да крепко!

Юноша тоже слегка ахнул от неожиданного холода и, наконец, смог оторвать взгляд от книжных полок. Кан, а за ним владычица, протиснулись за железную дверцу и плотно притворили её за собой. И вовремя – рыча от злости, на свободу выдралась Улумверта.

Аня и Николка...

Аня и Николка приближались к уже хорошо видимой башне. Волчонок сладко посапывал на руках у Ани, а бедный Николка из последних сил ворочал распухшим языком. Что он пытался выговаривать, понять уже было невозможно. Красноватое солнце приникло к фиолетовому горизонту, однако до заката ещё оставалось никак не менее часа. И становилось понятно, что столько проболтать ему не удастся. Не останавливаясь, Аня осторожно передала брату сонного волчонка, и вдруг вскинулась:

- Смотри! Что это там?

Николка поднял глаза: вершина башни задымилась. Теперь ещё больше походя на заводскую трубу, Мооган-Эквы выстелила по ветру длинный чёрный шлейф, над которым в закатном солнце крохотными искрами пересверкивали два летучих корабля.

- Пожар?! А как там наши?

Сестра и брат, не сговариваясь, побежали. Растрясённый волчонок что-то провякал, но, проникшись серьёзностью людей, затаился, слегка побулькивая животиком.

Через какое-то время им стало понятно, что пожар верхнего этажа рукотворен. Со второй, третьей и четвёртой крепостных площадок наверх то и дело взлетали дымно-огненные шары. Разбиваясь о крышу, они вспыхивали облаками ярого пламени.

Еще минут через двадцать ребята уже могли чётко рассмотреть сотни эйкв, мечущихся меж зубцами всех этажей и ещё тысячи толпящихся на поднимающихся к вратам стенах-дорогах. Всюду поблёскивали кольчуги лучниц, краснели платья младших сестёр, розовели старших.

- Что же там произошло? Что случилось? – Аня притормозила, дожидаясь немного приотставшего брата. Тот, прижимая волчонка к груди обеими руками, ломил сухую траву тяжеленными лапами медвежьей епанчи, а сабля больно колотила его по бедру. Так-то не очень разгонишься! Поравнявшись с сестрой, Николка всучил ей щенка, а сам, оперевшись ладошками в колени, громко заотдыхивался. Волчонок заскулил и стал лизать Анину щёку.

- Ты чего, маленький? Ну? Испугался? Николка, объясни ему, что мы и сами волнуемся. Ведь там, на вершине башни, наши друзья.

В ответ Николка только жалобно посмотрел на неё исподлобья и смахнул с бровей натекающий пот.

- Объясни, что нам надо успеть к пруду около старого парка. Что туда каждый вечер на закате прибегает Кобылица, а сегодня там же обещала быть и Волчица. Пусть малыш не боится – у пруда мы передадим его мамочке.

Но Николка опять только жалко сморщил лицо. Молча.

- Братик, ты что ... онемел? Совсем?

Тот кивнул.

- Братик, а как мы теперь?.. Как переговорим с Кобылицей?.. Она же, сам говорил, вздорная и взбалмошная...

Николка только вздохнул.

Улумверта стояла в плотном окружении трясущихся старух. Согласно приказу толковицы, вокруг неё и двумя этажами ниже эйквы-канониры развернули метательные машины вокруг оси и, вместо камней, заряжали их пропитанными смолой войлочными шарами. Затем, быстро поджигая, канониры забрасывали эти шары на верхний этаж. Возгласы приказов, стук рычагов, свист взлетающих снарядов, дымовые шлейфы, осыпи искр – если бы не искажённые страхом и злобой лица, метания одетых в яркие платья людей напоминали бы какое-нибудь китайско-новогоднее празднество. Некоторые шары бились о защитные зубцы верхней площадки, некоторые перелетали через пирамиду – и, опадая, они ранили самих осаждающих, зажигали пожары на башне и вокруг. Один из зарядов попал в дно висящего в небе летучего корабля «Най-Эква». Тот, вычерчивая дымную спираль, спикировал к земле. Чуть замедлив падение, пару секунд покачался над крышей огромного заводского цеха. Но тут разом вспыхнул весь парус, и корабль, пробив черепицу, исчез внутри здания.

- Огня! Побольше огня! – Улумверта то и дело вскидывала когтистые, увешенные перстнями руки, с её пирсингованных губ скапывала пена. – Сжечь эльбудинов! Выжечь предательниц! Они погубили нашу Великую повелительницу! Они умертвили нашу Каалтаси Суури! Я видела это! Видела сама!

- Каалтаси Суури! Каалтаси Суури! – Ответно ревели сотни голосов.

- Каалтаси Суури! Каалтаси Суури! – Шипели трясущиеся старухи.

И навех, дымя и искря, улетали новые снаряды.

А в это время тёмно-красное солнце, разбухнув до невероятных размеров и чуток приплюснись под собственным весом, тяжело село на туманную подушку закатного горизонта.

Воздух мгновенно насытился розовой влагой, и густые сиреневые тени облепили чёрные кроны дубов старого парка, залили ложбинки дальнего луга, очертили кубики домов. От притемнённого востока сильно и широко дохнуло успокоительной прохладой. И даже в ярости обстреливающих наступила минута некоего лёгкого затишья.

Утомлённое, совершенно неслепящее солнце, продолжая плющиться, уже наполовину ушло на отдых, на прощание озаряя полнеба радужным переливом.

И тогда все – канониры, лучницы, старшие и младшие сёстры, все метавшиеся на крепостных этажах и любопытствующие на стенах дорог, – все вдруг разом оставили свои дела. И, развернувшись, замерли в различных позах, засмотревшись туда, где...

Туда, где за парком, у начала широко распахнувшегося поля, над неподвижной гладью вечерней воды скакала белая Кобылица. Далеко ли это было или близко, но все видели ясно, до

малейшей чёточки, до волоска, как вытянутый овалом пруд чистейшим зеркалом отражал высоко вскидываемые тонкие ноги, вольно развивающиеся гриву и хвост.

А рядом, то обгоняя её, то отставая, бежала серая Волчица.

Кобылица и Волчица, явно играя, касались друг друга лбами, толкали носами, и иногда, совсем уж как жеребёнок и щенок, смешно и высоко подпрыгивали, перекликаясь ржанием и лаем.

- Вот день и ночь соизмерились, а Волчица и Кобылица сошлись не для смерти... – Шорохом пронеслось над притихшей Мооган-Эквой.

А потом стоявшие на башне почувствовали ещё большую прохладу и, подняв глаза, не сговариваясь, пали на колени. Ибо огонь на верхней площадке вдруг опал, дым разом развеялся. И на большом угловом зубце...

На большом угловом зубце стояли Каалтаси Суури и Ашинби Акчура. Девушка и юноша держались за руки, а лица их сияли счастьем.

- Повелительница эйкв и вождь эльбудинов полюбили друг друга... – Опять прошелестело толи в воздухе, толи в мыслях всех это увидевших. Всех опустившихся на колени и запевших: *Лёд и пламя слиты в одно – Царству новое имя дано.*

А над тем местом, куда закатилось солнце, взвился ввысь длинный-длинный изумрудно-зелёный луч.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ. Беловодная земля.

Аня поставила кувшин у подножия Алатыря, рядом с каменным сердцем. Осторожно отступила на три шага. Престол Царя царей заиграл таким множеством быстро переменяющихся знаков-рун, что показалось, будто полупрозрачный сердолик вскипает.

Аня оглянулась на стоявших за спиной Машу и Николку. Те одновременно показали ей большие пальцы и прошептали:

- Ура! Ура! Ура!

Да, второе задание было исполнено: Серебряное царство спасено, дар престолу Царя царей поднесён. Оставалось третье, последнее. А потом...

С площадки Верховного суда ребята, в сопровождении четырёх посланников, по ступеням гордо спускались к аркам ограды Мирового Древа. Где их встречала смеющаяся Додола:

- Наши герои! Какие же вы молодцы! И молодницы! А как выросли!

- И, правда, милая Додола, что с нами? – Маша с беспокойством указала на ноги Николки и Ани. – Яровы-то сапоги всё время мне по размеру, а как быть им?

У Николки, при выходе из Берендеевки, обувь была «на вырост», а теперь ему приходилось поджимать пальцы. Аниным же сапогам вообще разрезали передки. И с короткими рукавами едва сходящейся на плечах курточки её торчащие носки смотрелось, мягко выражаясь, забавно. Маша тоже и не пыталась уже застегнуться, и только Николкина епанча была соразмерна хозяину. Хотя при двадцати четырёх градусах вечного тепла медвежья шкура несколько умиляла.

- Путешествия умудряют, испытания взрослят. Вы растёте сообразно пережитому. – Додола расцеловала героические макушки, почти не наклоняясь. – Пойдёмте ко мне. Там вы умоетесь, перекусите, там переобуетесь и переоденетесь.

- А зачем переодеваться? Мне мой наряд нравится. Жаль, саблю отняли.

- Коля-Коля-Николаша, ты же знаешь, что в Блаженном Ире, а, тем более, около престола Царя царей оружие ни к чему.

- Ага, а у Стража врат и меч, и копьё имеются.

- Это не более чем дань традиции. Часть исторического костюма.

- Ну, и у меня бы тоже была часть костюма. Костюма аюби – вождя медвежьих воинов. Берендея по-нашему.

Малоприметной в зарослях цветов тропкой, круто петляющей меж гигантских корней Мирового Древа, они вышли к знакомой беседке.

- Когда я поняла, что Николка голос потерял, меня просто оторопь взяла. – Аня, умытая, расчёсанная, переодевшаяся в вязанный мохеровый костюм, потягивала через соломинку

ананасовый сок, покачивая ногой в новом высокошнурованном ботиночке. – Получалось, что мы все столько всякого пережили, и – понапрасну.

- И мне впечатлений хватило, когда нас начали поджаривать, а владычица и кан куда-то запропали. – Маша, тоже смывшая копоть и тоже в мохеровой обновке, лениво доскребала со дна креманки малиновое мороженое. – Больше всего боялась, что лучницы нас бросят и перейдут на сторону старух и толковицы. Но они молодцы, стойко держались.

- Маша, ну ты представь: вас там заживо сжигают, а мы лишь глазами хлопаем. – Аня посвиристела соломинкой. – Как раз к пруду вышли, когда солнце земли коснулось. Волчица в кустах лежит, ждёт, как обещала. И в этот момент Кобылица набегаёт. Что делать? Хоть плачь: братец даже не хрипит.

- Ага, попробовали б поболтать десять часов безумолку. – Николка надел только свитер, оставаясь в старых джинсах, зато обут он теперь был в настоящие ботфорты. С раструбами-отворотами, как у д,Артаньяна. – Даже учитель литературы столько не выдержит.

- Никто тебя не винит, понятно, что мы дары себе не выбирали. Просто положение сложилось преглупейшее: есть две секунды, чтобы Ягийский мир спасти, а нечем.

- Ну, и ...?

- Ну, и для глупой задачи нашлось такое же глупое решение. – Николка махнул рукой и вышел. Ему не хотелось выслушивать рассказ сестры о том, что всё ещё так ярко стояло в его глазах. Не хотелось заново переживать боль унижения от собственной беспомощности, когда, действительно, тебе бывает нечем помочь погибающим друзьям.

Как Волчица догадалась? Но она выпрыгнула наперерез пробегающей Кобылице, клацнув зубами у самых ноздрей. Лошадь от неожиданности отпрянула в сторону, едва не сбив ребят. Вернее, чуть-чуть она плечом всё же толкнула Аню. И, лоя равновесие, Аня взмахнула руками.

Зачем она сжимала в ладони маленький бутылёк из-под лекарства, который нашла в Николкиной куртке? От резкого взмаха резиновая крышечка слетела, и в воздухе блеснуло несколько капелек. Одна из капель попала на лошадиную губу.

Кобылица гневно заржала и привстала на дыбы, угрожая Волчице передними копытами. Но, вместо того, чтобы ударить, почему-то осторожно опустилась и тихонько ткнулась переносицей в волчий лоб. Серая хищница, готовая к отражению агрессии, буквально села от неожиданности. А лошадь всхрапнула уже совсем нежно. И вдруг начала грубым язычком вылизывать Волчице уши, да так, что та даже заскулила от боли.

- Я же водички в колодце набрала просто так. Вовсе не для того, что бы она инстинкты потеряла. – Аня, брат и волчонок с разинутыми ртами смотрели вслед игриво убегающим по берегу непримиримым врагам.

Когда Николка вернулся, уже Маша заканчивала свою историю:

- Мы все вошли внутрь пирамиды, так как площадка напиталась смолой и пылала. Хоть сталкивай шары, хоть не сталкивай. Бедная Баангсэль, она сидела за столом, закрыв голову руками, чтобы не видеть, как догорает её любимый «Лииль». От жара слюда стала лопаться и осыпаться на нас. Копоть летала хлопьями, дым выедал глаза. И в этот момент открылся потайной люк. Как хорошо, что никто из лучниц с испугу не успел выстрелить! А затем представь: лишь только появилась рука с кувшинчиком – сразу стало прохладно. Пожар начал быстро угасать сам, даже угли прекращали дымиться!

Когда же выбрались Ашунби и Суури, шипя, коптели лишь два новозалетевших войлочных шара. Капитанша и лучницы пали на колени перед своей повелительницей.

- Великая владычица Каалтаси Суури! Мы здесь, чтобы умереть за тебя и за Ягийское царство!

- Мои верноподданные! Вы здесь, чтобы жить для меня и для Ягийского царства.

Ашунби же, поставив сосуд на стол перед Баангсэль, растирал обмороженные пальцы. И сказал как-то совсем буднично:

- Суури, нужно избавиться от этого кувшина с Ароматом бессмертия – это из-за него разрушается наш мир. Только где б его затерять, что бы точно насовсем? Ведь куда ни спрячь, всегда найдутся охотницы разыскать и попользоваться.

- Мы, посланники Блаженного Ира, отнесём его в подношение Алатырю, престолу Царя царей.

- Зачем? Мы можем его оставить себе. – Суури, сверкнув гневным взглядом на Машу, двинулась, было, к столу, но Ашинби заступил ей путь:

- Нет. Вспомни своих прорицательниц. Старухи всё равно умерли – живы лишь несчастные тлеющие тела, а души Авиль, Тивир и Тынни давно у предков. Это бессмертие – безжизненно.

- Но послушай, любимый, можно же лишь иногда, лишь чуток вдыхать. Когда кто болен или ранен.

- Нет. Любимая, послушай ты меня. Послушайся меня: нам не нужно колдовства. Мы с тобой проживём самую обычную, но самую полноценную – с радостями и скорбями, трудами и победами – вместе проживём достойную человеческую жизнь. День будет сменять ночь, ночь – день. Мы состаримся рядом. И умрём обнявшись. Любимая, услышь меня!

Эйква услышала и послушалась эльбудина.

Туман, под которым невидимо журчала Северная река, щекотал губы и носы ледяными иголками, слеплял ресницы. Под ногами звонко хрустели стекляшки вымерзших до белых корочек лужиц. Объяневшие береговые окатыши скользили – да, вовремя ребята избавились от резиновых сапог. А потом ещё посыпался и снег. Сначала редкий, мелкий, он с каждой минутой набирал силу, кружащими хлопьями медленно и густо заполняя пространство от белого неба до белой уже теперь земли. Спасибо Додоле, что одарила на дорогу вязаными шапочками, шарфами и варежками.

Маршрут начинался как обычно: из-под арки, по правому берегу, в туман. А далее уж как оно там получится. Главным в мыслях было – это их последнее приключение. Наверное, ребятам стоило б чуть больше беспокоиться тем, что из даров Блаженного Ира у них на всех оставалась лишь Машина награда. Но какой смысл беспокоиться заранее, если даже не представляешь, с чем и кем придётся столкнуться? Когда опять идёшь туда, не знамо куда, где вновь найдёшь там то, не везо что. Тем паче, что пока-то справлялись удачливо.

Снегу навалило уже выше щиколоток. Но хлопья редели, мельчали, и всё вокруг понемногу прояснялось. Насколько становилось видно, вокруг расстилалась почти голая гладкая долина, редко зубящаяся крупными скальными выходами. Встречные мелкие ёлочки и корявенькие берёзки разукрасились сугробными шапками и радовали своими причудливыми образами, напоминающими то сказочных птиц, то зверей, тот нестрашных чудищ. Гранитные глыбы, словно стены и башни рыцарских замков, то там, то сям одиноко выпирали прямо из земли и остро впивались приснеженными вершинами в низкое небо. Снегопад окончательно прекратился, и воздух осветлел, словно небо приподнялось. А когда справа в облачной мути промелькнуло солнечное пятно, то прямо перед ребятами высоко-высоко сверкнули белками нетающие ледники горной гряды.

У Николки улыбка расплзлась во все покрасневшие щеки:

- Смотри, какие от нас следы. Так далеко их только на склоне видно – значит, мы спускаемся.

Маша оглянулась. Действительно, по чистейшему снеговому полю их следы чётко тянулись километра за два, пока не терялись в ирийской туманной завеси. Вокруг же царила свежая от морозного света праздничность бескрайнего простора. Далеко-далеко вперёд продолжалась гладкая долина с отдельно стоящими скальными пальцами. Слева, побулькивая на перекатах, обильно парила прихваченная вдоль берегов наледями Северная река, петлисто сбегавшая к дальнему горному гребню.

- Потому-то и шагается легко, что на спуске. – Аня поправила шапочку. – А нам и надобно спешить. Пока светло, нужно до какого-нибудь жилья добраться.

Трезвая мысль. Любой дневной путь к вечеру лучше заканчивать под крышей, а зимой – так и возле топящейся печи. Судя же по снежной чистоте, в этой долине кроме них никто пока не проходил, не пробегал. И даже не пролетал.

Часа через два скорость всё-таки начала понемножечку снижаться. Участились и непредумышленные передышки. То Николка поправит свои ботфорты, то Ане шапочка вновь на глаза напозлёт. А то Маша варежку едва не потеряет.

И через следующий час вокруг всё совершенно оставалось прежним: редкие карликовые деревья, гранитные глыбы и гладкое, ровно выбелённое нетронутой порошей, бесконечное поле.

- Если бы не ровные следы, то я подумала, что по кругу ходим. – Маша не нашла причины и просто встала. Рядом согласно притормозили Аня с Николкой.

- Нет, понемножечку, но горы близятся. – Николка, как Илья Муромец, поглядел вперёд из-под рукавицы. – Всё равно нам тут дров нигде не насобирать, а без костра привал только последние силы отберёт. Так что, надо двигаться, как можем.

- Тем более, что-то мне ветерок не нравится. – Аня затянула брату пояс. – Как бы не запуржило.

Ветерок, действительно, то и дело вихрил под ногами, с неожиданным посвистом вылетая из-за скал и разгоняясь клубящейся встречной позёмкой.

А через полчаса он уже беспрерывно гнал по земле белые пенки, сдувал с берёзок и ёлок их украшения, задирая и требуша концы шарфов. Вязаные кофточки девочек пронизывало насквозь, пришлось согласиться с Николкой, и всем как-то прикутаться в его медвежью шкуру. Со стороны, наверное, это смотрелось очень смешно, когда три человека, сжавшись и сгорбившись, изображают нечто вроде шестиногой лошади. Но, с чьей это стороны? Никого ж поблизости не было! А метель, если и хохотала, то это, скорее чудилось, как всегда что-то чудится в завываниях ветра.

Сколько прошло ещё времени, сказать невозможно. Совершенно обнаглевший от бескрайних просторов ветер, откровенно наслаждался своей дурной силой, пытаясь сбить ребят с направления. Николка брёл первым, к его спине прилипла Аня, Маша замыкала. Когда кто-нибудь падал, его поднимали, опять укутывали. Главное было идти по прямой, на север, но постоянно меняющаяся направление порывов метель не давала возможности ориентироваться. Лица забивало снегом так быстро, и ресницы смерзались так больно, что они даже не пытались что-либо разглядывать. Одеревеневшие пальцы даже в варежках уже ничего не чувствовали, и ребята держались за пояса. В один момент, когда они завалились все втроём, и было невероятно трудно заставить себя подниматься, Аня встала первой и сказала, вернее, почти безголосо прокричала, что верит в братову интуицию, что тот никогда и ни за что не заблудится. Маша и Николка согласились. Ведь кроме веры им ничего не оставалось – нужно было вставать и идти, идти, идти. Ибо не двигаться – означало верную смерть.

Вдруг метель ослабела и стихла так же быстро, как и началась. Прошелестели последние волны скатанного в крупку снега, выстелившись под ноги блестящими веерами. И наступила тишина. Полная тишина.

Заспинное солнце до мельчайших крапинок высвечивало вздымавшуюся прямо перед ними крутейшую синевато-серую скальную гряду. Острый гребень которой никогда не таявшими зубцами-ледниками срезал полнеба.

- Ничего себе, силища-то какая. – Прохрипел Николка.

- Я такую красоту только по телевизору видела. – Согласилась с братом Аня.

- В Пятигорске так же гора Машук прямо из ровной земли торчит. – Маша вспомнила, как в позапрошлом году они с мамой ездили в санаторий. – Но она совсем круглая, видимо, вулкан застывший.

- Да, а здесь настоящий забор. Забор чуть повыше облаков.

- И как мы через него перелезем?

- А зачем «через»? Лучше «сквозь». Река же куда-то течёт, значит, где-нибудь есть щёлка.

Река, здесь уже почти полностью перекрытая льдом, оставшимися редкими полыньями парила немного левее, но явно держа направление к серой горной стене. Действительно, и куда она там?

- Всё, девчонки, больше не стоять. Заколеем окончательно. – Николка оправил свою епанчу, подтянул шарф. – Ладошки суйте под мышки отогреться. И вперёд!

Теперь они пошли по самому берегу. Похрустывая в такт корочкой неглубокого снега, ребята шагали так широко и уверенно, будто бы впереди их поджидал самый доброжелательный приют. Дорога к которому знакома до мелочей, как бывает она знакома от школы к дому. Или от дома к школе.

Никто не заметил момента, когда часть горы двинулась им навстречу. Только когда второй серо-бурый массив в раскачку выдвинулся вдогонку первому, им стало не по себе.

- Мамочки... Что это?

Две глыбы стремительно приближались.

- Мама...

Глыбы покрывали длинные лохмы шерсти, у глыб были оттопыренные уши. А меж скрученных дугой бивней угрожающе приподнимались хоботы.

- Мамонты...

Трубный рёв страшно разинутых пастей с треугольно оттопыренными нижними губами сжал ребят в единый комок. Точнее, комочек.

- Мамо... мама...

Огромные волосатые колоннообразные ноги с натёртыми на коленях мозолями, с шершавыми ногтями – каждый величиной в подушку, с двух сторон заслонили свет.

- Мам...

Долгий выдох из длинного носа вздул снег. Приоткрыв глаза, Маша медленно-медленно приподняла голову. Жёлтый бивень раскачивался над ней подобно закрученному в кольцо бревну. Выше, из-под прядей никогда не стриженной чёлки блестел красно-карий глаз. Внимательный и не злой.

- Здравствуйте. – Прошептала Маша. Эх, это, конечно, надо было бы произнести Николке, да ещё и на мамонтовском языке. Но что есть, то есть.

В ответ на приветствие, мамонт ещё раз громко вздохнул и, осторожно, можно даже сказать – нежно, мягким тёплым хоботом поправил Машину шапочку.

- Здравсьте. Добрый день. – Так же едва слышным шёпотом поздоровались Аня и Николка.

- Приветствуем вас! – Прозвучало сверху.

У мамонтов на шеях сидело по двое мужчин, одетых в синие свободные балахоны. Их длинные ярко-рыжие волосы, заплетённые в две косы, обжимали золотые обручи-короны с крупными, напоминающими третий глаз, алмазами над переносицей. Небольшие подстриженные бородки и огромные, свисающие на грудь усищи ещё больше удлинляли узкие вытянутые лица с ярко-голубыми глазами. Не смотря на закреплённые за спинами копыта и секиры, вид мужчин не вызывал тревоги. Тем более, что усы всё время расползались в улыбках:

- Мы, зрители Внешних пределов Беловодной земли, хотели бы знать: кто перед нами?

- Посланники Блаженного Ира! – Чуть выступил Николка. – Мы здесь от имени и по поручению Верховного суда и Думных советников Верховного круга.

- Что вы ищите у нас?

- Ну, обычно нас принимают правители. С ними и ведём переговоры.

- Так вы желаете видеть Хранителей?

- Да. Точно. Мы здесь для этого.

Наездники мамонтов переглянулись. И одновременным взмахом достав откуда-то сверкающие позолотой рога, прижав к губам, затрубили. Красивый густой звук понёсся по-над долиной, подхватываемый всё новыми, невидимыми отсюда, далёкими горнистами. Мамонты тоже заревели, высоко вскинув свои хоботы. Но теперь их рёв показался ребятам не столь ужасным. Хоть всё так же оглушающим.

Маша и Аня шагали впереди, Николка чуть приотстал, а по обеим сторонам от них покачивались и шумно вздыхали две невероятные – мохнатые, носастые и клыкастые махины. Николка потому и пропустил девчонок вперёд, чтобы вдосталь налюбоваться их сказочной силой. Он, беспрестанно, как какой-нибудь деревенский дурачок, во весь рот улыбаясь, то и дело касался до длиннющих блестящих лохм и всё старался запомнить всяческие мелочи, чтобы потом как можно правдивее нарисовать невероятных животных. Ведь на словах такому в Берендеевке ни за что не поверят. Вот, например, спросят: «А какой у мамонтов хвост? Как у коровы или ...»? А хвост как у овечки! О-о-очень большой овечки.

Вблизи горный хребёт чем-то напоминал стену времени Блаженного Ира. Только нерукотворную. Точно такая же невообразимая высота и невыразимая красота. И такая же, на первый взгляд, абсолютная непреодолимость.

Однако Северная река втекала в узкое ущелье, больше походящее на трещину. Настолько узкое, что скалы наверху местами наново смыкались, образуя притемнённый тоннель. Перед входом в ущелье мамонты приостановились. И к ребятам склонились улыбочивые лица голубоглазых и рыжекосых смотрителей Внешних пределов:

- Здесь мы попрощаемся. Вас встретят гостеприимцы и введут в Беловодную землю, а нам пора назад в дозор.

- Спасибо вам! Спасибо! До свидания!

Мамонты тоже попрощались, поправив на каждом из ребят шапочки. Нежно-нежно, с тёплым придыханием.

- А носы у них коровой пахнут. Парным молоком. – Аня махала вслед варежкой.

- Не «носы», а хоботы.

- Мало мне было одного умного братца, так вот уже и второй подросток. Теперь тоже постоянно поучать станет.

- А я даже не знаю, как корова пахнет. – Пожаловалась сама себе Маша.

- Посланники Блаженного Ира! Беловодная земля ждёт вас! – Раздался за спиной юношески-радостный призыв.

Вот-вот, вроде бы за свои приключения они уже всего и всякого понасмотрелись, понавидались, а тут опять ахнули: в проёме ущелья стояло трое ребят... совершенно таких же, как они сами. Ну просто копии. Или двойники. Или дубли... клоны.... Короче, называйте, как хотите, но им улыбались, действительно, совершенно зазеркальные «Аня», «Маша» и «Николка»! Лишь одетые в свободные балахоны с длинными, в пол, рукавами.

Девчонки, да и Николка – хотя он, конечно, не с такой пристрастностью, просто впились глазами в гостеприимцев. Поразительно. Вон, даже Машина родинка на месте!

- Просим вас последовать за нами. – «Аня» сделала приглашающий жест. – Вам приготовлена встреча, достойная вашей значительности.

«Маша» и «Николка» слегка поклонились и отшагнули за «Аней» в тень ущелья. Ребята переглянулись и двинулись вслед своим двойникам. Или копиям. Или клонам.

Первое время в спину чувствительно поддувало. Но уже через несколько минут морозный сквознячок поослаб, а потом и вовсе стих. Потеплело. Ребята скинули варежки, сняли шапки. Устеленный колотым щебнем проход ширился метров на десять-пятнадцать, половину из которых занимало русло стремительно несущейся реки. Её, многократно усиливаемое нависающими стенами, журчание не позволяло обмениваться впечатлениями. Да особо и говорить-то было не о чем. Бурлящая вода, щебень и стены. Стены совершенно гладкие – крупнозернистый серый гранит до самого неба, которое из своей далёкости прерывистой искоркой освещало немного извилистый путь.

Влажный полумрак теплел с каждым шагом. Ребята избавились от шарфиков, но пока конец ущелью не предвиделся. «Эдак придётся и до плавок раздеться», – неслышно ворча, Николка волочил свою шкуру по земле. Но, всё равно, никакая усталость не могла избавить его от самодовольства: судя по двойнику, он, действительно, выглядел уже лет на тринадцать, не меньше. И, кажется, немного похудевшим.

Когда из-за очередного плавного поворота вместе с летним ветерком встречно ударил свет, девчонки, не сговариваясь, начали опарывать друг дружке причёски и одежду. Николка тоже подтянул ботфорты, пригладил волосы. Маша оглянулась:

- А куда бы варежки, шарфы и шапочки прибрать? Неудобно же на переговоры мешочниками с полными руками являться.

- Давай вместе сложим. – Аня свернула общий ком, перевязала своим шарфом. И протянула брату. – Держи!

- Ещё чего! – Николка отступил к реке. – Почему я?

- Потому что самый маленький.

- Это я-то «маленький»?

- Ты-то!

- Глаза протри: я уже вырос!

- Ну, богатырь, куда там! Просто куча. Держи!

Аня толкнула шерстяной ком брату, но тот, отступив ещё дальше, спрятал руки за спину. Ком упал. И, ударившись о камень, в два кувырка оказался в стремительном потоке.

- Балда! Доигрался.

- Это ты доигралась!

Гостеприимцы, за всю дорогу ни разу не обернувшись, и сейчас стояли к ним спинами, терпеливо поджидая конца сцены. И Аня хотела, было, продолжить разборки с братом, но неожиданно Николка, пронырнув мимо неё, поднял прижатый камнем серо-жёлтый лист. И довольно улыбнулся:

- Смотри, Волохов и здесь побывал. Мы, вроде, по таким разным местам ходим, а его следы всюду. Значит, ты права: есть рука провидения.

Ну, как после такого ругаться?

Мир распахнулся необъятностью простора и света. Висевшее в самом центре неба небывало большое солнце желтоватым лучением прогревало чуть холмящуюся долину, дальние края которой у горизонтов кругло запирались горными грядками. Посредине, слабо извиваясь, протекала Северная река, в которую с обеих сторон врезалось два притока. Причём они сходились почти в одной точке, образуя водяной крест со слегка загнутыми концами.

Красноватые глины берегов, травная зелень холмов, тенистость рощ мелкогорий, бледно-голубой окоём дальних хребтов и чуть фиолетовое небо с оранжевым солнечным шаром... . Всё это виделось сразу, единой картиной, и сразу же, каким-то неизъяснимым образом яркие краски превращались в звуки невидимого оркестра.

Ребята стояли на скальной площадке, которой завершалось ущелье. Рядом пенился и играл радугами ниспадающий в несколько каскадов поток, а вокруг над цветами буйно разросшегося вьюнка порхали бесчисленные белые бабочки. И эта совершенно явно звучащая сквозь шум воды водопадов струнная музыка.

- Посланники Блаженного Ира! Беловодная земля встречает вас!

По широкой гранитной лестнице к ним поднималось множество людей в разноцветных балахонах. В руках они держали остролистые ветки.

- Мама?.. Папа?.. Дядя Вадя?.. Тётя Капа?.. Баба Паря?.. Саня?.. Настя?.. Света?..

Ребята наперебой шёпотом перечисляли имена родных и близких – лица всех, всех! встречающих их беловодцев были им знакомы! Тоже двойники? Ну, да, – или дубли всех, кто был ребятам особенно дорог. Наверное, так хозяева хотели сделать приятность гостям. Что ж, несколько неожиданно, но и, действительно, трогательно.

- Мы проводим вас на подготовленное вам место.

Гостеприимцы повели ребят меж расступившихся на стороны встречающих, со счастливо-ласковыми улыбками покачивающих над головами посланников лавровыми венками. Спускаясь по довольно крутым и высоким ступенькам, Маша, Аня и Николка ответно кивали и смущённо благодарили за оказанную честь.

С каждой ступенью неведомо откуда звучащая музыка постепенно затихала. Маша вслушивалась, вслушивалась, и уже напоследок ей почудилась, что то была какая-то вольная переработка «Вальса цветов» из балета «Щелкунчик» Петра Ильича Чайковского. Красивая, но очень вольная.

Лестница развернулась вымощенной плитками розовато-серого гранита дорогой, лёгкой косиной уводящей от берега успокоившейся реки к ближайшему правому холму. Вдоль всего пути через каждые сто шагов справа и слева на обочинах стояли подпираемые круглыми колоннами треугольные крыши-портики. Из того же розовато-серого гранита, без всяких украшений. Вроде дверей из ниоткуда и в никуда.

Макушку холма покрывали редкие, невысокие, но очень развесистые сосны. Под одной из них – с зигзагообразным стволом и пышной кроной, стоял светло-каменный круглый столик с тремя, тоже каменными, стульями. В покачиваемой лёгким ветерком тени, на большом блюде ребят поджидала тонко нарезанная дыня, а в объёмных бокалах – охлаждённый арбузный сок.

- Вы пока отдохните с дороги, осмотритесь. – Гостеприимцы подали чуть влажные полотенца, каждый своему «образцу». – Чуть позднее вам предложат полное угощение и зрелища с

музыкой, песнями и танцами. А потом, на прощание, посланникам Блаженного Ира передадут дар от Беловодной земли для подношения Алатырю, престолу Царя царей.

Пока ребята, скинув совершенно ненужные свитера, отирали с лиц пыль, хозяева исчезли. Просто как в воздухе растаяли!

- Куда они? – Николка поозирался и, отбросив полотенце на спину, присел. – Ладно, как говорит папа, давайте для начала по капельке и по чуточке.

Второй раз никого приглашать не потребовалось. Через секунду Маша и Аня уже урчали от необыкновенной вкусности медовой дыни. А сок из тяжелых золотых кубков вызывал у них мычание.

Покончив с дыней, дружно отдуваясь, отвалились на спинки. Наступило время для любопытства и рассуждений. Отсюда, с холма, хорошо осматривался ближний уголок долины. Полуденное солнце щедро светило на чуть притомлённую жарой траву, золотисто отражалось в неспешной реке. Из цветущего разнотравья раздавалась частая переключка кузнечиков, на воде плавало и плескалось множество белых лебедей. Справа внизу, лениво пережёвывая, дремало стадо длиннорогих коров. А над головами ребят, в едва слышно посвистывающих под ветерком сосновых иглах старательно выпевала свою незатейливую, но красивую песенку малиновка. Пахло разогретой смолой и лавандой.

- А неплохо тут жить. – Николка потянулся, хрустнул пальцами.

- Поглядите: вода белесая, а берега красные. – Аня осматривалась из-под ладошки.

- Ну, так «Беловодная» земля-то. Наверное, где-то выход меловых пластов в горе, вот вода и мутится немного. А красная здесь глина.

- Зануда! Да я про то, что «молочные реки, кисельные берега» получаются!

- Сама ты зануда! И я про то, что жизнь здесь сказочная. Сейчас ещё обед подадут и концерт покажут.

- Слишком уж «сказочная». Подозрительно. – Вмешалась в ленивую перебранку брата и сестры Маша. – Как сказала бы баба Паря: «в болоте тихо, да жить там лихо».

- Это ты о чём? – Аня повернулась к Маше, не отнимая ото лба ладошки.

- Мы и полслова не сказали, а они нам уже дар на прощание предлагают.

Брат и сестра переглянулись. И, правда! А Маша продолжила со всё нарастающим волнением:

- Ведь неспроста они нашими родственниками и друзьями обернулись. Значит, читают наши мысли, заглядывают в память. И что? Неужто можно подумать, что мы такие хорошие, такие чистые, чтобы всё о нас узнав, продолжать ласково улыбаться? Да ведь у каждого есть то, о чём сам вспоминать не рад. А они при этом всё равно добренькие, гостеприимненькие. Так с нами ласков только Чёрный принц был. Кстати, где он? Обычно на входе в каждое царство караулил, а тут вдруг прозевал. Нет, что-то не так, в чём-то подвох. Слишком сладенько. Помните? С той стороны горы солнце было низкое, а здесь в зените. И, похоже, не собирается садиться. Не говорю уж про зиму-лето. Аня, Николка, включайтесь: ничего подозрительного не замечаете?

- Ну... – Николка привстал вслед за Машей. – Ну...

- Коровы недалеко, а ни одной мухи! – С лица Ани тоже спала беззаботность.

- И ни единой упавшей шишки под сосной. – Николка даже оцупал землю вокруг.

- Слишком всё картинно. Слишком красочно и ярко.

- «Молочные реки, кисельные берега». Слово баба-яга где-то совсем близко.

- Да, близко! Очень близко! – Что толкнуло Машу? – Интуиция? Про которую все, вроде как всё знают, но никто ничего объяснить толком не может? – Маша, сама от себя такого не ожидая, схватила со стола тяжеленную чашку, размахнулась и изо всей силы бросила её в сторону реки.

Кувыркаясь, золотой кубок пролетел не более пятнадцати метров. И вдруг, звонко ударив в невидимую преграду и примявшись, отскочил назад в траву.

От места удара вверх косо пробежала зубчатая трещина. Трещина перечеркнула чуть холмящуюся долину с белой рекой и дальней грядой гор, процарапала небо возле самого солнца. И весь видимый вокруг мир завибрировал, задрожал.словно началось землетрясение. Стрекотание кузнечиков, шорох ветра и пение птиц сбились – звуки то убыстрялись, то замедлялись. Панорама

Беловодной земли, продолжая искривляться и вибрировать, покрывалась всё более частой сетью трещин.

С визгом Аня и Маша обнялись, к ним молча прижался Николка.

А с «неба» и «гор» уже осыпались осколки, обнажая страшную ледяную черноту. В бездне которой лохмато лучились огромные звёзды, летели хвостатые кометы, кружили разноцветные солнца.

Зажмурившись, ребята кричали уже втроём.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ. Севернее Севера и южнее Юга.

- Посланники Блаженного Ира! Беловодная земля встречает вас!

Осторожно, очень не сразу, ребята приоткрывали глаза: они стояли на скальной площадке. Рядом играл радугой ниспадающий в несколько каскадов водяной поток, сквозь шумы которого пробивалась музыка. Над цветами разросшегося вьюнка порхали бесчисленные бабочки. А по широкой гранитной лестнице к ним поднимались люди в разноцветных балахонах и с остролистыми ветвями в руках.

- Мы проводим вас на уготовленное вам место.

Вслед гостеприимцам по крутым и высоким ступенькам Маша, Аня и Николка прошли сквозь расступившуюся с ласковыми улыбками толпу покачивающих лавровыми венками двойников родных и близких.

Небывало большое солнце висело над холмящейся долиной, окружённой по горизонтам горными грядками. Посредине, слабо извиваясь, протекала Северная река, в которую с обеих сторон врезались притоки. Красноватые берега и зелень холмов, тенистость рощ и бледно-голубой окоём дальних хребтов – всё повторялось в мельчайших деталях. Даже стадо длинноногих коров на склоне холма, к которому выходила дорога.

Гостеприимцы, как и в первый раз, шли впереди не оглядываясь. Аня и Николка, взявшись за руки, понуро и покорно семенили за ними. А вот Маша смиряться не собиралась: «бесплатный сыр – только в мышеловке», это даже дети знают. Слишком тут всё сладенько. И слишком откровенно их ведут по какому-то заранее продуманному маршруту. Вон, даже не обиделись за учиненный погром, сделали вид, будто ничего не произошло. Неужели в той игре, в которую с ними, а, может быть – ими! играют, разбитые иллюзии счастливой земли так мало значат? А что тогда здесь ценно? Ради чего и на что тут играют? Слово в детской загадке – «что дороже золота»? На язык напрашивался слишком страшный ответ.

Маша крутила головой, пытаясь найти какую-нибудь зацепку, подсказку – как им выйти, вырваться из непонятной игры, в которой они чьи-то пешки-фишки? Всё та же интуиция нашёптывала, что, если быть внимательной и любопытной, то всегда найдётся какой-нибудь лаз, через который можно выбраться на свободу. Лаз? То есть – проход?.. Калитка?.. Дверь?..

Как раз в этот момент они проходили мимо стоящего у обочины очередного гранитного портика. Маша приостановилась: ничего вроде бы особенного – подпираемая двумя круглыми колоннами треугольная крыша, без всяких украшений. Вроде дверей из ниоткуда и в никуда. Дверей!!

- Вот то-то и оно! – Она зажала рот ладошками.

Убедившись, что гостеприимцы уходят, уверенно глядя только перед собой, Маша быстро отшагнула к портику, сунула меж колонн руку. Помахала – вроде ничего с рукой не приключалось. И, решительно выдохнув, вошла сама.

Открыла глаза: да, правда, вокруг ничего почти не изменилось. Та же долина с рекой, те же холмы с рощами. Но именно «почти», ибо всё стало немного бледнее, ну, пасмурнее, что ли. Не столь игрушечно красиво. И ветерок подувал прохладный, нанося на сердце необъяснимую тревогу.

Подсунутый уголком под камень, справа лежал свёрнутый пополам серо-жёлтый лист. Она наклонилась, подняла, развернула. С обеих сторон знакомые штриховые узелки без всяких знаков препинания. Не буквы и не иероглифы. Маша прижала бумагу к груди: это был явный знак

правильного решения – нужно бежать, бежать от слишком сладкого угощения в чересчур приятном мире. А как с ребятами? Не одной же ей?

Маша решила вернуться. Но, почти вышагнув на дорогу, она едва не столкнулась с ... проходящими мимо гостеприимцами! За которыми понуро брели Аня и Николка. Отскочив под портик, подождала, пока все отойдут подальше. И вдруг её пробило: а это как?! Как так, войдя и выйдя через одну и ту же дверь, она из «отставшей» оказалась «опередившей»?

Прижавшись спиной к шершавой колонне, присела на корточки, сжав голову ладонями. Как же это? Как?.. Внезапно в глазах потемнело, веки сами собой опустились. В голове больно заметались неразборчивые звуки и пятна. И Маша поняла, что очутилась в своём сне. В том самом, дорожном, где высокие-высокие деревья сплетались ветвями, а их тонкие чёрные стволы обвивали бледно светящиеся голубые и жёлтые лианы. Где она кого-то ждёт. «Кого-то», кто должен принести очень важную вещь.... И тут сзади от дерева к дереву метнулась мутная тень. Ещё одна тень шевельнулась слева. Третья мелькнула справа... Ужас бешено заколотился в сердце...

- Меня хотят заставить побежать! Хотят оторвать от друзей. Не выйдет. – Она пальцами разомкнула веки, встала. – Надо не спать! Надо видеть свет!

Похлопав себя по щекам, по плечам, по коленям, подождала, пока выровняется дыхание. И вновь огляделась, как можно внимательней: совершенно та же долина, те же холмы. Ну, не так красочно. И не так тепло. А что позади? Что на дороге?

А там опять проходили гостеприимцы.

Пропустив беловодников, Маша выпрыгнула из-за колонны прямо на Аню и Николку. Не давая брату с сестрой ни доли секунды на ахи или охи, за руки вдёрнула их под портик:

- За мной! Только тихо!

Те ошалело заоглядывались.

- И чего?

В этот момент прохладный ветерок зашелестел жёсткой травой со особой силой. И из недалёкой уже рощицы донесся неприятный птичий крик.

- «Угукает» как филин. – Вслушался Николка. – А с чего б он днём бодрствовал?

- Тебе лучше знать, ты ж деревенский. Давайте отойдём куда-нибудь подальше от дороги. Нужно посоображать без лишних свидетелей. Двинулись? Или вас всегда за руку кто-то должен водить? – Маша решительно направилась в сторону ближней горы, сквозь которую по трещине-ущелью они вошли в Беловодную долину. Ошарашенные Николка и Аня бросились догонять непонятно чем рассерженную подругу. Выждав две-три минуты, Аня примирительно вздохнула и коснулась Машиной рукава:

- Ты нормально? Между прочим, мы тоже эту их картинку по разу расколотили. Чтобы опять на площадке оказаться. Надеялись, что ты там.

- А то! Поедим дыньки – да как грохнем! – С другой стороны заглянул ей в лицо Николка. – Не дуйся, мы также попсиховали.

- Да я не на вас. Просто глупость привиделось. Испугалась, что осталась одна.

Начался подъём. Трава поредела и измельчала, а вскоре и последние клочки её остались позади. Ребятам пришлось карабкаться по голому скользкому щебню, крупными плитками устланному крутой склон. Солнце продолжало висеть на своём месте, но в воздухе скопилась какая-то хмарь, и, притом, что ни одного облачка не наблюдалось, свет стал тускловатым. А с ветерком накатывала и чувствительная прохлада.

Когда они одолели взгорье, то искренне ахнули: между первой невысокой грядой, на которую они взобрались, и массивом главного хребта, в тени узкой лоцинки таилось растянувшееся более чем в километр озеро. Ветер по-над лоциной дул с присвистом, и не отражающая ничего тёмно-синяя вода щекотливо серебрилась. От этой играющей ряби озеро казалось живой плывущей рыбой. А там, ещё дальше, чуть видно чешуилось ещё одно рыба-озеро. И ещё...

А буквально под ногами ребят стелили по земле слабые дымки два догорающих кострища, меж которых сидел старик. Седые длинные волосы на прямой пробор, острые плечики под мелкими складками льняной рубашки – старик сидел спиной к ребятам, но в тот момент, когда у них созрело решение незаметно отступить, он, не оборачиваясь, поднял иссохшую смуглую руку и поманил:

- Спускайтесь. Посоображаем без лишних свидетелей.

Аня и Николка устали на Машу. Та, недоуменно сморщилась, скривилась, но послушно поскользила по камням.

- Здравствуйте. Здрасьте. – Ребята расселись пониже костерков напротив старика и так, чтобы не попадать под дым.

- Здравствуйте, Мария, Анна и Николай. – Старик тонкими длинными пальцами прочесал, пригладил белую бороду, темя острыми клиньями стекавшую до его колен. – Меня зовут Хранителем Южного гребня.

- Очень приятно. Но простите: это имя личное или же звание?

- Имя личное. На нашей земле все имена значимы, все определяют общественное положение человека. Вот ты, Николай, как представитель Берендеевского народа, по-здешнему будешь Медвежий нос. Анна, понятно, – Ушко.

- Ещё бы не понять. – Николка гордо развернул грудь. – А кто наша Маша?

- Наша Маша? Мария – она из народа Ясного сокола. Назовём её Пёрышком? – Добрая улыбка Хранителя раздвинула пышные усы и обжала паутинкой морщин давно выцветшие в светлую голубизну глаза. – Помните сказку про Финиста? Это её далёкий предок. Многие, самые детские сказочки хранят в себе весьма взрослое и правдивое начало.

- И что, у Колобка потомки имеются?

- Обязательно! Вы называете их туристами.

Дружный смех удвоился от Николкиного падения с камня-сидушки. А потом лицо старика разом посерьёзнело:

- Вы молодцы. Удивительные молодцы. Уже очень давно никто из пришельцев не преодолевал защиту Беломорской земли. Входящие с радостью видели то, что желали бы увидеть, и легкомысленно уносили с собой легенды об Атлантиде и Шангри-ла, Эльдорадо и Туле, о Лемурии и Авалоне, о феаках, о лотофагах, макарейцах и гиперборейцах.

- Так это мы... оказались... где?

- Что ответить? Вы в последнем из девяти царств Золотой эры. Ушедшим в тайну. Поэтому нашего Беловодья вроде бы уже и нет, но, вы сами свидетели, – оно есть. Где? Его признаки находят севернее Севера и южнее Юга, западнее Запада и восточнее Востока. Но всегда только признаки. В этот раз вы обрели его здесь. Однако не пытайтесь посылать никого по своим следам! Ибо, когда кто-то, в свой черёд, войдёт и выйдет ущельем – в лучшем случае появится ещё одна восторженная легенда о земле блаженства и удовольствий.

- Но зачем вы так прячетесь? Ну, так странно?

- Нелегко вам это будет понять, но я должен поведать. Ибо вам предлежит путь, который доверить больше некому.

Что ребятам поведал Хранитель Южного гребня.

С четырёх сторон Беловодье окружают непреодолимые горы – ледяные гребни. У каждого горного гребня есть свой хранитель. Хранители гребней никогда не видятся меж собой, так как их служение не позволяет им покидать своих пределов. Но они пребывают в непрерывном общении. Потому что Хранители ответственны не столько за сохранность внешних рубежей, сколько за неизменность внутренних границ дозволяемости.

В своём общении Хранители не пользуются словами. Они видят числа и слушают музыку мира. И мыслят символами. Поэтому их общение не в звуках, а в знаках. Даже их имена – тоже лишь знаки. Как, впрочем, и у остальных беловодцев.

Внешне каждый из Хранителей гребней может молчать или говорить, есть или спать, но внутренне они всегда все вместе непрерывно видят и слышат едино и единое. Внутренне они постоянно нераздельны.

Однако недавно в общении Хранителей появилась неискренность. Она, словно гарь дальних пожаров, явилась из войны. Войны очень древней, начавшейся за внешними пределами Беловодья, и, в конце концов, погубившей почти весь мир Золотой эры.

Изначальный раздор был порождён ревностью мудрецов, искавших идеальной гармонии меж природой и людьми. Одни из тех, кому досталось управление народами, видели её в

математике. Другие слышали гармонию в музыке. Одни верили в то, что абсолютно всё подчиняется цифрам. Другие – что части и частицы Вселенной объединены в мелодии.

Из девяти царств Золотой эры, четыре управлялись приверженцами расчетов, четыре – созвучностей. Беловодье же пребывало в согласии с теми и другими. Каждое царство имело свой удел, свою историю и стремилось к своей цели. Никто бы никогда не взялся судить, в каком из них жизнь народа протекала счастливее. Ибо счастье не может иметь сравнения. Счастье или горе – лишь чувства присутствия Добра и Зла, а чувства не знают мер измерения – ни в килограммах, ни в кубах, ни в джоулях. Однако сравнения всегда искали себе правители. Те, кто верил в цифры, уверяли, что расчет приносит больше достатка всем и справедливости каждому. Те, кто подчинялся звукам, говорили о большей надёжности государства и единения общества.

Увы, как бы не возникал спор, какими бы благими намерениями не объяснялось его появление, но спор неизбежно приводит к ослепляющей разум страсти. Страсть – к гневу. В гневе рождаются ложные обвинения. А во лжи забываются те самые, благие причины спора. Ибо лгущий всегда боится разоблачения, и этот страх подталкивает его к злодеянию.

Так и случилось в Золотом веке. Возвышенные споры учёных и художников переросли в гневные ссоры правителей, за которыми последовали сражения воинов, а затем началась всеобщая междоусобная смута. Боль и ненависть охватили всю землю. Небо почернело от дыма, реки покраснели от крови. Болезни и голод устлали дороги костями. Самые смелые, сильные и непреклонные истребляли друг друга, оставляя пашни трусливым и немощным. В опустевших городах поселились вороны и лисы. Лишь только Беловодье оставалось в мирном неучастии, словно одинокий остров разумности в море разбушевавшейся страсти. Беловодцы не вмешивались в битвы, так как отрицали любое насилие, а, тем более, убийство, какой бы целью оно не оправдывалось.

Более того, они научились избегать самой причины споров: всякий входивший к ним, видел лишь то, что желал бы увидеть. И с радостью выносил рассказы о возможном блаженстве благоразумия.

Старик внезапно замолк, задумчиво улыбаясь, словно вспоминая лица тех, кто выходил из Беловодья в восторге. Он сидел совершенно неподвижно, даже не дышал. Только ветерок чуть шевелил кончики бороды. Ребята тоже замерли, не решаясь беспокоить его явного блаженства.

Но вот из одного костерка с щёлком вылетел уголёк, и Хранитель очнулся:

- Это мы, Хранители четырёх гребней, решаем, кого впускать, а кого не впускать в Беловодную землю. Это мы размыкаем и смыкаем ущелья, по одному из которых вас ввели гостеприимцы.

- То есть, вы хотите сказать, что мы не сможем сами вернуться по знакомому пути?

- Его уже нет. Горы сошлись, оставив лишь нору для реки. Но проход возможен вновь после того, как вы будете готовы покинуть нас.

- «Будем готовы»? Как это?

- Никто не уходит из Беловодной земли несчастным.

Ребята быстро переглянулись. Каждый, наверняка, подумал о своём, но согласие быть счастливыми всем вместе не вызвало ни малейшего сопротивления. Маша даже привстала:

- А что нам нужно для этого сделать?

- Исполните мою просьбу: пройдите вдоль гребней и побеседуйте с каждым из Хранителей. Пусть ваши сердца имеют глаза и уши, чтобы вы смогли понять, а, точнее, почувствовать – кто из нас неискренен с остальными.

- А мы с таким справимся? Почему вы доверяетесь нам? – Аня и Николка встали рядом с Машей. – Ведь мы только выглядим в последнее время как-то взростовато, а так-то мы ж просто дети.

- Скромность делает честь посланникам Блаженного Ира. Однако Верховный суд, Думные советники Верховного круга и богиня Додола не могли бы поручить столь важные задания, как спасения царств и народов, «просто детям». До Беловодья дошли легенды о ваших удивительных подвигах в Медном и Серебряном мирах.

В ответ на подобные комплименты Маше, Ане и Николке только и оставалось, как набрать побольше воздуха, расправить плечи и гордо вскинуть головы. А чего? Да, вот такие они. Такие!

- Ступайте по взгорью, не возвращаясь в долину и не спускаясь к озёрам. В долине живут иллюзии, а возле воды – страхи.

Старик замолк и опять замер, улыбаясь самому себе. Он даже не дышал, только ветерок чуть шевелил кончики бороды.

Ребята закивали, закланялись на прощанье. Но, не дождавшись никакого ответа, несколько смущённо направились в указанном направлении.

Каменная гряда, по вершине которой цепочкой бодренько топали Маша, Аня и Николка, складкой полукилометровой высоты предваряла главную кручу внешнего гребня. Левый, более крутой и протяжный её склон спускался в долину, от середины бурно зеленея разнотравьем и кудрявясь мелкими кустиками акаций. Справа – до не особо глубокой озёрной низины, и далее, к восходящим до ледников скалам, уныло расстилались навалы крупного щебня. Получалось, что их путь пролегал по точной границе между райскими пейзажами и почти лунной пустыней. Даже попеременно налетавшие ветерки справа ласкали парным теплом, а слева кололи сырой свежестью.

- Интересно, чего он вдруг так отключился? – Николка никак не мог расстаться с напевным настроением от услышанных похвал. – Раз! и как будто нас не существует.

- Да, точно наушники надел. – Согласилась Аня. – С хэви метэл.

- В его молодости, поди, ещё рок-н-ролл слушали! Но, всё равно, классный старик. – Николка, припрыгивая бочком, обогнал сестру, поравнялся с Машей. – Ты чего такая бука?

Маша рассеяно взглянула на него и опять упёрлась глазами под ноги.

- Чего, в самом деле? Мы ж испытание прошли – надуть им нас не удалось. Из-за твоей, кстати, догадливости! Теперь вот ясное задание получили.

Маша опять посмотрела рассеяно:

- «Ясное», но не очень.

- Чего-чего?

- Предчувствие не отпускает. Чем для ума яснее, тем на сердце мутнее.

Николка обернулся за помощью к сестре:

- А помнишь, тебя тоже предчувствие мучило. Но обошлось же?

- Маш, а, Маш! – Аня, придержав брата за плечо, подошла к подруге вплотную. – Давай поговорим, о чём сама захочешь?

- Только не про Евровидение. – Слабо улыбнулась та в ответ.

Николка приотстал – пусть девчонки пошутукаются. Путь приятный, без каких-таких подвохов. Ну, посматривай под ноги, чтобы не споткнуться, а так глазей себе во все стороны. Они проходили мимо второго озера. Оно особо ничем не отличалось от первого – разве чуть подлиннее. Та же узенькая полоска серо-жёлтые песков пустынных берегов, та же серебристая рябь мелкого волнения. И небо тоже не отражалось. Само небо – светлое, почти белое вверху, сиреневым низом подрезалось о снежные зубцы пограничного хребта, напоминая огромный абажур с лампочкой-солнцем посередине. Кстати, а ведь ребята в Беловодье уже порядочно, дынька-то давно усвоилась, но солнце, как было точно в зените, так и там осталось. Оно, что, за это время никуда не сдвинулось?

Ну-ка, ну-ка! Николка с интересом заозирался. Судя по всему, Беловодная долина не квадратная, ну, уж точно не прямоугольная. Скорее округлая, только слегка вытянута, как буква «О». Идут они порядка часа или даже больше – то есть, километров шесть отмахали. Какой-никакой, но изгиб-то сделан, а их тени – как падали строго направо, так и падают! Не отстают, и не забегают вперёд. Можно подумать, что их путь лежит... вокруг солнца. Неподвижного и очень, очень низкого. Так, действительно, можно кружить только возле лампочки. Навстречу часовой стрелке.

Николке стало зябко. Косясь на свою тень, он прибавил шаг. Догнав девчонок, прежде, чем сообщить об открытии, прислушался. И не зря.

- Вот ты и сама согласилась! – Маша взбодрилась и говорила громко, быстро, но не радостно, а, скорее, нервно. – Я сама тоже вначале раздулась от его похвал. И только потом

дошло, что нас шпионить отправили. Тупо шпионить! И, главное, неизвестно для кого. Мы же совершенно ничего про этого Хранителя не знаем. Кроме того, что он умеет льстивые речи произносить.

- Ну, он же рассказал историю Беловодья. – Аня явно не спорила, а что-то для себя проясняла. – Меня в какие-то моменты просто в дрожь бросало. Как представляю: война, разруха... лисицы в городах.... Что ж тебе в нём не так?

- А то! Все вокруг дураки, а они одни на весь мир умные. Разве такое бывает?

Аня остановилась, Николка ткнулся ей в спину. Маша, не заметив их стопора, продолжала идти, взмахивая руками:

- Это точно про них сказано: в чужом глазу соринку видят, а в своём бревна не замечают.

- И что ты предлагаешь? – Крикнула ей вслед Аня, удерживая Николку за плечо. – Что? Выход в горах закрыт, вокруг сплошные обманы, старик пытается использовать нас в своих целях! Кто спорит? Всё точно. Только что нам делать? Предлагай! Конкретно! А понять мы все мастаки.

Николка попытался успокоить сестру, но лишь получил затрещину:

- Не встревай! Ей-то чего? У неё ирийский дар остался – полёт через Вселенную. Она в любой момент катапультироваться успеет. Как пёрышко. А вот нам с тобой придётся тут концерты смотреть, пока совершенно счастливыми не станем.

Машу словно током ударило. Она резко развернулась, широко шагнула к Ане:

- Ты! Ты! В другое время и в другом месте ... я бы ... с тобой даже разговаривать не стала.

На несколько мгновений девочки закаменели друг против дружки, расширенными зрачками излучая боль взаимной обиды и страха. Николка осторожно втиснулся меж ними:

- Да ладно вам, заканчивайте. Может, старик искренне помощи просил. К кому ещё тут обращаться? А мы себя только попусту накручиваем.

Маша выдержала ещё пару секунд, молча повернулась и резко двинулась прежней дорогой. Николка посеменил за ней. Аня пошла чуть приотстав.

- Я так думаю: нам нужно просто идти и смотреть. Идти и смотреть. – Николка говорил как бы сам с собой, но громко. – Тут мы, может, ещё такого наглядимся, что сто раз мнение о Беловодье переменим. Слишком много здесь, ну, ненатурального. Если б не мамонты, я бы вообще ничему здесь не поверил. Вот те – да, настоящие. Я пару волосков вырвал на память. Даже пахнут. Мамонтами.

Обиды, как бы жарко они не вспыхивали, всё равно, рано или поздно остывают и гаснут. По крайней мере, если идёшь три часа без перерыва и без событий, надутые губы потихоньку распускаются, брови расходятся, мысли с собственной несчастью сползают на ... что-либо не такое уж и несчастное. На что-либо насущное. Например, на то, что было б самое время перекусить. А чем?

Долина по левую руку по-прежнему радовала глаз зеленью пастбищ, цветущими и плодоносящими садами вдоль рек, хвойными рощами на холмах. Но нигде не виднелось не только какого-нибудь селения, но даже отдельного домика. И стада паслись вроде как сами по себе. Если б не пара-тройка дорог с приобочинными портиками, могло показаться, что милое Беловодье необитаемо.

Правая каменистая ложбина с горными озёрами вообще ничего съедобного не предполагала. Щебень крупный, щебень мелкий. Холодные ветерки над мёртвой водой. А дальше почти отвесная стена в полнеба.

Первым тему, естественно, поднял Николка:

- Я это уже давно заметил: нас отовсюду выпроваживают, не предлагая на дорогу ни корочки. Ни Додола, ни этот старик. Как сговорились. А Яр, так тот почти изо рта куски выхватывал. Почему нельзя в пути перекусывать? Почему каждый раз нужно терпеть?

- Значит для чего-то, действительно, нужно. Но ты раньше времени не заводись. Может, жильё уже где-то сосем близко? Деревня, город. Дача какая-нибудь. Хотя, какова эта страна по настоящему? Вначале показалась огромной, потом маленькой. Теперь даже загадывать ничего не хочется. – Маша оглянулась, притормаживая.

- Да, вдруг придётся ещё пару дней до следующего Хранителя идти. – Негромко поддержала её Аня. Взгляды девочек встретились. Маша кивнула. И мир просветлел.

- И тогда чего? Проявим чудеса силы воли? Продemonстрируем умение побеждать тело духом? Не знаю, кто как, но лично я не готов к такому подвигу. – Продолжил свои разглагольствования Николка. – И если через час мы никого или ничего не повстречаем, то предлагаю спуститься в долину. И просто подоить корову.

- Во что? – Хмыкнула Аня. – В твой ботфорт?

- Бе-бе-бе! – Николка показал сестре язык. – Тогда через те каменные воротца мы вернёмся на дорогу, и пусть нас гостеприимцы отведут на обещанный обед. С концертом.

- Смотрите! Дымки. Наверное, это второй Хранитель. – Вскинув руку, перебила его Маша.

- Ура! Ура-а! – В два прыжка Николка обогнал её и, шурша ботфортами, помчался вперёд.

- погоди! – Аня даже в ладоши прихлопнула. – Постой! Давайте прежде обсудим, как нам себя сейчас с ним вести.

Им показалось, что в этот момент холодный ветер со стороны озера ударил с особой силой. Так, что пришлось зажмуриться и закрыть уши ладонями.

- Я согласна с Николкой, – едва слышно произнесла Маша, – в том, что нам нужно просто идти и смотреть. Пока просто смотреть, никому и ничему не переча.

Ветер стих также неожиданно, как и налетел.

- И пусть будет, как будет. – Поправила брату волосы Аня.

Ещё чуток помедлив, они, плечом в плечо, пошагали к чуть заметным дымкам.

Где их уже поджидали.

Хранитель Восточного гребня, похоже, был братом-близнецом Хранителя гребня Южного. Совершенно такие же глаза, нос, ровно-седые волосы. Даже такая же длинная, до колен, льняная рубаха. Только борода распалась не на три пряди, а на две.

- Здравствуйте. Здрасьте. Добрый день.

- Здравствуйте, Пёрышко, Ушко и Нос медведя. – Улыбка раздвинула пышные усы. – Меня зовут Хранителем.

- Да. Мы знаем. Нам уже сказали.

- Присаживайтесь. И не откажите в удовольствии угостить вас. – Под жестом старика перед ребятами, словно из-под земли, возникли три расстеленных полотенца. На которых дымились паром деревянные чашки с удивительно пахнущим борщом, стояли деревянные же стаканчики со сметаной и с разноцветными киселями. Рядом лежали ломти чёрного, с тмином, хлеба, варёные яйца, сыр. – Пища незамысловатая, но полезная.

Может, эти три скатёрки-самобранки уже изначально застилали плоские камни, а ребята их попросту не заметили? Может быть, может быть. Но как тогда они не унюхали борщ и свежее испечённый хлеб?

Эти соображения пошли попозже, а вначале они, чуть ли не урча от удовольствия, наперегонки поглощали совершенно роскошное угощение.

- Как вы добрались? Впрочем, если не сходить с гряды, ничего неожиданного приключиться не может.

- Да, спасибо, всё было замечательно. Никаких проблем. Солнечно, но не жарко.

Ребята допивали смородиновые и малиновые кисели уже без спешки. А хозяин вроде бы опять извинился:

- Может, вы не насытились? В Беловодье не употребляют в пищу мясо животных. Мы противники убийств.

- О, нет! Всё здорово. И очень вкусно. Спасибо!

- Это вам спасибо. Ведь нет в мире для человека большей радости, чем доставлять радость другому человеку. Нет большего счастья, чем кого-то осчастливливать.

После ещё некоторого количества взаимных комплиментов и расшаркиваний, старик вдруг посерьёзней:

- Вас мучат какие-то вопросы. Задавайте!

Аня, Маша и Николка попереглядывались. И Николка откашлялся:

- Гм, а скажите, в войне, что ведётся за пределами вашей земли, кто побеждает? Те, кто управлялись расчетами, или созвучностями?

- Это, действительно, для тебя важно?

- Угу. У меня с математикой, ну, не очень. Геометрия хорошо пошла, в ней всё очевидно. А вот алгебра сразу захромала. Неужели без этих циферок не проживёшь?

- А что хотела б узнать Анна?

- Я? Я хотела б узнать... выходят ли беловодцы за пределы гребней?

- Мария, а ты?

- Почему своё счастье нужно прятать от других?

Старик покивал, помолчал. И начал нараспев.

Что поведал Хранитель Восточного гребня.

В войне восьми царств не победил никто. И не смог бы победить: ибо и цифры и звуки – суть разное проявление единых ритмов. Сжатых в материю и разряженных в энергии – ритмов, из которых сотворена сама Вселенная. И вычислители, и мелодисты являлись носителями лишь половинок одного знания. А, не обладая полнотой Истины, победить невозможно.

Войны низводят мир в одичание. Народы творчески истощаются, растрачивают запасы науки и силы искусства на самоистребление. Беловодье, наглухо закрывшись от сражений, тем самым сохраняло древние мудрость и опыт. Так что наступил час, когда уже никто, кроме беловодцев, не помнил об изначальных и конечных возможностях человека – быть владельцем и правителем собой и природой.

Война тянулась столетиями, но случались и долгие перемирия. К сожалению, они использовались для накоплений возможностей к новым сражениям. В подобные времена рождалось много детей, снимались обильные урожаи, строились дороги и порты. Так что порой казалось – раздоры забываются, страсти гаснут, мысли и чувства оживают к пользе. Даже мы принимали желаемое за действительное, и помогали запредельным народам. Чтобы они смогли поскорее возродить свои царства, мы отворяли хранимые Беловодьем знания. Мы заново учили их навигации и астрономии, учили летать, подчинять пар и электричество, строить ракеты и расщеплять атом.

Но получаемые от нас силы они вновь и вновь обращали к войне. С всё большей успешностью губя противника и себя, они порой сам мир Золотой эры ставили на край гибели. Если б не наши вмешательства, то возможные катастрофы обрушили б устройство всей Вселенной. Вот почему знания требуют тайны.

Увы, брызги страстей перелетают и через вершины Горных гребней. Кое-кто, наслушавшись о страданиях за пределами, захотел силой прекратить творимое там зло. Это были мастера масок.

Изготовление масок – одно из великих ремёсел Беловодной земли. Наши мастера достигали в своём искусстве такой высоты, на которой становились неразличимы оригинал и копия. Копии не только лиц, но и всего тела – вроде кукол. Их куклы-маски ходили и дышали, рассуждали и трудились, спали и ели. Они лишь не знали эмоций и не могли сочинять и выдумывать нового. Искусство создавать неотличимое подобие человеку как бы даровало бессмертие его телу. И когда герой, мудрец или гений умирал, то для окружающих маска продолжала его жизнь в обществе близких, друзей и учеников.

Именно умение творить совершенные подобию людей соблазнило часть мастеров мыслью, что они смогут сотворять не тела, а умы и чувства. Что-то вроде масок, которые носились бы не снаружи, а внутри.

Тайно эти мастера покинули Беловодную землю, уводимые мыслью создать правителей, которые принесут царствам мир. Но их пылкие благие намеренья, как всегда, свели всё к тому же самоослепленю: обещая себе и всем насилем победить насилие, эти, отринувшие принцип невмешательства в битвы, мастера, стали лишь тайно-правителями в чужих странах. Посредством сделанных ими масок царей, мудрецов и художников.

Ибо выкраденные из Беловодья знания давали власть над плотью, но не над умами. И, тем более, не над сердцами. Как ни старались, как ни бились мастера, но они снова и снова сотворяли только внешние подобию совершенных людей. Да, которые просчитывали чудодейственные экономики, вводили благоразумные законы, писали гениальные симфонии и устраивали грандиозные зрелища. Но! Но всё производимое этими масками кормило, холило и ублажало

только плотские эмоции, не совершенствуя мыслей и душ их подданных. А развращённые вековым самонедовольством, заражённые завистливым заглядыванием на соседей, умы народов всё время жаждали неких перемен, томились по неясному, верили смутному. Не имея возможности подраться меж собой, для выплеска страстей толпы бунтовали против тех, кто не позволял им воевать.

Поэтому власть беловодных царей-масок, рано или поздно, свергалась. И, не имея возможности вернуться на преданную ими родину, самонадеянные мастера оказались обречены на вечные скитания меж чужих земель и миров. В этих голодных и бесприютных блужданиях и гонениях великие искусники опускались до обычных ремесленников. Бывшие чародеи становились фокусникам, фиглярствовавшими в цирках и театрах. Были и те, кто умирал в тюрьмах как мошенники или фальшивомонетчики.

Хранитель молчал, печально склонив голову. Прошло не меньше минуты, прежде чем его губы дрогнули:

- Итак, вот вам ответы: без «циферок» не проживёшь, беловодцы отсюда выходят, но счастье одних не обязательное счастье для других. На этом попрощаемся, посланники Блаженного Ира. Путь вам известен, только не уклоняйтесь с него.

И старик опять замолк. Он словно окаменел, только ветер чуть шевелил кончики бороды.

Ребята раскланялись, и, уже по-опыту не дожидаясь ответа, дружно двинули по вершине гряды.

- Мне этот дед больше понравился. – Николка на сытый желудок грустить не умел. Хотя теперь и не подпрыгивал. – Угостил обедом, но не навязывался. Не сюсюкал. А вы заметили, на кого он похож? На Льва Толстого!

- И, правда! – Удивилась Аня. – Только волос на голове больше.

- Интересно, а сколько тут сейчас времени? – Неожиданно сменила тему Маша. – И где мы географически? После «обеда» прошло более часа, и до того мы часиков пять натопали. Это... около тридцати километров!

Николке безумно хотелось рассказать девчонкам о своём наблюдении за тенью и о предположениях по поводу солнца. Но он понимал, как легко этим можно опять испортить им настроение. И отвлекающее предложил:

- Может, спустимся на минутку к воде?

- Зачем? – Одновременно обернулись Маша и Аня.

- Ну, что, нам на самом деле неделю топать по этой гриве, ни на шаг не отступая?

- Зачем тебе к воде? – Сестра вроде и строжилась, а вроде и не совсем. Наверное, у самой такая мысль вертелась.

- Руки помыть. Они у меня ещё от дыни липкие. А сколько пыли на лице!

Ох, и хорошо же он придумал: девчонки только и ждали такого предложения.

Сначала осторожно, потом всё скорее и смелее, они косо запускали к началу очередного озера.

Здесь, в толсто выстеленном щебнем распадке, было заметно сумрачней и свежее. Тень от гряды почти касалась до озёрного берега, тонкой полоской песка очерчивающего протянувшийся на километр узкий водоём. Близкая теперь правая гребенная скала своей неприступной мощью внушала благоговейное уважение. Несущийся по естественному жёлобу ветер посвистывал в торчащих плитках на разные голоса.

- Холоднющая! – Мокрый по плечи, Николка улыбался во все стучащие зубы. – В та-та-такой не по-покупаешься.

Маша и Аня тихонько повизгивали, смывая пыль с шей и предплечий.

- Довольны? – Николка выбрал камешек поплотнее и запустил его по-над самой поверхностью. «Блинчик» подпрыгнул раз десять, прежде чем затонуть почти на самой середине. – Тогда по-пойдём наверх? По-по-погреемся.

Маша согласно зашуршала за ним каменными осыпями. А Аня задержалась.

Она зашагнула по край сапог в воду, всмотрелась. Жёлтый, с сероватым отливом, очень крупный песок ровно покрывал всё дно. В идеально прозрачной воде даже в глубине можно было рассмотреть каждую его крупинку. На гладкой поверхности песка, то там, то сям, виднелись ямки-воронки разного размера. Чем-то эти ямки и привлекли Анино внимание. Несколько раз глубоко вдохнув-выдохнув, она опустила в ледяную воду руки и быстро зачерпнула ладонями песок с одной из воронок.

Песок оказался удивительно тяжёлым. А когда она всё же вытянула и поднесла к глазам полные пригоршни – на месте ямки ослепительно засияли грани большого кристалла.

- Мамочки...

Всё дно – из золотого самородного песка...

А ямки – невидимые в чистой воде алмазы...

Она о таком только читала.

Аня оглянулась – брат с Машей увлечённо пыхтели почти на середине склона.

В две минуты набив карманы золотом и накидав за пазуху алмазов, Аня, трясясь от холода и азарта, мучительно оглядывалась – куда бы ещё набрать? Ведь здесь столько... столько...

«В сапоги!» – мелькнуло в туманящемся сознании. Она присела и стала засыпать мокрый песок и заталкивать колючие камешки за голенища. Быстрее, больше! Ещё! Ещё!

Когда алмазы поблизости кончились, Аня попыталась привстать, чтобы перейти на другое место. Попыталась, но ... не смогла. Рванувшись, она лишь завалилась в воду. Толкаясь локтями, бочком поползла к суше. А ледяная вода вытягивала, высасывала силы.

И тут увидела, как на глубине из песка появилась чья-то рука. Потом ещё одна. И ещё. Ещё!

Десятки, сотни рук по всему дну, раскачиваясь и подрагивая, страшными водорослями мучительно тянулись из-под непреодолимой тяжести золота. А меж ними от глубины наверх неслись струйки пузырей. Достигая поверхности, пузыри лопались, и над озером разлетались, множась отражениями от скалы, страшные вопли и стоны.

Эти стоны и вернули почти поднявшихся на вершину гряды Машу и Николку.

Когда они подбежали, над водой оставалось только Анино лицо.

Маша и Николка, цепляясь за что подворачивалось, тянули, дёргали, разрывая одежду, но Аня всё погружалась и погружалась в песок.

- Маша! Миленькая! Братик! Родной! – Ане казалось, что она кричит, а на самом деле из трясущихся губ вылетал едва слышный шёпот. – Кольцо! Снимите с меня кольцо!!

Николка скорее догадался, чем что-то расслышал. Зажав левой рукой выскальзывающее сестрино запястье, правой он свинтил с пальца колечко с бриллиантовой лилией. И с размаха зашвырнул как смог дальше.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. Колодец горной крепости.

Аня в одной майке и плавочках лежала на расстеленной медвежьей епанче без сознания. А Маша с Николкой, стоя по колена в воде, выгребали и выполаскивали из её одежды золото и алмазы.

- У тебя всё?

- Всё. А у тебя?

- Вроде, тоже.

- Её нужно срочно согреть. – Маша потёрла Анины ладони. – Помоги взвалить её мне на спину. А сам понесёшь одежду.

Если бы не только что пережитый ужас, вряд ли бы у Маши хватило сил в один приём выбраться на взгорье с совершенно расслабленной, всё время соскальзывающей Аней. Особенно тяжело достались последние метры. Хотя там уже помогал Николка.

Перевалив гряду, приспустились до травной границы. Постелив на солнечном склоне шкуру, осторожно положили всё ещё не приходящую в себя Аню. Николка припал рядом, вслушиваясь в слабенькое дыхание.

- Ты за сестру не бойся. Прогреется, всё будет нормально. Главное, что она воды не наглоталась. Потом ещё пробежимся для полной уверенности, кровь разгоним. – Маша разложила Анины вещи, чтобы скорее просыхали, под села с другой стороны.

Прошло несколько томительных минут. Наконец Анины губы дрогнули, и она медленно приоткрыла глаза:

- Братик. Родной... Маша. Миленькая...

- Очнулась?

- Привет, подруга!

Как же хорошо, шурясь от света, сидеть под тёплым ласковым ветерком и болтать, болтать, болтать. Ни о чём, и обо всём сразу.

Так, пожалуй, они не беззаботничали с той далёкой прогулки по берегу речки Раквы, когда только-только познакомились. Девочки тогда собирали цветы для венков, а Николка прутиком рубил репейник.

- Я так соскучилась по Ваньше. – Голос Ани иногда ещё сбивался на всхлипы. – Хотя он меня всё время строгал.

- Ну и правильно. – Николка в солидарность тоже разделся до пояса, загорал. – Представь, чего бы он сейчас тебе навешал. А я слишком добрый – всё прощаю.

Аня вздрогнула, было, от возмущения, но тут же, покраснев, сникла.

- А я вдруг вспомнила, что нам Суури рассказывала. – Маша перевернула Анины брюки влажной стороной наверх. – Ну, тогда-то? «Где-то севернее севера есть царство, где солнечный металл по берегам вместо песка. А в воде кристаллики никогда не тающего льда. Которые крепче всего на свете».

- Это вы о чём? – Поинтересовался Николка.

- В Ягийском царстве есть легенда о земле севернее Севера: «В той стране никогда не наступает ночь. Границы её охраняют одноглазые великаны, ездящие верхом на горообразных зверях – лохматых, длинноносых, со страшно торчащими зубами»...

- Точно! Мамонты! – Николка аж в ладоши прихлопнул. – Только у зрителей Внешних пределов не глаз во лбу, а алмаз. Слушай, так это ж значит, что из Серебряного царства сюда кто-то тоже добирался!

- Значит, добирался. Они называют золото волшебным металлом, который, «если на него долго смотреть, заколдовывает сердце».

- А я читал в журнале «Наука и жизнь» легенду об Эльдорадо.

- Конечно, мы здесь не первые.

Аня вдруг встала. И, скрестив на груди руки с жатыми кулаками, закричала сквозь хлынувшие слёзы:

- Не первые! Не первые! Там столько рук! Столько!

Маша и Николка, не зная что делать, встали рядом. А она выкрикивала:

- И все в перстнях! В перстнях! Все! Это Чёрный принц! Это он! Он их утопил! Заколдовал сердца! Подобное лепится к подобному! Подобное к подобному!

Когда приступ прошёл, Маша помогла ей одеться. Уговорила опять лечь. Сама прилегла рядом, обняла, успев шепнуть Николке:

- Придётся подождать. Давай чуток поспим по-очереди.

Тот кивнул: «Спите. Я покараулю».

Поглаживая подрагивающее Анино плечо, Маша почувствовала, что засыпает. Засыпает. Засыпа...а...е...

Когда к ней вновь вернулись силы что-то соображать, Маша осторожно, чтобы не побеспокоить спящую Аню, села. Трудно огляделась. Сколько же времени? Солнце по-прежнему висело в центре неба, раскинувшаяся под ногами долина всё так же радовала глаз зеленью пастбищ, садами и рощами. Рядом, скрючившись, дремал Николка.

Тихонечко встала, неслышно поднялась на вершину гряды. Ещё раз огляделась, теперь уже сосредоточенно.

В чуть гудящей голове что-то оставалось от, сколь резко навалившегося, столь же и разом пропавшего, сна. Что-то смутное, тревожное. Но что? Вот, сколько раз такое уже бывало: приснится и не запомнится. Обидно. Зачем тогда?

Вдруг Маша услышала, как её позвали. Она оглянулась на спящих Аню и Николку. Не они, конечно, да и позвали явно с другой стороны взгорья. Она перешла к правому склону.

- Мария. – Донеслось чуть слышно. Потом повторилось настойчивее:

- Мария!

Откуда?! Позади и впереди – мёртвая лощина. Прямо внизу – ещё более мёртвое озеро. Напротив – неосмыслимая скальная круча. Откуда же? И тут её взгляд зацепился за крошечное пятнышко.

Горный массив нависал над озером метров на триста совершенно гладкой стеной. Затем, с небольшим уклоном, он в две складки восходил до самой ледниковой короны. Так вот, на второй, верхней складке острился, кажущийся отсюда крохотным, зубчик. Именно он и привлёк чем-то Машину внимание. Как бы сейчас пригодилась подзорная труба Суури! От зубчика вниз зигзагом едва заметно тянулась прерывистая ниточка. Дорожка? Да, похоже: перевалив через нижнюю складку, ниточка гораздо уже более уверенными зубцами спускалась к скальному обрыву над озером.

Кто был в горах, знает, что слои тёплого и холодного воздуха, чередуясь, создают зрительные эффекты, подобные эффектам увеличительных линз. Маша всматривалась в дальний зубок, всматривалась. И вдруг, в какой-то очередной налёт ветра, она чётко, как в бинокль, увидела башню. Квадратную, выложенную из грубо обколотого булыжника. Разглядела не только три чёрных окна-бойницы, но даже зубчики наверху. И ощутила налетающий от неё выдох-призыв:

- Мария...

- Маша, ты где? – Николка, смущённый тем, что заснул на посту, старательно тёр глаза. – Ане полегчало. Может, пойдём потихоньку?

За братом на гряде выбралась Аня. Улыбнулась:

- Хорошо отдохнули. У меня внутри лёгкость, как после прошедшей болезни. Но я могу идти, даже быстро.

Маша шагнула навстречу, положила им ладони на шею. Пригнув головы, прижала к ним свой лоб. Ребята недоуменно ждали.

- Друзья мои. Самые лучшие, самые верные. Вы – идите. Идите дальше без меня.

Аня и Николка, не меняя позы, пытались исподлобья рассмотреть Машу, смешно кося выпученными глазами.

- Ступайте. И выслушайте оставшихся Хранителей. Вы сможете понять их ссору, у вас получится. Только не спешите докладывать понятное.

- А ты? – Решился разогнуться Николка. За ним выпрямилась и Аня. – Ты?

- Не сумею точно объяснить. Но ... меня позвали. Как тогда, в Белую пещеру. Позвали одну. Значит, наступает время моему дару. Я же, действительно, если что не так, смогу «катапультироваться». Как пёрышко.

- Маша! Я же сгоряча! Прости.

- Давно забыто. Теперь понятно, почему тогда Ваньша спрашивал, есть ли у меня видения.

И радовался, что я м верю. Иногда в жизни приходится делать нечто, другим не объяснимое.

Помолчали, то переглядываясь, то разглядывая обувь. Николка отпнул камешек:

- Так ты куда?

- Не знаю. Но мы увидимся. Обязательно увидимся.

- А я знала, что ты скоро уйдёшь от нас. Чувствовала. – Аня порывисто обняла подругу.

Николка, помявшись, положил на плечо Маше руку. Она, подождав, вздохнула и отстранилась:

- Я тоже знала. Ну, всё, ступайте! До встречи.

- До свидания. Мы всё время будем думать о тебе!

- А я о вас!

Ане и Николке сверху было хорошо видно, как Маша спустилась полубегом, осторожно обошла озеро, начала карабкаться по каменным завалам к скальной стене.

- Как же она заберётся? Что, уже сейчас полетит?

- Не городи глупости! У неё только одна попытка. На крайнюю необходимость.
- Так интересно же посмотреть. Любопытно. Вот ты, как мысли передавала?
- Не суй свой медвежий нос, куда не следует!
- Ладно, я ж пошутил. Нельзя, что ли? Как мне нравится, когда ты спишь...

От озера к обрыву путь лежал через груды здоровенных камней. Маша на четырёх конечностях перебиралась с глыбы на глыбу, боясь завалиться в какую-нибудь из глубоких и запутанных щелей. В лабиринтах которых на все лады насвистывал противный ветерок. Плана у неё никакого не было. Она просто поспешила расстаться с ребятами, чтоб не растягивать сцену прощания и не объяснять того, чего она и сама не понимала.

Конечно, примерное направление она наметила. Ниточка-тропинка обрывалась над озером в метрах ста от его начала. Поэтому Маша решила добраться до подножия стены в этом месте и осмотреться – нет ли какой зацепки? Раз позвали, то, возможно, что и продумали способ её подъёма. На лифт надеяться не приходилось, однако, даже если не знаешь что, то всё равно что-то делать нужно. Делать и делать.

Когда она оказалась в намеченной точке, то просто осыпала себя похвалами и восторженными эпитетами: ну, конечно, её поджидала верёвочная лестница!

Лестнице, сплетённой из толстенных шершавых верёвок, давно исполнилось лет двести. Мотаемая всё это время ветрами, она в некоторых местах весьма заметно потёрлась о камни, распушившись там до вида мочалки. К тому же расстояния меж верёвочными же поперечинами когда-то рассчитывались явно на очень крупных мужчин, и были гораздо шире полуметра. Маша, поохав, изо всех сил подёргала и даже покачалась, надеясь найти изъян на лестнице в начале подъёма, а не на высоте в двести-триста метров. Но, кроме неприятного поскрипывания, ничего не заметила. Что ж? Пришлось взбираться.

Чтобы не думать о высоте, она считала перекладыны. Сто семьдесят две прошли удачно. Маша даже приспособилась через каждые полсотни отдыхать, просовываясь по пояс в пролёты и полулёжа на животе. Встретилась, правда пара пугающих потёртостей. Но, в целом, для начала всё было очень даже приемлемо. А потом началась качка. Скала, похоже, имела небольшой встречный наклон, и лесенка свисала от неё метрах в трёх. Всё усиливающийся с подъёмом ветер мотал и искручивал верёвки. Какая-никакая Маша добавила парусности, и качка стала сопровождаться пока не особо сильными, но всё же чувствительными, ударами о скалу. Причём из-за скруток било всякий раз неожиданно и с непредсказуемой стороны. А стенка-то была не резиновой! И вскоре плечи, спина, бёдра покрылись ссадинами и синяками. Так что со сто семьдесят третьей ступени счёт Маша потеряла – главным стало уберечь от удара локти и колени.

Дальше она пела. Отдохнуть теперь приходилось гораздо чаще. Через куплет с припевом. От бодреньких маршей репертуар постепенно сошёл на любовную лирику. А потом пересохло горло. Ещё какое-то некоторое время Маша помумукала что-то уж совсем неразборчивое и смолкла.

Усталость умножалась упорно пробирающимся внутрь холодком. Протиснувшись поглубже меж поперечин и окрутив руки стропами, она, отваливаясь, почти придремала. Приятное покачивание, никакой гонки, полная независимость – в самом деле, куда ей спешить? Но злодей ветер, успокаивающе покачал, покачал, да вдруг рывком развернул вокруг оси. Охнув, Маша впервые взглянула вниз. И ахнула.

Перед ней распахнулась потрясающая картина необъятного простора и света. Полуденное солнце оранжевым шаром с чуть фиолетового неба светило на холмящуюся зелёную долину, кругло замкнутую бледно-голубыми горными грядами. Северная река с двумя своими притоками чётко образовывала белый крест со слегка загнутыми концами.

Внизу, зажатые складкой предгорья и главным хребтом, прерывистой цепочкой тянулись узкие рыбины озёр. Присмотревшись, Маша различила крохотных брата и сестру, шагающих по, почти идеально ровно, как беговая дорожка, очерчивающей долину гряде.

Стоп! Беговая дорожка? Да, действительно: чуть вытянутый овал Беловодной земли очень даже походил на огромное игровое поле стадиона! С этой вот самой окружной дорожкой, по которой их направили Хранители. Стоп! Стадион. Стадион... А тогда горные гребни – трибуны? Трибуны для кого? Кто тут – болельщики и зрители?

Вспомнился заброшенный стадион в царстве эйкв. И их посиделки с Карлом-Йозефом-Густавом за чашечкой горячего шоколада в ложе для почётных гостей. Где блюда подавали слуги, чем-то похожие на здоровенных крыс.

От вспомненных розовых носов над реденькими усами Машу передёрнуло. И она сразу прочувствовала всю жёсткость своего положения. Вскрабкавшись на высоту более двухсот метров по старой-престарой верёвочной лестнице, она, несколько раз хорошенько пристукнутая ветром о каменную стену, – вместо того, чтобы срочно, пока есть силы, добираться до верха, – беспечно раскачивается и ещё любит пейзажами!

- Пора взрослеть! Пора браться за ум! Вперёд, к реальности! – Но Машино тело подчинялось остуженно неохотно. Покрасневшие пальцы с большим трудом захватывали и сжимали грубо-сплетённые поперечины, колени сгибались и разгибались с болью. А ведь ей предстоял ещё весьма приличный подъём. Она подняла глаза. И обмёрзла окончательно.

В нескольких ступенях над ней лестница налегала и перегибалась за край выступа, из-за которого и возник зазор между ней и стеной. В местах касания обе стропы истёрлись о камень до такой степени, что оставалось только загадать: какая из них в ближайшие секунды оборвётся первой?

Мгновенно к Маше пришло второе дыхание. Сжав зубы, она, в несколько рывков, буквально взлетела к выступу. Закинула за него руку, вцепилась. Закинула вторую. Подтянувшись, поставила на безопасную поперечину правую ногу. Оттолкнулась левой.

То есть – хотела оттолкнуться. Ибо в этот момент обе стропы без всякого звука в местах своих перетёртостей вытянулись до ниток. И оборвались. Тяжеленный двухсот пятидесяти метровый кусок лестницы, свиваясь лёгкомысленной новогодней спиралью, с ускорением обрушился куда-то вниз.

Перестав кричать, Маша, перевалилась за выступ и, возможно некрасиво, но очень быстро проползла оставшийся участок стенки. И позволила себе чуток передохнуть только на горной террасе.

Эта, нижняя, терраса оказалась довольно широкой – метров в двадцать, негусто заваленной разновеликими глыбами серого камня. Тропинка же, которую она заприметила снизу, начиналась меж двух многотонных столбов, к основаниям которых крепилась лестница. Даже не столбов, а каменных баб – когда-то кто-то поставил друг на друга по три грубо подтёсанных каменных куба. И высек на их поверхности изображения кругов, косых крестов и трезубцев.

Всё ещё сутулясь под впечатлением от пережитого ужаса, Маша, не оглядываясь, пошагала по зигзагам тропинки. Круто поднимающаяся дорожка в местах разворотов превращалась в высоченные ступени. По которым когда-то топали те же великаны, что и взбирались по верёвочной лестнице. Приходилось корячиться. Но от этого у Маши только прибавлялось приятной уверенности в незыблемости её теперешнего пути. В его навечной прочности.

Через час она, ужавшись в комочек, чуть склонялась над краем верхней террасы, на которой и зубилась квадратная башня. Ветер здесь просто неистовствовал. Маша, стерев набежавшие слёзы, ещё на раз оглядела Беловодную землю. С этой вышины сходство её со стадионом было ещё разительнее. Да не с какими-нибудь современными «Лужниками», а с римским Колизеем.

Взгляд переполз на подножие горы, на нижнюю террасу. И, казалось бы, всего уже навидавшаяся, Маша опять ахнула: хаотичные каменные навалы отсюда складывались в картину почти целого скелета гигантского ящера! Тропинка своим началом отсекала часть шеи и длиннорогий клыкастый череп, в пустой глазнице которого смогли бы запросто поместиться сразу и Маша, и Аня, и Николка! Тонкие длинные косточки, лежащие вдоль грудной клетки, явно когда-то являлись каркасом для перепончатых крыльев. Кто был этот змей-Горыныч? Птеродактилей таких размеров учёные точно не находили.

В башню Маша вошла через проём давно утерянных дверей. Постояла, привыкая к сумраку. Свет, кроме двух противурасположенных входных проёмов, попадал внутрь через три узких окна, пробитых под самым потолком. Три луча прямо ударяли в стену и рассеивались, оставляя в тени основную часть мрачного помещения, затянутого по углам вековой паутиной и

пластами плесени. На высвеченной оконными пятнами стене слабо просматривался высеченный по камням рисунок. Какой-то древний художник просто, но с впечатляющей смелостью вырубил сцену битвы. Вернее, поединка: всадник на крылатом коне трубит в поднятый одной рукой рог, а второй бьёт длинным копьём прямо в сердце припавшего под ноги коня врага. Этот враг был тоже крылат, лоб его рогатой козлиной головы отмечала перевёрнутая пятиконечная звезда.

Внутри башни было до гулкости пусто. Только ровно посередине брусчатого пола возвышался выложенный из той же брусчатки куб колодца. То, что это колодец, а, скажем, не очаг, Маша почему-то догадалась ещё с порога. Это после, осмелев и подойдя ближе, она убедилась, чуть приоткрыв тяжёлую крышку и вдохнув этого особого запаха подземной воды.

А подошла она, так увидела на этой самой крышке аккуратно разложенными свои шапочку, свитер, шарфик и варежки! Те самые, которые утопили Аня с Николкой. А под шапочкой лежала страница из книги Волохова! Маша чуть не заплакала от ощущения заботы незнакомого ей человека. Ну, правда ведь, она же этого чудака в глаза не видела, и всё, что о нём знала – знала из рассказов. Надев совершенно сухие, и даже чуть ли не тёплые Додолины подарки, Маша совсем ободрилась. Вот и подтверждение правильности её решения – сойти с заданной Хранителем дистанции по беговой дорожке!

Ветер, буйствовавший снаружи, здесь лишь чуть покряхтывал в подпотолочных балках, не нарушая общей тишины. Спрятав бумагу, Маша решительно навалилась на крышку, плечом отворяя колодезное жерло. Выдохнув, осторожно заглянула внутрь. И увидела в подрагивающей темноте своё отражение. И засмеялась: а кто другой мог там быть? Маша опять перегнулась, почерпнула в ладонки. Осторожно проглотила несколько капелек холодной, сладко-вкусной воды. Подмигнула качающемуся отражению: «А я тебя знаю! Спасибо!» В колодце ответно сверкнули пузырьки.

Но, за первыми мелкими и робкими, из глубины вдруг поднялся сразу целый рой – словно колодезная вода вскипела. Пузырьки, не успевая лопаться, прибывали и прибывали, шипучей пеной заполняя жерло, бурно выпирая всё выше и выше. Отшатнувшись, Маша замерла в нескольких шагах, не решаясь – бежать или оставаться.

Вода возносилась над брусчатым кубом растущим фонтаном, но через края не переливалась. Постепенно поднимающиеся и опадающие струи образовали нечто вроде человеческой фигурки. Фигурка прояснялась, обретая всё более мелкие, чёткие черты. И вот изумленная Маша в водяной скульптуре узнала ... себя.

Водяная «Маша» распрямилась, покачала головкой и запела звонким тоненьким голоском:

*Колодезь – клад, в котором память
Прародины и рода в роднике
Ключом играет.*

*Кто смысл сих слов поймёт, тот и узнает
Где для ключа замочек поискать,
Открыть дверь тайны:*

*Войдя в себя, выходишь ты другою.
И не ищи из памяти возврата.
Нельзя забытья.*

*Из башни тоже ты ступай лишь прямо.
Не бойся ничего – не будет больше лжи.
Там только правда.*

*Там честный мир – жестокий и прекрасный,
И ждёт тебя развязка всех узлов.
Ступай скорее.
Ступай смелее.
Ступай...*

Фонтан опал. Развеялся чуть приметный парок над колодезным кубом. И остался лишь звонкий голосок в памяти: *Ступай скорее. Ступай смелее...*

Маша, лишне не любопытствуя, задвинула на место крышку.

Итак. Войдя в одни двери, выйти нужно в другие. Те, которые по ту сторону колодца. До них меньше десятка метров, но как же страшно и тоскливо становилось на душе с шагом! «Один, два, три...» – идти приходилось, словно толкаясь навстречу нарастающему урагану. «Шесть, семь... Восемь...» – воздух всё уплотнялся и густел. «Десять... Одиннадцать...» – до порога оставался всего-навсего один шаг. Один. А там...

Там была темнота.

Маша вновь открыла глаза. Она стояла в густой тени, скорее чувствуя, чем видя под собой прямую и широкую дорогу. За спиной – непонятных размеров скальная стена. Даже без следов дверей, через которые она вошла: сплошной холодно-шершавый гранит. За границей тени, далеко вперед расстилалась каменная пустыня. Крупный щебень, остро колотые глыбы, песок – до туманного горизонта освещались зеленовато-голубым лунным светом. А вверху, в густо забеленном галактическими облаками, засеянном мириадами переливающихся крохотных светильников, низком небе лохмато сиял пугающе близкий ковш Большой Медведицы.

Безветренная тишина нарушалась стуком крови в висках. И бешено мечущимися мыслями. Прежде всего, нужно оценить обстановку, и только потом решать, что делать. Но что тут оценивать? Ночь, пустыня, одиночество. Под ногами начало дороги. И никакой возможности вернуться назад. Что ж, вывод очевиден и безвыборно прост: нужно идти.

Шаги хрустко зазвучали по песочным наносам, предательским эхом отражаясь от крупных валунов. Но вскоре Маша убедилась, что никто, кроме её самой, к этим звукам не прислушивается. «Пустыня» так и называется, потому что пустынна. Когда она вышла из тени, на дорогу перед ней протянулись четыре тени. Маша оглянулась. Ну, конечно, а как иначе? – Над зубчатой кромкой чёрной горы висело четыре луны. Одна огромная, две поменьше, и одна совсем маленькая. Такая, какую видно в окно её комнаты.

Дорога была удивительно гладкой, словно заасфальтированной. Для чего, для кого она? Песчаные перемены говорили о том, что по ней давно никто не проходил. Ночь по-прежнему хранила тишину. Луны голубыми прожекторами высвечивали остро торчащие камни, и из всех событий – только несколько косо прочертивших небо ярко-зелёных болидов.

Однако с какого-то времени Маша стала замечать пейзажные изменения. Стали встречаться камни, напоминающие обломы древних колонн. Толстенные, округлённые глыбины вздымались с каждым разом всё выше, от основных стволов вверху ответвлялись рогулины-побеги. И через полчаса она шла уже через настоящий каменный лес. Дорога пересекала целую рощу непередаваемых размеров и размахов деревьев, белесо замерших в лунном свете. Растрескавшиеся, но всё равно ещё могучие стволы подпирали сплетение давно омертвелых ветвей, большей частью своих обломков плотно устилавших землю.

Роща поредела, раздвинулась и отступила, обнажив ровно высвеченные просторы. Перед Машей с лёгким уклоном расстилалось каменистое, в редких клочках полеглых трав, поле. Меж невысокими холмами медленно проползали полосы то ли туманов, то ли дымов. Сквозь которые далеко-далеко, по всему горизонту тёмной краснотой мерцали обширные пожарища. Машин путь всё той же совершенно прямой линией направлялся к багровым заревам, что пробивались через дымные завеси предвестиями скорых испытаний.

Каменный лес остался за спиной. Ещё пара болидов зелёными хвостами взбудоражили звёздный покой. В лёгкий уклон шагалось легко и спорно. Туманные волны не поднимались выше пояса, но порой достигали такой густоты, что Маша словно реку переходила вброд, нащупывая невидимый путь. Она уже настолько привыкла к тишине и к пустынности, что давно перестала вслушиваться и оглядываться. И когда из-за правого холма показались всадники, она не сразу поверила в их реальность.

Восемь всадников, тускло поблёскивая металлическими наплечьями и панцирями, неспешной цепочкой выехали из укрытия, перегородив дорогу. Над округлыми шлёмами

покачивались длинные тонкие копыя. А вот присклонённые лица скрывала тень. Маша, замедля шаг, приблизилась. Поклонилась:

- Здравствуйте! Я – посланница Блаженного Ира Мария. Я выступаю от имени Верховного суда, Думных советников Верховного круга и богини Додолы.

- Приветствуем тебя, посланница Мария. – Голос одного из перегородивших путь был по-юношески нарочито басист. – Что привело тебя в этот час в это место?

- Я должна встретиться с вашими правителями.

- А с кем именно? Как зовут тех или того, кто тебе нужен?

- Я не знаю. Правда, я даже не знаю – где очутилась.

Ответом на Машино смущённое признание стал незлой смех. Воины обменялись взглядами, что-то показав друг другу на пальцах. И, толкая коней пятками, расступились.

- Похоже, ты не шпион цифирников. Даже не заготовила правдоподобного ответа.

- Я не шпион. Я вышла из Беловодья.

При слове «Беловодье» все восемь вздрогнули, разом лязгнув щитами:

- Из Беловодья?! Как это? Не может быть! Скальные ворота закрыты уже больше трёхсот лет!

- Я не знаю. – Маше передалось их волнение, и она перешла на шёпот. – Просто вошла в горную башню через одни двери. А вышла через другие.

- Если ты говоришь правду, – через паузу заговорил уже некто-то пожилой, – то тебя, действительно, необходимо доставить к царям.

- Я говорю правду.

Всадники опять объяснились меж собой жестами. Двое выделились и заехали к Маше со спины.

- Ступай по дороге далее, посланница Мария. Тебя проводят в царские шатры.

Поклонившись остающимся, Маша пошла в сторону пожарищ, сопровождаемая громко цокающей во тьме охраной. С полчаса все молчали. Потом, набравшись смелости, девочка полюбопытствовала:

- А что там горит? Что-то случилось?

- Горят и остатки передвижных башен, и изломанные телеги. – Опять прозвучал молоденький басок. – И погребения павших воинов.

- «Воинов»?

- Сегодня завершилась великая битва. Наши цари одержали славную победу.

- Простите, но я, честно, не знаю, куда попала. Вы не будете так добры, чтобы объяснить – что это за земля, и что на ней происходит? Хотя бы кратенько?

- «Кратенько» о нашей земле и о том, что на ней с нами происходит?

- Простите. Я хотела сказать: немного!

- Немного я уже объяснял: кончена битва, в которой четыре объединившихся царя-песенника победили четырёх царей-цыфирников. Впереди огни славы одних и позора других.

Больше Маша ни о чём не спрашивала.

А вскоре ночь начала наполняться звуками и движением. Отовсюду доносились разговоры и смех, крики и бряцанье оружия, слышались ржание и топот. То там, то здесь вокруг костров сидели и возлежали группы воинов, пьющих вино и едящих слюноотчиво пахнущее зажаренное на углях мясо. И все-все встречные, при виде Машиной охраны, поспешно расступались с поклонами.

Последние несколько сот метров они продвигались, лавируя меж сплошных привалов отдыхающий меченосцев, арбалетчиков и копейщиков. Остановились у кольца из ярко пылающих костров, внутри которых праздничными фонарями светились четыре высоченных и широченных шатра под цветастыми знамёнами. У прохода внутрь огненного круга сопровождающие спешили и о чём-то зашептались с подошедшими стражниками. Через пару минут Машу окликнули:

- Мария, посланница Блаженного Ира! Сейчас ты предстанешь перед царями песенных земель Золотой эры.

- Спасибо. До свидания. Здравствуйте.

Но на Машину учтивость никто не реагировал. Копьеносцы молча взгромоздились на своих коней и растаяли в дыму и ночи. А стражники, поведшие её к ближайшему из шатров, были ко всему столь же безразличны, сколь и лучницы-эйквы.

Внутри шатра было светло, шумно и жарко. По центру пылал очаг, окружённый четырьмя сдвинутыми столами, за которыми восседали четыре царя. По правую и левую руки от каждого владыки располагались самые приближённые и знатные военачальники. Внутренний квадрат пирующих повторял внешний восьмигранник с почти сотней менее именитых героев и нижних по званию командиров. У дальней стены теснились музыканты и певчие. Повсюду с блюдами и кувшинами сновали юные служки.

Появление Маши вызвало не сразу наступившую тишину. Кто-то что-то говорил, стучали кубки, скрипели сиденья. Рожок и бубен заканчивали мелодию.

Краснея под множеством пытливых, удивлённых и слегка насмешливых взглядов чуть подвыпивших сильных мужчин, ещё недавно проливавших вражескую и свою кровь, она прерывающимся голосом представилась:

- Посланица Блаженного Ира Мария! Я от имени и по поручению Верховного суда, Думных советников Верховного круга и богини Додолы рада приветствовать царей песенных земель Золотой эры. И поздравляю со славной победой.

А потом, прикашливая, добавила:

- Я пришла к вам из Беловодья. Через горную башню.

После последних слов и наступила та тишина, про которую говорят, что и муха боится её нарушить. Даже огонь в очаге, и тот перестал потрескивать.

- Может быть, правильнее сказать: я убежала из Беловодья. – Сжалась от такого внимания Маша.

Первыми встали цари.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ. Звезда Марии.

Первыми со своих мест поднялись цари. За ними повскакивали их подданные.

- Ты давно из Блаженного Ира?

- Почему сбежала из Беловодья?

- Неужели через горную башню?

- А как же летающий змей?

Вопросы посыпались чуть позднее. А в начале Машу провели за царский стол, усадили на освобождённое кем-то место, обставили блюдами с угощениями. И ещё какое-то время обсуждали её появление меж собой, по-воински грубовато, но доброжелательно оценивая внешность посланницы.

Вопросы ей задавали сами цари, имена которых – Дрозд, Соловей, Перепел и Скворец – вначале, было, рассмешили Машу. Но она вовремя вспомнила, что на местном и сама-то – Пёрышко сокола. И удержалась от комментариев. Несмотря на пышные бороды и длинные волосы, это были совсем ещё молодые мужчины. Золотые короны с рубинами, изумрудами и сапфирами как-то очень естественно венчали их крупные головы, мощными шеями опиравшиеся на широкие плечи. Радость здоровья и душевная сила истекали от царей, наполняя всех ближних жизнелюбием. И желанием что-нибудь напеть.

От всеобщего внимания Маша млела и таяла, как Снегурочка на солнце. Щёки её покраснелись, глаза посверкивали, слова вылетали наперегонки, порою забегая наперёд мыслей. Быстро-быстро она рассказала о Нави и о суде в Блаженном Ире, о Медном и Серебряном мирах, о масках гостеприимцев и играх хранителей.

- А никакого летающего змея нет. – Воскликнула Маша. – Я видела лишь скелет, да и кости уже такие старые, что вначале даже показались камнями. А кто это был?

- У Беловодцев всё искусственное – и солнце, и воздух, и алмазы. Вот и бога они решили себе сами сотворить. Что-то вроде совершенного объединения всего в одном: чтоб летал и плавал, жёг и морозил, вычислял орбиты планет и ел ядовитую траву.

- И что?

- А то, что ты видела. Похоже, истинные небожители с их идеей не согласились.

Маша вспомнила и рассказала про высеченный рисунок в башне. Выслушивали её со вниманием. Но стоило только Маше смолкнуть, как за всеми столами началось сердитое бормотание. Больше всего склонялись и сопровождались нелестными эпитетами имени хранителей. Шум нарастал, употреблялись всё более жёсткие слова. Царь Перепел, за стол которого Машу усадили, поймал её растерянный взгляд и, подманив пальцем, негромко стал объяснять приклонившейся девочке на ушко.

Что рассказал царь Перепел.

Не смотря на бесконечные раздоры и междоусобицы, все народы восьми царств одинаково обижены на беловодцев. На их высокомерие и гордыню. Ведь сколько веков четыре царства бьются против четырёх, и в этом роковом равновесии погибает весь мир Золотой эры. И столько же времени воюющие призывают вникнуть в свои муки и беды Беловодье. Чтобы оно, приняв сторону кого-либо из спорящих, этим обеспечило чей-то перевес в войне. И, через победу одних, установило бы мир всеобщий.

Конечно, каждая сторона надеялась, что беловодцы поймут и примут их правоту. И каждая сторона выставляла на суд свои доводы.

Но в ответ Беловодье наглухо закрылось от всего и всех. Гордясь тем, то крепко хранят древние знания, беловодцы не ведали, что другие народы, пусть даже временами теряли наследный опыт, но умели и возрождать его – не понимали, что страстная жизнь полна не только разрушения, но и творчества. Что жизнь и есть творчество! А в укрытой горными гребнями молочно-кисельной земле, под рукотворным плазменным солнышком, их время не приостановилось, а умерло. И они чванливо застыли в своём всё длящемся и длящемся искусственном полдне. Устраивая бесконечные пиры и забавы, испытывая всевозможные наслаждения, и, наконец, всем пресыщаясь, беловодцы даже собственную, наскучившую жизнь обрывали сами, топясь в золотых и бриллиантовых озёрах. Оставляя пировать и забавляться вместо себя свои бесстрастные куклы-маски.

А в это время люди «запределья» гибли и страдали за убеждения. Четыре царства, исповедовавшие мелодичность Вселенной, противостояли четырём, верящим в её исчисляемость.

Но это был не умозрительный спор. За непримиримостью двух вероисповеданий вставал вопрос отношения к Добру и ко Злу. Исчислители не предавали им особого значения, нравственные проблемы в цифрах не выражались, и взаимоотношения людей в их государствах определяла лишь выгода. «Добром» у них являлась конкретная польза. Однако, равнодушие ко Злу – это полуприкрытая калитка, через которую, неспешно, но непременно оно проникнет в твой дом. И вот, веря в равновесие и равносилие Добра и Зла, цари числительных государств совершенно искренне стали обращать своих подданных в рабов, регулируя им всё, даже их численность и срок жизни, определяя степень достатка и образованности.

Красота же не может быть безнравственной. Она есть проявление Добра. И дитя Любви.

И пусть в странах, где взаимная сердечность и душевное созвучие власти и народа выражалась единой мелодией, жили не так правильно и столь строго законно, пусть у них случались неурожаи и недоразумения, но они умели нехватку ума перекрывать избытком сердца. Они умели быть радостными. А не зря ж говорят: радость дороже богатства.

Цари песенных земель, чувствуя за собой гораздо большее, чем простую выгоду, могли бы давно победить. Но они следовали мелодиям своих земель, и каждый пел свой гимн, не желая слушать других. В этом их разнозвучьи Добро ослабевало – ведь в каждую битву они выходили по отдельности.

Однако то, что не удавалось ни дедам, ни отцам, смогли совершить молодые цари. Соловей, Дрозд, Перепел и Скворец из разных гимнов создали единую симфонию! Сердца четырёх народов резонировали, души слились и силы умножились, тем самым обеспечив победу Добру.

Страшная битва длилась три дня. Успех не раз перебегал от одних к другим, но всё же дух войск исчислителей был сломлен, боевые порядки разгромлены, и три царя – Филин, Сорокопут и Неясыть, погибли под ногами и колёсами бежавших в панике. А последний, Ворон, с остатками своих отрядов загнан мелодистами в Мамоново ущелье, где надёжно осаждён.

Царь Перепел осторожно улыбнулся:

- Понимаю, что девочке-девушке тяжело выслушивать воинские восторги. Но мы радуемся не количеству убитых врагов, не богатствам покорённых стран. Мы предвкушаем скорое наступление окончательного мира в землях Золотой эры. И то, что этот мир будет миром Добра, а не выгоды

- Но Хранители рассказывали и о тех, кто пытался вмешиваться в ваши войны. Кто приносил сюда знания.

- Легенды, всего лишь сладкие легенды! Беловодцы всегда давали эти знания не вовремя и не тем. Их химическая или ядерная помощь лишь множила наши жертвы. Лучше б они не пересекали своих гребней. Люди «запределья» и сами рано или поздно открывают законы бытия, без их пыльных подсказок покоряют силы природы. Я уже не говорю о Мастерах масок, которые хотели подменить наших праотцов-царей.

- Действительно, – поддакнул сидевший справа от Маши толстый военачальник, – в своих мармеладных долинах они совершенно забыли о таких понятиях, как достоинство, честь и свободолюбие. Неужели бы мы покорствовали чьим-то куклам? Да будь они хоть трижды «совершенны»!

В этот момент слуги ввели в шатёр четырёх юношей. Их разноцветные кафтаны покрывала пыль, на лицах чернели потоки пота, но глаза сияли, и сжимаемые губы не могли сдержать улыбок. Юноши поклонились и поочередно прокричали:

- Новость из дома! У царя Дрозда родился сын!

- Новость из дома! У царя Соловья родился сын!

- Новость из дома! У царя Перепела родился сын!

- Новость из дома! У царя Скворца родился сын!

Ну, что тут началось! Все вскочили, опрокидывая стулья, в сотню глоток взревели поздравления с наследниками, золочёные кубки и чары загремели, словно клинки в битве!

Но вдруг, перекрывая все крики и чоканья, зазвучала песня. Её начал Дрозд, а потом подхватили и другие цари. А все остальные, стоя, слушали:

*И дождь, и свет, и дождь, и свет,
И дождь, и свет на землю с неба –
Земля ответит щедрым хлебом –
Как хорошо!*

*Волна нежна, волна нежна,
Волна нежна, но ломит камень –
Во всём упорство крепче стали –
Как хорошо!*

*Вот тает лёд, вот тает лёд,
Вот тает лёд и закипает –
Души огонь мысль воспаряет –
Как хорошо!*

*Как славно петь, как славно петь,
Как славно петь в краю свободы –
Единый гимн для всех народов –
Так хорошо!*

До утра Маша не продержалась. Служка отвёл её, покачивающуюся и зевающую, в гостевой шатёр. В общем, это была обычная палатка, но зато толсто устланная сшитыми лисьими шкурами. На них нежности Маша мигом и заснула, не обращая внимания на громогласные выражения радости, что до зари разносились по всему воинскому стану.

Проснувшись она от многочисленных криков петухов. Оказалось, что в войсках песенных царей, в каждом отряде имелся свой боевой петух! И вот, соревнуясь в точности, птицы наперебой загорланили навстречу зябко-розовому рассвету. Понежившись на мехах, Маша с неохотой высунулась из палатки. А там уже нетерпеливо топтался служка с умывальным кувшином и полотенцем!

- Доброе утро! Вам нужно собираться. Цари пожелали выехать пораньше, они хотят побывать у отрядов, которые осаждают Мамоново ущелье. Все остальные войска расходятся по домам, а остающимся в осаде нужно поддержать дух. И порадовать вестью о родившихся наследниках.

Пока Маша умывалась, юный служка всё болтал и болтал:

- Кто знает, может статься и так, что царь Ворон окажет долгое сопротивление. Тогда тем воинам песенных земель придётся даже зимовать вдали от родных и близких. А, может, и штурм будет. Хотя ущелье пользуется дурной славой, оно хуже всякой крепости. Там всегда укрывались все, кто хотел укрыться. Нагромождения диких скал и бурелом, сплошь норы и пещеры. И кости. Всюду кости. Поговаривают, что в ущелье ещё не так давно жил великан-людоед. От того и название – Мамоново.

На завтрак была сырная лепёшка и вода – и никаких воспоминаний о вчерашних излишествах! А потом Машу посадили на лошадь. До этого она пару раз каталась верхом, но то было в раннем детстве, когда они с папой гуляли в парке, где был прокат. Но теперь-то папы рядом не было! И лошадь была не та сонная кляча, а очень даже молодая и резвая. Хорошо, хоть не очень высокая.

Однако с Белкой – так звали её белую, как молоко, лошадку, они быстро нашли общий язык. Маша ей ничего не приказывала, не понукала и не дёргала, а в благодарность Белка делала всё то же самое, что и другие кони.

Сразу за полусотней легковооружённых дозорных ехали четыре царя. За ними – знаменосцы и трубачи. Далее – царские свиты из военачальников, сановников, думщиков, толмачей, писцов, оруженосцев и рассыльных. Среди них и посланница Блаженного Ира. Далее музыканты, повара и служки. Замыкали колонну двести конных копейщиков в тяжёлых латах.

Зрелище вокруг открывалось не из приятных. Вытопанное тысячами воинов поле сплошь дымилось догорающими кострами. Сотни лошадей, потерявши хозяев и обезумев от страха, метались с жалобным ржанием. Раненные, прижимая окровавленные бинты, брели к лагерю, поддерживаемые своими товарищами. Похоронные команды собирали на длинные, запряжённые быками, телеги тела убитых. Отдельно складывалось оружие. А в небе густо кружило алчное воронье.

Но лица окружавших Машу мужчин светились радостью. Члены свиты шутили и бахвалились, вспоминали вчерашнее и строили планы на будущее. Эти сильные, здоровые люди, увешенные железом и на год вперёд пропитанные сажей, словно видели вокруг совсем не то, что видела Маша.

- Скажите, пожалуйста, – обратилась она к знакомому толстяку-богатырю из-за стола царя Перепела, – если вы сами, без подсказок, делаете открытия и изобретения, то почему вы вооружены – так? По старинке?

- Мы использовали всякое оружие. И стреляли порохом, и резали лучами. Но всё вернулось на свои круги. Ведь война, милая девочка, она всегда – война духа. Оружие – не главное, главное – решимость умереть за то, во что веришь.

Поле со следами вчерашнего боя окончилось невысокой горной грядой, густо поросшей еловым лесом. Тёмная хвоя и рыжая трава пахли грибной свежестью. Дорога пошла на подъём. Колонна всадников – по четыре в ряд – уплотнились, разведка ускакала вперёд. Разговоры притихли, взгляды посуровели. Будто красота предзимнего леса испортила всем настроение.

А потом пошёл снег. Большущие хлопья кружились в воздухе, не торопясь ложиться на траву, на еловые ветви, на гривы и крупы коней, человечьи головы и плечи. Но, похоже, их ослепительно-белая пушистая прелесть радовала только Машу.

- Как там наши в ущелье? Промокнут до костей. – Проворчал кто-то рядом.

Снегопад прекратился так же неожиданно, как и начался. В разрыв облаков из-за спин поднявшихся на перевал опять проглянуло солнышко, и их взорам открылись широчайшие,

напоминающие океанские, просторы. Оголённые хребты нарастающими каменными волнами раскачивали землю до бледно-голубого горизонта.

- Горская страна. На вид красивая. – Рядом с Машей опять очутился толстяк. – Но она не входит ни в чей удел, так как в ней нет воды. И выжить тут невозможно. Если, конечно, ты не змея и не ящерица.

От развилки колонна двинулась вправо по ложине, опять на подъём. Островерхие и разлапистые ели сменились мелкими корявенькими лиственницами. А потом и вовсе лысые ступенчатые склоны лишь местами ерошились ползучим колюче-безлистным кустарником. Цокот сотен подков громко отражался от скальных стенок. Но вот лощина стала шире, светлее, и в конце развернулась усеянным белыми окатышами плоскогорьем.

- Когда-то, давным-давно, здесь плескалось озеро Поднебесное. А Гремучая лощина, по которой мы поднимались, была руслом вытекавшего из озера ручья. Но потом землетрясение расколело гору напротив, там, где сейчас Мамоново ущелье. И вода ушла в подземье.

Маша вздрогнула от тени низко спланировавшего ворона. Чёрную птицу попытались выцелить несколько арбалетчиков, но ворон улетал над самой землёй.

- Разведчик. Теперь враги знают о приближении царей.

- Что ж, пусть боятся. Скорее надумают прекратить сопротивление.

Все вокруг надевали шлёмы, подтягивали щиты, поправляли оружие.

Плоскогорье пересекли рысью. Ох, Маше и досталось! Наверное, в животе все органы поперемешались от зубодробильной тряски. Наконец, впереди показались бледные дымки лагеря осаждавших.

Их встречали. Сорок золочёных труб звонко восславили царей-победителей, за ними загремели восемьдесят барабанов, вторясь эхом и шорохами лёгких горных осыпей.

Четыре тысячи воинов – по тысяче от каждой земли – пропели гимны свои царям, когда те проезжали вдоль их строя. А потом уже цари повторили вчерашнюю общую песнь, и глашатаи объявили встречавшим о рождении четырёх наследников. Ликованию не было предела!

У Маши же отчего-то щемило сердце. Она то и дело поглядывала на высоко вздымающуюся за лагерем скалу, ровно посередине расколотую давним землетрясением. Выход из расщелины непроходимо закидали подвезёнными из леса ветвистыми деревьями, и даже насыпали двухметровый оборонительный вал из белых округлых камней со дна вытекшего озера. По валу равномерно прохаживались дозорные. Но всё равно, ощущения защищённости не создавалось.

Лагерь представлял собой ряды больших палаток, огороженных заваленными набок и сцепленными телегами. Дымило несколько полевых кухонь, ближе к плоскогорью размещались склады с провизией и бочки с водой. В сторонке меж камней выщипывали скудную траву стреноженные лошади. По всему было видно, что осаждающие здесь расположились основательно и надолго.

Вслед за царями спешили их свиты. С пением все направились к центру лагеря, где их ожидали гостеприимно накрытые столы. Про Машу как-то забыли – а ведь она не умела сама слезать с лошади! Белка, чувствуя её страх, сердито крутилась, притопывая и взбрыкивая от нетерпения – ей так не терпелось присоединиться к своим уже свободным сородичам.

- Оставайся в седле, Маша! – Некто в светлом плаще и в скрывающей лицо серой широкополой шляпе, ухватил Белку под уздцы. Лошадь мгновенно присмирела. – Нам с тобой нужно срочно добраться до курганов.

Маша взглянула в указанном быстрым взмахом руки направлении. Направо, у самого подножия гор, ровной цепочкой вздувалось девять холмов-пирамид. Не дав Маше даже ахнуть, незнакомец повлёк не противящуюся Белку от лагеря. Кто он? Сверху не разглядишь: шляпа закрывала даже плечи. С некоторым опозданием Маша сообразила, что уже давненько никто из взрослых не называл её так по-домашнему «Машей». Всё Марией, да Марией.

- Простите, а вы кто?

- Ты, что, не догадалась? – Чуть примяв шляпу, незнакомец спрятал её за спину. Обнажённую голову влажно облепляли рыжеватые и редковатые волосы. И тоже рыжая, с проседью, борода струилась до пояса. – Я тот самый Волохов.

Сверкающие на очень смуглом лице светло-голубые глаза, упирающийся в топорщащиеся усы тонкий нервный нос, впалые щёки – всё выказывало человека целеустремлённого, волевого. Не будучи красавцем, впечатление Волохов производил очень даже приятное.

- «Тот самый!» Я должна отдать вам страницы из книги. Правда, половина у Вани.

- Вот когда сложитесь, тогда и отдадите. Вернее, пусть он отдаёт, раз эту кашу для тебя и брата с сестрой заварил. И для меня тоже.

- А почему он «заварил»? Ну, из-за чего она «заварилась»?

- Кто его просил письма озвучивать? Я – запрещал! А он начал читать вслух. Вот враги и узнали про то, что книгу Памяти храню я. И начались за мной погонялки.

- А кто эти «враги»?

- У Зла рабов много. Есть и такие, что мечтают историю Руси изолгать. Слуги бога барыша и прибыли Велеса решили книгу Памяти у воинского бога Перуна выкрасть, истину уничтожить, а потом отсебятины понаписать. И у них почти получилось. Но когда стригои уносили украденную ими книгу, то совершенно случайно столкнулись с Яром, с которым у них давняя война. Яр в очередной раз порубил оборотней, а найденную у врагов книгу Памяти передал мне. А я, глупец, доверил её Ваньке! Однако если посмотреть с другой стороны: пока враги гонялись за мной, вы преспокойненько топали позади них и везде беспрепятственно восстанавливали Добро. Так и получается: что ни делается, а всё, в конце концов, к лучшему!

- Ничего себе «преспокойненько»! – Неслышно возмутилась Маша.

Шагал Волохов так широко и быстро, что Белка порой перестраивалась на рысцу. Маша от болтанки болезненно морщилась. Волохов советовал:

- Ты привставай в стременах на вдох, приседай на выдох, не так трясти будет.

- А куда мы спешим?

- Я ж объяснил: к курганам. Там похоронены цари мирного времени. Наступило время просить их помощи.

- «Помощи»?

В этот момент землю сильно толкнуло. С десятков перекрещивающихся трещин расколо плоскогорье, и, с некоторым запозданием, от Мамонова ущелья докатился гром. Там, за лагерем, за валом и засекой, в небо всплыло чёрное облако дыма. Словно что-то взорвалось.

- Вот и случилось!

Волохов побежал. Белка, чтобы не отстать, перешла на лёгкий галоп. Вцепившись в луку седла, тычась носом в гриву и кренясь то в одну сторону, то в другую, Маша думала лишь о том, как бы ей не свалиться. Она даже не оглянулась, когда их нагнала вторая волна землетрясения и грома.

Насыпанные из белой гальки, курганы оказались не круглыми, а вытянутыми. Вокруг каждого острились по четыре плоские каменные глыбы, слегка напоминающие пятиметровые человеческие фигуры. Волохов остановился у крайнего левого кургана. Согнувшись и оперевшись ладонями в колени, громко отдыхивался. И отпыхивался, как ёжик. Маша, удостоверившись, что она всё-таки не упала, набралась смелости оглянуться на покинутый лагерь.

Чёрное низкое облако, выбравшись из ущелья, живым пологом перевалило через скалу, и неспешно расползлось над плоскогорьем. Внутри облака часто вспыхивали огненные разряды, непрерывный гром напоминал рычание хищного зверя.

- Это не дым и не грозная туча. Это покрывало Нави.

Несколько всадников помчались из лагеря к Гремучей лощине.

- Гонцы посланы за подмогой. Если войска не разошлись по домам, то во второй половине дня сюда придут главные силы. Но это уже не спасёт царей.

- Что значит – «не спасёт царей»?

- А то и значит! Ну, ведь каждый раз одно и то же! Одно и то же! В разных мирах, в разных веках. – Волохов потряс поднятыми кулаками. – Как не придёт время смены эпох, так никто из власть предержащих не желает смириться с неизбежным. Казалось бы, просто: не в силах дальше удерживать мир – уйди. Тихо, спокойно, достойно. Нет, им обязательно нужно совершить эту бессмыслицу.

Волохов шагал взад-вперёд, снимая и надевая шляпу, расстёгивая и застёгивая плащ. И говорил, точнее, почти кричал взахлёб:

- Ведь все давным-давно знают: призванное Зло не остановит, и, уж тем более, не изменит ход Времени. Ну, даст сиюминутную отсрочку. И что? Что? Ради этой краткости обрекать себя на вечное пребывание в Нави? Превратиться в упыря из-за пары лишних дней ношения короны? Почему жажда власти настолько ослепляет, оглушает и оглушает как людей, так и богов? Никогда, ни за что я не смогу этого понять!

Туча, обволакивая подножья гор, расплывалась всё шире и шире, при этом обходя стороной курганы. А из лагеря слышались ужасные крики.

- Ах, Маша, нам предстоит стать свидетелями страшной трагедии.

- Почему «свидетелями»? Разве нельзя кому-то помочь, если знаешь, что с ним может произойти?

- Ты меня не слушаешь? Девчонка! Тому, чему пришло время, нельзя перечить! Это война начата не нами и не нами будет кончена. Мы с тобой участники совсем другого боя. А сейчас... Проигравший царь Ворон обратился за помощью ко Злу Нави, чтобы погубить царей-победителей Дрозда, Соловья, Перепела и Скворца. Ворон призвал упырей и вурдалаков. И теперь людям ничем не поможешь. Они обречены.

Он говорил ещё что-то, но Маша, зажав уши руками и зажмурившись, пошла от него, и от возможности стать свидетелем гибели певчих царей. Она обогнула курган и села. Слёзы заливали лицо, рыдания сотрясали плечи. И только одна мысль, точнее, один вопрос неотступно стучал в виски: «почему так»?.. «почему»?.. Ведь они такие молодые, сильные, красивые... У них только-только родились сыновья...

Будь проклята эта война! Проклята!

- Они последние государи военной эпохи. Их сыновья будут царить уже в мирное время. — Когда над ней склонился Волохов, Маша не заметила. Она только ощутила на плече его тяжёлую ладонь и попыталась её сбросить.

- Тихо, девочка, тихо. Хватит плакать, продолжишь после. А сейчас соберись с силами и с волей. Сейчас мы с тобой должны остановить Зло.

Маша осторожно повернула голову, протёрла глаза:

- Мы? Остановить?

- Да, девочка. Мы с тобой! Я вызову древних царей мирного времени. А ты, ты приведёшь сюда героя из Ира. Потому, что кроме упырей, из Нави выползли лярвы. С которыми ни одному из людей не справиться.

Действительно, в быстрой схватке заслон осаждающих оказался опрокинут и практически сразу перебит выскочившими из Мамонова ущелья упырями и оборотнями. Ужасные существа, отдавшие Злу из-за зависти, гордости, жадности, подлости, трусости, и поэтому утерявшие человеческий облик, набегали хромая или на четвереньках, клацая клыками или клювами, рассекая воздух когтями или рогами. Люди оказались настолько поражены и обессилены одним лишь видом появляющихся чудовищ, что практически не оказывали сопротивления. Только двести копеечников личной охраны царей сумели выстроиться для обороны, нанизав на острия своих копий несколько десятков вурдалаков. Но очень скоро их с обеих сторон обошли упыри и лярвы, и стали убивать в спины.

Причём упырям предводительствовал царь Ворон, сам превратившийся в трёхметровое чудовище с вороньей головой и когтистыми ногами-лапами. Огромным топором он, в прямом смысле слова, прорубался сквозь воинов песенных земель к их царям. Знакомый Маше толстяк-богатырь на какое-то время смог задержать упыря, ловко отбиваясь тяжёлым щитом. Но его меч проскальзывал по толстым перьям, как по стальным наборным латам, не нанося врагу даже лёгких ран. А потом щит лопнул, и от следующего удара могучий воевода упал, заливаясь кровью. За ним пал царь Перепел. И царь Скворец.

Дрозд и Соловей, прижавшись спинами, отбивались от целой своры вурдалаков. Но силы были настолько не равны, что уже через две минуты цари оказались завалены рвущимися и рвущими мёртвыми и живыми волками-оборотнями.

Бежавшие в панике с поля боя безоружные воины преследовались нечистью по всему плоскогорью. Постепенно крики ужаса и боли несчастных затихали, сменяясь воем и рёвом начавших свой ужасный пир победителей.

В это время тёмное облако перекрыло солнце, и по всему плоскогорью наступили, подрагивающие мутно-красными разрядами, сумерки. Только над курганами оставался небольшой небесный просвет, от чего белые насыпи над могилами древних царей ярко сияли.

Волохов за руку втащил зарёванную Машу на вершину кургана:

- Утрись и смотри. Покончив с ранеными, силы Зла вернутся в ущелье. И будут, затаившись, ждать подхода основных войск. Ты должна предупредить людей о засаде. Осторожно проберёшься в Гремучую лощину и побежишь им навстречу. Будь очень внимательна – стригои рыщут повсюду. Если, всё же, ты им попадёшься.... Тогда пёрышком лети к нашему другу Индрику, он знает, что делать.

И Волохов мягко, но настойчиво подталкивал Машу в спину:

- Спускайся, время не терпит. И береги себя, девочка, береги. А я пока упрошу друга Коляду вывести сюда русалов – предков народов из довоенной поры. Мы устроим Злу свою засаду.

Бочком сбежав с курганной насыпи, Маша по инерции проскочила до границы света и тени. И затормозила: как же она собирается в белом свитере и шапочке незаметно пробираться через тьму? Но, в некотором отчаянии зашагнув под чёрное облако, вскоре успокоилась: белые округлые камни, раскиданные по всему бывшему дну озера, как нельзя лучше маскировали её. Стоило только присесть или прилечь, то даже метавшиеся в туче вороны, а не то, что стригои, с сотни метров не могли бы различить – валун это или дерзкая девчонка.

Так, перебежками, она и пробиралась к лощине. К тому же приходилось обходить или перепрыгивать трещины, раскесшие плоскогорье в момент прорыва сил Зла.

А в Гремучей лощине Машу поджидала другая незадача – эхо шагов предательски забарабанило в каменные стенки. Она попыталась красться на цыпочках – бесполезно! Но и тут нашлось решение. Стоило только пойти не по дну бывшего ручья, а по склону, эхо пропадало. «Идти», конечно, не особо получалось, больше это передвижение напоминало карабканье. Зато, кроме своего пыхтения, Маша ничего уже не слышала.

Вот так, карабаясь и продираясь, она просмотрела нужный сворот.

Мелкие корявые листовницы давно сменились разлапистыми красавицами елями. Запах грибов ещё больше усилился, когда повядшую траву вытеснили пышные мхи. Незаметно косогор выровнялся, а лес, так вначале восхищавший величавой мощью, стал понемногу пугать. Пугать узнаваемостью.

Высокие деревья упирались макушками в непроглядную крышу чёрной тучи. Нижнюю часть стволов оплетали стебли дикого хмеля, которые странно светились бледно-голубыми и жёлтыми гирляндами. Наверное, этот свет излучали какие-то бактерии.

Проваливаясь до середины голени в пышные мхи, Маша сворачивала то направо, то налево, но в равномерной полутьме не могла решить, куда же ей, в самом деле, следует идти? Неужели заблудилась? Так глупо. Придётся возвращаться. Но... куда? Это Николка в любом лесу как дома, а она-то городская. Без указателей совершенно беспомощна. Вот и предупредила людей о засаде! Волохов доверил ей жизнь тысяч людей, а она... Раззява!

Через полчаса бессмысленных блужданий Маша вышла на небольшую полянку. И вдруг почувствовала страх. Оглянулась – сзади от дерева к дереву метнулась мутная тень. Ещё одна тень шевельнулась слева. Третья мелькнула справа. Маша не выдержала и бросилась бежать.

Она не оглядывалась, но знала, что стригои приближаются. Вот они прямо за спиной – ещё немного, и настигнут! «Тогда пёрышком лети к нашему другу Индрику»... Маша, удерживая вырывающийся крик, зашептала: «Я это могу... Я это могу... Я это могу». Из всех сил оттолкнулась ногой, вскинула руки – и взлетела. Выровнявшись, она полетела сначала невысоко, небыстро. Но, всё равно, нагнать теперь её не могли.

А, главное, впереди сквозь ветви ей замигала звёздочка. Путеводная звёздочка, к которой ей и было нужно лететь.

Скорость нарастала. Давно позади остались и чёрная туча, и снежные облака. Вылетая из разряженной голубизны атмосферы, она увидела под собой выпуклый круг Земли, над которым нависали четыре бледные луны. Маленькое блестящее пятнышко внизу было, наверное, искусственным солнышком Беловодья, а вот на настоящее Солнце смотреть не стоило. Даже просто повернувшись в его сторону, можно было бы сразу ослепнуть.

Промелькнули узкие полоски серебристых облаков, и Маша оказалась в тишине Космоса. Прямо перед ней, в забеленной галактическими облаками, засеянной мириадами переливающихся крохотных светильников, почёрканной хвостатыми кометами ледяной бескрайности сияла Большая Медведица. Мысленно отложив пятикратное расстояние от двух звёзд, образующих переднюю стенку «ковша», Маша нашла Полярную Звезду.

О, какая же вокруг была красота! Какая же невыразимая, непередаваемая, неопишуемая красота!

Через несколько секунд планеты, солнца, кометы, туманности и галактики разом вспыхнули, превратившись в широкие и узкие, ярко радужные полосы. Цветные полосы завились, закрутились в свистящую и вращающуюся воронку с неизменной Полярной Звездой в сердцевине. Машу потянуло вглубь. К Звезде. Её Звезде!

Вблизи Полярная Звезда переливисто дышала нежной тихой радостью.

Своим лучением она венчала вершину Мирового Древа.

Машу медленно вращало вокруг Древа, здесь, у своей макушки такого тонкого-тонкого. Но и самые малые его веточки несли на себе миниатюрные миры: на серебряных листиках паслись еле различимые стада крохотных лошадей и зебр, буйволов и оленей, косули прыгали вокруг слонов, лоси соседствовали с жирафами. Посреди стад, никого не пугая, неспешно бродили львы и тигры. В каплях росы на кончиках листьев искрились фонтаны весёлых китов.

А в золотых желудях цифрами и звуками важно зрели идеи будущих событий.

Опускаясь по спирали, Маша узнавала уже знакомые очертания горных вершин и виденные извивы рек. Вон даже мелькнула башенка Мооган-Эквы! А ниже новые стены Арикама копировали выжженный Колоруд.

Вверх-вниз по стволу Древа, неся вести, связывая и передавая судьбы и события, прозрачными тенями бежали, ползли и летели духи, люди, звери и птицы.

А из-под сплетения мощных корней на Север, Восток, Юг и Запад – к Океану утекали четыре Реки времени.

Маша стояла на давно нестриженной лужайке перед полукруглым павильоном. В сплошь застеклённых стенах которого отражались разросшиеся яблоневые деревья. Некоторые из них ещё цвели, осыпая крышу белыми лепестками, другие уже гнулись под тяжестью созревших плодов. Посреди лужайки, на невысоком мраморном столике, клеточно инкрустированном перламутром и эбонитом, смешались золотые и серебряные шахматные фигуры. Ваня и Индрик задумчиво рассматривали враждебно столкнувшихся короля и ладью. Маша, у которой ещё всё кружилось в глазах, с минуту молча смотрела на смотрящих. Потом не выдержала:

- Здравствуйте!

Мальчик и единорог медленно подняли головы, недовольно повернулись. И разом ахнули:

- Маша!!

«Ты как?» «Когда?» «Одна?» «А они?» «Где?» «И что?» – Посыпался, было, град нетерпеливо перебивающихся вопросов. Но она тихо пресекла:

- Дайте попить. – Ноги подкосились, и Маша села прямо на траву. – Пожалуйста.

Только тут Ваня и Индрик увидели бледное лицо, грязные руки, пыльную одежду.

Как-то вовремя появившийся белый посланник осторожно помог Маше встать и войти в прохладный павильон. И уже там, полулёжа на низеньком диванчике, осушив три хрустальных кубка с соком киви, она смогла ответить на самые важные вопросы.

Индрик, позванивая золотыми браслетами, размеренно прохаживался взад-вперёд. Его точёная голова с острым рогом покачивалась в такт Машиному повествованию. А Ваня, трясущимися руками перебирая и укладывая все собранные в разных царствах листы книги, то и дело перескакивал с темы на тему. Даже вдруг ни с того, ни с сего, заметил:

- Ты какая-то взрослая стала. Словно мы с тобой ровесники.
- Не в шахматы играла. – Так же неожиданно огрызнулась Маша.
- Игру затеял я. – Примиряюще вмешался единорог. – Иначе Иван с ума сошёл бы от самотерзаний. Неужели кому-то подумается, что совесть изнутри ранит слабее, чем наружные беды? Каково втянуть родных и близких в приключения, а потом самому вдруг, да и оказаться не у дел?

Маша согласно покраснела:

- Да сама такая. Меня послали предупредить об опасности, а я заблудилась. Сижу тут, сочок в тенёчке попиваю.

- Ты умница, Мария. – Индрик лаково скосил на неё большой карий глаз. – Давай, действительно, вернёмся к главному: что просил Волохов?

- Ничего. Он казал буквально: «тогда пёрышком лети к нашему другу Индрику, он знает, что делать». И, что же делать? Что вы знаете? Не молчите, пожалуйста. Там по моей вине столько людей сейчас погибнет!

- Тише. Слово «сейчас» в Блаженном Ире неуместно. Здесь всегда «сейчас».

- Но...

- Тише. Позволь мне подумать. Оба – тише! Вы, вообще, знаете, кому вы взялись помогать? Вы хоть догадываетесь, кто такой Волохов? – Ребята сжались: впервые тихий-мирный Индрик приподнял голос. – Или вы только наружными глазами смотрите? Только странички подбираете? И никак не увидите, как во всех мирах, во всех временах Волохов преследует Карла-Йозефа-Густава Меровинга, Чёрного принца Силезии? Что он не чудак-лекарь, не бродяга-учитель, как думают некоторые. Он – гонитель! Охотник за Великим Мастером масок. За тем самым, про которого некоторые здесь тоже, поди, думают, что он просто забавный болтун и мелкий льстец. Как будто можно только «чуть-чуть», только «немножечко» быть рабом и исполнителем воли Зла.

- Но мастера масок давно пропали... – Маша осеклась, даже не успев договорить.

- Замолчи! – Индрик топнул копытом. От нервного возбуждения в его, обычно таком красивый, бархатный голос врезались капризные нотки:

- Это они для вида, для глупцов объявили, что спиваются или фокусничают в цирках, превращая тыкву и мышек в карету с лошадьми. А на самом деле Мастера усилили свои знания колдовством оборотничества и закрылись в тайное общество. Которое везде и всюду разжигает недовольство, подтачивает троны, плетёт заговоры и толкает народы на бунт. Ибо через чёрные смуты и разноцветные революции Мастера возводят во власть свои создания. И в Золотой эре это их агенты подготовили раздор меж числительными и певчими царствами, раздули войну, а затем и тут, и там попытались посадить на троны маски-куклы. В первый раз это им не удалось. Но теперь они вновь близки к своей заветной цели. Очень близки. – Индрик закрыл глаза, шумно выдохнул. – Ладно. Посидите пока!

Маша и Ваня недоуменными взглядами проводили единорога, чуть ли не галопом выскочившего в самораскрывающиеся двери. Некоторое время смущёно молчали. Потом Ваня выкатился на середину павильона, развернулся:

- Пожалуйста, не добивай меня! Что бы я мог делать в плену? И это была всего-навсего наша третья партия. Как раз перед ней состоялся Суд, на котором была решена моя судьба.

- Как решена?

- Было постановлено: так как я совершил преступление против птичьего народа, то и заглаживать вину должен в птичьем царстве – совершив там героический поступок. Какой-нибудь подвиг. – Ваня со злой усмешкой похлопал по своему инвалидному креслу.

- «В птичьем царстве»?

- Даже не знаю, где такое. Может, в виду имелся курятник? Индюшачья ферма?

- Нет! Конечно, нет. Это... это же там, откуда я сейчас вернулась!

- Что? – В Машу впились большие светло-серые глаза. – Поясни!

- Там, в землях Золотой эры, все цари именуются птицами: Ворон, Перепел, Филин! Скворец, Неясыть, Соловей – все, все! Дошло? Это же значит, что судьи послали тебя к нам. Или к ним? Короче, туда, где сейчас Волохов, Аня и Николка!

В этот момент за окнами раздался нарастающий шум от множества хлопающих крыльев.

На середине лужайки Индрик, стоя на дыбах, молотил воздух высоко поднятыми передними копытами. А вокруг него кружили всё прибывающие лебеди. Десять, двадцать, сорок, сто птиц белым коконом обвивали белого единорога. От взмахов огромных крыльев трава приминалась, образуя гладко блестящий круг. А с качающихся деревьев срывались вихри лепестков и осыпались созревшие яблоки.

Птицы, садясь на землю, оборачивались высокими стройными девушками.

Бледные лица гордо возносились тонкими шеями. Светло-серые косы скользили по белым платьям до колен. Длинные, подбитые кружевами рукава скрывали кисти рук. А за спинами нервно подрагивали присложенные крылья.

Ребята, не заметно для себя, как-то оказались на лужайке. И заморожено замерли.

Когда все лебеди обернулись девушками, Индрик опустил на все четыре ноги. В наступившей полной тишине с неожиданным шумом упало последнее яблоко. Девушки расступились, пропуская единорога к Маше и Ване.

- Иван, Лебединые девы отнесут тебя туда, где сейчас Волохов.

- Я уже понял.

- Тем лучше. Доверься и ничего не бойся. Прощай, мой друг! Прощай за всё.

Ваня, не вникнув в то, что с ним прощаются – прощаются, скорее всего, насовсем! – даже не кивнул. Он выкатился вперёд, где две девы подхватили его под руки, подняли с кресла. И лишь когда захлопали сильные крылья, Ваня, очнувшись, закричал:

- Индрик! Дорогой Индрик! Прощай! И ты меня прощай!

За первыми, уносящими Ваню, завзлетали и следующие Лебединые девы. Когда почти половина уже поднялась в небо, Маша упала на колени и, скрестив на груди руки, закричала, пересиливая размашистый шум:

- Девы! Девы! Возьмите меня! Я тоже должна там быть! Тоже! Возьмите меня, пожалуйста... Я прошу вас, очень прошу, возьмите меня туда...

Маша кричала и шептала, а Лебединые девы всё взлетали, взлетали, взлетали. И тогда Индрик тоже припал на передние ноги и, просительно склонив голову, уткнулся рогом в землю.

И случилось чудо. Две последние девушки, невидимыми под платьями шагами подплыли-приблизились к Маше. Сильно, даже немного больно, подхватив её за руки у самых плеч, быстро вознесли над лужайкой.

Уже из слепящей золотом высоты еле слышно донеслось:

- Индрик! Я тебя никогда не забуду! Никогда!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ. Как и чем всё кончилось.

Сотня Лебединых дев летела сквозь облака. Беспросветные клубы пара временами стужались до серой темноты, а потом вновь рассеивались в сметанную белизну.

Пара, нёсшая Машу, замыкала вереницу, и потому изредка впереди в тумане можно было разглядеть мелькание крыльев. Из-за однообразных повторений серости и белизны, казалось, что девы-птицы просто зависли на одном месте. Однако вот они пошли на снижение. И через несколько минут оказались под облачным слоем.

Внизу расстилалось знакомое поле бывшего боя, недавно покинутое войсками. Чёрное покрывало Нави ещё только начинало выползать из Гремящей лощины, и Маша вновь ужаснулась виду исковерканной, избитой ногами и копытами земле, залитой кровью и обожженной пожарами.

Промчавшись по-над самым полем, девы приподнялись над тучей и повернули в направлении Мамонова ущелья. Над плоско клубящейся чернотой, с совсем редкими теперь и вялыми огневыми разрядами, каменными волнами величественно нависали голубые хребты Горской страны. Но происходящего на бывшем дне Поднебесного озера, отсюда разглядеть было невозможно.

В какой-то момент вереница Лебединых дев завернулась на круг. Маша и Ваня оказались рядом, вращаясь как на карусели. Только теперь Маша летела впереди.

А потом девы попарно стали нырять в черноту.

Первыми под покрывало Нави ушли несущие Ваню. Когда подошла очередь пары Машиной, некоторые из спустившихся ранее, уже вновь поднимались в чистое небо. И они меж собой держали окровавленных бледных воинов с закрытыми глазами. В ближайшем Маша узнала царя Перепела!

«Он же погиб... А-а-а! Это их понесут в Блаженный Ир, к Огню славы у западных корней Древа. Туда, где герои, отдавшие свои жизни в противоборстве со Злом, пением гимнов поддерживают неугасимость пламени», – от этой мысли Маше вдруг стало легко-легко на сердце. И грустно-радостно.

Под покрывалом тьмы кипела яростная битва.

Когда основные силы войск певчих земель вышли из Гремучей лощины и начали боевыми порядками разворачиваться на плоскогорье, они находили перед собой лишь усеянную мёртвыми телами своих товарищей каменистую пустошь. Врагов, даже убитых, нигде не было. Быстрым маршем пройдя к разгромленному лагерю, передовые отряды остановились перед насыпью и древесным завалом. Здесь молнии вспыхивали по-прежнему часто, густо кружили хлопья сажи. И всё также оставалось непонятным: кто этот неведомый враг, сумевший в считанные минуты разбить отряд в четыре с половиной тысячи опытных бойцов под руководством четырёх царей-победителей? Разбить, не оставив никого в живых.

Копейщики выстроились в шесть шеренг, непреодолимо оцетинившихся остриями наконечников в сторону Мамонова ущелья. Затянувшееся ожидание неизвестно кого или чего заливало глаза противным холодным потом, руки и ноги их сводили нервные судороги. Горький запах пепла сушил горла и раздражал дыхание. Но когда через засеку и оборонный вал с рыком стали напрыгивать здоровенные волки-оборотни, за которыми полезли разнообразные уроды-упыри, – вот тогда люди извели настоящий страх.

Но никто не побежал! Копейщики нанизывали нападающих, стоящие за их спинам арбалетчики усеивали стрелами, а меченосцы, сдвинув щиты, приготовились к сече.

Смятение началось, когда несколько вурдалаков прямо со скалы спрыгнули на стоявшую справа конницу. Лошади в панике стали сбрасывать всадников и топтать пеших. Волна отступления покатила дальше, сминая порядки ещё только подходивших полков.

А потом появились лярвы. Сжимаясь и разжимаясь, словно меха гармони, из расщелины удивительно быстро выползали гигантские гусеницы. Под их полупрозрачной кожей мутно переливались внутренние органы. Пальцы-щупальца передних ножек хватали человека и поднимали к, как бы, лицу с бессмысленно круглыми белыми глазами. Жадно чмокал рот-присоска, и несчастный мгновенно оказывался обескровленным. Ни копыя, ни стрелы, ни мечи даже не царапали их толстенную пупырчатую кожу. Лярвы ползли, хватали, высасывали, наливаясь изнутри красным цветом.

И люди побежали.

Воеводам удалось остановить отступавших только на середине плоскогорья. Под призыв труб и барабанные дробы, наскоро перестроенные войска выровняли линию обороны и начали оказывать сопротивление, довольно успешно отбив две атаки упырей и вурдалаков. Успешно, потому что в это время лярвам самим пришлось отползть назад в ущелье!

Когда силы Зла, сломив дух передовых отрядов, с радостными воплями и рёвом преследовали бегущих, со стороны девяти курганов им в спины беззвучно врезался ослепительно белый клин. Восемьдесят один царь и семьсот двадцать девять мужей в белых одеждах, когда-то, в двоенную эпоху, похороненные здесь, вернулись из светлого покоя. Они – предки-русалы – мёртвые для чувств, но живые для памяти, вернулись, чтобы соединиться со своими потомками в битве против истиной мертви. Короткие их копыя пронзали лярв, словно жидкий студень. И кровососы-гусеницы наперегонки поползли в назад в своё Подземье.

Без лярв только трёхметровое чудовище с птичьей головой, с покрытым перьями телом на когтистых ногах-лапах, ещё недавно бывшее царём Вороном, огромным топором продолжало безнаказанно убивать людей. Именно к нему и устремился Волохов, держа перед собой тяжёлый меч.

Они сошлись в понятливо расступившемся круге упырей и людей. Примеряясь, походили, выбирая мгновение для атаки. Ворон ударил первым. Крутанувшись, Волохов поднырнул под

топор, коротко выбросив перед собой меч. Однако лезвие лишь скользнуло по перьям. Упырь ударил ещё раз и снова промахнулся. Ещё раз. И ещё... Свирепея, он закрутил топором над головой с такой скоростью, что воздух засвистел как от винта вертолёта. И тогда Волохов, изловчившись, лишь вставил снизу в этот круг свой меч. Сразу обе руки Ворона, так и не отпустив топорщища, отлетели далеко в сторону. А потом упала и клювастая голова.

После гибели своего предводителя, нечисть с визгом бросилась врассыпную, гонимая воодушевлёнными воинами певчих стран. Только один тяжело дышащий Волохов оставался посреди груд тел поверженных людей, оборотней и упырей. Тут-то и раздался чей-то восхищённый вскрик:

- Лебединые девы! Лебединые девы!

Все – убежавшие и догонявшие – подняли головы и увидели спускающихся с неба прекрасных крылатых дев.

- Здравствуйте! – Ваня почти стоял напротив Волохова. Конечно же «почти», так как он, удерживаемый Лебедиными девами, только касался стопами земли.

- А, Ваньша! Так это тебя Индрик прислал? Что-то я его не понимаю. – Волохов шагнул к мальчику и, воткнув меч в землю, протянул руки. – Ну, здравствуй! Ты уже сам ходишь?

- Нет. – Ваня покраснел.

- Ладно, не дуйся. Понятно, что шутка неудачна. – Волохов, подхватив мальчика от дев, вдруг прижал к груди. И тихо прошептал. – А сейчас всё-таки пойдёшь.

И сильно сдавил. Что-то в Ваниной спине хрустнуло. От боли он на секунду потерял сознание. Да и когда пришёл в себя, в глазах ещё долго летали огромные искры, а голова кружилась до тошноты.

- Вот и всё. Мануальная терапия – мой конёк. – Волохов самодовольно улыбался. – Конечно, первое время без костылей не обойтись. Пока мышцы не проснутся и не окрепнут. Но стоять уже и сейчас можешь. На, обопрись пока.

И он поставил перед Ваней меч. Ваня, почувствовав, что его больше не держат, изо всех сил вцепился в литуую рукоять.

- Чего, спросишь, если так просто, то в деревне не помог? Так главное – не приём, а точное чувство. Не всё тогда было понятно. А тут как осенило: третий поясничный! И в точку! Сейчас бы на твоих дураков-профессоров посмотреть. Ох, я бы поохотал!

- А вот вы где! – Волохов и Ваня обернулись на радостный вскрик Маши.

- Машенька, душенька! – Волохов рассеяно пригладил её волосы. – Ты решила вернуться? Очень, очень хорошо! Побудь с Ванюшей, поболтайте тут, поразвлекайте друг дружку. А мне в бой нужно. Не то без меня всё зло победят, а у меня личные счёты остались.

И обмахиваясь шляпой, он поспешил вдогонку удаляющемуся шуму битвы.

- Действительно, со стороны взглянуть: какой-то чудака-лекарь, бродяга. – Ванины ноги подогнулись, он неловко присел, но рукояти меча не выпустил. – И кто догадается, что судьбы целых царств от него зависят?

Маша согласно вздохнула:

- Войдя в себя, выходишь ты другою... Я в последнее время такого навиделась, что чувствую – ничему теперь не удивлюсь. Столько узнала, столько пережила. Больше уже и не хочется. Ни-че-го не хочется.

Может, Ваня и ответил бы чем-то тоже философским и весьма мудрым, но в этот момент из-за валуна на них выползла прятавшаяся там лярва.

Не просто лярва.

Она и размером была в два раза больше других, и отличалась внешним видом: её голову покрывала отделанная мелкими перьями треуголка, из-под которой ниспадали иссиня-чёрные с проседью, длинные пряди. Несмотря на присоску вместо рта, на белесые бельма выпученных глаз, ребята сразу узнали одутловатое лицо Карла-Йозефа-Густава Меровинга, Чёрного принца Силезии! Но по всему телу лярвы отростками пучились ещё несколько головок, поменьше. В одной Маша узнала пирсинговое личико толковицы Улумверты, в другом – покрытого красным колпачком бородатого Баяна. Несколько самых мелких отросточков скалились мышинными мордочками.

Лярва вздыбилась, опершись на коготки-копытца сорока задних ножек, и жадно потянулась к детям шестью передними, растопыривая подрагивающие пальцы-щупальца.

- Подними меня. – Прошептал Ваня. Но, поняв, точнее – почувствовав, что Маша от страха впала в оцепенение, гневно прокричал:

- Подними же меня!!

Маша, послушно быстро подхватила его со спины под мышки, приподняла. И так, обняв, застыла. Только в голове промелькнула совершенно неуместная мысль: «Какой же он лёгкий».

Неожиданно Карл-Йозеф-Густав, превращённый призванной из Нави силой Зла в жуткое чудовище, еле разборчиво зашипел, забулькал пенящимся слюной круглым ртом:

- Какая волшшшебная встреееччка... Пропуссите меня, чччудесные создания...

Ваня, содрогнувшись всем своим телом – так, что Маша едва не разомкнула рук, выдернул Волоховский меч из земли.

- Какеее жжже вы мииилые... Пропуссите меня... в Нааавь...

Ваня с тихим стоном приподнял клинок:

- Нет. Я не позволю.

- Пропусситеее... в Нааавь...

- Нет! Я не позволю себе пропустить Зло!

Все головы Чёрного принца разом зашевелились, закорчились и пронзительно засвистели хором: «ссссееерть!» И лярва стремительно двинулась к ребятам.

Ваня вскинул меч над головой, и ... они с Машей упали! Завалились на спины.

И увидели, как перед ними вспыхнул свет такой яркости, что всё вокруг стало бело-фиолетовым, как при освещении сварочным огнём. Или, наверное, ядерным взрывом.

Словно в замедленной видеопрокрутке они увидели над собой разрывающееся покрывало тьмы Нави. И в круге очищенного неба скачущего на крылатом коне прекрасного Всадника. Не отрывая от губ золотого горна, Всадник метнул вниз тонкое копьё. Оно молнией ударило в чудовище. И испепелило. Без остатка. Только чёрное облачко отползло на сторону.

Маша и Ваня лежали и смотрели, как удаляется трубящий Всадник. Как над всем плоскогорьем тучи светлеют, легчают. Как из них на землю неспешно кружась, опускаются первые редкие снежинки.

Стало тихо. И спокойно. Снежинки, ласково касаясь лиц, таяли в крохотные, чуть пощипывающие щёки и губы капельки.

- Кто это был? – Наверное, Маша спрашивала саму себя. Но тут же услышала знакомый-презнакомый приятно низкий голосок:

- Победоносец. А ну, вставайте, пока спины не застудили.

- Бабушка?! Баба Паря!!

Ребята единовременно сели, вытаращив глаза на Параскеву Ильиничну.

- Чего так смотрите? Про Марфу речь, а она навстречь? Ничего особенного. Чую, совсем мои ребятишки запропали – знать, пора вмешаться. Этот Волохов ничегошеньки в воспитании не тямает. В войнуху ввязал, да ещё и бросил. Ну, я ему при встрече выскажу. Он, супостат, и за дружков своих ответит, что грядки вытоптали и баньку чуть не разнесли.

Маша и Ваня рты закрыли, но продолжали изумлёно следить, как баба Паря, незло ворча, подбирала Машины варежки, отряхивала Ванину сумку. И вдруг, прищурившись, пронзительно засвистела по-мальчишески в два пальца. И добавила:

- Сивка-бурка, вещая каурка, стань передо мной, как лист перед травой!

Потом опять, как ни в чём не бывало, обратилась к внучке:

- Ахи да охи не дадут подмоги. Сама вставай и Ваньшу поднимай.

Маша опять обхватила Ваню сзади под мышки, потянув, помогла приподняться. Баба Паря всунула ему в руку два обломка копья – «опирайся».

Вначале ребята увидели, как из-за кургана, высекая подковами из камней искры, галопом вылетел солнечно-рыжий конь. Потом послышался близящийся цокот копыт, и, наконец, они разглядели, что за длинную белую гриву держится ... Аня! А за Аню держится Николка!

- Сестрёнка! Братишка! Какими же вы стали большими! – Тоненькие Ванины ножки от напряжения тряслись, но он всё же устоял.

- Ваньша! Да ты ... здоров? – Николка вслед за Аней соскользнул со спины коня и тоже осторожно прикоснулся к брату. – Сам стоишь?!

- Как вы сбежали из Беловодья? Как вы смогли нас найти? – Подпрыгивала за их спинами Маша.

- Привет, подруга! – Обернулась и обняла её Аня. А конь вдруг ткнул Машу в ухо бархатными губами.

- Не бойся: это же наш милый Яр!

- Да, Яр! – Подхватил Николка. – А в Беловодье он был в виде огромного гуся.

- Здравствуй, Яр! Какой ты ... красивый!

Яр-конь опять мягко ткнулся в Машу.

- Ой, здарсьте... – Аня и Николка, наконец-то, разглядели бабу Парю. – А как вы здесь?.. Откуда?..

- Долгая то история, неспешности потребует.

- А если кратенько? По быстрому?

- Воробей поторопился, и невелик уродился. Ужо потом, да как-нибудь. А теперь, что ли, собираемся? Хорошо в гостях, а дома-то лучше.

- Баба, погоди. Я так по Яру соскучилась. – Маша разглаживала длинную гриву. – Пусть хоть тогда ребята расскажут, как они из Беловодья сбежали.

- Да без проблем! – Николка, гордый, что почти догнал брата по росту, помог Ване присесть. Привалилась рядом, важно подбоченился, как Стенька Разин на картине Сурикова. Откашлялся. Но форсу не удержал и затараторил:

- Третий-то хранитель нас опять заговаривал, что, мол, они умные, а за горой одни тупицы живут. Зато Четвёртым оказался... оказалась маска Волохова! Ты поняла? Сидит кукла – ну, вылитый Волохов, а нас не узнаёт. Мы с Анькой чуть с ума не сошли.

- Ты за других не выдумывай!

- Ладно, я чуть не сдвинулся. А потом появился гусь. Огромный, чего-то гогочет, шипит, вроде как зовёт. Меня вдруг стукнуло: «Яр, что ли ты»? Гусь кивает. И потопал. Мы за ним. Добрались до Западного притока. Он в воду. Мы за ним. Крылья растопырил, чтобы нас не видно было, и поплыл вниз, в главную реку. Она из Беловодья через тоннель вытекает. Снаружи не понять, одна воронка кипит. Мы за лапы уцепились и занырнули. Хорошо там, в тайных пещерах, воздух, как в пузырях. В нескольких местах удавалось дыхание перевести. А как в заповеделье выбрались, так Яр-гусь кувырк – и мигом конём обернулся.

- Ты пропустил, как он тебя перед этим пощипал! – Аня подмигнула, а Яр-конь фыркнул.

- Ай, ерунда. Я всего-то хотел одно пёрышко на память взять. Главное же, что на берегу наши свитера и шапки лежали. Сухие. Иначе тут под снегом мы б давно задубели.

Бабушка, рассеяно улыбающаяся Николкиной скороговорке, вдруг посерьёзнала, зябко передёрнула плечами:

- Действительно, прохладит. Вот что, давай, Ваньша, выказывай своё дарованье. Пора всё заканчивать, добрый конец – всему делу венец.

- Ваня, а какой он у тебя? Дар? – Маша, Аня и Николка почему-то переглянулись.

- Время отмотать. Каждому, кто из-за меня сюда попал, вернуться к началу.

Ребята опять тревожно переглянулись.

- Каждый из вас вернётся в тот момент, когда для него начались эти приключения.

- И...?

- И обо всём забудет.

Снег валил уже так густо, что в двух шагах ничего не виделось. Николка вскочил, заотряхивался:

- Совсем-совсем?

- Да.

- Всё-всё?

- Совершенно.

- А это как же? – В щёлке меж Николкиных ладоней укрывались от снега муравей с оставшимся одним крылышком, два мамонтовых волоска и гусиное пёрышко.

- Не знаю.

- Ты ещё о мушкетёрских сапогах заплачь. – Подначила братца Аня.
- Ага! Я бы поглядел на тебя, кабы ты своё колечко сберегла!
- Тихо, голуби! – Баба Паря смахнула с Аниной шапочки небольшой сугроб. – Вы на себя взгляните, во что вы тут выросли. Кому завтра замуж пора, а кем – замести со двора. О родителях-то подумайте: что с ними, пока вы тут куролесили, приключилось бы? Чьё б сердце разлуку да неизвестность о детях вынесло, если бы и там местное время пробежало?

- Помогите мне! – При помощи брата и сестры Ваня привстал. Сам, опираясь на палки, как на костыли, выпрямился. И торжественно звонко произнёс:

- Я это могу! Я это могу! Я это могу!

И тихонько позвал:

- Николка, подойди сюда.

- Погодите! Баба Паря, один вопросик можно? Последний.

- Скоренько. – Бабушка уже не улыбалась. – Да и, всё равно, позабудешь.

- И я о том же! Что, совсем всё из памяти изотрётся? И даже не приснится?

- Приснится.

- Ура! Так я согласен! – Николка вытянулся перед батом по стойке смирно. Ваня оглядел его наряд – опоясанную наборным ремнём медвежью епанчу, ботфорты. Но ничего не сказал. Просто положил правую ладонь на мокрый от тающих снежинок лоб.

И Николка исчез.

- Аня, подойди.

- Я тогда тоже имею право на один вопрос. – Аня медлила. – Что такого Волохов держал против Принца?

- Так его же оплошность. – Баба Паря осторожно, но твёрдо подтолкнула девочку к брату. – Волохов, будучи хранителем, прошляпил, когда через Западный гребень масочки сбежали. Вот и вышел ему урок: по всем мирам и царствам исправлять своё ротозейство.

Ваня положил правую ладонь на Анин лоб. И она тоже пропала.

- А кто такой Победоносец? – Маша сама встала напротив Вани.

- Многое вы, милые, повидали, многое вам довелось испытать. Да не всё. Есть на свете ещё кое-что дивное, да вам ноне запретное. Скажу так: Победоносец – тот, кто Злу предел держит. Кто в крайний момент нашу земную слабость небесной силой восполняет.

Маша подставила лоб и зажмурилась.

Когда Ваня и баба Паря остались вдвоём, она нарочито насупилась:

- Что, Пров, нарубил дров? Сколь же из-за твоего безрассудного любопытства они пострадали! Спрашивай своё, да закрываем лавочку.

- А с книгой как? Мы ж её всю собрали.

- Яр Волохову отнесёт. Они дружки потаённые, оба в долгах взаимных. Всё? Ну, давай, отлетай.

- Нет, подожди! Мой-то личный вопрос. А как я? Как с моими ногами? Опять не смогу ходить?

- Ваньша. Ты ж, вроде, у нас парнишка головастый, а иной раз, ну, такую глупость разведёшь! Ты же вернёшься в ту пору, когда книгу не читал. Так? Так. Значит, Волохов просто придёт за ней и просто тебя вылечит. Без всяких Навий, Явий и Блаженных Иров. А уж я тебе больше ни единой буковки не подсажу! Не выпросишь. Берегись бед, пока их нет.

Ваня приложил руку к своему лбу. И Параскева Ильинична осталась одна.

Снегопад проредел, обнажая осветлённые просторы. Приподнялось разряженное небо, расширилось плоскогорье. Вокруг не осталось и следа от битвы. Только чистое бескрайне белое поле, посреди которого стояла – нет, не маленькая худенькая старушка из Берендеевки! – Средину ослепительной белизны венчала та, которую всякий, кто помнит мудрые и спокойно любящие глаза своей бабушки, назвал бы Праматерью.

Эпилог.

Маша зачерпнула кружкой. Мелкими глоточками медленно выпила холодную, какую-то удивительно сладко-вкусную воду. Мало. Она опять зачерпнула и, выпрямляясь, подмигнула своему качающемуся отражению: «Спасибо»! В ответ серебристо сверкнули несколько поднявшихся из глубины пузырьков.

Осторожно прихлопнув тяжеленную, обросшую мхом крышку колодца, Маша оглянулась: где же бабушка? и Фрол Лаврентьевич?

А вокруг накатами шумела листва, где-то швейной машинкой простукивал больные деревья дятел. Над синими медуницами важно жужжали шмели. Муравьи цепочкой ползли по черёмуховому стволу к пастбищам своих коров – выделяющим сладкий сок тлям. Белая и красная бабочки наперегонки обирали нектар с придорожных колокольчиков.

И лес стоял такой насквозь светлый и ласково радостный, каким он бывает только в самом начале лета.

- Хорошо. – Улыбнулась лесу Маша. – Как хорошо, что начались каникулы!

Ага, вот и слышались чьи-то шаги. И из-за доцветающей мелкими белыми цветками рябины вывернула лошадь, запряжённая в телегу с резиновыми, как у автомобиля, колёсами. Фрол Лаврентьевич и баба Паря о чём-то тихо беседовали.

Каникулы начались! Каникулы!

Приложение.

Книга Словеней памяти.

Когда Бегучая звезда указала спасение Миру, народ Рода покинул свои дома на Вислень-реке. Он уходил от нахлынувших с Полуденных краёв сынов Волчицы и братьев Кабана, которые не просто шли воевать или торговать, а оскорбляли священные места кровавыми жертвоприношениями своим многочисленным богам. С пришельцами можно было ссориться или дружить, но осквернённая земля переставала плодить. Посевы не всходили, звери вымирали, рыба плыла вверх брюхом. Деды сели на Круг. Долго зывали они к покровителю Роду. И вот их духи были впущены к Родову трону для вразумления. Великий Род повелел своему народу искать новых чистых земель. На Закате плотно стояли волохи, на Севере множились германы. И лишь на Восток был проход свободен. Тогда между двумя вождями, равными по силе, уму и красоте – Словеном и Деляной – произошёл спор. В результате они разделили народ, и повели каждый свою половину туда, куда звали их сердца.

Люди Словена двинулись севернее, и нашли суровую, но прекрасную в своей чистоте пустошь возле Ильмы-моря.

Люди Деляны взяли южнее, и поздней осенью вышли на высокий берег Око-реки.

Люди Словена познали робких и малолюдных соседей – Чудь. Поэтому, вольно поставив на пустошах городища и веси, они нетрудно отбили нападки приплывавших по Ильму-мору круглолицых скандов, и триста лет прожили в заветной старинке. Они охотничали и рыбарили, вели огороды и сеяли жито. Над могилами вождей они насыпали курганы и приносили на них жертвы Роду. И хранил Род словен от переменностей Роком.

А люди Деляны решили ждать зимы, чтобы перейти Око-реку по льду. Но они остановились на уже крепко занятой земле, и вскоре против них вышли многочисленные воины. Деляна сказал вождю Хозяев речных берегов: «Мы пройдем мимо, дайте нам время». Но вождь ответил: «Там впереди только болота, за которыми Каменный пояс. Вы всё равно вернётесь. Так

что лучше воевать сейчас». Деляна сказал: «Мы были в долгом пути и устали. Я не хочу гибели своих мужей. Давай сойдёмся один на один, а остальные подчинятся суду богов – Судьбе». Они стали биться на топорах, но Деляна ослабел за путь и скоро пал смертью. Тогда победитель объявил: «Впереди жилой земли нет. Оставайтесь здесь, но забудьте ваше имя и имя вашего бога. Отныне вы, как и мы – Мерь, и Кугу-Юмо – вам бог!»

Триста лет словене не слышали ни слова о покинутой прародине. Но вот солнце запропало, и земля начала остывать – это в горах Эладимов разверстое подземье обожгло кожу неба серой. Семьдесят лет беспросветное небо смурело пеплом, ледяные дожди сменялись колючими снегами, мёрзлые реки останавливались и густели болотами. Тогда-то и явились вестники с праотчины. Они вещали о страшных морах, бесконечном голоде и упырях, что шли по пятам за ними. И ещё они несли пророчества и сновидения, от которых тоска захватывала даже самых беспечных. Ибо из небытия Нави на землю стали возвращаться нечистые пращуры.

Деда сели на круг и призвали в совет светлых предков – русалов. День и ночь не сменялись местами, пока длилась встреча живых и мёртвых сородичей. И вот совет принял решение: раз земля нечиста под укывшимся небом и наполняется мертвью, надо передать жизнь на сохранность воде. Пусть молодое семя Рода будет водимо провидением по рекам и озёрам, не заводя на берегах домов и жён, доколе не исцелится небо, и не вернётся к земле желание жить. И пусть на своих путях молодое семя Рода будет несмиримо пред злом и станет небытием для небытия. И взяли деда клятву с русалов на всех путях брани с нечистью пребывать с молодыми словенами в воинском союзе неразрывно.

И назвали тот союз – Русь.

Вышли деда к людям Родовым, объявив решённое, возгласив имена вещих князьёв, дабы знали те с русалами и приносили им жертвы за своих дружинников. За то отроки величали бы их своими дядьями. И стали первыми в Руси князи Финист и Ушкуй.

Заголосили мамы, запричитали бабы: в городищах и весях словенских так рыдали, что даже чудьцы соседние всплакнули. Ибо вывел каждый отец из своего дома неженатого сына и поставил пред вещими князьями. В знак забвения о земле молодым обрили головы, оставя клочок на темени – память о крови. Каждому отроку дано было в промышление по два малых копья, по тяжкому щиту, да по луку с травлёнными стрелами. И ушли они на стругах: которые с дядькой Финистом – те на юг по Ловати до Серези, а далее волоком в Торопу, другие, с Ушкуем – на север через Волхов в Ладож и озеро Нево.

Год за годом с половодья до заморозков гребла и ветрила Русь по водам, достигая неведомых краёв. В ледоставы дружинники насакали деревьев и наваливали из них непроходимые круговые преграды-сечи. Чтобы по весне вновь ожить свободой, и плыть, плыть, плыть, исполняя клятву непримиримости к встречному злу.

Вытекают из озёр малые реки и собираются в большие, а те в великие, пока не изолются в моря. Через болота и горы, леса и степи, словно жилочки, прорезают реки тело земное. Прорезают, но и воссоединяют его притоками в единые страны-узелки промеж водораздельных границ.

Где-то в тёплых и некогда сытных краях шли войны, где-то творились обиды, и в поисках мира метались народы, селясь по холодным лесам – где устроились поляне, где древляне, где полочане. В иных местах осели дреговичи, северяне и бужане-волыняне. И каждый народ приносил обычаи и законы отцов своих, вводил свои нравы. Не было в те времена иных путей, кроме рек – заселялись люди на берегах. Так вили они гнёзда – кто по берегам Западной Двины и Припяти, кто вдоль Днепра и Днестра, на Буге и на Верхней Волге. А дружинная Русь соколами летала меж всеми, вбирая в себя младших сыновей из домов племён дружественных, отбивая подступы и зоря враждебных.

Из озёр текут реки малые, сходятся они в великие и изливаются в моря-океаны. Гонят по морям-океанам ветры волны в полнеба, и бьются вдоль-по берегам горы водные с горами каменными. Не просто дружинам на ладьях и стругах бороздить пути за земными пределами. Но и в морях полёт речной Руси не осекался.

Налетала Русь на моря северные, до самых до Ледяных полей. Обходя норвегов и самоедов, заплывала в Обдорию – и, поднимаясь под Айтай-горы, на Томи нарекала камни и речки родными именами.

Налетала Русь в моря южные – как в Азовое и Чёрное, так и в Каспий. Где на зимовье меж забегами в Персидские земли прятали её реки Аргун и Сунжа, Терек и Сулак. А Второй Рим волей-неволей завязался с ней до самой своей кончины, отписав Руси наследие, коему равного не бывать до последнего захода солнца.

Те же, кто питался, охотясь и пашенствуя, укреплялись городами-острогами. Но за племенами Рода выдвинулись в холодные леса и их обидчики – волхи с запада, козары с юга, болгары с востока. Набегали они на жильё, жгли-зорили, брали рабов и клали дань. Да чинили глумление над богами.

В ту пору словенами завладели заплывающие с Севера морские враги-варяги. И словенами, и чудью, и мерью, и весью с кривичами. Данью варяги обкладывали невеликой – «по горностаю и белке от дыма», но викинги – вожди варягов – вечно меж собой дрались и за дань ответного мира народам не несли, от внешних врагов не спасали, внутренние споры не судили. Да и злодействовали над слабыми. Тогда-то и провели совет племена словен и чудь. Порешили упросить Русь прогнать заморских поборцев, а самой княжить – судя и защищая.

Славно побились руссы с викингами. Не осталось ни одной самохвальной песни-драпы у норвегов и сведов о тех боях. Но увлеклась победами Русь, вышла далеко в море и осела на острове Буяне-Рогене, ища военной добычи аж до самых Счастливых островов. Князья Руси стали жить на манер самих викингов – завели себе хоромы, жён с чадами, рабов и слуг. Речные же берега городов и селений Родовых оставили без обещанной опеки.

Так опять словене остались неуправны. И вновь начались распри меж семьями, свары с соседями. Стало доходить и до пролития братской крови. Но пока горячее головы винили друг друга, холодные послали лодку на остров Буян к славному силой и великому умом князю Рюрику. Повезли послы словенские письмо с поклоном и напоминанием о древней клятве-союзе. Ибо земля наша опять стала плодить, наполняться довольством и пристало время возвращать ей русскую жизнь.

Рюрик клятву вспомнил. И, не долго мешкая, приплыл в Ладогу-город со своей дружиной и семьёй. Дал своих посадников Белоозеру и Изборску. И начал мечом замирать вздорных и баламутных.

Но крепко чтит Рюрик своего бога Перуна-сокола. И привёз его идол, и поставил в Ладоге, поя тёплой кровью. Что не нравилось чудским волхвам, кланявшимся Велесу-змею. В протест своё капище они вынесли на Волхов-реку и зачали там Ново-город. Велес тот помогал им богатеть, а не побеждать в битвах. И в жертву себе требовал не крови, но денег. Так в споре за власть сошлись булат и злато.

Попытались, было, новгородские велесеи избавиться и от самого князя-перунита, строя ему всяческие козни. Тогда он силой вошёл в их город и перенёс туда свой престол. Главные смутьяны убежали за край земли, в Киев. Где проживали данники козарам.

После смерти Рюрика остался его сын Игорь. Но из-за Игорева малолетства предводительствовал Руси сродник Рюрика Олег Вещий. Олег силой посадил в Смоленске и Любече своих наместников. Потом взял Киев, покорила древлян, северян, радимичей, воевал с угличами и тиверцами. Он бил козар, болгар, греков. Это Олег первым стал призывать в помощь Руси дружины от иных племён, делаясь с ними добычей, как с союзниками. Он победил Византию и прибил на ворота Царь-града свой щит, взяв в поход тринадцать родов на двух тысячах кораблях.

Игорь женился на Ольге, и у них родился Святослав. Святослав был неугомонен и не мог трёх дней прожить на одном месте. Стремительными набегами он подчинил вятичей, окончательно добил Хазарский каганат и завоевал Прикавказье. Он в два похода завладел Болгарией и там установил центр своему делу.

Ольга же одна правила в Киеве. Великомудрая, там она душой приняла истинную веру. А потом в Византии и телом крестилась во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Тогда уже многие из Руси познали Пресвятую Троицу, молились Иисусу Христу. Но это были те, чья жизнь и так была жертвенна: первыми христианство принимали воины, долг и честь коих в том и состояли, чтобы умирать за других. А вот смерды-землепашцы, и, особенно, гости-купцы дичились новой веры, не обещавшей им никакого земного богатства. Корыстолюбцам проще и понятней представлялось задабривать или запугивать старых идолов, радуясь выпрошенной сытости и достатку.

Уходя в Болгарию насовсем, Святослав расставил сыновей своих править по удельным городам. Оставленные при том разделе без внимания, словене в третий раз напомни Руси о изначальной клятве: «держати княжение честно и грозно, без обиды». И получили себе в князя Новгородом совсем малого внука Ольгиного Владимира. Но был при юном княжиче его дядька Добрыня. Добрыня и вырастил из Владимира славного мужа – мудрого правителя и храброго воина. С той поры ни ятвяги, ни ляхи не помышляли о набегах на словен.

Однако Владимиру предстояли великие дела. Пусть при Игоре впервые греки признали Русь не дружинным союзом, а страной, но по-настоящему в своём имени Русская земля укрепилась под Владимиром. После смерти в междоусобице старших братьев, он встал на великокняжеский престол в Киеве. Этим-то и воспользовались новгородские купцы, вновь возведя в главные боги Ильменя сребролюбивого Велеса. Владимир, было, вернул первенство Перуна-громовержца силою, но для него самого тогда уже наступила пора терзаний. Далёкий провидец разуверился в язычестве. Много народов сходилась под его власть, и всяк нёс своего бога. Эти дряхлеющие родовые боги истлевали в сварах, а из-за них ссорились и люди. Да и не мог он не знать того, что уже открылось его бабушке Ольге и многим дружинникам Руси – есть единый Бог. Пред Которым остальные суть лишь ангелы или демоны.

Перед князем лежало распутье: жить ли вновьявленной Русской земле по примеру Рима Первого – языческого? Или же Рима Второго – христианского? Присоединяя народы, складывать ли их богов, божков и демонов бесконечно – или же отправить всех скопом в Навь? Но ведь даже и в единого Бога разные сильные государи вокруг верили по-разному.

Видя душевные метания Владимира, предлагали князю свою веру магометане и иудеи, римляне и греки. Сложно, страшно, трудно было решаться.

И славен Бог! Русский князь избрал для Русской земли Православие!

После крещения Киева, настал черёд Новгорода. Однако там Русь не была столь сильна, и в который раз там поклонение наживе не желало отступать добровольно. Зачем новгородцам была вера, не дающая мзды? Поэтому, когда они узнали, что едет Добрыня крестить народ, то поклялись не пускать его в город и не давать своих идолов на ниспровержение. Они разобрали мост и встали с оружием. Добрыня уговаривал их лаской, но против него кричал волхв Соловей-Богомил. Народ разделился, не зная кого слушать. Епископ Иоаким со священниками на одной половине города уже крестили желающих, а с другой стороны тысяцкий Угоняй поджёг дом Добрыни, убил его жену и родных. Потом велеситы разорили церковь и стали грабить христиан.

Тогда Владимиров тысяцкий Путята, тайно в ночь проник в стан врага и, схватив Угоняя, отправил на суд к Добрыне. Однако сам Путята с малой дружиной оказался в окружении. Храбро христиане рубились мечами, но, всё одно, если б не подоспел к рассвету Добрыня, им бы не устоять. Добрыня поджог береговые склады с товарами, и жадные язычники не стали драться за идолов, а побежали спасать свой скарб.

Так и смирились.

КОНЕЦ